

- Глава девятая. Сумерки Сталинской эры (1945—1953)
- Репатриация
- Повстанческое движение
- Холодная война вовне и внутри
- От войны к миру
- Лагерная империя
- Кризис режима
- Смерть Сталина
- Глава десятая. Годы растерянности и надежд (1953 — 1964)
- Первый «триумвират»
- XX съезд КПСС
- Кровавая осень пятьдесят шестого
- Из опыта улучшения советской системы
- Сосуществование и экспансия
- Два главных «брата»
- Ракеты на Кубе
- У истоков духовного возрождения
- Новочеркасский расстрел (июнь 1962)
- Падение Хрущева
- Глава одиннадцатая. Эпоха реального социализма (1965—1980)
- Коллективное руководство
- Партия жаждет спокойствия
- Нарушители спокойствия
- Весна в Праге
- «Разрядка» и «детант»
- На пути к Хельсинки
- Обыкновенный социализм
- Хельсинки — Кабул
- Конец «брежневского времени»
- Глава двенадцатая. После Брежнева
- От председателя КГБ к генсеку
- Дисциплина — мать порядка
- Со школьной скамьи — в Афганистан
- Мир — это война
- Последнее каррэ
- Заключение

Книга вторая. Мировая империя

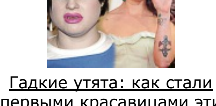
Глава девятая. Сумерки Сталинской эры (1945—1953)

Репатриация

Война окончилась. Потянулись на восток из Германии, Австрии, Чехословакии, Венгрии, Польши, Болгарии эшелоны с демобилизованными советскими воинами. На станциях и полустанках встречали их с цветами, в кое-как сохраненных, а часто латанных праздничных одеждах. Лихо отплясывали на станционных платформах, растягивали меха трофейных аккордеонов и гармоней вчерашние победители Берлина и Будапешта.

И еще шли другие эшелоны, закрытые, с зарешеченными оконцами, и в них тоже возвращались советские солдаты, но из плотно запертых вагонов для скота не доносилось звуков гармони или песен. Никто не встречал этих воинов на станциях, полустанках и городских вокзалах. Тянулись эшелоны день и ночь, пришвартовывались корабли к пустынным пристаням и по сходням под усиленным конвоем сходили на родную землю советские военнослужащие — бывшие узники нацистских концлагерей. Сходили на советскую землю и те, кто вольно или невольно, но оказывал помощь немцам, служил им. Доставили тех, кто вообще в послереволюционной России не жил, но был посчитан английскими, американскими и французскими союзниками СССР за советских граждан и передан советским властям на расправу, не на суд.

К концу войны на территории Германии и других стран Европы находилось более 5 млн.



советских граждан, включая оставшихся в живых военнопленных, рабочих и крестьян, вывезенных на работы в рейх, и тех, кто ушел из Советского Союза при отступлении немцев.

Согласно соглашению, подписанному в Ялте, репатриации подлежали те советские граждане, которые желали возвратиться на родину. Но предусматривалась и насильственная репатриация. Она распространялась на всех, кто был взят в плен в немецкой военной форме, кто состоял в советских вооруженных силах после 22 июня 1941 года и соответственно не был уволен из них, кто на основании достоверных свидетельств сотрудничал с врагом.

Практически эта договоренность превратилась в насильственную репатриацию всех без разбора, включая даже несоветских граждан.

Намерение советского правительства получить назад своих подданных, оказавшихся на западе во время войны, независимо от их желания, было предупредительно встречено английским правительством, а затем и правительством США. Советское правительство было озабочено тем, чтобы не только не допустить создания на западе новой политической эмиграции из Советского Союза, но и ликвидировать или разложить старую эмиграцию.

Насильственная репатриация началась вскоре после окончания войны и закончилась в основном в 1947 году. Часть бывших советских пленных, доставленных на английских судах в Мурманск и Одессу, расстреливались войсками НКВД тут же в доках. Среди насильственно репатриируемых было немало попыток самоубийства. Офицеры советских миссий по репатриации не скрывали от своих коллег — английских офицеров, что многим уготована смерть по возвращению в СССР.

Английские власти передали советским белоэмигрантов, никогда не являвшихся гражданами СССР. Даже видавшие виды офицеры НКВД, принимавшие репатриированных, не ожидали такого подарка со стороны англичан. Министр государственной безопасности СССР Меркулов говорил об англичанах: «Они и не знают, что мы их заперли на шахматной доске в угол и теперь заставили их плясать под нашу дудку, как последнюю пешку».

Во французской столице, Париже, НКВД вело почти открытую охоту за советскими гражданами, которые не желали возвратиться в СССР. В лагере Борегар, где держали репатриируемых, советские власти вели себя так же, как в концлагерях на советской территории. Лишь спустя два года после окончания войны, в 1947 году, под воздействием французской общественности, полиция совершила рейд на Борегар и обнаружила там склады оружия. После этого лагерь был закрыт.

Всего было репатриировано в СССР при помощи английских и американских властей 2 272 000 советских и «приравненных» к ним граждан. Какова была их судьба? Подавляющее их число было обвинено в измене. Они не были судимы индивидуально, приговоры выносились «тройками». 20% из числа возвратившихся в СССР получили смертный приговор или 25 лет пребывания в лагерях; 15-20% были осуждены на срок от 5 до 10 лет; 10% были сосланы в отдаленные районы Сибири, где пробыли не менее 6 лет; 15% были посланы на принудительные работы по восстановлению разрушенных войной районов; только 15-20% получили разрешение возвратиться домой. Из оставшихся 15-20% часть была, вероятно, уничтожена или умерла при транспортировке, другая же часть бежала.

Союзные правительства знали, что многие из насильственно репатриируемых обречены на смерть, но это их мало заботило. Они руководствовались прагматическими расчетами, надеясь заручиться сотрудничеством СССР в послевоенном мире.

Насильственная репатриация английскими и американскими властями уроженцев Российской империи, а не только граждан Советского Союза, запугала многих советских граждан, желавших поселиться на Западе.

Уже после окончания войны союзная военная администрация возвращала советским властям военнослужащих Красной армии, бежавших в западные зоны оккупации Германии. Но несмотря на все препоны за первые четыре послевоенных года бежали на запад от 13 до 14 тысяч советских граждан. Только в 1951 году Соединенные Штаты официально изменили свою политику и гарантировали право убежища для беженцев из СССР.

Советские власти никогда не публиковали официальные данные о количестве людей, бежавших из СССР после войны. В отдельных случаях советская пропаганда объявляла бежавших шпионами и наймитами империалистов. Мало кого эти несчастные интересовали. Ужасы гитлеровских лагерей, в которых во время второй мировой войны было уничтожено до 11 млн., человек вызвали такую волну справедливого гнева, что о жертвах другого тоталитарного режима, победителя в войне, никто всерьез и думать не хотел.

Помимо советских военнопленных или приравненных к ним в Европе после окончания войны оказалось еще 3 200 тыс. советских граждан. Почти все они возвратились или были возвращены в Советский Союз. Согласно официальному сообщению Центрального управления по делам репатриации на 1 января 1953 года в Советский Союз возвратилось 5 457 856 советских граждан. К этому же времени из Советского Союза было репатриировано 4 059 736 иностранных граждан, оказавшихся на территории Советского Союза, включая военнопленных побежденных государств.

Повстанческое движение

Война окончилась, но не для всех. На территории Западной Украины и в Прибалтике продолжалось повстанческое движение против советской власти. Оно было вызвано стремлением к обретению независимости и советской политикой «чисток» в 1939—1941 годах, коллективизацией и опасностью новой депортации.

В 1939 году после присоединения к Украинской ССР областей Западной Украины была

проведена чистка. Все враждебные советской власти, или сочтенные за таковых, были арестованы и депортированы в восточные районы страны. Часть из них была расстреляна. Украинские и польские организации и учреждения были закрыты. В то же время все школы были полностью украинизированы. Легальные украинские партии прекратили свое существование. Греческую католическую (униатскую) церковь в 1939—1941 году власть не трогала, но священникам были выданы паспорта со специальной пометкой, а церкви были обложены большим налогом.

При отступлении Красной армии в 1941 году были произведены массовые аресты среди западно-украинского населения. В большинстве тюрем войска НКВД расстреливали заключенных, чей срок превышал 3 года. В некоторых городах НКВД жгло тюрьмы вместе с заключенными. Согласно украинским источникам было расстреляно около 10 тысяч заключенных во Львове, Золочеве, Ровно, Дубно, Луцке и других городах.

Во время кратковременного советского периода 1939—1941 гг. сохранилась довольно мощная подпольная организация ОУН (Организация украинских националистов). После прихода немцев на Украину лидеры ОУН пытались создать независимые украинские правительства во Львове и в Киеве, но немцы разогнали правительства, а лидеров отправили в тюрьму. Украинские националисты хотели сотрудничать с немцами, вступали в эсэсовские части (дивизия СС «Галичина») и другие, воевали против Красной армии, помогали немецким оккупантам вылавливать коммунистов, охотились на евреев. Убедившись, однако, что немецкие власти меньше всего помышляют о создании независимого украинского государства, ОУН объявило войну на два фронта: «против Сталина и против Гитлера». Однако основные усилия их вооруженной борьбы были по-прежнему направлены против Красной армии.

В июле 1944 г. в связи со вступлением Красной армии в Западную Украину ОУН образовало Украинский Верховный Совет освобождения. Командующим Украинской повстанческой армии (УПА) стал лидер ОУН Роман Шухович под именем генерала Тараса Чупринка (он же «Тур»).

Лидеры ОУН надеялись на взаимное ослабление Германии и СССР и на то, что Англия и особенно Черчилль будут активно противодействовать СССР установить свое господство в Европе. На повестке дня стоял вопрос о всенародном восстании, поддержанном другими народами на занятой Красной армией территории. Но это была чистая фантазия. ОУН вынуждена была ограничиться военными операциями своими собственными силами. Главной задачей была защита западно-украинского населения от угрозы новой волны террора и массовой депортации. Население западных областей Украины поддерживало УПА, что позволило ей вести вооруженную борьбу в течение ряда лет уже после окончания Второй мировой войны.

При вступлении Красной армии на территорию Западной Украины советское командование и правительство УССР призвали повстанцев сложить оружие, обещая им амнистию. Однако обращение не дало видимых результатов. В течение 1944—1947 годов было шесть такого рода обращений с продлением срока амнистии. В 1945 году основные сельскохозяйственные районы Западной Украины, глубинка, контролировались повстанцами. В феврале 1946 года население Западной Украины в большинстве своем бойкотировало первые послевоенные выборы в Верховный Совет, хотя в официальных сообщениях утверждалось, как обычно, что население единодушно голосовало «за».

Программа ОУН претерпела в ходе вооруженной борьбы существенные изменения. В 1950 году ОУН выступило за полную ликвидацию колхозов, но против возвращения помещиков и капиталистов, за свободную передачу земли в собственность крестьянам на основе семейного землевладения. ОУН провозгласила также свободу политических и общественных организаций. По утверждению украинских источников идеология ОУН развилась постепенно в сторону либеральной демократии.

Помимо ведения вооруженной борьбы, повстанцы распространяли листовки, совершали специальные пропагандистские рейды в Словакию и в восточную часть Украины, в Белоруссию и даже в Румынию. Расправляясь беспощадно с попавшими в их руки офицерами и солдатами войск НКВД, с советскими и партийными активистами, повстанцы иногда отпускали на свободу солдат регулярных частей, снабжая их продовольствием и пропагандистской литературой. Но такие случаи были немногочисленны. Жестокость с обеих сторон была обычным явлением.

Район действия УПА распространялся на территорию Украины, Польши (за линией Керзона) и Чехословакию (словацкие горы).

После поражения Германии отряды УПА были разделены на мелкие подразделения, которые действовали также и в восточной части Украины. Советские источники не дают никаких сведений о силах повстанцев. Согласно польским источникам, только на территории Польши, непосредственно прилегающей к советской границе, действовало до 6 тысяч повстанцев.

Украинские источники утверждают, будто силы УПА достигли осенью 1944 года, то есть к моменту вступления советских войск на территорию Западной Украины, 20 тыс. человек. О размахе повстанческого движения свидетельствует помощь местного населения повстанцам и соглашение от мая 1947 года между СССР, Польшей и Чехословакией о совместной борьбе с украинским повстанческим движением. Разумеется, это движение именовалось «бандами».

В июне 1945 года для борьбы с повстанцами были брошены 3 польских дивизии, но без особого успеха.

Для того чтобы лишить повстанцев их естественных баз, польское правительство переселило украинское население в северо-западную часть Польши. Польские источники отмечают, что украинское повстанческое движение было ликвидировано лишь после физического уничтожения повстанцев и переселения украинского населения.

Голод на Украине в 1947—48 годах заставил десятки тысяч крестьян из Восточной Украины уйти в Западную, где они становились резервом повстанческого движения.

Украины уйти в Западную, где они становились резервом повстанческого движения.

Против повстанцев были использованы всевозможные меры борьбы: боевые операции войск, массовая депортация в Сибирь и переселение целых деревень из районов, контролируемых повстанцами, в восточные области Украины, коллективизация, посылка учителей из восточной Украины в западную для перевоспитания населения, запрещение униатской церкви.

Об этом следует сказать отдельно. После смерти западно-украинского митрополита Щептицкого в ноябре 1944 года, униатской церкви было предложено объединиться с православной. Началась интенсивная кампания в печати против униатов. Непокорного нового митрополита Слипого и его епископов арестовали и осудили за сотрудничество с нацистами во время оккупации. Постепенно, используя разнообразные методы, включая убийство епископа Закарпатья Ромши в 1951 году, униатская церковь была фактически ликвидирована и прекратила свое легальное существование.

Это было серьезным ударом для западно-украинских националистов, но не смертельным. О живучести повстанческого движения в Западной Украине свидетельствует приказ украинского министра внутренних дел Рясного за № 312 от 30 декабря 1949 года. Министр вновь объявил амнистию тем, кто добровольно сложит оружие. Для характеристики социального состава повстанцев интересно упоминание в приказе среди прочих категорий «бандитов» молодежи, сбежавшей с заводов, донецких шахт и ремесленных училищ.

Вооруженная борьба в уже незначительных масштабах продолжалась всю первую половину 50-х годов.

В 1946—1950 годах из Западной Украины было депортировано, арестовано и сослано до 300 тыс. человек, включая лиц, сотрудничавших с немцами, бывших эсэсовцев из «Галичины». Среди них были преступники, принимавшие участие в убийствах и массовом уничтожении еврейского населения Украины. Но большинство депортированных были крестьянами, неповинными в преступлениях. В Западной Украине была проведена коллективизация и усиленная индустриализация, что повлекло за собой переселение специалистов из восточной части Украины, русского населения из России. Состав населения изменился, и повстанческое движение угасло. Лидеры ОУН либо погибли во время вооруженной борьбы (Шухевич), либо были схвачены и казнены (Охримович). Для того, чтобы раз и навсегда покончить с ОУН, советскими агентами были убиты в Западной Германии лидеры ОУН Лев Ребет (1957) и Степан Бандера (1959).

Таким образом закончился период вооруженной борьбы украинских националистов. Наступил новый период сопротивления: мирной борьбы украинской интеллигенции за право иметь свою культуру.

Холодная война вовне и внутри

В результате войны международное положение Советского Союза коренным образом изменилось. Советские войска находились в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе, Северо-Восточном Китае, на Курильских островах и на Сахалине.

Союзники СССР по антигитлеровской коалиции молчаливо согласились с происшедшими изменениями, ибо были бессильны помешать этому. Неготовность к миру привела их к крупнейшему политическому поражению на мировой арене, не имевшему прецедента в прошлом. В орбиту советского влияния вошли теперь Финляндия, Польша, Чехословакия, Румыния, Болгария, Венгрия. Серьезным влиянием Советский Союз пользовался на Балканах — в Югославии и Албании. Советские гарнизоны стояли в Вене и в Берлине.

Повсеместно в Европе наступал коммунизм. Шла гражданская война в Греции. Все большее влияние на внутриполитическое положение Италии и Франции оказывали местные коммунистические партии.

На огромных пространствах Азии — в Китае, Индокитае, Корее, в Бирме, на Филиппинах, в Индонезии, в Индии развернулось мощное движение за независимость. В Китае шла гражданская война с явным перевесом в пользу китайских коммунистов.

Никогда еще в истории Советский Союз не пользовался такой огромной популярностью на Востоке, как немедленно после окончания Второй мировой войны.

Все, казалось, благоприятствовало усилению позиций СССР. Из шести великих держав западного мира сохранили свое положение две: Великобритания, хотя и с изрядно пошатнувшейся мощью, переживавшая распад колониальной империи и вступившая в период кардинального изменения ее мирового положения, и Соединенные Штаты Америки, вышедшие из войны небывало мощными.

США ощутили во время Второй мировой войны в полной мере взаимозависимость с Европой. Желая помочь европейским странам поскорее выбраться из периода послевоенной хозяйственной разрухи и тем предотвратить дрейф в сторону коммунизма, Соединенные Штаты предложили европейским странам свою помощь в реконструкции — план Маршалла. Американские лидеры объявили также о своем намерении противостоять дальнейшему распространению коммунизма (доктрина Трумэна).

Правительство США предложило Советскому Союзу и другим европейским странам принять участие в плане реконструкции и восстановления Европы, однако СССР и под его нажимом другие восточноевропейские государства отказались от американского предложения.

Руководство Советского Союза было озабочено отнюдь не объединением усилий всех пострадавших от войны стран для скорейшего восстановления экономики мира, а созданием своей собственной, независимой от запада политико-экономической сферы, центром которой был бы Советский Союз, окруженный странами-сателлитами. Экономика этих стран в ближайшие послевоенные годы все больше подчинялись советской экономике с тенденцией превращения в ее придаток.

Другим источником восстановления и усиления экономической мощи СССР должны были

Другим источником восстановления и усиления экономической мощи СССР должны были послужить репарации, выплачиваемые побежденными странами, а также промышленное оборудование, включая целые заводские комплексы, вывезенные Советским Союзом с территории побежденных стран в качестве военной добычи. Однако значительной частью вывезенного оборудования советская промышленность не смогла воспользоваться из-за бесхозяйственности. Ценнейшее оборудование превратилось постепенно в железный лом.

В 1947 году были подписаны мирные договоры с побежденными государствами. Советский Союз пытался получить под свою опеку бывшую итальянскую колонию Ливию, что вызвало большие волнения на Западе. Стремление утвердиться на Ближнем Востоке и в Африке привело СССР к признанию государства Израиль, возникшему в 1948 году. Однако первая политико-дипломатическая попытка Советского Союза утвердиться на Ближнем Востоке и в Африке была отбита западными державами, и Советский Союз сконцентрировал свое внимание на Восточной Европе.

Политика СССР по превращению освободившихся от немецко-фашистской оккупации государств Восточной Европы в своих сателлитов была очень простой, даже примитивной, но действенной. Опираясь на советские дивизии, контролировавшие территорию восточноевропейских государств, коммунистические партии этих стран — на первом этапе участники коалиций демократических антифашистских партий — совершили государственные перевороты и взяли власть в свои руки. Механика захвата власти коммунистическими партиями была с небольшими различиями одной и той же. В течение первых трех-четырех послевоенных лет оформился блок коммунистических государств Восточной и Юго-Восточной Европы. Государства назвали себя народно-демократическими. Возникла мировая социалистическая система. В октябре 1949 года было провозглашено создание Германской Демократической Республики. В том же году китайские коммунисты одержали победу в многолетней гражданской войне и провозгласили создание Китайской Народной Республики. Это событие не было большой радостью для Сталина, как ошибочно полагали на Западе. Государственный секретарь Дин Раек заявил, например, что Китай становится отныне славянским Манчжоу-Го, т. е. советской колонией. Такого рода поверхностные суждения, основанные на оценке политики государств по принципу общей идеологии, были характерны для того времени и для обеих сторон.

Вместо раздираемого гражданской войной разделенного Китая на границах СССР появилось огромное централизованное китайское государство с населением, превосходящим население СССР более чем в три раза. Желая подчеркнуть, что СССР является старшим братом и Сталин «главнее» Мао Цзедуна в международном рабочем движении, Сталин во время визита Мао Цзедуна в Москву в 1950 году заставил его несколько дней ожидать приема. Но, с другой стороны, победа коммунистического Китая была для Сталина доказательством правильности одного из постулатов ленинизма — о постепенном сужении сферы мира капитализма.

Вновь образованные социалистические государства хотели быть независимыми. Некоторые их руководители пытались уклониться от подчинения приказам из Москвы и от действий исключительно в интересах Советского Союза. Взбунтовался популярный лидер югославских коммунистов Иосип Броз Тито, казалось бы, самый надежный союзник Сталина. Он был втайне поддержан бывшим генеральным секретарем Коминтерна Георгием Димитровым. Угроза Сталина уничтожить Тито и даже официальное отлучение еретика и исключение Коммунистической партии Югославии из Коминформа, нового международного объединения коммунистических партий, пришедшего в 1947 году на смену распущенному в 1943 году Коминтерну, не сломили югославов. Распад социалистической системы, начался одновременно с ее возникновением. Это было явлением кардинального исторического значения. Оказалось, что вся система так называемого социалистического лагеря является на деле не добровольным объединением государств однотипного общественного строя и общей идеологии, а принудительным конгломератом тоталитарных государств социалистического типа.

Известное высказывание В. И. Ленина: «Мы хотим добровольного союза наций, — такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой, — такого союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии», — звучало спустя четверть столетия явной насмешкой.

*** * ***

5 марта 1946 года бывший глава английского военного кабинета Уинстон Черчилль выступил с речью в американском городе Фултоне в присутствии президента Трумэна. Черчилль констатировал главный непреложный факт — железный занавес опустился от Балтики и до Адриатического моря. Речь Черчилля символизировала начало «холодной войны» между бывшими победителями. В мире началась бешеная гонка вооружений, на первый план выдвинулась опасность атомной войны. Каждая из сторон хотела обеспечить свое военное преимущество, и тем самым проблема ограничения вооружений или запрещения использования атомного оружия была загнана в тупик и заблокирована всевозможными «непреодолимыми» политическими и техническими трудностями.

Советский Союз мобилизовал огромные средства для создания атомной и водородной бомб и очень быстро сравнялся в этом с Соединенными Штатами Америки.

Гонка вооружений, раскол во мнениях почти по каждому серьезному вопросу международных отношений, все усиливающаяся антиамериканская кампания в СССР и соответствующая кампания антисоветской и антикоммунистической истерии в Соединенных Штатах основательно отравили атмосферу международных отношений, создали крайне напряженную и опасную ситуацию, чреватую военными конфликтами.

В апреле 1949 года был создан Североатлантический союз (НАТО) — военно-политический блок, в который вошли США, Англия, Франция, Италия, Канада, Бельгия, Голландия, Португалия, Дания, Норвегия, Исландия, Люксембург. В 1952 году в НАТО вступили Греция и Турция, а в 1955 году ФРГ.

Создание НАТО было в значительной степени результатом военных угроз СССР по отношению к Турции и Ирану.

отношению к Турции и Ирану.

Вскоре после войны Советский Союз начал кампанию против Турции за пересмотр Конвенции о Проливах, заключенной в Монтре, и за присоединение к Советской Армении и Грузии земель, отошедших к ней в результате первой мировой войны. Началось нагнетание военной истерии в Армении и Грузии.

В Иране Советский Союз отказывался вывести свои войска, введенные в Иранский Азербайджан по соглашению с Англией в августе 1941 года для предотвращения германской угрозы Ирану. Советский Союз поддерживал сепаратистов в северном Иране, поднявших восстание против центрального правительства.

В Европе советское правительство спровоцировало кризис вокруг Берлина, пытаясь, вопреки международным соглашениям, прекратить доступ западных держав в Берлин. Однако США установили «воздушный мост», сорвали блокаду Берлина и принудили Советский Союз к отступлению.

Во всех перечисленных выше случаях дело, однако, не дошло до открытого военного столкновения между СССР и США. Обе стороны были достаточно разумны, чтобы не доводить дела до «горячей войны», хотя по временам казалось, что мир висит на волоске.

Особенно опасное положение создалось во время Берлинского кризиса, а затем во время Корейской войны.

Одним из результатов поражения Японии было освобождение Кореи от японской оккупации, в которой она находилась с 1910 года. Корея чуть было не стала свободной страной. Но по соглашению между США и СССР граница военных действий на Дальнем Востоке проходила по 38-й параллели, делившей Корею на две части — Северную и Южную. Советский Союз отвел в 1945 году свои войска из Кореи, предварительно установив там власть покорного ему правительства корейских коммунистов во главе с Ким Ир Сеном. На севере была образована Корейская Народно-Демократическая республика. На юге образовалось проамериканское правительство Ли Сын Мана и была провозглашена Корейская республика. Как то, так и другое корейские правительства претендовали на право представлять корейский народ в целом.

На 38-й параллели непрестанно происходили вооруженные столкновения, которые вылились в конце концов в войну между Северной и Южной Кореей.

Война была развязана Северной Кореей 25 июня 1950 года.

Советская историография до сего времени продолжает утверждать, будто войну начала Южная Корея. Однако к широко известным в мире фактам начала войны прибавилось несколько лет тому назад свидетельство Н. С. Хрущева. Вот что он рассказал:

Война была начата по инициативе главы северо-корейского правительства Ким Ир Сена и была поддержана Сталиным и Мао Цзедуном. В конце 1949 года Ким Ир Сен прибыл в Москву с предложением начать войну против Южной Кореи. Он утверждал, будто достаточно лишь начать военные действия, как на юге произойдет восстание и будет установлена народная (т. е. коммунистическая. — Авт.) власть. Сталин колебался, так как опасался вмешательства США. В конце концов Сталин предложил Ким Ир Сену еще раз обдумать ситуацию и возвратиться затем в Москву с конкретным планом. «Естественно, — говорит Хрущев, — Сталин не мог быть против этой идеи. Тем более это находило отклик в его убеждениях коммуниста, так как война должна была бы быть внутренним делом самих корейцев. Северные корейцы хотели протянуть руку помощи своим братьям, изнывающим под игом Ли Сын Мана... Сталин, конечно, не пытался разубедить Ким Ир Сена». Дальнейшие высказывания Хрущева чрезвычайно важны для понимания образа мыслей советских руководителей, претендующих на то, что они защищают мир во всем мире. «По моему мнению, — продолжает Хрущев, — ни один подлинный коммунист не стал бы разубеждать Ким Ир Сена от его непреодолимого желания освободить Южную Корею от Ли Сын Мана и от реакционного американского влияния. Сделать это означало бы вступить в противоречие с коммунистическим мировоззрением (курс. — Авт.). Я не осуждаю Сталина за его поощрение Кима. Наоборот, я принял бы то же самое решение, если был бы на его месте».

Сталин запросил мнение Мао Цзедуна. Китайский лидер одобрил предложение Ким Ир Сена. На ближней даче Сталина советские лидеры отпраздновали вместе с Ким Ир Сеном начало предприятия. Советское оружие и военная техника потекли в Северную Корею. Около Пхеньяна разместились части советской военной авиации.

Вот как описывает Хрущев дальнейшие события. Назначенный час настал и война началась. Северокорейские войска быстро продвигались на юг. Но, с печалью отмечает Хрущев, внутреннего восстания на юге, которое обещал Ким Ир Сен, не произошло. Почему? «Не было достаточно внутренних сил для коммунистического восстания в Южной Корее. По-видимому, партия провела недостаточную подготовительную организационную работу (!). Ким был уверен, что Южная Корея охвачена партийными организациями и что народ восстанет, когда партия подаст сигнал. Но этого не произошло». С точки зрения Хрущева нападение Северной Кореи было оправдано, так как «это не было войной одного народа против другого, а классовой войной».

27 июня 1950 года Совет Безопасности собрался для обсуждения положения, создавшегося в результате вторжения северо-корейских войск в Южную Корею. На повестке дня стоял вопрос об осуждении агрессии и о помощи Корейской республике (Южной Корее). Странным образом советский делегат не явился на заседание Совета Безопасности будто бы в знак протеста, что место Китая занимает гоминдановец. Советский Союз пренебрег своим правом наложить «вето» на резолюцию Совета Безопасности и тем самым позволил Совету Безопасности принять рекомендацию всем членам ООН оказать помощь Южной Корее, «какая может быть необходима для того, чтобы отразить вооруженное нападение и восстановить международный мир и безопасность в этом районе». Позднее СССР объявил резолюцию Совета Безопасности незаконной. Сталин был уверен в том, что наступление, предпринятое Северной Кореей в сочетании с коммунистическим восстанием на юге Кореи приведут к полной победе до всякого вооруженного вмешательства. Но здесь он просчитался. ООН послала войска из

вежкого вооруженного вмешательства. Но здесь он просчитался. ООН послала войска из Японии, и началась кровопролитная трехлетняя война.

Сначала война шла с явным перевесом в пользу Северной Кореи, войска которой достигли к середине сентября Пусана далеко на юге. Наступление северян было приостановлено высадившимся 50-тысячным десантом войск ООН. Китай послал свои дивизии на помощь Северной Корее. В конце ноября 1950 года началось успешное наступление южан и американцев под командованием победителя Японии генерала Д. Макартура. Китайские и северокорейские силы были отброшены к 38-й параллели.

Советский Союз, который санкционировал начало войны Северной Кореей, снабжал ее оружием и всеми видами помощи, оказался в сложном положении. В Корее находились советские военные советники. В северо-восточные провинции Китая было переброшено несколько советских авиадивизий. В советском официальном издании сообщается, что «на случай ухудшения обстановки СССР готовится отправить в Корею пять дивизий для оказания КНДР помощи в отражении американской агрессии». На деле же, когда северокорейские войска оказались отрезанными на юге, Сталин распорядился немедленно отозвать всех советских советников из-за опасения, что они могут попасть в плен и дать тем самым свидетельство военного участия СССР в войне.

Ситуация в Корее была спасена благодаря вмешательству Китая, одобренного Сталиным.

Наступление южнокорейцев и американцев выдохлось. Им пришлось отступить за 38-ю параллель. 30 ноября 1950 года президент Трумэн пригрозил применить атомную бомбу. Возникла реальная опасность военной конфронтации СССР и США, которая вероятно повела бы к третьей мировой войне. Обе стороны почувствовали, что зарвались. В результате линия фронта к середине 1951 года стабилизировалась, однако очаг войны погашен не был.

От войны к миру

Сколько было населения в СССР к концу Второй мировой войны? Официальная статистика не сообщает никаких данных на 1945 год. Но имеются сведения на начало 1950 года: 178,5 млн. населения, то есть на 15,6 млн. меньше, чем было до войны. (Конец 1939 г. — 194,1 млн.)

После войны начал снижаться уровень рождаемости. В 50-х годах он составлял 25 (на 1000), а до войны 31. В 60-е же годы произошло еще большее снижение. Падение рождаемости в первые послевоенные годы было связано с гибелью целых возрастных групп мужчин. Но позднее в действие вступили неблагоприятные экономические и социальные факторы; низкая заработная плата, острый жилищный кризис, вовлечение все большего числа женщин в производство и прочее.

В 1971—1972 годах на 1000 женщин в возрасте 15-49 лет приходилось в два раза меньше детей, родившихся за год, чем в 1938—1939 годах. В первые послевоенные годы существенно ниже довоенной была также численность населения СССР в трудоспособном возрасте.

Хозяйство страны, особенно на территории, подвергшейся оккупации, было основательно подорвано. Концентрация усилий на военном производстве, необходимая для достижения победы, привела к значительному оскудению ресурсов населения и к снижению производства товаров народного потребления. Во время войны резко сократилось и до того незначительное строительство жилья, в то время как жилищный фонд страны был частично разрушен.

Переходный период от войны к миру был в СССР довольно кратким. 4 сентября 1945 года был упразднен Государственный Комитет Обороны и его функции были переданы Совнаркому СССР. Произошла реорганизация в ведомствах промышленности вооружений: от выпуска танков и артиллерийских систем переключились на производство тракторов и транспортных средств.

Экономика в местностях, разоренных войной, нуждалась в значительных капиталовложениях. По советским официальным данным, было полностью или частично разрушено 1710 городов и городских поселков, более 70 тысяч сел и деревень, около 32 тысяч промышленных предприятий, 65 тысяч км железнодорожных путей. 25 млн. человек лишились крова. По плану четвертой пятилетки 40% капитальных вложений (115 млрд. рублей) было выделено для восстановления разрушенного или пострадавшего от войны хозяйства.

Восстановление нормальной жизни в стране происходило в сложных условиях обнищания населения, голода на юге страны и повстанческого движения на присоединенных к СССР землях.

Осенью 1947 года были установлены единые цены на продукты вместо существовавших ранее раздельных карточных и коммерческих цен. В результате стоимость основных продуктов питания существенно возросла для большинства городского населения. Цена на 1 кг черного хлеба увеличилась с 1 до 3,40 рублей, на 1 кг. мяса — с 14 до 30 рублей, на 1 кг сахара — с 5.50 до 15 рублей, на сливочное масло — с 28 до 66 рублей, на молоко — с 2.50 до 8 рублей. СССР был одной из первых стран, отменивших введенную во время войны карточную систему.

Для низкооплачиваемых категорий рабочих и служащих одновременно с установлением единых государственных цен была введена «хлебная надбавка» до 110 рублей в месяц (в старом исчислении) в виде увеличения зарплаты для тех, кто зарабатывал меньше 900 рублей в месяц. Минимальная заработная плата в то время составляла 300 рублей. Средняя заработная плата равнялась 475 рублей в месяц в 1946 году и 550 рублей в 1947 году.

В годы войны и в первые послевоенные годы резко усилилась инфляция в связи с обесцениванием рубля, нехваткой товаров и продовольствия, а также из-за нескольких

обесцениванием рубля, нехваткой товаров и продовольствия, а также из-за нескольких существенно разнившихся уровней цен.

В конце 1947 года была проведена денежная реформа — деноминация. Старые банкноты были обменены на новые в соотношении 10:1. Держатели вкладов в сберегательных кассах получали переоцененные деньги на более льготных условиях, чем те, кто сохранял деньги дома. От реформы пострадали главным образом жители сельскохозяйственных районов и частично спекулянты, не успевшие реализовать огромные суммы, оказавшиеся у них на руках. Денежная реформа, несомненно, оказала на экономику страны оздоровляющее влияние.

Хотя развитие военной экономики во время войны дало толчок отдельным отраслям производства: авиационной и автотракторной (танковой) промышленности, производству специальных сортов стали, созданию новой нефтяной базы на востоке страны, — в целом промышленное производство в стране переживало трудности.

В конце войны производство металла было приблизительно на уровне 1933—1935 годов, производство тракторов на уровне 1930 года. В связи с переводом экономики страны на мирные рельсы объем валовой продукции составлял 92% от довоенного уровня. Но уже в 1948 году промышленное производство было на 18% выше довоенного и продолжало расти.

К исходу Второй мировой войны СССР обладал огромными вооруженными силами — свыше 11 млн. человек. После мобилизации армия сократилась более чем в три раза. Однако уже в 1948 году под ружьем было 2 874 тыс. человек, а еще спустя семь лет армия удвоилась.

Советский Союз спешил изготовить атомную бомбу, чтобы не допустить создания перевеса в мире в пользу единственного обладателя атомного оружия — Соединенных Штатов Америки.

На изготовление атомной бомбы были мобилизованы лучшие советские и сочувствующие коммунизму иностранные ученые. Советская разведка приступила к массовой вербовке агентов для добычи любой информации, касающейся атомной энергии. Появилось несколько специализированных институтов, закрытых городков и полигонов, создано специальное министерство среднего машиностроения, фактически министерство строительства и использования атомной энергии.

В 1949 году было официально объявлено о наличии у СССР атомной бомбы, а в 1953 году — водородной. Сталин мог чувствовать себя вполне удовлетворенным: Советский Союз превратился в атомную державу.

В 1950 году Советский Союз начал первый послевоенный этап гонки вооружений. Прямые военные расходы накануне смерти Сталина составили в 1952 году почти четверть всего годового бюджета.

Восстановление народного хозяйства в области тяжелой промышленности было закончено в целом в конце 1950 года. Значительно возросло, по сравнению с довоенным, производство стали, проката и нефти. Были построены новые металлургические предприятия в Прибалтике, в Закавказье, в Средней Азии и в Казахстане.

Производство товаров народного потребления к концу 4-й пятилетки так и не достигло довоенного уровня. Население по-прежнему страдало от нехватки товаров первой необходимости, острого жилищного кризиса. В то же время огромные средства вкладывались в строительство дворцов-небоскребов в Москве, монументов, призванных увековечить эпоху Сталина. Советское правительство щедрой рукой раздавало подарки своим восточноевропейским сателлитам в виде зданий университетов, институтов, госпиталей и прочего.

Значительные средства были вложены государством в развитие здравоохранения в стране. В городах улучшилось амбулаторное лечение, но в больницах положение было очень плохим — не хватало коек, обслуживающего персонала, необходимых медикаментов. Медицинский персонал: врачи, сестры, не говоря уже о технических работниках, — оставались одной из самых низкооплачиваемых категорий.

Дальнейшее развитие народного хозяйства страны упиралось, как и прежде, в органическую порочность системы советского социализма. Все вопросы экономики, большие и малые, решались в центре. Инициатива местных хозяйственных органов была ограничена до предела. Планы и необходимые материальные фонды для их выполнения «спускались» сверху. В Москве заранее определялся план для каждого предприятия, часто без правильного учета специфических особенностей. Заводы-изготовители находились в постоянной зависимости от своевременной подачи сырья и получения деталей от смежников. Транспорт не справлялся с перевозками. Абсурдность централизованного управления приводила к тому, что коммуникации между поставщиками, производителями и смежниками растягивались на тысячи километров. Нередко с Дальнего Востока везли в центральные районы страны сырье, которое находилось под боком, но принадлежало другому ведомству. Бесхозяйственность и неразбериха порождали простои на производстве, штурмовщину и вели к огромным материальным издержкам.

Сосредоточение всех решений в центре привело к разбуханию центрального бюрократического аппарата. Появилось множество ненужных центральных инспекций. Предприятия изнывали под напором комиссий, обследовании и расследований. Огромная армия «толкачей», то есть специальных уполномоченных предприятий по доставанию сырья, добыче дефицитных материалов, моторов и прочего наводнила заводы, фабрики, министерства. Взяточничество стало обычной формой деловых отношений.

Власть пыталась бороться с коррупцией, но была бессильна справиться с этим злом, ибо коррупция стала неотъемлемой частью системы.

Другой частью системы стала «показуха», то есть заведомое введение в заблуждение вышестоящих инстанций относительно выполнения плана, состояния производства и так далее. Руководители предприятий часто боялись сказать правду о положении на

производстве и предпочитали слать победные реляции о выполнении и перевыполнении планов, росте производительности труда, шли на всевозможные ухищрения, лишь бы не попасть в число «отстающих». Поэтому официальные статистические данные следует воспринимать с большой осторожностью, многие из них, как позднее было официально установлено, были просто недостоверными.

Ложь стала образом жизни. Врали все — снизу доверху и сверху донизу. Предприятия обманывали министерства. Райкомы вводили в заблуждение обкомы партии, те, в свою очередь, ЦК, ЦК же, и особенно его лидеры, лгали народу, самим себе, всему прогрессивному и регрессивному человечеству.

В 50-е годы начались работы по сооружению гидроэнергетических узлов по Днепру и Волге. В 1952 году был выстроен руками заключенных Волго-Донской канал, протяженностью в 101 км, соединивший в одну систему Белое, Балтийское, Каспийское, Азовское и Черное моря.

Каналы, предприятия, гидротехнические сооружения, местные «моря» создавались, как правило, без учета влияния искусственного изменения природных условий на окружающую среду. В результате бассейны рек оказались на значительном протяжении отравлены ядовитыми отходами производства. Вымирала речная фауна. Рыбное хозяйство по Волге, ее притокам, которым Россия издавна славилась, захирело. Во многих местах оказались под водой лесные угодья, пашни, произошло заболачивание почвы вокруг. Так случилось, например, в районе «Рыбинского моря», во многих других местах. Попытки ученых, местных властей, населения остановить это беспощадное уничтожение природных ресурсов ни к чему не приводили: планы, утвержденные союзным правительством, не подлежали изменению.

После войны много раз производились внутриведомственные административные реформы, менялись характер и функции планирующих органов, но существенных изменений эти меры в планирование и руководство экономической жизнью страны не внесли. 15 марта 1946 года народные комиссары стали министрами. Этим как бы подчеркивалась возросшая роль государства, давно уже не зависящего от воли народа. По указанию Сталина во многих министерствах была введена форма для служащих. Теперь не только военные, милиция, государственная безопасность и железнодорожные служащие, но и водники, дипломаты, связисты, работники суда и прокуратуры стали носить форму. Повсеместно были введены гражданские звания — разных рангов и классов.

О глубокой реакции, воцарившейся в стране, свидетельствовало принятие в 1947 году закона о запрещении брака советских граждан с иностранцами.

Террор 30-х годов подорвал основную ячейку общества — семью. Идеологический раскол, система доносительства расшатали и без того непрочные после революции семейные устои в городах. В деревне же семья распадалась под влиянием принудительной коллективизации, обнищания и бегства в города.

Гибель значительной части мужского населения страны во время войны создала для миллионов семей тяжелую, часто катастрофическую ситуацию. Появилась многочисленная категория вдовых семей и матерей-одиночек.

Действовавшее до и во время войны законодательство о семье с его несложной процедурой развода, разрешением на аборт в случае медицинской необходимости (закон 1936 года о запрещении абортов содержал эту оговорку), отражавшее марксистскую концепцию равенства полов и свободной любви, также сыграло немалую роль в развитии советского общества на его ранней стадии. Само по себе советское законодательство о семье 20-х и 30-х годов, признававшее в качестве принципиальной основы полное равенство между мужчиной и женщиной, несомненно, имело прогрессивный характер. Но, провозгласив равенство мужчины и женщины во всем, включая производство, и открыв женщине теоретически доступ к любой профессии и любым должностям, государство не обеспечило необходимых экономических и социальных условий, подкрепляющих равенство полов.

На женщину легли двойные обязанности: материальная поддержка семьи и заботы о самой семье и о воспитании детей. Хотя государство и взяло на себя, особенно в крупных промышленных центрах, часть заботы о детях, создав сеть яслей и детских садов, но их было далеко недостаточно. Спасал в некоторой мере институт «бабушек».

В конце войны советское государство возвращается к старой, «буржуазной» концепции: семья — первоначальная ячейка общества. Сталин догадался, что прочная семья значительно облегчает задачу управления народом. Доктрина нерегистрированных браков и свободной любви в корне противоречила задачам и практике советского социалистического государства с его политикой ограничения передвижения и контроля над жизнью граждан посредством паспортной системы.

В 1944 году был издан новый закон о семье. Отныне государство признавало только зарегистрированные браки. Вновь возродилось понятие незаконнорожденных детей. Формально их так не называли, но в свидетельстве о рождении, в графе «отец» ставился прочерк. Процедура разводов значительно усложнилась. Развод перестал быть актом желания лишь одной из сторон. Требовалось согласие обеих сторон. За развод нужно было уплатить государству довольно существенную сумму.

Государство подчеркнуло ответственность семьи за воспитание детей в коммунистическом (т. е. конформистском) духе.

Закон 1944 года имел также своей долговременной целью увеличение народонаселения страны. Аборты были запрещены. Матери-одиночки получили пособия от государства. Были введены специальные правительственные награды для многодетных матерей.

Законодательство о семье 1944 года отражало социальные сдвиги, происходившие в стране. Завершалось формирование современного советского общества с его конформистской моралью и внутренним стремлением к успокоению после многих лет страданий и испытаний. Если первое послереволюционное поколение хотело вырваться из

страданий и испытаний. Если первое послереволюционное поколение хотело вырваться из узких рамок «старого быта», то остатки поколений 20-х и 30-х годов мечтали об устойчивой семейной жизни, возможно о возврате к мифическому «старому доброму времени». Но здесь возникло серьезное противоречие между намерением государства и стремлением граждан. Семья — изначальная ячейка государства-общества — могла также и противостоять ему. Для многих семья стала укрытием и защитой от «всевидящего ока» партии и от «всеслышащих» ушей государства.

Продолжало оставаться в силе введенное еще во время войны разделение школ в городах по принципу пола. Раздельное обучение мальчиков и девочек имело глубоко отрицательные психологические последствия. Школьников одели в мундирчики и в фуражки, напоминающие форму, которую носили гимназисты в царское время. Говорят, что был проект введения формы для работников Академии наук, но не успели договориться о количестве звезд на погонах академиков...

Форма, надетая на служащих и школьников, стала как бы обрамлением советского общества позднесталинского времени.

*** * ***

В 1947 году значительную часть европейской территории страны постиг голод. Он возник после сильной засухи, охватившей основные сельскохозяйственные житницы европейской части СССР: значительную часть Украины, Молдавию, Нижнее Поволжье, центральные районы России, Крым. В предшествующие годы государство подчистую забирало урожай в счет государственных поставок, не оставляя иногда даже семенного фонда. Неурожай случился в ряде областей, подвергшихся немецкой оккупации, то есть многажды ограбленных и чужими и своими. В результате не было никаких запасов продовольствия, чтобы пережить тяжелое время. Советское же государство требовало от дочиста ограбленных крестьян все новые и новые миллионы пудов зерна. Например, в 1946 году, в год сильнейшей засухи, украинские колхозники должны были сдать государству 400 млн. пудов (7,2 млн. тонн) зерна. Эта цифра, как и большинство других плановых заданий, произвольно была установлена и никак не соотносилась с действительными возможностями украинского сельского хозяйства.

Отчаявшиеся крестьяне слали письма украинскому правительству в Киев и союзному в Москву, умоляя прийти им на помощь и спасти от голодной смерти. Хрущев, который был в то время первым секретарем ЦК КП (б) У после долгих и мучительных колебаний (он опасался быть обвиненным в саботаже и потерять свое место) все же послал письмо Сталину, в котором просил разрешить временно ввести карточную систему и сохранить продовольствие для снабжения сельскохозяйственного населения. Сталин в ответной телеграмме грубо отверг просьбу украинского правительства. Теперь украинских крестьян ожидали голод и смерть. Народ начал умирать тысячами. Появились случаи каннибализма. Хрущев приводит в своих мемуарах письмо к нему секретаря Одесского областного комитета партии А. И. Кириченко, посетившего в зиму 1946—1947 года один из колхозов. Вот, что он сообщал: «Я увидел ужасную сцену. Женщина положила трупик своего

собственного ребенка на стол и разрезала его на куски. Она безумолчно говорила, когда это делала: «Мы уже съели Манечку. Теперь мы засолим Ваничку. Это поддержит нас некоторое время». Можете Вы себе это представить? Женщина сошла с ума на почве голода и разрубила своих собственных детей на куски!» Голод бушевал на Украине.

Однако Сталин и его ближайшие помощники не желали считаться с фактами. На Украину был послан беспощадный Каганович в качестве первого секретаря ЦК КП (б) У, а Хрущев временно впал в немилость, был перемещен на пост Председателя Совнаркома Украины. Но никакие перемещения не могли спасти положения: голод продолжался, и он унес около миллиона человеческих жизней.

*** * ***

Вскоре после окончания войны в Прибалтике, в западных областях Украины, Белоруссии и в Молдавии были приняты энергичные меры по унификации всей хозяйственной и политической жизни этих областей наподобие остальных частей Советского Союза. Унификация проводилась путем сочетания различных методов: депортации, аграрной реформы, «раскулачивания» и коллективизации, иммиграции нового населения.

Прежде всего была проведена новая депортация «политически неблагонадежных» и «классово-чуждых» элементов. В деревне происходила конфискация собственности зажиточных владельцев и, на первом этапе, распределение земли между безземельными крестьянами. Но очень скоро, начиная с 1947 года, началась коллективизация, встреченная крестьянским населением враждебно. Например, через два года после начала коллективизации, летом 1949 года, несмотря на меры принуждения и нажима, депортацию и запугивание, 30% крестьянских дворов в Эстонии оставались индивидуальными владениями.

Быстро окончился период аграрной реформы в Латвии. Следуя традиции, партия, как написано в официальной истории Латвийской ССР, «перешла от политики ограничения кулачества к его ликвидации как класса. Создавая колхозы, крестьяне постановляли не принимать в них кулаков». Как полагается, появились и вредители... «Активных вредителей, — читаем мы дальше, — предавали суду, других кулаков высылали за пределы республики (т. е. в Сибирь. — Авт.), а их земельные участки присоединяли к землям колхозов». Массовые аресты в Прибалтике не миновали даже депутатов Верховных Советов. В Литве, когда один из арестованных воскликнул: «Я же депутат!», офицер МВД спокойно ответил: «Ничего, ничего, в Сибири депутаты тоже нужны...»

Авторы учебника *«История СССР. Эпоха социализма»* (изд. 3-е, Москва, 1974 г.) пишут: «ЦК ВКП (б) постановлением от 21 мая 1947 г. о колхозном строительстве в Прибалтийских республиках предупредил местные органы, что в этом важном деле не следует проявлять никакой торопливости, и рекомендовал создавать колхозы на основе полной добровольности... и на базе современной машинной техники, вокруг хорошо оснащенных МТС. Важную роль в подготовке коллективизации сыграли простейшие формы кооперирования крестьян».

А вот что было написано в *«Истории Латвийской ССР»*, изданной в 1958 году: не было попыток «использовать уже существовавшие формы сельскохозяйственной кооперации... как исходную базу. Широкая сеть сельскохозяйственной кооперации, охватывавшая три четверти крестьянских хозяйств, была ликвидирована... Коллективизация основной массы крестьянства была проведена весной 1949 года форсированными темпами, доходившими в ряде случаев до нарушения принципа добровольности».

Как видим, разница между двумя версиями колоссальная. Первая просто фальсифицирует события, вторая дает понять читателю, что на самом деле произошло. В первом случае даже упоминания нет, что принудительная коллективизация явилась причиной вооруженной борьбы в латвийской деревне, вслед за которой последовали массовые репрессии — «...Советская власть вынуждена была изолировать часть кулаков и другие враждебные элементы».

Вооруженное сопротивление насильственной коллективизации продолжалось, например, в Литве еще не один год. VII съезд компартии Литвы (сентябрь 1952 года) уделил большое внимание борьбе против «бандитского подполья буржуазных националистов», против пережитков буржуазной националистической идеологии и религиозных предрассудков...

Коллективизация встретила вооруженный отпор и на территории западных областей Белоруссии.

В первые пять лет после войны в Прибалтике была проведена широкая индустриализация на базе реконструкции старой и создания новой энергетической системы. Спустя три года после окончания войны уровень индустриального развития в прибалтийских республиках был выше предвоенного. Объем промышленной продукции Эстонии (сланцево-химическая промышленность, машиностроение и прочее) увеличился в 1950 году по сравнению с довоенным уровнем более чем в 3,4 раза. Количество рабочих и служащих в Прибалтике возросло в 1950 году по сравнению с 1940 годом на 40%.

В Латвии довоенный уровень промышленности был превзойден в 1950 году в три раза, в Литве за тот же период в два раза.

Превращение прибалтийских государств в индустриальные разрушало старую социальную структуру. Менялся быстро, особенно в более промышленно развитых Эстонии и Латвии, этнический состав населения. В городах селились русские и украинцы. Их назначали на ответственные должности. В портах Прибалтики появилось много военных моряков. Главная стратегическая цель советского руководства заключалась в изменении соотношения национального состава населения в Прибалтике и создания там прочной опоры из числа не-прибалтов.

Этнические группы в Прибалтике жили обособленно, своими собственными культурными интересами. Антирусские, часто идентифицируемые с антисоветскими, настроения были очень сильны среди местного населения. На протяжении 40-х годов в Прибалтике, особенно в Литве и в Латвии, продолжалась вооруженная борьба против советской власти, носившая и с той, и с другой стороны весьма ожесточенный характер.

Трудности первых послевоенных лет усугублялись огромным ущербом, понесенным во время войны сельским хозяйством. Оккупанты разорили 98 тыс. колхозов и 1876 совхозов, забрали и зарезали многие миллионы голов скота, почти полностью лишили сельские местности оккупированных районов тягловой силы. В аграрных районах количество трудоспособных сократилось почти на одну треть.

Оскудение людских ресурсов в деревне было также результатом естественного процесса роста городов. Деревня теряла за год в среднем до 2 млн. человек. Тяжелые условия жизни в деревнях заставляли молодежь уходить в города. Часть демобилизованных солдат осела после войны в городах и не пожелала возвратиться к сельскому хозяйству.

Во время войны во многих районах страны значительные площади принадлежавших колхозам земель были переданы предприятиям и городам, или незаконно захвачены ими. В других районах земля стала предметом купли-продажи. Еще в 1939 году было издано постановление ЦК ВКП (б) и Совнаркома о мерах борьбы с разбазариванием колхозных земель. С точки зрения только что произведенной «революции сверху» в деревне тенденция к возрождению индивидуального землевладения вскрывала тот тщательно маскируемый властью факт, что, несмотря на драконовские меры по преобразованию деревни, психологического перелома среди крестьянского населения страны не произошло. Революция в деревне была для крестьян скорее актом насилия, чем справедливости, ибо земля, изъятая у прежних владельцев, не была перераспределена по душам, а передана колхозам, иначе говоря, присвоена государством. Теперь же земли захватывались просто более сильными, то есть заводами и городскими властями.

Советское руководство полностью осознало смысл происходящего. В новом постановлении Совета министров СССР и ЦК ВКП (б) по поводу разбазаривания колхозных земель, изданном 19 сентября 1946 года, «извращения» в деревне были названы «глубоко вредными для дела колхозов и крайне опасными для всего социалистического строительства нашей страны».

К началу 1947 года было обнаружено более 2255 тысяч случаев присвоения или использования земли, в целом 4,7 млн. га. Между 1947 и маем 1949 года дополнительно было вскрыто использование 5,9 млн. га колхозных земель. Вышестоящее начальство, начиная от местного и кончая республиканским, нагло грабило колхозы, взимая с них под разными предлогами фактически натуральный оброк.

Задолженность разных организаций колхозам составляла к сентябрю 1946 года 383 млн. рублей.

В Акмолинской области Казахской ССР было взято у колхозов начальством в 1949 году 1500 голов скота, 3 тысячи центнеров зерна и продуктов на сумму около 2 млн. рублей. Расхитители, среди которых были руководящие партийные и советские работники, не были привлечены к ответственности.

Разбазаривание колхозных земель и добра, принадлежащего колхозам, вызвало большое

Разбазаривание колхозных земель и добра, принадлежащего колхозам, вызвало большое возмущение колхозников. Например, на общих собраниях колхозников в Тюменской области (Сибирь), посвященных постановлению от 19 сентября 1946 года участвовало 90 тысяч колхозников и активность была необычной: выступило 11 тысяч колхозников. В Кемеровской области на собраниях по выборам новых правлений были отведены кандидатуры 367 председателей колхозов, 2250 членов правлений и 502 председателей ревизионных комиссий прежнего состава. Однако и новый состав правлений не мог добиться сколько-нибудь значительного перелома: государственная политика оставалась прежней. Поэтому выхода из тупика не было.

После окончания войны производство тракторов, сельскохозяйственных машин и инвентаря быстро налаживалось. Но несмотря на улучшение снабжения сельского хозяйства машинами, тракторами, укрепления материально-технической базы совхозов и МТС, положение в сельском хозяйстве оставалось катастрофическим. Государство продолжало вкладывать в сельское хозяйство крайне незначительные средства — в послевоенной пятилетке всего 16% от всех ассигнований на народное хозяйство.

В 1946 году было засеяно только 76% посевной площади по сравнению с 1940 годом. Из-за засухи и других неурядиц урожай 1946 года был ниже даже по сравнению с полувоенным 1945 годом. «Фактически по производству зерна страна длительный период

находилась на том уровне, который имела дореволюционная Россия», — признавал Н. С. Хрущев. В 1910—1914 годах валовой сбор зерна составлял 4380 млн. пудов, в 1949—1953 годах — 4942 млн. пудов. Урожайность зерновых была ниже урожайности 1913 года, несмотря на механизацию, удобрения и прочее.

Урожайность зерновых

1913 — 8,2 центнера с гектара

1925—1926 — 8,5 центнера с гектара

1926—1932 — 7,5 центнера с гектара

1933—1937 — 7,1 центнера с гектара

1949—1953 — 7,7 центнера с гектара

Соответственно меньше приходилось сельскохозяйственных продуктов и на душу населения. Принимая предколлективизационный период 1928—1929 годов за 100, производство в 1913 году составляло 90,3, в 1930—1932 — 86,8, в 1938—1940 — 90,0, в 1950—1953 — 94,0. Как видно из таблицы, зерновая проблема обострилась, несмотря на снижение экспорта зерна (с 1913 по 1938 год в 4,5 раза), сокращение поголовья скота и, следовательно, расхода зерновых. Поголовье лошадей сократилось с 1928 по 1935 год на 25 млн. голов, что давало экономию более 10 млн. тонн зерновых или 10-15% от валового сбора зерновых того времени.

В 1916 году на территории России (в современных границах) было 58,38 млн. крупного рогатого скота, на 1 января 1941 года его количество сократилось до 54,51 млн., а в 1951 году было 57,09 млн. голов, то есть все еще было ниже уровня 1916 года. Количество коров превысило уровень 1916 года лишь в 1955 году. В целом же, согласно официальным данным, с 1940 по 1952 год валовая продукция сельского хозяйства возросла (в сопоставимых ценах) всего на 10%!

Пленум ЦК ВКП (б) в феврале 1947 года потребовал еще большей централизации сельскохозяйственного производства, фактически лишив колхозы права решать не то что сколько, а что сеять. В машинно-тракторных станциях были восстановлены политотделы — пропаганда должна была заменить пищу вконец изголодавшимся и обнищавшим колхозникам. Колхозы были обязаны помимо выполнения государственных поставок, засыпать семенные фонды, отложить часть урожая в неделимый фонд, а лишь после этого выдавать колхозникам деньги на трудодни. Государственные поставки по-прежнему планировались из центра, перспективы урожая определялись на глазок, а реальный урожай был часто намного ниже запланированного. Первая заповедь колхозников «сначала отдай государству» должна была быть выполнена любым способом. Местные партийные и советские организации часто заставляли более успевающие колхозы расплачиваться зерном и другими продуктами за своих оскудевших соседей, что в конечном счете вело к обнищанию и тех, и других. Колхозники кормились главным образом за счет продуктов, выращенных на их карликовых приусадебных участках. Но для вывоза своих продуктов на рынок они нуждались в специальной справке, удостоверявшей, что они рассчитались с обязательными государственными поставками. В противном случае их считали дезертирами и спекулянтами, подвергали штрафам и даже тюремному заключению. Увеличились налоги на личные приусадебные участки колхозников. От колхозников требовали в виде натуральных поставок продукты, которые они часто не производили. Поэтому они были вынуждены приобретать эти продукты по рыночной цене и сдавать их государству бесплатно. Такого ужасного состояния русская деревня не знала даже во времена татарского ига.

В 1952 году государственные цены на поставки зерна, мяса и свинину были ниже, чем в 1940 году. Цены, уплачиваемые за картофель, были ниже расходов по транспортировке. Колхозам платили в среднем 8 рублей 63 копейки за центнер зерна. Совхозы же получали за центнер 29 рублей 70 копеек.

Для того чтобы купить килограмм масла, колхозник должен был отработать... 60 трудодней, а чтобы приобрести весьма скромный костюм, нужен был годовой заработок.

В большинстве колхозов и совхозов страны в начале 50-х годов собирались крайне низкие урожаи. Даже в таких благодатных областях России, как Центрально-Черноземная область, Поволжье и Казахстан урожаи оставались крайне низкими, ибо центр бесконечно предписывал им, что сеять и как сеять. Дело, однако, заключалось не только в глупых приказах сверху и недостаточной материально-технической базе. На протяжении многих лет из крестьян выколачивали любовь к своей работе, к земле. Когда-то земля вознаграждала их за затраченный труд, за их преданность своему крестьянскому делу

иногда щедро, иногда скудно. Теперь этот стимул, получивший официальное название «стимул материальной заинтересованности», исчез. Работа на земле превращалась в бесплатный или малодоходный принудительный труд.

Многие колхозники голодали, другие систематически недоедали. Спасали приусадебные участки. Особенно тяжелое положение было в европейской части СССР. Гораздо лучше обстояло дело в Средней Азии, где были высокие заготовительные цены на хлопок —

основную сельскохозяйственную культуру, и на юге, специализировавшемся на овощеводстве, производстве фруктов и виноделии.

В 1950 году началось укрупнение колхозов. Их количество сократилось с 237 тысяч до 93 тысяч в 1953 году. Укрупнение колхозов могло способствовать их экономическому укреплению. Однако недостаточные капиталовложения, обязательные поставки и низкие заготовительные цены, отсутствие достаточного количества подготовленных специалистов и механизаторов и, наконец, ограничения, наложенные государством на личные приусадебные хозяйства колхозников, лишали их стимула к работе, разрушали надежды выбиться из тисков нужды.

Гордиев узел сельского хозяйства Хрущев предложил в 1951 году разрубить путем создания агрогородов, то есть крупных сельскохозяйственных предприятий взамен многочисленных и маломощных колхозов. Хрущев был подвергнут за свое предложение резкой критике в печати. И это понятно, так как предложение Хрущева фактически означало признание провала многолетней аграрной политики партии. Идея Хрущева перекликалась с аграрной реформой, начатой в России Столыпиным незадолго до революции, которая должна была привести к созданию крупного товарного свободного крестьянского хозяйства. Теперь Хрущев предлагал создать крупные рентабельные сельскохозяйственные предприятия, основанные на превращении колхозного крестьянства в сельскохозяйственных рабочих. Однако реальных материальных предпосылок для осуществления плана Хрущева не было.

Руководство государством продолжало трубить об успехах «социалистического» государства. На XIX съезде партии главный докладчик Маленков объявил, не моргнув глазом, что зерновая проблема в СССР решена и собран урожай в 8 млн. пудов зерна. Спустя всего два года, после смерти Сталина, было также официально объявлено, что все данные о сельскохозяйственном производстве в стране являются «липой».

33 миллиона колхозников, кормивших своим тяжелым трудом 200-миллионное население страны, оставалось вслед за зэками самым нищим, самым обиженным слоем советского общества.

Посмотрим теперь, каково было положение рабочего класса и других городских слоев в позднесталинское время.

Как известно, одним из первых актов Временного правительства после Февральской революции было введение 8-часового рабочего дня. До этого рабочие России работали по 10, а иногда и по 12 часов в день. Что касается колхозников, то их рабочий день, как и в дореволюционные годы, оставался ненормированным. В 1940 году возвратились к 8-часовому. Тогда же были введены и антирабочие законы, о которых упоминалось выше. Антирабочее законодательство было окончательно отменено только в 1956 году.

Согласно официальной советской статистике средняя заработная плата советского рабочего возросла более чем в 11 раз в период между началом индустриализации (1928) и концом эры Сталина (1954). Но это не дает представления о реальной заработной плате. Советские источники дают фантастические выкладки, которые ничего общего с реальностью не имеют. Западные исследователи подсчитали, что в указанный период стоимость жизни, по самым консервативным подсчетам, увеличилась в период 1928—1954 годов в 9-10 раз. Однако рабочий в Советском Союзе имеет помимо официальной заработной платы, получаемой на руки, дополнительную, в виде социальных услуг, оказываемых ему государством. Оно возвращает трудящимся в виде бесплатного медицинского обслуживания, образования и прочего часть заработка, отчуждаемого государством.

Согласно подсчетам крупнейшего американского специалиста по советской экономике Жанет Чепмен дополнительные прибавки к заработной плате рабочих и служащих с учетом происшедших изменений в ценах, после 1927 года составляли: в 1928 году — 15,8%; в 1937 — 22,1%; в 1940 — 20,7%; в 1948 — 29,6%; в 1952 — 22,2%; в 1954 — 21,5%. Стоимость жизни в те же годы росла следующим образом, принимая 1928 год за 100:

1937 — 478

1940 — 679

1944 — 952

1948 — 1565

1952 — 1053

1954 — 900

Таким образом, стоимость жизни к концу сталинской эры возросла в 9-10 раз по сравнению с периодом перед коллективизацией.

Реальная заработная плата за то же период, исключая налоги и подписку на заем, но включая прибавку к заработной плате на социальные нужды, была:

1920 — 100

1937 — 86

1940 — 78

1940 — 76

1944 — 64

1948 — 59

1952 — 94

1954 — 119

Из этой таблицы видно, что рост заработной платы советских рабочих и служащих был ниже роста стоимости жизни. Например, к 1948 году заработная плата в денежном выражении удвоилась по сравнению с 1937 годом, но стоимость жизни выросла более чем в три раза. Падение реальной заработной платы было связано также с увеличением суммы подписки на заем и налогообложения. Значительное повышение реальной заработной платы к 1952 году все же было ниже уровня 1928 года, хотя и превышало уровень реальной заработной платы предвоенных 1937 и 1940 годов.

Чтобы составить правильное представление о положении советского рабочего по сравнению с его заграничными собратьями, сравним, сколько продуктов можно было купить за 1 час затраченной работы. Приняв исходные данные часовой заработной платы советского рабочего за 100, мы получим такую сравнительную таблицу:

Страна	1928	1936—1938	1950	1951—1952
СССР	100	100	100	100
Австрия	90	158	200	167
Чехословакия	94	142	329	–
Франция	112	283	221	200
Германия	142	213	271	233
Великобритания	200	192	443	361
Соединенные Штаты	370	417	714	556

Картина разительная: за одно и то же затраченное время английский рабочий мог приобрести в 1952 году более чем в 3,5 раза больше продуктов, а американский рабочий в 5,6 больше продуктов, чем советский рабочий.

У советских людей, особенно старших поколений, укоренилось мнение, что, мол, при Сталине ежегодно снижали цены, а при Хрущеве и после него цены постоянно росли. Отсюда происходит даже некоторая ностальгия по сталинским временам.

Секрет понижения цен чрезвычайно прост: он основан, во-первых, на огромном взлете цен после начала коллективизации. В самом деле, если принять цены 1937 года за 100, то окажется, что цены на печеный ржаной хлеб возросли с 1928 по 1937 год в 10,5 раза, а к 1952 году почти в 19 раз! Цены на говядину 1 сорта возросли с 1928 по 1937 год в 15,7, а к 1952 году — в 17 раз; на свинину соответственно в 10,5 и в 20,5 раза. Цена на сельдь выросла к 1952 году почти в 15 раз. Стоимость сахара поднялась к 1937 году в 6 раз, а к 1952 году в 15 раз. Цена на подсолнечное масло поднялась с 1928 по 1937 год в 28 раз, а с 1928 до 1952 — в 34 раза. Цены на яйца возросли с 1928 по 1937 в 11,3 раза, а к 1952 году в 19,3 раза. И, наконец, цены на картофель поднялись с 1928 по 1937 год в 5 раз, а в 1952 году были в 11 раз выше уровня цены 1928 года.

Все эти данные почерпнуты из советских ценников за разные годы.

Подняв один раз цены на 1500-2500 процентов, потом было уже довольно несложно устраивать трюк с ежегодным понижением цен. Во-вторых, снижение цен происходило за счет ограбления колхозников, то есть чрезвычайно низких государственных сдаточных и закупочных цен. Еще в 1953 году заготовительные цены на картофель в Московской и Ленинградской областях равнялись... 2,5-3 копейкам за 1 килограмм. Наконец, большинство населения вообще не ощущало разницы в ценах, так как государственное снабжение было очень плохим, во многих областях годами не завозили в магазины мясо, жиры и другие продукты.

Таков «секрет» ежегодного снижения цен в сталинские времена.

Рабочий в СССР спустя 25 лет после революции продолжал питаться хуже, чем западный рабочий.

Обострился жилищный кризис. По сравнению с дореволюционным временем, когда проблема жилья в густонаселенных городах была нелегкой (1913 год — 7 кв. метров на 1 человека), в послереволюционные годы, особенно в период коллективизации, жилищная проблема необычайно обострилась. Массы сельских жителей хлынули в города, ища спасения от голода или в поисках работы.

Гражданское жилищное строительство в сталинские времена было необычайно ограничено. Квартиры в городах получали ответственные работники партийного и государственного аппарата. В Москве, например, в начале 30-х годов был выстроен огромный жилой комплекс на Берсеневской набережной — Дом Правительства с большими комфортабельными квартирами. В нескольких ста метрах от Дома Правительства находится другой большой жилой комплекс — бывшая богадельня, превращенная в коммунальные квартиры, где на 20-30 человек была одна кухня и 1-2 туалета.

До революции большинство рабочих жило неподалеку от предприятий в казармах, после революции казармы назвали общежитиями. Крупные предприятия выстраивали новые общежития для своих рабочих, квартиры для инженерно-технического и административного аппарата, но решить жилищную проблему было все равно невозможно, так как львиная доля ассигнований расходовалась на развитие индустрии, военной промышленности, энергетической системы.

Жилищные условия для подавляющего большинства городского населения ухудшались в годы правления Сталина с каждым годом: темпы роста населения значительно превышали темпы гражданского жилищного строительства.

В 1928 году жилищная площадь на 1 городского жителя составляла 5,8 кв. метров, в 1932

году — 4,9 кв. метров, в 1937 году — 4,6 кв. метров.

План 1-й пятилетки предусматривал строительство новых 62,5 млн. кв. метров жилой площади, выстроено же было лишь 23,5 млн. кв. метров. По 2-му пятилетнему плану планировалось выстроить 72,5 млн. кв. метров, было выстроено в 2,8 раза меньше — 26,8 млн. кв. метров.

В 1940 году жилищная площадь на 1 городского жителя составляла 4,5 кв. метров.

Через два года после смерти Сталина, когда началось массовое жилищное строительство, на 1 городского жителя приходилось 5,1 кв. метров. Для того, чтобы отдать себе отчет, в какой скученности люди жили, следует упомянуть, что даже официальная советская жилищная норма составляет 9 кв. метров на одного человека (в Чехословакии — 17 кв. метров). Многие семьи ютились на площади в 6 кв. метров. Жили не семьями, но кланами — по два-три поколения в одной комнате.

Клан уборщицы крупного московского предприятия в 13 человек А-вой жил в общежитии в комнате площадью в 20 кв. метров. Сама уборщица была вдовой коменданта пограничной заставы, погибшего в начале германо-советской войны. В комнате было всего семь стационарных спальных мест. Остальные шесть человек —взрослые и дети раскладывались на ночь на полу. Сексуальные отношения происходили почти на виду, к этому привыкли и не обращали внимания. В течение 15 лет три семьи, проживавшие в комнате, безуспешно добивались расселения. Лишь в начале 60-х годов их расселили.

В таких условиях жили сотни тысяч, если не миллионы, городских жителей Советского Союза. Это было обыденным явлением. Еще в 1975 году жилищные управления в Москве не брали на учет для улучшения жилищных условий граждан, если на 1 человека приходилось больше 5 кв. метров жилой площади. Таково было наследие сталинской эпохи.

Ахиллесовой пятой советской экономики была и остается проблема повышения производительности труда. Между 1928 годом и началом новой послесталинской эпохи (1955) производительность труда возросла в среднем по всей советской промышленности в два раза. Сложная система поощрений и премий призвана стимулировать рост производительности труда. В денежном выражении эта система означает в случае выполнения и перевыполнения плана прибавку к заработной плате. Премии, как правило, выше у инженерно-технического персонала и значительно ниже у рабочих.

Хотя рабочий класс теоретически считался главной движущей силой советского общества, его реальное политическое значение падало по мере численного роста бюрократической элиты и увеличения ее роли в государстве. Идентификация элитой своих интересов как интересов всего народа нашла свое отражение затем в основных партийных документах — уставе и программе КПСС. На закате сталинской эры определение партии — «организованный отряд рабочего класса» (XVII съезд ВКП (б)) было заменено другой формулой: «добровольный боевой союз единомышленников-коммунистов» (XIX съезд КПСС). Изменение определения партии знаменовало не только переход от концепции диктатуры пролетариата к общенародному государству, но также и констатацию реального снижения роли рабочего класса, хотя партийные боссы и продолжали говорить от его имени и называть его ведущей силой советского социалистического общества.

*** * ***

Мы уже упоминали о том, что благоприятный для Советского Союза поворот в войне после Сталинградской битвы был использован руководством для восстановления моральных позиций, утраченных партией в начале войны. Был взят курс на резкое увеличение численного состава партии в действующей армии и в тылу. Авторитет партии восстанавливался по мере успехов армии. Это наглядно видно из следующих данных о численности партии во время войны и в первые послевоенные годы.

На 1 января 1941 года ВКП (б) насчитывала 3872 тыс. человек. За время войны погибло более 3 млн. членов ВКП(б). Однако на 1 января 1946 года численный состав партии вырос в 1,5 раза и составлял 5511 тысяч. Особенно быстро партия росла со второй половины 1942 года и до окончания войны. Во втором полугодии 1941 года в ВКП (б) вступило (кандидатов и членов) 343,5 тыс. человек, во втором полугодии 1942 года — 1147 тысяч, в 1943 — 2794 тысяч, в 1944 — 2416 тысяч.

Вступление в партию в действующей армии было облегчено специальным постановлением, кандидатский стаж для отличившихся в боях был сокращен с года до 6 месяцев. В военные годы многие вступали в партию по своим убеждениям, видя в ней организатора борьбы против нацистских захватчиков, особенно это относилось к фронтовикам, которым вступление в партию не сулило никаких выгод, разве что умереть раньше других. Лозунг «Коммунисты, вперед!» был не только лозунгом, но повседневностью фронтовой жизни. Разумеется, политработники армии проводили большую предварительную работу по отбору в партию. Бывало немало случаев, когда вступить в партию предлагали и отказаться было в особых условиях фронта просто невозможно. В тылу дело обстояло несколько иначе. Конечно, многие вступали в партию и здесь по патриотическим побуждениям. Но было немало и таких, кто понимал, что членство в партии лучше обеспечит карьеру.

Цифры о социальном составе Коммунистической партии могли бы послужить важным источником, подтверждающим падение значения рабочего класса в СССР. Но в последний раз такие данные были опубликованы на XVII съезде партии в 1934 году. Среди членов партии 60% составляли рабочие, вернее выходцы из рабочих, так как процент непосредственно работавших на производстве был во много раз ниже — 9,3%. Согласно партийной традиции к категории рабочих относили и относят также и работников партийного аппарата. Крестьян было 8% и служащих 32%.

Западные исследователи, пользуясь сведениями об образовании делегатов съездов, данными местных партийных конференций и прочими подсчитали, что к XIX съезду КПСС (1952 год) — последний съезд при жизни Сталина — процент рабочих среди делегатов составлял лишь 7,6, а крестьян — 7,8. Коммунистическая партия Советского Союза,

несмотря на усиление притока в партию во время войны выходцев из рабочих и крестьян, фактически превратилась в партию «представительной элиты»,[44] в партию партийных и государственных чиновников, профессионалов в разных областях, партийных интеллектуалов. Для большинства из них членство в партии было делом не их убеждений, а необходимым условием успешной карьеры. Политически состав партии также изменился радикально: большинство старых большевиков было уничтожено во время террора 30-х годов, второе поколение коммунистов понесло основательный урон во время войны.

Аналогичные изменения произошли и в социальном составе советов, начиная от местных и кончая Верховными Советами республик и Верховным Советом СССР. Чем выше орган власти, тем меньше становилось в нем рабочих от станка и крестьян все еще связанных с землей. Но и те, кто числились под этими рубриками, представляли на самом деле новую рабочую или колхозную аристократию, коррумпированную и развращенную властью. Среди депутатов Верховного Совета СССР было в 1937 году 42,0% рабочих, 29,5% крестьян и 28,5% интеллигенции. В 1950 году соответствующие цифры — 31,8; 20,4; 47,8.

Партия решительно усиливала свое влияние, не оставляя без внимания ни материальную, ни духовную, ни нравственную сферы жизни «нового советского человека».

От местных партийных организаций потребовали более строгого контроля над моралью и нравственностью подчиненных им членов партии и их семей. Доносительство на «аморальное» поведение стали рутинным делом. Партийные бюро предприятий и учреждений, местные профсоюзные комитеты, а также вышестоящие партийные и государственные органы были завалены заявлениями-доносами и жалобами. Семейные склоки и неурядицы стали предметом общественного обсуждения. Личная и семейная жизнь советских граждан была выставлена на публичное обозрение. Лицемерие и ханжество стали в позднесталинское время едва ли не самой характерной чертой советского общества.

Война ускорила процесс кристаллизации современного советского общества. Но его окончательному оформлению препятствовал все в большей степени режим произвола и террора, который был постоянной угрозой для всех слоев общества, от самых высших и до низших. Во время войны произошли серьезные сдвиги в структуре высшей бюрократии. Численно выросла и окрепла военная бюрократия, которая имела явную тенденцию к кастовому обособлению.

Во время террора 30-х годов был уничтожен почти полностью советский генералитет, а оставшиеся в живых превращены в механических исполнителей воли партийного руководства. Однако события войны, во время которых командирам нужно было принимать самостоятельные решения, несмотря на все ограничения, налагаемые на них Ставкой Верховного командования, вновь возродили чувство ответственности офицерского корпуса и подняли его значение в его собственных глазах, но что не менее важно, в глазах населения. На какое-то короткое время маршалы и генералы стали реальной силой. Правда, за ними было установлено строгое наблюдение со стороны государственной безопасности. Их адъютанты, шоферы, любовницы служили часто информаторами органов безопасности. И не один поплатился за неосторожно сказанное слово. Очень скоро после окончания войны наиболее популярных маршалов начали удалять в провинцию. Маршал Жуков, наиболее выдающийся из всех советских полководцев, был отправлен в Одессу командовать военным округом. Другие были разосланы в оккупационные войска в Германию и в восточноевропейские страны, третьих постепенно отправляли в запас и в отставку, а некоторых в тюрьму.

Для того, чтобы содержать офицерский корпус в полной покорности, государство на первых порах предоставило возвратившимся с фронта значительные льготы. Высшим офицерам выделялись райисполкомами по их месту жительства земельные участки для строительства домов. Генералы получали большие участки земли. Маршалам и высшему генералитету выделили на очень льготных условиях государственные дачи с полным обслуживанием. Для генералитета были восстановлены закрытые магазины, пошивочные мастерские, где они и их семьи могли производить закупки по самым низким ценам.

Во время войны выросла и окрепла другая часть бюрократии — военно-инженерная — руководители крупных предприятий военной промышленности и строительства.

Усилилось значение органов государственной безопасности. Их численность неимоверно выросла. Костяком аппарата госбезопасности стали офицеры военной контрразведки СМЕРШ, а ее начальник — руководителем государственной безопасности страны.

Органы суда, прокуратуры, милиции пополнились демобилизованными офицерами. Бывшие военнослужащие из крестьян, не нашедшие себе после войны применения ни в армии, ни в городе, становились нередко по возвращению домой председателями колхозов, но руководить колхозом было куда труднее, чем командовать батальоном или даже ротой.

Во время войны патриотизм народа сыграл немалую роль в спасении страны от нацистского нашествия. После окончания войны народ рассчитывал на облегчение своего положения. Вместо этого его призвали к новым жертвам. Абстрактная идея построения социализма не могла больше вдохнуть энтузиазм в души измученных людей. Тогда партия прибегла к давно испытанному трюку — запугиванию населения угрозой империалистической агрессии. Газеты зашумели о необходимости противостоять наступлению западных держав, которые, мол, хотят лишить советский народ плодов его победы над гитлеризмом. Но этот враг — западный империализм — все же был какой-то неясный, расплывчатый, не ухватишь его. Поэтому гораздо практичнее было с точки зрения руководства повести борьбу против агентуры этого врага в пределах Советского Союза, агентуры, которую можно было легко персонифицировать. На расправу был вытащен реальный, физически существующий «враг» в образе интеллигента-космополита с нерусской фамилией. Это было доступно пониманию каждого трудового человека. А тем, кто сомневался, суть дела авторитетно разъясняла партийная печать, лекторы и преподаватели университетов марксизма-ленинизма, которые повсеместно насаждались в стране в послевоенные годы.

Нужда партии в эксплуатации патриотических чувств была огромной. Сталин прекрасно понимал, что в ближайшие послевоенные годы патриотизм будет самым сильным идеологическим оружием в руках партии. Его концепция советского патриотизма была, как большинство формул, которыми он манипулировал, предельно простой: советский патриотизм, заявил он в своем докладе по поводу 27-й годовщины Октябрьской революции означает: «глубокую преданность и верность народа своей советской Родине, братское содружество трудящихся всех наций нашей страны».

Понятие советского патриотизма включало также осознание превосходства советского общества над всеми другими обществами и гордость за него. И как последствие всего этого у нового Советского Человека, Хомо Советикус, должен был возникнуть комплекс особой его миссии, особого предназначения. А это есть самый опасный комплекс в человеческом обществе. Ибо отсюда рождается уверенность, что все позволено во имя великой цели. Насколько же цель действительно велика, целиком зависит от истолкования ее лидерами.

Советский патриотизм открывал для власти возможность заставить народ снова примириться с тяжелой жизнью, с новыми «временными затруднениями».

Этот народ был назван Сталиным в другой его речи — «винтиками». А с винтиками известно, какое обращение: их можно ввинчивать и вывинчивать, иногда даже головки летят от неосторожного с ними обращения...

...На следующий день после выступления Сталина в одной из лабораторий Центрального аэродинамического института в Москве (ЦАГИ) сотрудники построились в колонну, голова в голову, и пошли по коридору, распевая: «Мы винтики, мы шпунтики».

*** * ***

Одним из наиболее острых проявлений кризиса советской системы в период правления Сталина была лысенковщина.

Т. Д. Лысенко, агробиолог, привлек внимание Сталина довольно нехитрым способом. Мечтая занять руководящие позиции в агробиологии, он объявил на Втором съезде колхозников-ударников в феврале 1935 года, что в то время, как в деревне против советской власти боролись кулаки, в городе то же самое делали «кулаки от науки». Сталин зааплодировал первым и воскликнул: «Браво, товарищ Лысенко, браво!» Так началось возвышение Лысенко. Он очень скоро стал президентом Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина (ВАСХНИЛ), изгнал оттуда подлинных ученых-генетиков, своих научных противников, а некоторых даже посадил. В 1940 году был арестован знаменитый русский генетик и растениевод Николай Иванович Вавилов, умерший в тюрьме в 1943 году. Были арестованы и расстреляны другие ведущие ученые в области сельскохозяйственных и биологических наук.

С именем Трофима Лысенко связано социальное явление, получившее наименование лысенковщина, подобно тому, как в царской России был Григорий Распутин и распутинщина. Оба явления были одного и того же характера. Распутин обещал царице спасти православную Русь. Лысенко обещал ЦК ВКП (б) и лично товарищу Сталину создать в короткий срок изобилие сельскохозяйственных продуктов. Оба уповали на чудо. Уповали на чудо царь и царица, уповали на «научно обоснованное» чудо Сталин и ЦК ВКП (б).

Лысенко были предоставлены неограниченные возможности для организации изобилия: все — вплоть до возможности морального и физического истребления своих противников.

Уничтожение агробиологической науки и ученых-генетиков и биологов, начатое накануне войны, было с новой силой возобновлено вскоре после окончания войны.

Летом 1948 года Лысенко призвал своих оппонентов, придерживавшихся теории наследственности в происхождении видов, к открытой дискуссии. Те приняли этот вызов, не подозревая о том, что доклад Лысенко на августовской 1948 года сессии ВАСХНИЛ был предварительно одобрен ЦК ВКП (б). Это и было главным, но до поры до времени скрываемым аргументом Лысенко. После того, как все ведущие генетики откровенно высказались, Лысенко объявил им об одобрении его точки зрения, отрицающей гены и теорию наследственности, ЦК партии. Наступила заключительная часть спектакля, когда генетики, только что отстаивавшие свое право на научное мнение, вновь просили слова, чтобы принести покаяние.

После августовской 1948 года сессии ВАСХНИЛ началась расправа с генетиками, в результате которой научная работа в этой области фактически прекратилась, сотни подлинных научных работников, агрономов-опытников лишились работы. Повсеместно в стране утвердилось лысенковское лжеучение, нанесшее новый, следующий по силе после коллективизации и войны, удар по сельскому хозяйству страны. От этих трех ударов сельское хозяйство и экономика Советского Союза не могут оправиться до сих пор.

Сессия ВАСХНИЛ стала одновременно и отправной акцией коммунистической партии в области идеологии. Ближайшим помощником Лысенко и философским истолкователем его «метода» стал философ Презент.

Сессия ВАСХНИЛ была поставлена в пример другим наукам, как нужно бороться за отстаивание марксизма-ленинизма.

Генетика в стране была фактически запрещена. Один из ближайших подручных Лысенко проф. Нуждин писал после сессии ВАСХНИЛ: «Менделизм-морганизм осужден. Ему нет места в советской науке». Но все же отдельные очаги ее выжили, несмотря на свирепые гонения. Так, директор Института химической физики АН СССР академик Н. Н. Семенов, будущий лауреат Нобелевской премии, предоставил лабораторию известному генетику профессору Раппопорту, не требуя от него строгого отчета о направлении работы возглавленной им лаборатории.

Но дело было не только в захвате науки и административных постов в ней сторонниками Лысенко, которые становятся частью советской элиты. Лысенковщина выражала, в

Лысенко, которые становятся частью советской элиты. Лысенковщина выражала, в сущности, партийную политику и отношение партии к науке вообще. Подобно раку, лысенковщина начала быстро распространяться, ее метастазы появились повсюду.

Летом 1950 года объединенная сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР объявила единственными истинными последователями физиологического учения И. П. Павлова академика К. М. Быкова и его учеников. Все остальные направления были объявлены враждебными, их деятельность прекращена. Быков был любезен партии своей сервильностью и своими выступлениями за русскую науку и фактически против любых связей с зарубежной наукой. Почти все крупнейшие ученые-биологи и физиологи были объявлены отступниками в 1948—1950 годах: академики И. И. Шмальгаузен, А. Р. Жебрак, П. М. Жуковский, Н. П. Дубинин, Л. А. Орбели и его школа, А. Д. Сперанский и его ученики. Наиболее легкое обвинение было выдвинуто против проф. П. К. Анохина — беспечность относительно методологии.

Главной мишенью во всех этих кампаниях стали ученые-евреи. Удар был обрушен на академика-биолога Лину Штерн и ее учеников, причем подчеркивался путем выдергивания одних еврейских фамилий «злокозненно-сионистский» характер этого научного направления. Доктор медицинских наук Д. Бирюков писал в *«Культуре и жизнь»*: «Гнилую методологию этой «школы» подпирал махровый космополитизм, процветавшей в ней».

Впрочем, была объявлена идеалистической, «явно враждебной павловскому учению», школа грузинского физиолога академика И. Бериташвили.

Были обруганы и издательства, осуществившие перевод книги знаменитого австрийского ученого Э. Шредингера *«Что такое жизнь с точки зрения физики»*.

Апофеозом борьбы за научные приоритеты и примат русской отечественной науки над зарубежной была сессия Академии наук СССР в Ленинграде (5—10 января 1949 года), посвященная 225-летию со времени основания Российской Императорской Академии наук.

Во вступительном слове президента Академии наук СССР академика С. И. Вавилова (родного брата замученного академика Н. И. Вавилова) подчеркивалась необходимость борьбы за утверждение русских приоритетов в науке. Среди предъявленных во время кампании 1946—1950 годов претензий на приоритет были: радио, электрический свет, трансформатор, электрическая трансмиссия с переменным и постоянным током, суда с дизельными и электрическими двигателями, аэроплан, парашют, стратоплан. Открытие закона сохранения энергии было приписано М. В. Ломоносову. Было предъявлено много других претензий...

Некоторые из них были настолько нелепы, что стали предметом шуток, например: «Советские часы самые быстрые в мире», «Россия — родина слонов».

Сессия Академии наук в Ленинграде была знаменательна провозглашением линии на разрыв с западной наукой. Из состава Академии были исключены почетный член Академии наук СССР английский ученый Дейл и двое иностранных члена-корреспондента: американец Мюллер и норвежец Брок. Впрочем, первые двое сами заявили о своем выходе из Академии в знак протеста против преследования ученых в СССР. Брок был исключен за его статьи о положении науки и ученых в СССР и в восточноевропейских странах.

Во время кампаний по идеологическому «очищению» было немало случаев сведений личных счетов. Активные участники погромов заняли позднее места изгнанных ученых, объявленных «космополитами» или «буржуазными либералами». В академические институты и университеты были направлены выпускники Академии общественных наук при ЦК КПСС, высших партийных школ. В аспирантуру начали принимать не по принципу знаний, а по принципу преданности партии, готовности принять участие в любых идеологических погромах. Уровень научных исследований в области общественных наук и до того невысокий резко снизился в последние годы жизни Сталина. Тому немало способствовало появление новых «теоретических» работ Сталина *«Марксизм и вопросы языкознания»* и *«Экономические проблемы развития СССР»* в последние годы жизни главы КПСС. По команде сверху они стали предметом массового изучения. Все общественные науки переключились на комментирование новых «гениальных трудов» вождя. Отрицательная оценка Сталиным учения о языке Н. Я. Марра стала поводом для нового идеологического похода, на этот раз против марризма и его носителей. Волна проскрипций[45] обрушилась на ученых: большинство языковедов, археологов, этнографов в Советском Союзе были приверженцами теории Марра, она долгие годы была официально принятой и поддерживаемой партией теорией происхождения и развития языка. Работы Сталина по экономическим проблемам социализма вконец запутали экономистов и также послужили поводом для новых гонений и шельмования ученых.

Не удалось партийным обскурантам принудить к борьбе с «враждебными проявлениями» физиков. Хотя в журнале *«Вопросы философии»* и печатались обличительные статьи с обвинениями в философском идеализме и преклонении перед западной физической наукой, «скрутить» физиков было не так-то просто. Желание поскорее создать атомное оружие перевешивало над позывами учинить разгром в области физики. На собрании, созванном для обсуждения вопроса о борьбе с космополитами, взял слово глава советской атомной школы академик А. Ф. Иоффе и, обращаясь к представителям аппарата ЦК КПСС, сидевшим в президиуме собрания, заявил: либо физики будут работать в своих лабораториях, либо тратить свое время на никому не нужные заседания. Пусть тогда те, кто устраивает эти митинги, идут работать в лаборатории вместо ученых. Растерянные партаппаратчики вынуждены были объявить о «переносе» заседания, которое никогда больше не было возобновлено. Партийное руководство побоялось затронуть атомщиков. Незадолго до того ему пришлось столкнуться с решительным отказом одного из крупнейших советских ученых академика П. Капицы принимать участие в создании атомной бомбы. Теперь они рисковали спровоцировать других ученых-физиков. Выступление Иоффе, несомненно, так же, как и отказ Капицы участвовать в создании атомной бомбы, были актами сопротивления власти. В данном случае власть оказалась бессильной. Она могла только мстить. И она мстила Капице на протяжении многих лет и при Сталине, и при Хрущеве, не разрешая этому крупнейшему ученому выезжать за

границу и принимать участие в международных конференциях.

* * *

Одна из главных характерных черт советского режима — это постоянная идеологическая борьба, неважно против чего или против кого, важен сам процесс борьбы, в которую можно втянуть массу людей, превратив их таким образом в соучастников.

Основным содержанием идеологической борьбы в период позднего сталинизма было утверждение советско-русского патриотизма. В специфических условиях того времени советско-русский национализм получил антисемитскую окраску. Антисемитская политика советского государства, начало которой относится еще к 20-м годам, получила свое

быстрое развитие в годы советско-нацистской дружбы, когда государственный аппарат, особенно в ведомствах внешних сношений и государственной безопасности, был почти полностью очищен от лиц еврейской национальности, а оставшиеся переведены на второстепенные должности.

В 1941 году были расстреляны находившиеся в СССР польские социалисты еврейского происхождения Г. Эрлих и В. Альтер по обвинению в шпионаже. Никакого шпионажа, разумеется, не было. То было очередное проявление государственного антисемитизма в самой его крайней форме. В 1943 году начались массовые перемещения евреев, занимавших высокие должности в политическом аппарате армии, на низшие должности и замена их русскими. После войны такая же политика проводилась и по отношению к евреям, занимавшим командные должности.

Антисемитизм, посеянный и разжигаемый гитлеровцами на оккупированных советских территориях, поощрялся затем и освободителями. В советской армии и в тылу распространялись и муссировались слухи о евреях как о трусах и дезертирах. Евреи, чудом уцелевшие во время массового уничтожения их гитлеровцами, позднее были обвинены советскими властями, что они были немецкими агентами, иначе почему же они остались живы?

После войны советских евреев начали изображать как агентуру «американского империализма».

* * *

Кампания за очищение советского общества от «антипатриотов» была начата спустя несколько месяцев после выступления Сталина на собрании избирателей 9 февраля 1946 года. В своей речи Сталин ни разу не упомянул ни о социализме, ни о коммунизме. Государство, советский общественный строй, величие родины были доминантам в его речи.

28 июня 1946 года вышел в свет новый ежедекадный партийный орган, издаваемый Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП (б), газета *«Культура и Жизнь»*. То, что отдел пропаганды был превращен в управление, свидетельствовало об усилении роли идеологии в партийно-государственной системе. Вскоре развернулось широкое наступление против любых «отклонений» в идеологической области. Под обстрел были взяты все без исключения области творчества, культуры, науки.

В области литературы и истории контроль партии был особенно жестким, ибо и то, и другое оказывают огромное влияние на формирование человеческой личности. Это особенно верно для России, ибо нигде в мире так много не читали и не читают, как здесь. Достаточно взглянуть на тиражи произведений классиков, на очереди, которые выстраиваются для подписки, чтобы убедиться в этом. Вероятно, все поколения, родившиеся до Второй мировой войны, были воспитаны на классической литературе. У большинства был прочно устоявшийся консервативный вкус. Несмотря на попытки внедрить новую, пролетарскую литературу: *«Цемент»* Ф. Гладкова, *«Железный поток»* А. Серафимовича, *«Бруски»* Ф. Панферова, *«Виринея»* Л. Сейфуллиной и другое, — партийное руководство в конце концов поняло, что его сила заключается в том, чтобы поддерживать консервативный вкус у публики и поощрять произведения тех молодых писателей, которые следуют классическим образцам, но с новым содержанием: произведения, прославляющие революцию, социализм и советский патриотизм. После окончания войны с Германией появилась *«Молодая гвардия»* А. Фадеева о героях-комсомольцах, подпольщиках шахтерского городка Краснодон, попавшего под немецкую оккупацию. Герои этого произведения могли бы войти в обойму классических героев советской литературы (Павка Корчагин, Тимур), но получилась осечка, так как член ЦК ВКП (б) и глава Союза советских писателей А. А. Фадеев как-то «забыл» выпятить руководящую роль партии в организации подпольного движения против немцев и сам в 1947 году стал объектом партийной критики. Под ее влиянием, как верный сын партии, он переделал свое произведение, значительно ухудшив его.

Война родила новых героев. Они появились в произведениях Василия Гроссмана, Виктора Некрасова, Бориса Полевого, Константина Симонова и других. Это были герои войны. Многие из них отражали реальность только что закончившейся войны. Тема войны определила затем главную линию советской литературы на долгие годы.

Но потребовался новый герой, герой послевоенного восстановительного периода, «маяк», организатор социалистического строительства и социалистического соревнования, вожак, ведущий своих односельчан к счастливой, зажиточной жизни. Такой герой был крайне необходим. И он появился, этот выдуманный хрестоматийный Козьма Крючков социалистической деревни в образе Кавалера Золотой Звезды из произведения Бабаевского. Эта и другие подобные книги начали издаваться миллионными тиражами, критика воскуривала им фимиам, их авторы награждались сталинскими премиями, но читатель почему-то не хотел эти книги покупать и читать. Они были слишком примитивны и уж очень неправдивы.

В то же время появилась опасность со стороны подросшего молодого поколения прозаиков и поэтов, умудренных опытом войны, стремившихся переосмыслить мир, в котором им

приходилось жить. А всякое стремление к переосмыслению и есть самая худшая крамола в глазах партии. Новые веяния захватили буквально все духовные сферы общества.

Против этой опасности и выступили партийные идеологи, правильно усмотрев в этом признаки эрозии советской идеологии, а следовательно, и подрыва советского режима. Партия выступила широко по всему фронту, не забывая ни о какой области. А если бы и забыла, то ей бы напомнили. Было кому напоминать. В каждой области творчества имеется значительная категория людей, неспособных к созиданию, но готовых немедленно судить и рядить о произведениях других и, конечно, громить и произведения, и их авторов. Их ненависть ко всему, что выходит за пределы доступного их пониманию, беспредельна. Каждую такую попытку они воспринимают не только как личное оскорбление, но и как угрозу собственному существованию («хотят быть умнее других», «славы ему захотелось»). Эти люди и есть главный резерв партии. Партии нужно было только дать сигнал, а затем вести дело по одному ей понятному руслу, все остальное делалось само собой, подобно селю в горах, когда грязные потоки, скопившиеся в ущельях, обрушиваются на селения, людей и скот, сметая все на своем пути. Иногда даже скалы рушатся от селя.

Идеологический поход возглавляли последовательно в 1946—1948 годах секретарь ЦК А. А. Жданов, а после его смерти секретарь ЦК М. А. Суслов. Но, в отличие от Жданова, который любил выступать перед большими аудиториями и поучать, Суслов предпочитал держаться в тени, действуя через аппарат, и давал возможность другим делать черную работу.

В ряде своих речей 1946—1948 годов Жданов требовал полного и безусловного искоренения влияния западной культуры. Независимо от того, к кому были обращены его речи, к ленинградским ли писателям, к философам или к композиторам, он настаивал на решительном осуждении любых отклонений от марксизма-ленинизма, от линии партии в области культуры и творчества. Жданов умело выбирал мишени для уничтожающей критики. В литературе он выбрал советского сатирика Михаила Зощенко, чьи произведения были популярны среди самых различных слоев населения. В одном из своих рассказов, *«Приключения обезьяны»*, послужившем поводом для выступления Жданова, Зощенко вывел в качестве героя обезьяну, которая, сбежав из зоопарка и пожив немного в обыкновенных советских условиях, решила, что никакой разницы нет, и осталась жить с людьми.

Другой удар был нанесен Ждановым по русской поэтессе Анне Ахматовой, пользовавшейся уважением и любовью русской интеллигенции. В музыке, мишенью Жданова стал Дмитрий Шостакович. Как правило, Жданов отбирал для шельмования самых талантливых представителей искусства, ибо независимый талант был и всегда будет постоянной угрозой любому тоталитарному режиму, в том числе и советскому.

Прежде всего, принялись за писателей. В августе 1946 года по указанию ЦК ВКП (б) было сменено руководство Союзом советских писателей. Вместо Н. С. Тихонова генеральным секретарем был сделан А. Фадеев, а Тихонов был переведен в его заместители. Заместителями стали также В. В. Вишневский, А. Е. Корнейчук, К.М. Симонов. В том же месяце последовали погромные постановления ЦК ВКП (б) «О журналах *„Звезда“* и *„Ленинград“*», «О репертуарах драматических театров», а в сентябре 1946 года «О кинофильме *„Большая жизнь“*».

Затем развернулись идеологические кампании в союзных республиках, краях и областях. Руководство творческих союзов, а не только местные партийные органы, были обязаны отныне следить, проверять и вовремя сигнализировать, как обстоит дело в области идеологии у писателей, художников, артистов и даже акынов (сказителей, народных певцов. — Авт.). Специальные пленумы творческих союзов проводились в Москве или на местах.

На одном из таких пленумов (писателей) в декабре 1948 года в Москве секретари местных союзов признавали ошибки, каялись в идеализации прошлого народов, забвении классовой борьбы, в неумении создавать произведения о социалистическом строительстве, и, наконец, в провале попыток взять под контроль работу писателей. Представители руководства ССП Симонов, Горбатов, Сурков вскрывали такие «отрицательные явления» в местных литературах, помимо идеализации прошлого, как формализм и эстетизм, буржуазный либерализм, неумение пользоваться методом социалистического реализма, подпадание под влияние западных писателей. Против казахских писателей было просто выдвинуто политическое обвинение — неумение отличать в их произведениях эксплуататорскую сущность царизма от освободительной роли Советской России. Эти нападки были предвестником кампании против фольклорных эпических произведений среднеазиатских народов и особенно народов монгольского происхождения, похода, достигшего своего апогея в 1951 году.

На пленуме писателей 1948 года партийные чиновники от культуры: заместитель министра культуры Щербина и министр по делам кинематографии Большаков — объясняли писателям, что от них требуется: прославление героического труда рабочих, колхозников и интеллигенции. В соответствии с установками ЦК ВКП (б) о том, кого и за что можно подвергать сатирическому осмеянию — национальным писателям внушалось, что можно осмеивать все, «...что не входит в нашу концепцию морали и советского образа жизни», в особенности же «низкопоклонство перед буржуазной культурой». Специальное внимание присутствующих было обращено на необходимость бороться с американской культурой. В качестве примера Щербина приводил голливудский фильм *«Железный занавес»* и призывал кинематографистов ответить «ударом на удар». Вскоре таковой последовал со стороны Ильи Эренбурга, опубликовавшего в *«Культуре и жизнь»* статью об этом фильме, в которой он использовал полный набор уничижительных эпитетов, столь характерных для стиля сталинской эпохи.

Нечто подобное происходило на пленуме Союза композиторов, руководитель которого Тихон Хренников прославился подобно Анастасу Микояну тем, что был любезен всякой власти. На этот раз нападению подвергся Сергей Прокофьев, замечательный русский композитор. Отчаявшийся Прокофьев прислал пленуму покаянное письмо. Поминали недобрым словом Хачатуряна, Мурадели, Мясковского за их «неповоротливость» при перестройке и чуть-чуть похвалили Дмитрия Шостаковича за музыку к кинофильму

перестройке и чуть-чуть похвалили Дмитрия Шостаковича за музыку к кинофильму *«Молодая гвардия»*. Так происходила деперсонификация писателей и артистов. Их пытались выстроить в один ряд и заставить слушаться команды партфельдфебелей от культуры. Но, странное дело, они послушно поднимали руки, голосуя за осуждение своих коллег, за одобрение мракобесных постановлений ЦК ВКП (б), отмечали скорбной минутой молчания кончину своего высокого гонителя А. А. Жданова — поддерживали власть. Но когда они возвращались к себе домой, их руки начинали извлекать те звуки, которые отвечали их подлинному мироощущению и их новые произведения опять оказывались несозвучными «героическим свершениям советского народа». Так они своим особым путем сопротивлялись власти.

В первой половине 1949 года война против так называемых космополитов была в полном зените. Она шла повсеместно: в литературе, в театре, в области изобразительных искусств, в музыковедении, в кинематографии. Масло в огонь подливалось газетой *«Правда»*, опубликовавшей редакционную статью против антипатриотической группы театральных критиков. В отличие от других выступлений в печати против космополитов, эта статья отличалась исключительной грубостью, откровенным хамством, неприкрытым антисемитизмом и, что не менее важно, предъявлением «безродным космополитам» обвинений, которые по советскому закону могли быть истолкованы как умышленное преступление. Вскоре после этого на собрании московских критиков Константин Симонов обличал заговорщический характер антисоветской активности «безродных космополитов». Ему вторили другие обличители. А. Софронов, например, говоря о театральных критиках, утверждал, что они использовали опыт антисоветского подполья. Некоторые из обвиняемых в отчаянии наговаривали на себя Бог знает что, включая желание нанести вред советской драматургии, сознательный заговор и прочее. Псевдонимы писателей были расшифрованы, чтобы ни у кого не осталось сомнения в их еврейском происхождении. Такой метод широко применялся в нацистской Германии.

Одним из важнейших результатов войны с Германией было ужесточение политики партии и государства по отношению к нерусским народам, проживающим в приграничных районах. Массовые депортации кавказских народов и крымских татар в 1943—1944 годах были дополнены после войны возобновившейся депортацией прибалтов, греков, турок, подготовкой депортации абхазов.

Начался пересмотр взглядов на национально-освободительную борьбу нерусских народов в царской России. В 1947 году возникла дискуссия о характере движения кавказских горцев под руководством Шамиля в 1-й половине XIX века. Эта дискуссия происходила в Институте истории Академии наук СССР, но постепенно обсуждение приняло характер идеологического похода против установившейся ортодоксально-марксистской точки зрения на это движение как прогрессивное. В итоге дискуссии, продолжавшейся чуть ли не пять лет, Шамиль был объявлен агентом английской разведки, а его движение реакционным. Переоценка колониальной политики царского самодержавия на Кавказе, а затем в Средней Азии, привела к объявлению почти всех антиколониальных движений на захваченных царской Россией землях реакционными. Заодно были объявлены реакционными и национальные эпосы этих народов. Ряд историков и литературоведов Казахстана, Азербайджана, Киргизии, Якутии, Дагестана были исключены из партии, изгнаны с работы, лишены ученых степеней и званий, а некоторые даже арестованы.

Дискуссия постепенно превратилась в идеологический погром, быстро принявший антисемитскую окраску. Был обвинен в космополитизме и в идеологическом вредительстве академик И. И. Минц и его ученики, хотя вряд ли можно было найти более преданного ВКП (б) историка, чем Минц: на протяжении всей своей научной карьеры он был в первых рядах идеологических борцов партии и вносил свою немалую лепту в фальсификацию истории СССР.

Кампания против космополитизма в исторической науке, против буржуазного объективизма, обеления американского империализма и прочего продолжалась в исторической науке почти все послевоенные годы вплоть до смерти Сталина в марте 1953 года.

Аналогичные кампании проводились у философов, юристов, экономистов, языковедов, литературоведов.

Одним из наиболее ярких случаев того времени было шельмование директора Института мировой экономики Академии наук СССР академика Е. С. Варги. В течение десятилетий Варга был одним из главных авторитетов партии и Коминтерна в области мировой экономики. Ортодоксальный марксист Варга постоянно утверждал, что экономика капитализма загнивает и идет от одного экономического кризиса к другому, еще худшему. В соответствии с теорией Маркса Варга доказывал, что рабочий класс Запада все более нищает и в относительном и в абсолютном плане. Однако ситуация, сложившаяся в мире после Второй мировой войны, заставила Варгу пересмотреть свои позиции. Он опубликовал книгу об изменениях в экономике капитализма после Второй мировой войны, в которой писал о возможности изменений в системе капитализма, которые позволят ему устоять перед новым кризисом. Варга был обвинен в отступлении от марксизма-ленинизма, освобожден от обязанностей директора института. Сам институт был реорганизован, некоторые его сотрудники были изгнаны, несколько человек арестовано. На собрании в Институте экономики Варга был публично обвинен в том, что у него руки «в крови русского народа». Это говорилось про человека, чей единственный сын погиб во время Отечественной войны. Впрочем, Варга был не одинок. В МГУ шельмование ученых в 1947—1949 годах приняло повальный характер. В многомесячных обсуждениях-погромах принимали участие наряду с профессорами также и студенты, ставшие не только свидетелями, но и соучастниками унижения своих учителей.

Лагерная империя

В начале 40-х годов большинство арестованных в 30-е годы вымерло, и НКВД столкнулось с нехваткой рабочей силы для реализации производственных планов. Пополнение не заставило себя ждать. В конце войны и после нее появились новые категории заключенных: власовцы, участники национальных формирований на стороне немцев, рабочие, угнанные из СССР на работы в Германию (их называли «остовцы» от немецкого

«остарбайтер» — восточный рабочий) , бывшие советские военнопленные, т. н. враждебные элементы из Прибалтики, Польши, Восточной Германии, Румынии, Болгарии, Венгрии (Советский Союз любезно согласился организовать у себя всесоциалистическую каторгу). Среди заключенных было много немецких и японских военнопленных, переведенных в концлагеря из лагерей для военнопленных. Их вина заключалась в «антисоветских высказываниях», т. е. они жаловались на режим, на отсутствие переписки с семьями и пр. В лагеря были посланы также советские граждане, идеалисты, которые питали фантастическую надежду на улучшение жизни, смягчение сталинского режима после победы над германским фашизмом. Усилился приток баптистов, сектантов разного толка. Их вина состояла в том, что они хотели верить в Бога по-своему, а не по догматам признанных государством церквей и церковных общин. В лагеря были посланы участники вновь изобретенных МГБ заговоров против советской власти. Вероятно, если б заговорщиков было столько, сколько их находилось в лагерях, то советская власть неминуемо бы рухнула. Последней постоянной категорией лагерей и тюрем были уголовники.

После них наиболее многочисленной была категория осужденных по Указу 1943 года за сотрудничество с врагом во время оккупации. Арестовывали не только тех, кто активно сотрудничал, но и тех, кто активно не боролся с немцами. Всего их насчитывалось до 3-х млн. Среди них были солдаты немецкой службы безопасности (СД), сотрудники гестапо, повинные в чудовищных преступлениях. Но были и люди невиновные, и их было немало.

Сколько было заключенных после войны? Данные на этот счет противоречивы. Самая низкая цифра, которую называют западные исследователи (в СССР данные не публикуются), 8 млн. постоянного населения лагерей. Высшая цифра — 15 млн. По подсчетам английского правительства, сообщенным на заседании Экономического и Социального Совета ООН 15 августа 1950 года, в Советском Союзе было в то время 10 млн. людей, используемых на принудительных работах.

Сколько было концентрационных лагерей в СССР после войны? Западные источники указывают на существование 165 лагерей и групп лагерей. Правильнее было бы их называть рабовладельческими империями. Среди них:

Абезь-Инта, группа лагерей в Коми АССР. В 1948 году в семи лагерях Инты работало около 14 тысяч заключенных. Половина из них была заключена по политическим мотивам или по провокационно заведенным делам.

Особлаг Вайгач размещался на острове Вайгач. Сюда свозили для работы на свинцовых рудниках приговоренных к смертной казни. Постоянно находилось здесь от 3 до 4 тысяч. Смертность среди них составляла около 50% в год. Ежегодное пополнение — 1200-1300 человек.

Воркута — группа лагерей. В 1953 году здесь было заключено около 130 тысяч. На Воркуте в 1953 году произошло одно из наиболее известных восстаний заключенных.

Потьма (Мордовия). В 1948 году 40 тысяч заключенных.

Тайшет-Братск. 25-30 тысяч заключенных.

Бамлаг (Байкало-Амурская магистраль) занимал огромную территорию, на которой было расположено 30 отделений лагеря. По данным на 1935 год здесь находилось от 350 тысяч до 500 тысяч заключенных.

Севвостлаг. Центр г. Магадан. Территория — 100 км по прямой от центра. Эта группа лагерей была расположена на огромной территории между Якутском, бухтой Нагаева и устьем Колымы. По данным на 1940 год здесь находилось свыше 3 миллионов заключенных. По другим данным — до 5 миллионов.

Карлаг (около Караганды). По данным на 1941 год в Карлаге было до 100 тысяч заключенных. Эта группа лагерей насчитывала в летнее время до 350 точек, в зимнее — 180. Территория Карлага занимала 1,5 млн. га, из них 500 тыс. га было занято под посевы. Империи принадлежало 250 тыс. голов крупного и мелкого скота. Карлаг считался «курортом», так как здесь (в Спасске) находился специальный лагерь для заключенных, ставших инвалидами.

Особенно тяжелое положение в лагерях было в 1946—1948 годах и в 1950 году. Большинство заключенных попало в лагеря после немецкого плена или изнурительной работы на немецких заводах. Их физические силы были подорваны, они выполняли нормы, установленные в советских лагерях не более чем на 40%. Невыполнение же нормы штрафовалось ухудшением питания, а это в свою очередь вело к смерти.

В 1950 году по приказу ГУЛага во всех лагерях были осуществлены массовые расстрелы заключенных, согласно норме 5% должно было быть уничтожено.

Но страна нуждалась в угле, уране, вольфраме, золоте, платине и лесе. Рабочая же сила явно сократилась в результате войны. Тогда и был отдан приказ эксплуатировать заключенных с большей пользой, улучшить их питание и бытовые условия, чтобы не мерли как мухи. С 1950 года в лагерях средний рацион питания составлял для выполняющих норму: хлеба — 0,8 кг, жиров — 20 г, крупы — 120 г, мяса —30 г, или рыбы (морской зверь) — 75 г, сахара — 27 г. Только хлеб выдавался на руки, остальное шло на приготовление горячей пищи (два раза в день, утром и вечером). Для того, чтобы отдать себе отчет в ужасном состоянии этих людей и после улучшения их положения, следует сказать, что их будили в 4 часа утра, а отбой был в 10 часов вечера. Рабочий день продолжался 10-12 часов, не считая времени, затраченного на хождение на работу и оттуда.

Для невыполняющих норму при пониженном питании выдавалось 400 г хлеба и два раза в день жидкий суп. Штрафникам давали всего 200 г хлеба. Для поощрения «ударников» начали выплачивать заработную плату — от 10 рублей и выше, выдавать махорку. На заработанные деньги заключенный мог приобрести дополнительные продукты в лагерном ларьке. Но что в действительности можно было приобрести за 10-20 рублей в месяц? В те

ларьке. Но что в действительности можно было приобрести за 10-20 рублей в месяц? В 40 годы советская печать много писала о нещадной эксплуатации южноафриканцев белыми, с негодованием указывала, что заработная плата черных в Южной Африке меньше в 4-8 раз зарплаты белых рабочих. Советские же зэки, занятые на тяжелых работах, получали в 20-30 раз меньше советского свободного рабочего. Могут возразить: но это же были преступники, заключенные! Да, среди них были и преступники, уголовники, но не более 25%. Большинство же, помимо «политических», были рабочие и работницы, отбывающие заключение за опоздание на работу более чем на 20 минут, за прогул, за ничтожное расхитительство (например, кража буханки хлеба) или колхозники, получившие «срок» за сбор колосков после уборки урожая. Таких насчитывалось десятки тысяч.

В гитлеровских лагерях уничтожения: в Освенциме, Треблинке, Майданеке — заключенным ставили на руки невытравляемое клеймо — их номер. В советских лагерях также метили заключенных — заставляли носить номера, но только на одежде. Все-таки хоть и лагерь, но не фашистский же, а социалистический!

В 1948 году были созданы лагеря особого режима. Туда отправляли власовцев, других, сотрудничавших с немцами и, конечно, «контрреволюционеров». Условия жизни здесь были намного суровее, чем в обыкновенных исправительно-трудовых лагерях. В лагеря особого режима посылали также баптистов — мучеников веры. В 1948—1950 годах за принадлежность к баптистской общине приговаривали к 20—25 годам.

Моральное положение заключенных было ужасным. Помимо оскорблявших их достоинство номеров на одежде, решеток на окнах, бараков, они часто становились жертвами ярости или плохого настроения охранников, которые без предупреждения стреляли разрывными пулями по заключенным. В Особых лагерях цензорши — сотрудницы МВД, ленясь просматривать письма с воли, адресованные заключенным, попросту сжигали их.

Однако война значительно изменила психологическое состояние населения лагерей. Они пополнились людьми, которые воевали — одни за советскую власть, другие — против нее. Большинство заключенных носило когда-то оружие и умело им пользоваться. Заключенные «послевоенного призыва» могли противостоять напору блатарей, этой гвардии администрации лагерей, которых специально натравливали на «врагов народа». Уголовников официально называли «социально близкими» (советской власти. — А. Н.) в отличие от «социально опасных», т. е. осужденных за «контрреволюционную деятельность».

Новые лагерники обладали иным, по сравнению с «врагами народа» 30-х гг., жизненным опытом. Они не были одурманены пропагандой относительно строительства «социализма в одной стране». «Враги народа» 30-х гг., особенно бывшие ответственные партийные и советские работники, считали свой арест недоразумением, единственной ошибкой советской власти. Те, кто попал в лагерь после войны, меньше всего заботились о строительстве коммунизма. В них был достаточный запас презрения и ненависти к строю, который по их представлению был ничем не лучше, а может быть и хуже фашистского (гитлеровцы хоть не резали «своих», а только «чужих»...). Поэтому для взрыва этой ненависти нужен был лишь толчок.

В послевоенные годы, по далеко не полным данным, произошли бунты, мятежи и восстания в следующих лагерях:

1946 — Колыма

1947 — Усть-Вим (Коми АССР), Джезказган (Караганда)

1948 — Салехард

1950 — Салехард, Тайшет

1951 — Джезказган, Сахалин

1952 — Вожель (Коми АССР), Молотов, Красноярский край

1953 — Воркута, Норильск, Караганда, Колыма

1954 — Ревда (Свердловск), Карабаш (Урал), Тайшет, Решоты, Джезказган, Кенгир, Шерубай Нура, Балхаш, Сахалин

1955 — Воркута, Соликамск, Потьма.

В последние годы жизни Сталина Особые лагеря, учрежденные в 1948 году, превращались в очаги политического сопротивления. Здесь были собраны осужденные по 58 ст. УК, то есть за «антисоветскую» или «контрреволюционную» деятельность. Засилью уголовников скоро пришел конец. Постепенно рождалась мысль о необходимости объединения ради сопротивления и завоевания попранных прав. В скором времени заключенные договорились об уничтожении осведомителей, затем начали вставать на защиту товарищей, которых администрация хотела удалить по причине смутьянства, дальше — больше.

«И мы, освобожденные от скверны, избавленные от присмотра и подслушивания, обернулись и увидели во все глаза, что тысячи нас! Что мы — политические! Что мы уже можем сопротивляться!» — пишет А. И. Солженицын.

Забастовки, протесты, открытые вооруженные выступления прокатились по концентрационным лагерям в конце 40-х и в начале 50-х годов.

В Воркутинских лагерях существовали небольшие группы подпольного движения Сопротивления. «Существование многочисленных подпольных организаций в специальных лагерях Воркуты и работа, которую они делали, — сообщает один из воркутинцев, — пожалуй, самое удивительное явление для всех европейцев...» — пишет немецкий заключенный Шомлер.

Группы сопротивления образовывались по национальному признаку. Руководителем одной из групп был, например, бывший советский офицер, попавший в плен и осужденный после

из групп был, например, бывший советский офицер, попавший в плен и осужденный после возвращения на 10 лет за то, что попал в плен... Его группа состояла из бывших офицеров. Свое освобождение они связывают с войной между западными странами и СССР. Они готовятся к решающему моменту, когда коменданты лагерей начнут превентивные расстрелы заключенных, как то было в 1941 году (у комендантов хранятся в сейфах запечатанные конверты, которые они должны открыть в случае начала войны). Подавляющее большинство участников русских подпольных групп одобряют экономические и социальные принципы советской системы. Но они против диктатуры и за исправление положения в сельском хозяйстве.

Самыми непримиримыми были украинские националисты — оуновцы с Западной Украины.

Администрация лагерей усердно разжигала национальную рознь, особенно поощряла антисемитизм. Бригадирами, где были заключенные-евреи, назначали осужденных за... убийства евреев во время войны украинцев из немецких охранных батальонов.

Шомлер сообщает о своем разговоре с неким Катченко:

«Когда я спросил его, за что его арестовали, он ответил:

— Я застрелил 84 еврея.

— Всех сам?

— Всех из моего собственного пистолета. И они дали мне за это двадцать пять лет. Несправедливо, неправда ли?»

«Во время войны, — продолжает Шомлер, — эти твари работали либо для зихерхайтсдинст, либо для гестапо. Теперь большинство из них находятся в привилегированном положении и работают для НКВД. Катченко, например, руководил одним из строительств в городе».

Причины забастовок и восстаний заключенных были повсюду одинаковы: уничижение человеческого достоинства, издевательство над заключенными со стороны администрации, безнаказанные убийства конвоирами заключенных. В послевоенные годы выступления постепенно приобретали политический характер.

Восстание в Печорских лагерях в 1948 году происходило под руководством бывшего полковника Советской армии Бориса Мехтеева. План восставших заключался в том, чтобы, освобождая один за другим лагеря, пойти на взятие города Воркуты. Но повстанцы были встречены в 100 километрах от Воркуты боевыми самолетами и рассеяны. Часть из них ушла небольшими группами партизанить в горы Урала. Мехтеев был схвачен, приговорен к 25 годам заключения.

В том же году произошло восстание на стройке 501 на строительстве железной дороги Сивая Маска — Салехард. Восстание возглавили бывший полковник Воронин (Воронов?) и бывший старший лейтенант бронетанковых войск Сакуренко. Второе восстание в Салехарде в 1950 году возглавлял бывший генерал-лейтенант Беляев, осужденный на 25 лет за «контрреволюционную деятельность». Восстанием в Кенгире, продолжавшимся 42 дня (1954 год), руководил бывший полковник Кузнецов. По всей видимости, военные руководили и мятежом в Берлаге (отделение Нижний Атурях).

Выступления заключенных принимают все более целенаправленный характер. Восставшие под руководством полковника Воронина в Салехарде освобождают не только свою бригаду, но и другие. Они открывают ворота зоны, берут приступом соседний лагерный пункт и начинают наступление на Воркуту, до которой всего 50 километров. Какова цель похода на Воркуту? По некоторым данным, восставшие собирались овладеть радиостанцией и обратиться с просьбой о помощи ко всему цивилизованному миру и призвать к восстанию заключенных других лагерей. Власти послали воздушный десант и с помощью штурмовиков рассеяли и расстреляли повстанцев.

В январе 1952 года вспыхнула забастовка, переросшая затем в мятеж в Экибастузе. Впервые в истории советских концентрационных лагерей несколько тысяч заключенных объединились в протесте против беспричинных убийств своих товарищей конвоем. Заключенные не только отказались выйти на работу, но объявили голодовку, которая продолжалась три дня. Забастовка 5 тысяч заключенных устрашила ГУЛаг. Прибыла комиссия, якобы для разбора жалоб. Заключенные бесстрашно излагали свои претензии и требования. Один из них, бригадир Т., говорил, например, комиссии: «Я соглашался раньше... когда другие заключенные говорили, ... что живем мы — как собаки... Но теперь я вижу, что был неправ... Живем мы — гораздо хуже собак!.. У собаки один номер на ошейнике, а у нас четыре. Собаку кормят мясом, а нас рыбьими костями. Собаку в карцер не сажают! Собаку с вышки не стреляют! Собакам не лепят по двадцать пять!»

После отъезда комиссии начались аресты и взятия на этап. Многих отправили в лагерь Кенгир и заставили работать там в наручниках.

Особенно широкий размах волнения в лагерях приняли вскоре после смерти Сталина и устранения Берия, то есть весной-летом 1953 года, а затем в 1954 году. Эти волнения приобрели явно политический характер.

Кризис режима

Одним из наиболее ярких проявлений кризисного состояния режима в последние годы жизни Сталина была усилившаяся борьба за власть между его ближайшими сотрудниками. После войны и в немалой степени в связи с болезнью Сталина Политбюро ЦК ВКП (б) фактически атомизировалось, разбилось на соперничающие группы и группировки. Старые соратники Сталина, бывшие его опорой во время борьбы за власть после смерти Ленина, во время коллективизации, постепенно отодвигались в тень. На авансцену выступали более молодые и амбициозные, такие, как А. А. Жданов, Г. М. Маленков, Л. П. Берия, Н. А. Вознесенский. Первые два послевоенных года были отмечены усилением влияния группы Жданова. Эта группа пользовалась влиянием, так как занимала ключевые

влиянии группы Жданова. Эта группа пользовалась влиянием, так как занимала ключевые позиции в области экономики. В нее входили: председатель Госплана, член Политбюро Н. А. Вознесенский, кандидат в члены Политбюро А. Н. Косыгин, секретарь ЦК КПСС А. А. Кузнецов, осуществлявший партийный контроль над армией и органами государственной безопасности, и сам А. А. Жданов, секретарь ЦК в области идеологии и политики. Мотором этой группы был Жданов, которому поручались Сталиным самые ответственные задания. Он был вдохновителем и руководителем кампании по идеологическому «очищению» советского общества, инициатором и вдохновителем борьбы за «приоритеты» советской науки, он возглавлял борьбу против еретиков (Тито) в международном коммунистическом движении. Одно время он пользовался исключительным влиянием на Сталина. Сталин даже рекомендовал своей дочери Светлане выйти замуж за сына Жданова. С именем Жданова были связаны попытки не только возродить, но и усилить роль партии в жизни общества и государства путем широкого привлечения в ее ряды участников войны против Германии и людей интеллектуального труда.

Однако напористость и агрессивность Жданова изжили себя во времени. Смерть Жданова в конце августа 1948 года привела к усилению влияния Г. М. Маленкова, осторожного и умного интригана, фактически руководившего аппаратом ЦК. Маленков был одним из создателей сталинского партийного аппарата. Несколько лет Маленков служил в личном секретариате Сталина, возглавляемом Поскребышевым. Здесь он обучился искусству аппаратной интриги, перед которым макиавеллизм кажется детской забавой. Он поднялся во время террора 30-х годов и, в 1939 году, в возрасте 37 лет стал секретарем ЦК ВКП (б) и членом Оргбюро. Маленков ведал партийными кадрами. Он опирался на поддержку Л. П. Берия, который появился в Москве в 1939 году. Секретарь ЦК Грузии, он был назначен наркомом внутренних дел после того, как убрали Ежова. Маленков и Берия сблокировались и проводили согласованную линию. Оба они были сделаны членами Политбюро в 1946 году.

Сталин умело манипулировал соперничающими группировками, то подталкивая, то осаждая их, но никак не выпуская бразды правления из своих рук. В его резерве находился всегда Н. С. Хрущев, к которому он относился с доверием, так как не видел в нем претендента в преемники.

Но и обе группировки использовали недоверие и подозрительность Сталина для упрочнения своего собственного положения и влияния. Жданов воспользовался конфликтом с Югославией, вызвав патологическую ненависть Сталина к Тито. В 1947 году усиление Жданова привело к временному падению Маленкова, отосланного в Узбекистан. На его место был назначен на недолгий срок бывший секретарь Ленинградского обкома ВКП (б) А. А. Кузнецов. Смерть Жданова привела к возвращению Маленкова в Москву. Вместе с Берия он спровоцировал так называемое Ленинградское дело (обвинение ленинградцев в попытке захватить власть) для того, чтобы раз и навсегда покончить с влиянием группы Жданова. Н. А. Вознесенский, А. А. Кузнецов, председатель Совета Министров РСФСР Н. Н. Родионов и многие другие ответственные государственные и партийные работники, выходцы из Ленинграда, были обвинены в антипартийной и антигосударственной деятельности и уничтожены. В самом Ленинграде была произведена чистка, во время которой пострадали многие сотни людей.

Усиление группы Маленкова-Берия вызвало, по свидетельству Хрущева, тревогу у самого Сталина. В 1947—1949 годах Сталин пережил несколько мозговых ударов, его недоверие и подозрительность усилились. В 1949 году он вызвал из Киева Н. С. Хрущева и сделал его секретарем Московского комитета партии и ЦК, рассчитывая, вероятно, несколько сбалансировать расстановку сил в Политбюро и использовать Хрущева для проведения предстоящей чистки. Старые соратники Сталина: Молотов, Ворошилов, Андреев, Микоян — все более отодвигались на второй план. В 1949 году Молотов был заменен на посту министра иностранных дел Вышинским, хотя и остался заместителем председателя Совета Министров СССР. Члены Политбюро К. Е. Ворошилов, А. А. Андреев давно уже были фигурами номинальными. Остальные члены Политбюро занимались своими участками работы, зорко, однако, наблюдая за тем (А. И. Микоян), чтобы случайно не быть выброшенными из упряжки. В последние годы жизни Сталин считал, или делал вид, что считает, Ворошилова английским агентом, а Молотова — американским. Жена Молотова была арестована и сослана. Но и после этого Молотов продолжал служить Сталину верой и правдой.

Маленков и Берия, расчищая путь к власти, начали избавляться от всех второстепенных, но занимающих важные партийные позиции лиц, на которых нельзя было им рассчитывать. Они пользовались старым оружием разжигания подозрительности Сталина, которому мерещились заговоры против него.

В последние годы жизни Сталина были арестованы министр авиационной промышленности А. И. Шахурин, маршал авиации А. А. Новиков, маршал артиллерии Н. Д. Яковлев, академики Григорьев и И. Майский, бывший посол в Лондоне.

Усиливавшейся подозрительностью Сталина, этой болезнью тиранов, начали пользоваться люди помельче из органов государственной безопасности ради собственного возвышения, такие, например, как министр государственной безопасности в последние годы жизни Сталина С. Д. Игнатьев. Обвинения в контрреволюционной деятельности и в заговорщичестве обнимали все больший круг людей. В стране нагнеталась атмосфера, аналогичная той, которая предшествовала террору 30-х годов.

Мысль о необходимости чистки созревала у Сталина все больше.

Намерение Сталина произвести «смену караула» стало абсолютно ясным во время XIX съезда ВКП (б) 5—15 октября 1952 года. Съезд, так долго откладываемый, был созван, наконец, спустя 13 лет после XVIII съезда.

Вместо Политбюро и Оргбюро ЦК был создан Президиум ЦК из 25 членов и 11 кандидатов. Среди них были десять секретарей ЦК, тринадцать заместителей председателя Совета министров СССР, первые секретари ЦК Белоруссии и Украины, министры государственной безопасности и иностранных дел, руководители профсоюзов, комсомола и партийного контроля. Каждому старому члену Политбюро фактически уже была подыскана замена.

Намерение Сталина заменить старых руководителей новыми было более чем ясно. Хотя состав ЦК был значительно расширен, более 60% прежнего состава вошло в новый. Это указывало на то, что процесс образования устойчивой партийно-государственной элиты близок к завершению. Секретари обкомов стали становым хребтом партийно-государственного аппарата. Очень скоро их роль в решении проблем руководства страной возрастет неимоверно.

Съезд подчеркнул национально-советский характер партии. Прежнее ее наименование Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) было заменено на Коммунистическая партия Советского Союза. И здесь восторжествовала идея государственности. Впрочем, меньшевики, по контрасту с которыми ленинцы называли себя большевиками, были, за исключением тех, кто ушел в эмиграцию, почти все физически уничтожены. Погибли во время террора 30-х годов либо вымерли и большевики. Тем самым исчезло и различие.

Сталин, готовя грандиозную «чистку» внутри Советского Союза, приказал предварительно провести чистку в странах-сателлитах Советского Союза. Повсюду: в Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Польше, Румынии — прошли процессы против некоторых лидеров коммунистического движения, которые были, по сведениям, имевшимся в Москве, чересчур самостоятельными или зараженными титоизмом. Арестованные коммунистические лидеры в Болгарии и Чехословакии были подвергнуты пыткам под руководством советников, присланных из Москвы. Все они, за исключением Тройчо Костова, признали себя виновными в связях с сионизмом, американским империализмом, югославской разведкой и еще Бог знает в чем и были либо казнены, либо приговорены к длительным годам заключения.

В Польше и в Восточной Германии произошли аресты, но не было казней лидеров.

Борьба против воображаемых заговорщиков стала главной заботой Сталина. Хрущеву, прибывшему из Киева, Сталин сказал: «Вы нам нужны здесь. Раскрыты заговоры. Вы должны руководить московской партийной организацией таким образом, чтобы Центральный Комитет мог положиться на поддержку членов партийной организации в борьбе против заговорщиков. Пока что мы раскрыли заговор в Ленинграде. Москва тоже засорена антипартийными элементами. Мы должны превратить город в бастион Центрального Комитета».

Вскоре был обнаружен «заговор» на автомобильном заводе им. Сталина (ныне Лихачева) в Москве. Главный конструктор завода талантливый инженер Файнциммер и группа других работников автозавода — евреев — были обвинены во вредительстве по заданию сионистов и США. Маленков послал на автозавод парторгом ЦК бывшего следователя Комитета Партийного Контроля.

*** * ***

Неудачи в области внешней политики в Корее, в Берлине, в Югославии, внутренние трудности, вызванные неразумной экономической и социальной политикой советского руководства, подсказывали Сталину старый испытанный метод борьбы с растущим недовольством населения: разжигание национальной вражды и розни и, прежде всего, использование антисемитизма. Антисемитские настроения самого Сталина проявлялись не раз еще со времени борьбы за власть. Многие политические противники Сталина были еврейского происхождения. Антисемитизм в стране, и особенно в ее южной части, усилился под влиянием советско-нацистской «дружбы» 1939—1941 годов и особенно во время немецкой оккупации части территории СССР.

Обострение отношений с Соединенными Штатами Америки, которые много сделали для оказания помощи евреям — жертвам нацистского террора и сионистам, создававшим еврейское государство — Израиль, усиливали антисемитизм Сталина

Новое руководство Украины первый секретарь ЦК Л. Г. Мельников и председатель Совета министров УССР Коротченко начали проводить на Украине откровенно антисемитскую политику. Газеты запестрели от еврейских фамилий людей, обвиняемых в разных ошибках, грехах и преступлениях. Евреев арестовывали, выгоняли с работы, на улицах их подвергали оскорблениям. Были случаи погромов в Киеве, Харькове и других украинских городах Были введены негласные ограничения при приеме евреев на работу и в высшие учебные заведения.

Нагнеталась антисемитская атмосфера не только на Украине. В Москве, например, Сталин лично дал приказ Хрущеву устроить антисемитский погром на 30-м авиационном заводе в Москве, где рабочие были недовольны условиями работы. Он предложил раздать рабочим дубинки с тем, чтобы они в конце рабочего дня избили своих евреев.

Хрущев свидетельствует об открытых антисемитских высказываниях Сталина на заседаниях Политбюро. Сталин не гнушался даже передразнивать манеру евреев разговаривать. Сталин позволял себе это делать, так как был уверен, что никто из членов Политбюро не осмелится осудить его или даже рассказать кому-нибудь об его антисемитизме.

Полностью антисемитизм Сталина раскрылся во время дела Антифашистского еврейского комитета. Этот комитет был создан во время войны против нацистской Германии. Его задача заключалась в том, чтобы через еврейские организации в США и в других странах организовывать финансовую и материальную помощь Советскому Союзу, Красной армии и населению и распространять антинацистскую и просоветскую пропаганду. Комитетом руководил член ЦК ВКП (б) и начальник Советского Информбюро С. А. Лозовский. Председателем комитета был С. М. Михоэлс — знаменитый еврейский актер. Членами комитета были выдающиеся деятели советской культуры, евреи по происхождению. В 1943 году Михоэлс и поэт Фефер были посланы в США, в многомесячную поездку для мобилизации общественного мнения и сбора средств. Поездка прошла с огромным успехом для Советского Союза.

В 1944 году антифашистский комитет обратился к Сталину с письмом, в котором просил создать в обезлюдевшем после депортации крымских татар Крыму Еврейскую автономную

республику. Сталин позднее представил это как злокозненную попытку сионистов создать очаг американского империализма на территории советского государства. По его приказанию в 1948 году члены комитета были арестованы. Их подвергли пыткам и затем в 1952 году расстреляли, включая самого Лозовского. Еще до их ареста Михоэлс был убит (13 января 1948 года) на улице Минска сотрудниками госбезопасности, по его трупу проехал грузовик, чтобы придать всему делу вид несчастного случая. «Они зверски убили его», —вспоминает Хрущев. Затем тело Михоэлса было доставлено в Москву и устроены торжественные похороны.

Примерно в это же время госбезопасность начала по приказу Сталина готовить покушение на бывшего наркома иностранных дел М. М. Литвинова, которого Сталин подозревал в сотрудничестве с США. Убийство предполагалось осуществить во время очередной поездки Литвинова на свою дачу. Но покушение не состоялось, так Литвинов скончался в 1951 году.

Последней грандиозной антисемитской провокацией, которая не была доведена до конца из-за смерти Сталина, был так называемый заговор врачей.

Это дело возникло по инициативе ответственных сотрудников министерства государственной безопасности, которые были прекрасно осведомлены об антисемитских настроениях Сталина и шли навстречу его пожеланиям. Были арестованы крупнейшие врачи, они обслуживали Кремлевскую больницу, в числе их пациентов был сам Сталин и высшие советские партийные и военные руководители. Среди арестованных был родной брат убитого Михоэлса профессор Вовси, а также начальник лечебно-санитарного управления Кремля проф. Егоров и другие. Предлогом для ареста врачей послужил донос врача-рентгенолога Кремлевской больницы Л. Тимашук, осведомителя госбезопасности. Обвиняемых подвергли зверским пыткам, после чего они признали себя виновными в заговоре, имевшим целью умертвить руководителей партии, государства и армии путем применения заведомо неправильных методов лечения. Обвинение выглядело настолько неправдоподобным, что даже министр госбезопасности, видавший виды Абакумов, и тот усомнился, когда ему принесли «признания», подписанные несчастными врачами. Дело было доложено Сталину, и он приказал не только дать ему ход, но и бить обвиняемых до их полного признания. 13 января 1953 года газеты опубликовали сообщение о раскрытии заговора врачей-евреев и о предстоящем суде над ними. Спустя неделю, в годовщину смерти В. И. Ленина, провокатор Тимашук была награждена орденом Ленина. По всей стране прокатились митинги гнева и осуждения «врачей-убийц». В этой вакханалии антисемитизма приняли посильное участие писатели, ученые и другие представители советской культуры. *«Литературная газета»*, редактором которой был К. Симонов, опубликовала кровожадную статью под названием «Убийцы в белых халатах». На партийном собрании в Президиуме Академии наук СССР почтенные академики требовали смертной казни для врачей.

Простой народ реагировал попроще: оскорблял и избивал при случае евреев. Больные в поликлиниках отказывались лечиться у докторов-евреев, заявляя, что они отравители, иные писали на врачей доносы. Многих врачей-евреев изгоняли из больниц и поликлиник. В учреждениях отделы кадров начали составлять списки на сотрудников-евреев.

Сталин лично занимался «заговором врачей». Разработанный им сценарий состоял из нескольких актов. Акт первый — осуждение врачей судом и их полное признание. Акт второй — смертная казнь через повешение. Утверждают, будто казнь должна была быть произведена как в старину на Лобном месте, т. е. на Красной площади в Москве. Акт третий — еврейские погромы по всей стране. Акт четвертый — обращение известных деятелей культуры еврейского происхождения к Сталину с просьбой защитить евреев от погромов, разрешить им покинуть крупные города и приобщиться к земле. Акт пятый — массовая депортация евреев «по их собственной просьбе» в восточные районы страны. Член Президиума ЦК КПСС философ Д. Чесноков написал книгу, в которой объяснял причины депортации евреев. Первоначально книга была напечатана для высших кругов. Ожидали лишь сигнала для ее распространения. Текст обращения еврейских деятелей культуры был не только написан, но и подписан ими.

*** * ***

Страна жила в преддверии новой еще невиданной доселе волны террора. Террора, но для чего? С какой целью?

Здесь мы подошли к одному из ключевых моментов биографии Сталина. Удачная реализация задуманного достойным образом увенчала бы его карьеру Вождя...

Оценка мировой ситуации привела Сталина к выводу, что начало 50-х годов будет наиболее благоприятным временем для нанесения окончательного удара по капиталистической Европе и установления там социалистической системы.

Созданный в 1947 г. Коминформ (вместо закрытого в 1943 г. Коминтерна) должен был консолидировать силы мирового коммунистического движения и координировать усилия компартий в борьбе за власть. Министр внутренних дел Франции Жюль Мок свидетельствует в своих мемуарах о намерениях французской компартии захватить власть в 1947 году.

Цели консолидации сил коммунистического движения было подчинено и Движение сторонников мира, управляемое из Москвы. Оно прикрывало подлинные намерения советского режима и помогало вовлечь в число сочувствующих СССР либеральных интеллигентов Запада, выступающих за сохранение мира. Им было трудно понять; что борьба за мир понимается советским руководством совсем иначе, чем западной интеллигенцией. Цели так называемой борьбы за мир были отчетливо выражены в названии органа Коминформа, газеты под названием *«За прочный мир, за народную демократию!»*, начавшей выходить в Белграде. Идея была простой — прочный мир не может быть установлен без установления режима «народной демократии».

На руку Советскому Союзу оказался и разгул антикоммунистической истерии в США —

маккартизм. Он отбросил в лагерь Советского Союза многих либеральных американских деятелей и запугал великое множество других, относившихся отрицательно к советской системе интеллигентов, перспективой быть обвиненными в маккартизме и в разжигании «холодной войны».

Еще в 1946 г. началась подготовка к грандиозной «чистке», наподобие массовых репрессий 30-х годов. Конец 40-х и начало 50-х гг. были ознаменованы арестами и судебными процессами в социалистических странах Восточной Европы по обвинению в шпионаже в пользу Запада, в участии в заговорах и пр.

Через полгода после начала корейской войны, в январе 1951 г. в Кремле было созвано совещание руководителей социалистических стран. От Советского Союза в совещании приняли участие Сталин и Молотов. О том, что произошло на этом совещании мы знаем из работ чехословацких историков, имевших доступ к секретному архиву Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии. В этом архиве имеются записи хода совещания. Центральным моментом было выступление Сталина.

Вождь «прогрессивного человечества» объяснил собравшимся, что созрело время для решительного наступления на капиталистическую Европу. Соединенные Штаты продемонстрировали в Корее слабость своих вооруженных сил. Советский лагерь достиг военного преобладания над Соединенными Штатами. Но это преимущество носит временный характер и будет продолжаться лишь в течение 4-х лет. Поэтому главная задача социалистического лагеря состоит в том, чтобы в течение трех-четырех лет мобилизовать и консолидировать военную, экономическую и политическую силу социалистических государств для нанесения удара по Западной Европе. Этой цели должна быть подчинена вся внутренняя и внешняя политика социалистических стран. Сталин подчеркнул, что представляется уникальная возможность установить социализм по всей Европе.

После январского 1951 г. совещания в Кремле военные расходы в СССР и в социалистических странах Европы значительно возросли, особенно внебюджетные ассигнования. В отдельных случаях они достигали до 40 процентов от всех расходов. В Советском Союзе дело шло к успешному завершению проекта создания водородной бомбы.

Идеологическому обоснованию предстоящего наступления в Западной Европе была посвящена речь Сталина на XIX съезде КПСС 14 октября 1952 г. Это была необычная речь. Сталин обращался исключительно к зарубежным рабочим и коммунистическим партиям, объяснял им ближайшие цели и методы их достижения. Сталин бесконечно повторял слово «мир», но это и показывало, что речь идет вовсе не о защите мира, а о нечто ином. Сталин все же был довольно откровенен. Он похвалил зарубежные коммунистические партии за доверие к КПСС, т. е. за верную службу, подчеркнув при этом, что их доверие означает их «готовность поддержать нашу партию в ее борьбе за светлое будущее народов...» Сталин отождествил политику поддержки СССР со стороны компартий с интересами народов. Мысль была примитивная, но доходчивая: тот, кто поддерживает Советский Союз, тот защищает интересы своего народа. Сталин похвалил также Тореза и Тольятти за заверения, что итальянцы и французы никогда не будут воевать против СССР. Со своей стороны, Сталин обещает зарубежным компартиям помощь КПСС, которая «не может оставаться в долгу у братских партий и она сама должна в свою очередь оказывать им поддержку». Сталин обещает поддержку не только коммунистическим партиям, но и «народам в их борьбе за освобождение». Но от кого должны освобождаться народы? Ведь фашизм разбит. «Новый порядок» в Европе уничтожен.

Ответ на эти вопросы Сталин дает не прямо. Он напоминает о «реальных мерах», предпринятых советской коммунистической партией «по ликвидации капиталистического и помещичьего гнета», что позволило СССР стать «ударной бригадой» мирового революционного и рабочего движения. Теперь «ударных бригад» стало много, — подчеркивает Сталин, — и коммунистам зарубежных стран стало легче работать.

Он предсказывает, что коммунисты капиталистических стран придут к власти. И Сталин формулирует лозунги, под которыми компартии должны идти к захвату власти. Сталин, как и Ленин, большой мастер по заимствованию чужих лозунгов и чужих программ и приспособлению их к нуждам советского режима. На этот раз он заимствует у буржуазии лозунги защиты демократии, национальной независимости и национального суверенитета. Впрочем он и не скрывает заимствования. Все дело в том, объясняет Сталин, что «знамя буржуазно-демократических свобод» выброшено буржуазией «за борт» и некому его поднять и понести кроме как представителям коммунистических и демократических партий, «если хотите собрать вокруг себя большинство народа, ... если хотите стать руководящей силой нации», — многозначительно добавляет Сталин. Он не сомневается, что программа, начертанная им, будет осуществлена и «следовательно есть все основания рассчитывать на успехи и победу братских партий в странах господства капитала», — заключает Вождь.

Сталин хочет видеть Европу советской еще при своей жизни.

Надвигается новая война.

Но здесь вмешивается История.

Смерть Сталина

В конце февраля 1953 г. в самый разгар подготовки процесса врачей Сталина внезапно хватил удар. 5 марта Сталин умер.

Ближайшие сотрудники Сталина вздохнули с облегчением. Ведь в последние годы его жизни каждый из них чувствовал себя в опасности. Даже казавшийся всесильным и всемогущим Л. П. Берия, долгие годы отвечавший в Политбюро за министерство внутренних дел и государственной безопасности, опасался за свою жизнь. Он был фактически отстранен от надзора над госбезопасностью. В 1951 году бывшего секретаря

Башкирского обкома партии С. Д. Игнатьева назначили министром государственной безопасности. Одни считали его ставленником Маленкова, другие — Хрущева.

Спустя несколько лет после смерти Сталина начали распространяться легенды, особенно на Западе, будто Сталину «помогли» умереть. Особенно напирали на то, что смерть Сталина спасла от неминуемой гибели Берию, которого Сталин боялся и устранение которого подготавливал. Свидетельство Хрущева, что Берия не скрывал своей радости по поводу случившегося, истолковывалось как доказательство его прямого или косвенного участия в смерти Сталина. Версия эта, очень заманчивая для романиста, бездоказательна.

Ни у Берии, ни у других членов Политбюро, верой и правдой служивших диктатору, не хватило бы мужества, чтобы устранить его. Они больше всего, в том числе и Берия, боялись за себя, ничто другое их не интересовало. Берия, ненавидимый другими членами Политбюро, должен был быть еще осмотрительнее, чем другие.

Сталин умер естественной смертью, как умирают обыкновенно старые люди.

Гроб с телом Сталина был установлен в Доме Союзов. Был объявлен четырехдневный траур (на один день меньше, чем траур по Ленину), с 6 по 9 марта. Тысячи людей прошли перед гробом.

> И Он оказался всего лишь простым смертным —
> Вождь и Учитель трудящихся всего мира,
> Отец народов,
> Мудрый и прозорливый Вождь советского народа,
> Величайший Гений всех времен и народов,
> Величайший Полководец всех времен и народов,
> Корифей науки,
> Верный Соратник Ленина,
> Верный Продолжатель дела Ленина,
> Ленин сегодня,
> а также:
> Горный Орел
> и
> Лучший друг всех детей.

Реакция была различной. Те, кто был обязан Сталину своим повышением, теперь со страхом думали о будущем. Другие тихо радовались и надеялись на лучшую жизнь.

Газеты немедленно начали прославлять членов старого Политбюро. В статье «У гроба Сталина» поэт Алексей Сурков писал: «В почетном карауле у гроба Сталина члены ЦК КПСС, члены правительства: товарищи Г. М. Маленков, Л. П. Берия, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, А. И. Микоян. С чувством горделивого уважения смотрят советские люди на славных соратников великого вождя, несущих у гроба своего гениального воспитателя траурную вахту... В их верные, закаленные в богатырских трудах руки передал наш родной вождь боевое знамя, знамя светлых идей Ленина—Сталина. Их мужественным сердцам передал он драгоценное чувство ответственности за судьбу народа, за величественное дело осуществления коммунизма...» Эти слова были далеки от истины. Не было ни «горделивого уважения» народа к соратникам, не было рук, «закаленных в богатырских трудах», а были руки с неотмываемыми пятнами пролитой крови соотечественников, заморенных и убитых в сталинские времена. Не было мужественных сердец, а были сердца претендентов на власть, радующихся смерти своего «воспитателя». В одном лишь Сурков был прав: да, Сталин поистине воспитал их!

Борьба за власть началась еще у постели умирающего Сталина, когда члены Политбюро распределяли дежурства у одра умирающего: Маленков дежурил с Берией, Хрущев с Булганиным, прочие были не в счет.

Н. С. Хрущев открывал траурный митинг на Красной площади на похоронах Сталина 9 марта. Но речи произносили члены первого послесталинского триумвирата: Маленков, Берия и Молотов. Последнего взяли в «упряжку» в качестве соединительного звена — после Сталина Молотов был наиболее известной народу фигурой.

Маленков стал первым секретарем ЦК и председателем Совета Министров, Берия — министром внутренних дел, Молотов — министром иностранных дел. Хрущев остался секретарем ЦК — Он сосредоточил в своих руках всю видимую и невидимую власть партийного аппарата и начал готовиться к быстро назревавшей схватке за власть.

На следующий день после смерти Сталина бывшие его соратники быстро договорились о реорганизации власти, созданной Сталиным на XIX съезде партии, то есть об устранении из руководства новопришельцев. В этом члены старого Политбюро были единодушны. Теперь Президиум ЦК КПСС был сведен к десяти членам и четырем кандидатам.

Соратники Сталина боялись реакции народа. Они были так долго оторваны от него, что теперь не знали, чего ожидать. Вот почему в правительственном коммюнике о реорганизации власти появились слова о недопущении «какого-либо разброда и паники».

Но паника была лишь среди лиц, ответственных за организацию похорон Сталина. Из-за нее на улицах Москвы произошла неслыханная давка в последний день прощания со Сталиным. Более 500 человек было задушено и затоптано обезумевшими людьми. Кровь людская сопровождала «отца народов» до самой могилы, до Мавзолея.

Со смертью Сталина окончился период неограниченной террористической диктатуры в истории советского режима. В то же время это был период роста, созревания и оформления современного советского общества. Его основы и принципы были заложены Лениным в первые годы Советской власти. Революция сверху, проведенная Сталиным в 30-е годы, была логическим развитием Октябрьской революции и стратегии, выработанной Лениным. В этом смысле исторические претензии Сталина, что он был наиболее верным и последовательным учеником Ленина, достаточно оправданны.

Диктатура Сталина воплотила в жизнь мечту тираний всех эпох — абсолютного господства

Диктатура Сталина воплотила в жизнь мечту тирании всех эпох — абсолютного господства над человеком, над его телом и душой. Система социализма, установившаяся в Советском Союзе, была более совершенной и более прочной, чем германский нацизм или фашизм в любой его разновидности. Она предъявила свое властное право не только на душу человека, но и на переделку ее и даже на создание Нового Советского Человека — Хомо Советикус. Эту грандиозную задачу нельзя было осуществить лишь методами голого террора, хотя террор как изначальное орудие создания нового мира имел огромное значение. Для того, чтобы создать новый тип советского человека, необходимо было произвести несколько последовательных операций по очищению российского общества, и коренным образом изменить не только его социальную структуру, но и его физический состав.

После Октябрьской революции и во время гражданской войны произошло массовое уничтожение представителей господствующих классов России и ее интеллигенции. Но одновременно уничтожались в ходе подавления многочисленных крестьянских восстаний и крестьяне, доведенные до отчаяния поборами и террористической политикой новой власти — человеческий материал, абсолютно непригодный с точки зрения советской власти для строительства нового мира. Речь шла здесь не о тысячах, и даже не о сотнях тысяч, а о миллионах уничтоженных, погибших и вынужденных оставить свою страну в 1917—1922 годах. Период новой экономической политики (1921—1928) был использован властью для собственной консолидации. Именно в это время заканчивает свое формирование диктаторский режим Сталина — ставленника новой элиты — партийной бюрократии. Теперь террор направляется не только против остатков буржуазной интеллигенции, лояльно сотрудничавшей с Советской властью; не только против бывших членов буржуазных партий, но и против тех, кто принадлежал к социалистическим (эсеры) и даже марксистским партиям (меньшевики, бундовцы). Закладывается основа рабовладельческой империи — ГУЛаг.

Революция сверху, проведенная сталинской диктатурой в 30-е годы, отголоски которой были еще в 40-х годах, знаменовала собой новый период в создании современного советского общества и современного советского человека. Коллективизация, приведшая к гибели наиболее производительные слои крестьянского населения, к пауперизации другой его части и созданию огромной и почти бесплатной армии рабочих, вместе с тем была и революцией в физическом смысле — миллионы людей погибли, чтобы другие десятки миллионов стали подходящим материалом, из которого диктатура могла бы лепить Нового Человека.

Важной особенностью режима была его массовость. Новый человек создавался не только путем послойного физического уничтожения наиболее ярких, динамичных и наиболее образованных представителей народа, но и путем его воспитания в соответствующих условиях и с соответствующей идеологией.

Ко времени ухода Сталина коммунистическая партия Советского Союза насчитывала около 7 миллионов членов. На противоположном полюсе — в лагерях ГУЛага — находилось 8 миллионов заключенных. Оба полюса как бы создавали необходимый эквилибриум системы.

Заявление партии в 1939 году, что социализм в СССР в основном построен, абсолютно соответствовало действительности. К этому времени была создана социально-экономическая структура, существующая и по сей день. СССР значительно развился в индустриальном отношении, вышел на широкую арену мировой политики и сделал первые шаги на пути внешней экспансии. К этому же времени была закончена чистка, коснувшаяся на этот раз не только не согласного с линией Сталина и критикуемого партийного меньшинства, но и партийного большинства, согласного во всем со Сталиным. Были уничтожены основные кадры партийных, государственных и военных работников — все те, кто мог бы быть носителем исторической памяти народа, те, кто был, возможно, еще способен проявить собственную инициативу и уже тем самым представлял потенциальную угрозу диктатуре.

Чистка 30-х годов была на самом деле грандиознее всех ее позднейших описаний историками, политологами и социологами. Уничтожение преданных режиму партийно-государственных и военных кадров было в количественном отношении куда меньшим, чем уничтожение обыкновенных колхозников, служащих, рабочих и их семей, производившееся по разверстке из центра. Каждая область должна была выявить и обезвредить определенное количество «врагов народа». Предыдущие чистки времен революции и коллективизации не прошли даром для сознания народа. Во время чисток 30-х годов диктатура получила наконец то, чего она добивалась на протяжении 20 лет, — массовую поддержку террора со стороны либо горевших энтузиазмом, либо запуганных советских граждан. Эти граждане и стали исходным материалом для создания Нового Советского Человека.

Война против гитлеровской Германии чуть было не стала концом диктатуры. Но страна выстояла. Как ни парадоксально, выстояла благодаря тому, что сталинскому режиму не хватило времени, чтобы завершить свою работу по созданию нового типа человека — конформиста Хомо Советикус. В чрезвычайных условиях военного времени вновь ожили лучшие чувства людей и среди них любовь к родине, где жили они, их отцы и предки. Но защищая свою страну, они одновременно защищали и спасали диктатуру. Во время войны процесс формирования современного советского общества был прерван. Но в то же время окончательно расчистился и путь к завершению этого процесса: миллионы людей погибли во время войны. Среди них были остатки тех поколений, которые родились в первые годы Советской власти и сформировались еще до начала Великого Террора 30-х годов. В них причудливым образом уживались мечты о мировой революции — отголоски их смутного детства — и готовность быть верными слугами сталинской диктатуры. Они могли умирать на поле боя с именем Сталина на устах, но могли выжить с великой надеждой на свободу. Мало кто из поколений, родившихся в 20-е годы, возвратились домой целыми и невредимыми. Но те, кто вернулся, уже не годились в качестве материала для лепки из них Нового Советского Человека. Новая чистка стала неизбежной. Она стала неизбежной также и потому, что события войны возродили было утраченную коллективную память народа, подлинную, а не ту, которую усердно начали насаждать, уничтожая, с одной стороны, носителей и хранителей этой памяти, а с другой — создавая искусственную

коллективную память посредством *«Краткого Курса истории ВКП (б)»*, *«Биографии И. В. Сталина»* и многочисленных фальсификаторских поделок историков, литераторов, художников, артистов, поэтов и музыкантов.

В последние годы сталинской диктатуры, иногда называемой периодом зрелого сталинизма, все ее характерные черты необычайно обострились. Так обыкновенно происходит со стареющими людьми, когда заложенные в них хорошие или дурные качества становятся более выпуклыми, заметными, ощутимыми. То же самое происходит и в обществе. Позднесталинистское общество носило все основные черты раннего одряхления. Эти черты — распад идеологии, произвол власти и господство органов государственной безопасности над всеми областями жизни страны, массовая система доносительства, грубое вторжение партии-государства в сферу семейных отношений граждан, обострение межнациональных отношений, усиление экспансионистских тенденций вовне, ксенофобия и разжигание шовинизма и антисемитизма внутри страны. Все это происходило на фоне быстрого роста военного потенциала государства и стремительного ухудшения экономического положения страны и особенно условий жизни крестьянского населения.

Завершение формирования современного советского общества тормозило отсутствие чувства безопасности, столь необходимого для любого общества. Все без исключения слои общества страдали комплексом неполноценности. Партийная бюрократия ощущала этот комплекс еще больше других, ибо даже власть и привилегии, которыми члены этой касты обладали, могли исчезнуть неожиданно, внезапно, так же, как и они сами. Бюрократия устала от единовластной Диктатуры. Она мечтала о новой форме диктатуры — без диктатора. Но в то же время страшилась последствий исчезновения Сталина.

Изучению сталинской эпохи, сталинизма, как принято называть это время в истории Советского Союза, посвящено много исследований, опубликованных главным образом на Западе. Высказаны и обоснованы интересные точки зрения на сталинизм как исторический феномен. Некоторые исследователи попытались оценить советский опыт с точки зрения интересов Человека, Человеческого Общества в целом. И когда они это сделали, то увидели вдруг, что в ходе строительства «светлого будущего человечества» были физически уничтожены, заморены голодом или погибли насильственной смертью десятки миллионов людей. Одни называют эту цифру в 25 миллионов, другие в 40. А. И. Солженицын считает, что за годы советской власти погибло 60 миллионов. Как ни считать, но речь идет, таким образом, о подлинной демографической катастрофе, невиданной в истории России на протяжении ее многовековой истории. Речь идет о глубокой нравственной катастрофе для тех, кто выжил. Как справятся они, живущие, с наследием эпохи?

Таков был вопрос, поставленный Историей в марте 1953 года.

Глава десятая. Годы растерянности и надежд (1953 — 1964)

Первый «триумвират»

После смерти Сталина Маленков казался его естественным преемником, В последние годы жизни Сталина он стал главной политической фигурой в партии. Маленков прочел вместо Сталина, впервые после XII съезда партии, отчетный доклад ЦК на XIX съезде в 1952 году. Фотография Маленкова вместе со Сталиным и Мао Цзедуном появилась во всех газетах 12 марта 1953 года. Рядом со статьей Мао Цзедуна, в которой было написано: «Мы глубоко верим, что Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Советское правительство во главе с товарищем Маленковым безусловно смогут продолжить дело товарища Сталина...» Это было как бы предъявлением законных прав на наследование.

Маленков небрежно отмахнулся от предложения Хрущева собраться, чтобы обсудить, как и кому вести дела дальше. «Поговорим», — бросил он, уезжая с ближней дачи Сталина немедленно после того, как врачи констатировали смерть диктатора.

Хрущев промолчал, но принял свои меры: вывез важные архивы к себе в ЦК КПСС, начал готовиться к решающей схватке за власть.

На совместном заседании правительственных органов и ЦК КПСС 6 марта 1953 года Хрущев одержал первую важную победу — его освободили от обязанностей секретаря МК КПСС и предложили сосредоточиться на работе в секретариате ЦК. Ни Маленков, ни Берия, вступившие в союз еще при подготовке «ленинградского дела», не видели в Хрущеве серьезного соперника в борьбе за власть. Помыслы обоих были направлены на захват контроля над государственной властью. Оба допустили серьезную ошибку, переоценив знание поста главы правительства и государственной безопасности и недооценив обладание контроля над партийным аппаратом. Не сам пост председателя Совета министров СССР важен для удержания власти, а важна личность главы правительства. Сталин на посту председателя Совета министров оставался всевластным диктатором. Таким он был бы и без этого поста. Маленков лишь занимал должность, но не был диктатором. Он был не более чем председателем Совета министров.

Хрущев не стал претендовать на высшую правительственную должность. Вопреки своему характеру, он оказался на этот раз достаточно терпеливым, чтобы ждать. Для него Маленков сам по себе был не опасен. Опасен был Маленков в союзе с Берия или Берия в союзе с Маленковым. Хрущев был плоть от плоти партийного аппарата и великолепно знал настроение его верхушки — секретарей обкомов партии, становившихся теперь истинной властью на местах.

Они хотели быть свободными от страха, от наблюдения за ними местных начальников управлений государственной безопасности. Они были лояльны центру, но хотели большей самостоятельности в решении местных дел и гарантии личной безопасности. Для них, как и для Хрущева, самым опасным человеком был Берия. Он был ненавидим большинством партийно-государственной верхушки и военной бюрократией.

партийно-государственной верхушки и военной бюрократией.

Хрущев добился немедленно после смерти Сталина разделения партийной и государственной власти. 14 марта 1953 года Маленков был по собственной просьбе освобожден от обязанностей секретаря ЦК КПСС, но остался председателем Совета Министров. Хрущев стал фактически первым секретарем ЦК КПСС. Эта должность, исчезнувшая после XIX съезда, была официально восстановлена в сентябре 1953 года.

15 марта 1953 года 4-я сессия Верховного Совета СССР утвердила новое государственное руководство, К. Е. Ворошилов был избран на номинальный, но почетный пост председателя Президиума Верховного Совета СССР. Маленков был назначен председателем Совета министров СССР, Берия, Молотов и Каганович — его первыми заместителями, Булганин и Микоян — заместителями. У власти оказался первый «триумвират» — Маленков, Берия и Молотов. Последний фактически был отодвинут в область внешней политики. Новое правительство нуждалось в поддержке народа, еще неспокойного после ухода Всевидящего и Вездесущего. Правительство обещало позаботиться о благе народа и заявило о своей готовности немедленно улучшить отношения с Соединенными Штатами Америки. Следуя традиции, правительство объявило 1 апреля о новом снижении государственных розничных цен на продукты, одежду, бензин и стройматериалы.

С чего начать? Этот вопрос был и остается главным при любой смене власти. Был он главным и для нового руководства, пришедшего на смену Сталину. Ответ на этот вопрос был довольно сложным и далеко не однозначным. В последние годы жизни Сталина в стране, буквально во всех областях, возникло сильное напряжение. Внешнеполитическая ситуация таила в себе опасную перспективу сползания к третьей мировой войне.

Маленков, как это видно из его первых действий, понял, что необходимо дать народу материальное облегчение, в котором ему так долго отказывали.

Программа триумвирата была суммарно изложена в первом официальном докладе Маленкова на заседании 4-й сессии Верховного Совета СССР 15 марта 1953 года, через неделю после того, как тело Сталина было внесено в Мавзолей и появилась еще одна надпись: «И. В. Сталин».

«Законом для нашего правительства является обязанность неослабно заботиться о благе народа, о максимальном удовлетворении его материальных и культурных потребностей...» Этот лозунг был как бы вывеской нового руководства.

В печати началась кампания за увеличение производства товаров легкой промышленности и продовольственных товаров. Спустя несколько месяцев, на шестой сессии Верховного Совета СССР, Маленков, отметив неблагополучие в сельском хозяйстве, призвал: «... в ближайшие 2-3 года добиться создания в нашей стране обилия продовольствия для населения и сырья для легкой промышленности».

Новый премьер призывал также изменить отношение к личному хозяйству колхозников, расширить жилищное строительство, развивать товарооборот и розничную торговлю. Значительно увеличились капиталовложения на развитие легкой, пищевой, рыбной промышленности.

Уже первые мероприятия нового правительства, понизившего налоги на крестьян, создали ему широкую популярность. Именно Маленков, а не Хрущев, был в первое время наиболее популярной фигурой среди народа.

Одним из особенно плачевных последствий тридцатилетней сталинской диктатуры был упадок сельского хозяйства. Наследникам Сталина предстояло принять важные решения, от которых зависела не только судьба десятков миллионов колхозников, но и экономика страны на многие десятилетия вперед. Никто из новых руководителей не помышлял, конечно, о кардинальном решении вопроса — ликвидации полукрепостной колхозной системы. Но они пытались найти пути некоторого облегчения бремени колхозников, повышения рентабельности колхозного производства.

В течение многих лет колхозники едва сводили концы с концами, особенно в центральной и северо-западной России. Их существование поддерживали не эфемерные доходы колхозов, о которых трубила советская печать, вызывая восторги умиления западной «прогрессивной» интеллигенции, а карликовые приусадебные участки, корова — кормилица семьи испокон веков.

После войны натуральные и денежные налоги с колхозов и колхозников в пользу государства возросли неимоверно. Вместе с голодом 1946 и 1947 года новые поборы привели к гибели сотен тысяч крестьян и к окончательному обнищанию миллионов. Чтобы избежать уплаты налогов, а налоги взимались не в виде общей суммы, а с каждой единицы сельскохозяйственной культуры или с домашнего скота и птицы, колхозники вынуждены были свертывать многостороннее хозяйство и оставлять только те его части, налог на которые был меньше или без которых семье попросту грозила бы голодная смерть.

Одним из первых мероприятий «триумвирата» было сокращение сельскохозяйственного налога с приусадебных участков, отмена натурального налога и замена его денежным и повышение закупочных цен на излишки сельскохозяйственной продукции. Были полностью сняты недоимки по сельскохозяйственному налогу за прошлые годы.

Денежный налог по Закону о сельскохозяйственном налоге от августа 1953 года был фактически снижен с каждого колхозного двора в среднем в два раза.

В передовой статье первого номера за 1953 год центрального теоретического органа КПСС журнала *«Коммунист»* торжественно объявлялось: «Зерновая проблема, считавшаяся ранее наиболее острой проблемой, решена прочно и окончательно».

В 10 номере того же журнала были опубликованы материалы сентябрьского пленума ЦК КПСС, посвященного положению в сельском хозяйстве. К 13 номеру журнала от мажорного тона не осталось и следа.

Хрущев признал, что все заявления о разрешении зерновой проблемы, были лживыми. Налоги на индивидуальные хозяйства колхозников снова были понижены, владельцы коров получили льготы. Было решено поощрять впредь мелкое хозяйство рабочих и служащих: разведение свиней, домашней птицы, поощрялось даже обзаведение коровами. Фактически это было признанием, что приусадебное хозяйство крестьянина и рабочего в небольших провинциальных городах является главным источников поддержания не только собственного существования, но и источником снабжения сельскохозяйственными продуктами значительной части населения страны. Но в 1953 году четвертая часть из 20 миллионов крестьянских семей не имела коров.

В 1954 году был отменен налог за владение коровой и свиньями. К этому времени налог на приусадебный участок снизился в 2,5 раза по сравнению с 1952 годом.

Эффект новой меры был потрясающим: деревня и близлежащие к сельской местности города перестали испытывать острую нужду в продовольствии, хотя положение все еще оставалось достаточно серьезным. Главное же заключалось в том, что крестьяне еще раз поверили государству, что может быть улучшение в их беспросветной жизни. Легко себе представить, каковы были бы результаты перевода сельского хозяйства на иные рельсы, если относительная свобода использования приусадебного хозяйства, распространившаяся всего на 2% всех обрабатываемых земель в стране, так быстро и в такой короткий срок изменила положение.

Значительным облегчением для населения явилось сокращение в два раза суммы подписки на очередной государственный заем развития народного хозяйства СССР (выпуск 1953 года).

Намерение нового руководства «успокоить нервы народа» проявилось в упорядочении рабочего дня в учреждениях. Практика ночного бдения была осуждена. Отныне работа в учреждениях союзного и республиканского значения начиналась в 9 часов утра и заканчивалась в 6 часов вечера с часовым перерывом на обед.

4 апреля 1953 года было опубликовано безо всяких комментариев сообщение Министерства внутренних дел СССР о том, что дело «врачей-убийц» было провокационно состряпано бывшим руководством бывшего Министерства государственной безопасности и что обвиненные врачи неповинны ни в каких преступлениях. То было удивительное заявление, ибо бывший руководитель бывшего Министерства государственной безопасности С. Д. Игнатьев немедленно после смерти Сталина был сделан секретарем ЦК КПСС.

Игнатьев никак не мог бы быть избран в секретариат ЦК без согласия Хрущева. Но Игнатьев нес прямую ответственность за подготовку «процесса врачей». Имел ли Хрущев какое-либо касательство к этому делу? Вопрос этот тем более закономерен, что Игнатьев никогда позднее не был привлечен к партийной и государственной ответственности, а был после освобождения его от обязанностей секретаря ЦК направлен на партийную работу в качестве первого секретаря Башкирского обкома партии.

Как бы то ни было, но заявление МВД от 4 апреля имело огромное политическое значение, как декларация о разрыве с прежней практикой беззакония и террора. Многие семьи арестованных «врагов народа» увидели в этом возможность для пересмотра обвинений и приговоров по делу их родных. В прокуратуру СССР и в партийные органы посыпались сотни тысяч заявлений с просьбами пересмотреть дела осужденных.

Позднее, после ареста Берия, в партийных кругах утверждали, что коммюнике не было согласовано Берией с секретариатом ЦК, иначе оно было бы опубликовано не от имени Министерства внутренних дел, а от имени правительства и формулировки были бы иными. Вероятно, так и было бы на самом деле. Коммюнике МВД создавало новую огромную и не очень желательную проблему для нового руководства — реабилитации сотен тысяч, а может быть и миллионов людей, исчезнувших в годы террористической диктатуры Сталина. Вероятно, не было ни одного крупного партийного или государственного деятеля, который не был бы прямо или косвенно причастен к массовым преступлениям советского режима, или во всяком случае не извлек бы для себя какой-либо выгоды во время террора 30-х и 40-х годов. Теперь число врагов Берия в руководстве значительно увеличилось, так как многие опасались разоблачений. Пока что Берия распорядился освободить родственников членов руководства, арестованных и посланных в лагеря в последние годы жизни Сталина. Берия лично вручил Молотову его супругу П. С. Жемчужину, попавшую в лагерь в последние годы жизни Сталина. Заодно он распорядился освободить бывшего министра госбезопасности Абакумова, угодившего в тюрьму по случаю дела «врачей-убийц». Выпустили из тюрьмы маршала артиллерии Н. Д. Яковлева и его сына, а также маршала авиации Новикова, арестованного по навету Василия Сталина.

Имя Берия стало довольно популярным среди интеллигенции и городских слоев на короткое время. Его популярность была связана с коммюнике от 4 апреля. Берия, а вместе с ним и «триумвират», сделали очень ловкий ход, соединив Министерство внутренних дел с Министерством государственной безопасности и создав новое под вывеской Министерства внутренних дел. Таким образом пугающие слова «государственная безопасность» исчезли на короткое время, создав иллюзию перемен и вызвав бурю рукоплесканий среди левых интеллектуалов Запада.

Но о преждевременности этих надежд свидетельствовал указ Верховного Совета СССР об амнистии от 27 марта 1953 года. По этому указу, получившему неправильное название «ворошиловского» (по имени нового председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова, подписавшего этот указ. На самом деле, указ об амнистии был подготовлен при активном участии Берия), освобождались из заключения те, кто был осужден на срок до 5 лет, иногда до 8 лет, некоторые категории инвалидов, несовершеннолетних и женщин. Амнистия не касалась политических заключенных.

Летом 1953 года массы уголовников, освобожденные из лагерей по мартовскому указу об

амнистии, наполнили города страны. Даже в Москве стало небезопасным появляться вечерами на улицах из-за риска быть убитым или ограбленным. В Москву были введены части внутренних войск, появились конные патрули. Позднее, после устранения Берии, ему инкриминировалось в числе прочих преступлений намерение использовать выпущенных из тюрем уголовников для захвата власти.

Берия стал популярным в национальных республиках. С его именем связывали поворот в области национальной политики, за предоставление больших прав союзным республикам и против русификаторских тенденций.

В республиках прошли пленумы ЦК местных компартий, на которых осуждалась практика великодержавной политики. На пленуме ЦК компартии Украины говорилось о «серьезных извращениях» ленинско-сталинской национальной политики. Главу украинской партии Л. Мельникова, в частности, упрекали в том, что на руководящую работу в западные области Украины были посланы работники из других областей Украины и что преподавание в высших учебных заведениях Западной Украины было фактически переведено на русский язык. На пленуме ЦК в Литве отмечалось то же самое: слабое выдвижение национальных литовских кадров на руководящую работу. Открытые протесты против русификаторства в той или иной форме можно было услышать в то время на всех без исключения пленумах ЦК национальных компартий.

Берия представил проект в Президиум ЦК относительно этнического состава руководящих органов на Украине. Его мысль заключалась в том, чтобы на местах руководили местные, украинские кадры и чтобы их не передвигали в Москву. Президиум ЦК КПСС освободил русского Л. Мельникова от обязанностей первого секретаре на Украине и назначил на его место украинца Кириченко. Несомненно, что перемены были сделаны с согласия Хрущева, так как Кириченко был его ставленником. Писатель Корнейчук был введен в состав Президиума Украинского ЦК. Подобного же рода перемещения были проведены в прибалтийских республиках и в Белоруссии. Как свидетельствует Хрущев в своих мемуарах, Президиум ЦК КПСС принял решение, что пост первого секретаря в каждой республике должен быть предоставлен местному выходцу, а не русскому, посланному из Москвы. Хрущев признает, что точка зрения Берия о том, что преобладание русских в руководстве республик должно быть изменено, совпадала с точкой зрения ЦК. Обвинение Хрущева, что Берия рассчитывал таким путем обострить отношения внутри руководства в республиках и между центральным руководством в Москве и республиканскими руководителями, не выдерживает критики: если Берия действительно стремился к захвату власти, то это прямо бы противоречило его цели. Была ли у Берия программа по национальному вопросу, хотел ли он действительно усилить национальный элемент в республиках и в каких целях, остается открытым. Но немедленно после ареста Берия во всех национальных республиках снова прошли пленумы и митинги, на которых Берия осуждался за попытки поссорить национальности Советского Союза «под фальшивым предлогом борьбы с нарушениями национальной политики партии». Впрочем, это было в порядке вещей.

Берия, повинный во множестве преступлений против человечности, был ведущей силой первого «триумвирата». Об этом можно судить по обвинениям, выдвинутым против Берия в закрытом письме ЦК после его ареста. Оказывается, что именно Берия выступал за международную разрядку, за объединение Германии и ее нейтрализацию, за примирение с Югославией, за предоставление национальным республикам больших прав, прекращение русификации в области культуры, за выдвижение на руководящие должности выходцев с мест. В письме ЦК КПСС указывалось на необычайную активность Берия, засыпавшего Президиум ЦК всевозможными проектами.

Третий член триумвирата В. М. Молотов был сделан министром иностранных дел. Ему, искушенному в политике «холодной войны», предстояло теперь урегулировать необычайно обострившиеся в связи с корейской войной и германской проблемой отношения с западными странами и особенно с США.

Уже в программе нового правительства, изложенной в речи Маленкова 15 марта 1953 года, помимо обычных заверений в миролюбивости внешней политики СССР, содержалось косвенное обращение США с призывом к пересмотру советско-американских отношений.

Американское правительство реагировало, если не очень быстро, то вполне определенно. В выступлении президента Эйзенхауэра от 16 апреля 1953 года, которое, вопреки обычной практике, было полностью опубликовано в СССР спустя 10 дней, говорилось: «Мы приветствуем каждый честный акт мира. Нас не интересует одна лишь риторика». Конкретно президент США предлагал: заключить почетное перемирие в Корее, заключить договор с Австрией, создать широкое европейское сообщество, которое включало бы объединенную Германию. Он настаивал также на полной независимости восточно-европейских государств, ограничении в вооружениях, международном контроле над атомной энергией. Комментарии *«Правды»* от 25 апреля 1953 года «К выступлению президента Эйзенхауэра» были выдержаны в спокойном тоне. Лондонский *«Таймс»* назвал статью *«Правды»* «самым разумным заявлением о советской политике, появившемся за многие долгие месяцы».

Реакция британского правительства также была положительной. Британский премьер-министр Черчилль заявил: «Мы ободрены рядом дружественных жестов со стороны нового советского правительства», и предложил созвать совещание в верхах.

Результаты поворота в советской политике не замедлили сказаться — 27 июля 1953 года было подписано перемирие в Корее и корейская война окончилась.

*** * ***

Отзвуки на смерть Сталина, на арест Берия, на кампанию в печати в защиту законности прокатились по всей стране и достигли миллионов заключенных, томившихся в концентрационных лагерях. И они начали бастовать и восставать повсюду: в лагерях Коми АССР, Урала, Сибири, Средней Азии и Казахстана. Наиболее важным было восстание в Кенгире весной-летом 1954 г. В восстании приняли участие 9 тысяч заключенных мужчин и 4 тысячи женщин.

Попытка администрации лагеря спровоцировать уголовников на расправу с политическими

заключенными обернулась неожиданно всеобщей стачкой и восстанием заключенных. Восстание продолжалось 42 дня. В ходе его заключенные выставили требования политического и социального характера. Среди них: пересмотр приговоров и амнистия, введение 8-часового рабочего дня, превращение лагерей особого режима в обыкновенные, удаление с одежды заключенных номеров, улучшение условий заключения. Восставшие потребовали также приезда из Москвы представителя ЦК КПСС. Восстание проходило под лозунгом: «Да здравствует Советская Конституция!». Через несколько лет под тем же лозунгом уважения к Конституции сформируется правозащитное движение в СССР...

По приказу из Москвы против заключенных Кенгира были пущены танки и 3 тысячи солдат. Неравный бой, начавшийся на рассвете 26 июня 1954 года, продолжался 4 часа. Восставшие оказывали отчаянное сопротивление, забрасывая танки бутылками с горючей смесью... Однако сила взяла верх. Уцелевшие были арестованы, судимы и отправлены на Колыму.

В ходе восстания стачка солидарности с взбунтовавшимся Кенгиром была объявлена 10 июня в лагере Джезказган. После 26 июня каратели появились с танками у Джезказгана. 20 тысяч заключенных здесь не были подготовлены к сражению и капитулировали.

Однако 42 дня восстания в Кенгире не пропали даром. Произошли изменения в жизни заключенных: теперь они начинали работу не в 6 утра, а в 8 и работали до 5. Решетки с окон бараков, снятые во время восстания, не были восстановлены. Номера были удалены с одежды. Инвалиды и малолетние заключенные были частью освобождены, другим был уменьшен срок наказания.

Начальство решило ввести в лагерях «культуру». Начали приезжать театральные труппы и оркестры...

За два года до революции в Венгрии советские заключенные восстали в лагерях. Их подвиг остался тогда незамеченным, но они совершили историческое дело, частично сломив терроризм и эксплуатацию заключенных и их бесправие, процветавшие в лагерях десятилетиями. Знаменитый XX съезд КПСС стал возможным также и благодаря движению Сопротивления заключенных советских концентрационных лагерей.

* * *

Смерть Сталина и первые шаги по либерализации, предпринятые советским руководством, нашли немедленный отзвук в странах-сателлитах СССР Восточной и Юго-Восточной Европы. Повсеместно начались волнения, ожесточилась борьба между старым сталинским руководством и антисталинистами. Только Албания, Румыния и Болгария остались более или менее спокойными. В Албании убежденный сталинист Энвер Ходжа расправился заранее со всеми возможными и невозможными оппозиционерами. В Румынии и Болгарии сталинисты также держали в руках бразды правления. Только позднее, после XX съезда КПСС там активизировались антисталинские силы.

Первые серьезные волнения в социалистическом блоке произошли в Чехословакии в начале июня 1953 года. Непосредственным поводом для волнений послужила денежная реформа 30 мая 1953 года, серьезно ударившая по интересам рабочих. 1 июня начались волнения в Пльзене, одновременно началась всеобщая стачка на угольных шахтах Моравска Остравы. 5000 демонстрантов в Пльзене ворвались в городскую ратушу и порвали портреты Сталина и Готвальда. Вызванные войска отказались стрелять по демонстрантам. Раздавались требования проведения свободных выборов. Имена Массарика, Бенеша и Эйзенхауэра вызывали бурю оваций. Однако не было призывов к свержению власти. Движение было стихийным и никем не возглавлялось. Не было и кровопролития: после отказа войск открыть огонь по демонстрантам, были вызваны специальные полицейские силы, которым не было оказано сопротивления. Волнения в Чехословакии были показателем назревшего недовольства политикой коммунистической партии, захватившей власть в феврале 1948 года.

Возмущение экономической политикой было поводом для восстания в Восточной Германии в июне 1953 года. Форсированная индустриализация и принудительная коллективизация, проводимая восточногерманским правительством, привела к массовому бегству населения из Восточной части Германии в Западную. Ответом правительства было увеличение обязательных поставок продуктов с крестьянских дворов и принудительная уплата задолженности по налогам. В апреле 1953 года было прекращено распределение продовольственных карточек среди «классово-чуждых элементов» и среди восточных берлинцев, работавших в западном секторе Берлина. Одновременно начался нажим на рабочих с требованием поднять производительность труда. В конце мая 1953 года было издано постановление совета министров ГДВ об увеличении производственных норм на 10%.

Отлив населения на Запад усилился. В течение первых пяти месяцев 1953 года в Западную Германию ушло 190 тысяч человек из Восточной, в то время как за весь 1952 год ГДР покинуло 182 тысяч немцев.

В это же время в Москве были получены сведения об ухудшении ситуации в Венгрии.

Новое советское руководство настоятельно посоветовало своим сателлитам немедленно изменить экономическую политику, прекратить нажим на рабочих, крестьян и средние слои, отказаться от дорогостоящих и не оправданных программ по индустриализации (сателлиты СССР старались в сталинские времена во всем копировать своего «старшего брата», абсолютно не считаясь с экономическими возможностями своих стран).

Под нажимом из Москвы Политбюро ЦК СЕПГ приняло резолюцию, в которой осуждалась прежняя экономическая политика, признавались серьезные ошибки и отменялись все непопулярные мероприятия последних месяцев. Однако среди допущенных ошибок и мер по их устранению не упоминалось о повышении рабочих норм Более того, последовало подтверждение о вводе в действие новых норм с 30 июня 1953 года. Рабочие Восточного Берлина ответили немедленным прекращением работы 16 июня и массовыми демонстрациями. Тысячи рабочих пришли к зданию правительства с требованием отмены

повышения рабочих норм, снижения цен. Они выставили также и политические требования: отставки главы партии Вальтера Ульбрихта, объединения Германии и проведения после этого свободных выбором. На следующий день, 17 июня, началась всеобщая забастовка в Восточном Берлине и волнения во многих городах ГДР, включая Лейпциг, Дрезден, Магдебург. Рабочие в этих городах нападали на полицейские участки и тюрьмы, освобождали политических заключенных. В движении приняли участие до 100 тысяч человек.

Для подавления начавшегося всеобщего восстания в ГДР советское командование ввело в дело танки. Советским войскам помогала полиция ГДР. По некоторым данным погибло до 500 человек.

Кровавое подавление рабочего восстания в ГДР было представлено правительством СССР как ликвидация попытки мятежа фашистов. Более тридцати лет спустя после этих событий население СССР так и не знает правды о событиях, случившихся в Германии в июне 1953 года.

Новое советское руководство с большим беспокойством наблюдало за развитием событий в Венгрии.

Глава венгерской коммунистической партии Матиас Ракоши был, пожалуй, наиболее преданным Советскому Союзу лидером социалистической страны. Он стремился во всем подражать политике Советского Союза. В результате Венгрия уже в начале 50-х годов оказалась в крайне бедственном положении, экономическом и политическом.

Ракоши и другие венгерские деятели были вызваны весной 1953 года в Москву, где советские руководители потребовали от Ракоши прекращения неоправданного, авантюристического курса на сверх-индустриализацию и прекращения насильственной коллективизации. В Москве настаивали на реорганизации правительства, уходе Ракоши с поста премьера, удалении двух других министров — тяжелой индустрии и обороны и принятии решения ЦК Венгерской компартии, осуждающего сделанные ошибки. На место Ракоши главой правительства был назначен старый коминтерновец Имре Надь, считавшийся умеренным и находившийся фактически в оппозиции к политике Ракоши. Хотя Политбюро Венгерской компартии и приняло требуемую резолюцию, но держало ее содержание в секрете, отделавшись опубликованием туманного коммюнике. Но Имре Надь, встав во главе правительства, начал проводить политику, сходную с политикой НЭПа».

Ракоши продолжал оставаться во главе партии. Очень скоро внутри Венгерского руководства завязалась острая борьба. Имре Надь был обвинен в правом уклоне и смещен с поста премьера в апреле 1955 г.

Но в то же время, в Венгрии так же, как и в СССР, началась реабилитация, возвращение репрессированных режимом Ракоши, восстановление их на партийных постах (чего не было в СССР).

В Венгрии развернулось также широкое движение за либерализацию, охватившее интеллигенцию, от студентов и до писателей.

Появились разного рода общественные организации, кружки. Возникли журналы и альманахи литераторов, художников, артистов либерального направления. Начали печататься произведения, критически оценивающие положение в социалистической Венгрии.

Началась духовная революция.

*** * ***

10 июля 1953 года в газетах было опубликовано сообщение об аресте Берия. Устранение Берия было подготовлено Хрущевым в сговоре с другими членами Президиума ЦК КПСС. Арест Берия был произведен с помощью военных во главе с маршалом Г.К.Жуковым и с помощью И.А.Серова. Берия был расстрелян после процесса.

Падение Берия было концом первого триумвирата. Престиж и влияние Хрущева, организатора антибериевского заговора, значительно усилились. Маленков утратил свою опору и теперь все более зависел от Хрущева, который очень быстро прибрал к рукам партийный аппарат. Хрущев еще не мог диктовать свои решения, но и Маленков уже не мог действовать без согласия Хрущева. Оба еще нуждались в поддержке друг друга. Но в руках Хрущева был не только партийный аппарат. Армия, которую он использовал для ликвидации Берия, была также за него. В войска для разъяснения случившегося были посланы не только Жуков, Конев, Москаленко, непосредственные технические исполнители ареста Берия, но и Булганин — штатский маршал, всецело преданный Хрущеву, был послан в стратегически и политически наиболее важный — Московский военный округ.

В декабре 1953 года состоялся официальный суд над Берия и его сподручными. Берия был уже мертв, но народ об этом не знал. Среди предъявленных обвинений фигурировало «организация антисоветской заговорщической группы в целях захвата власти и восстановления господства буржуазии». Сомнительно, однако, чтобы Берия стремился к «восстановлению власти буржуазии», а не к собственной диктатуре. Заодно Берия был объявлен агентом «Интеллинджен сервис» с 1918 года. Вместе с Берия были судимы и приговорены к смертной казни несколько высших чиновников госбезопасности, в том числе бывшие министры и их заместители.

В 1954 году был судим и расстрелян Рюмин — непосредственный руководитель провокационного дела врачей, а затем бывший министр государственной безопасности Абакумов, на счету которого было, помимо других многочисленных преступлений, «ленинградское дело».

После устранения Берия органы государственной безопасности были реорганизованы.

Большинство (но не все) высших руководителей были смещены или заменены. Они получили прекрасные пенсии. Вместо Министерства государственной безопасности был образован Комитет Государственной Безопасности при Совете Министров СССР. Тем самым подчеркивалось его снизившееся значение в структуре государственной власти. На местах начальники управлений КГБ отныне подчинялись первым секретарям обкомов, ставшим реальными хозяевами своих областей. Были ликвидированы спецотделы МГБ в различных учреждениях, в том числе и в ЦК КПСС. Всесильные Особые Совещания — тайные трибуналы, выносившие суровые, не подлежащие пересмотру приговоры, главным образом по обвинениям в контрреволюционной деятельности, антисоветской агитации и прочего, были упразднены. Во главе КГБ был поставлен бывший заместитель Берия, сыгравший значительную роль в его устранении, генерал И. А. Серов. Новый глава ведомства КГБ был известен своими «заслугами» по депортации прибалтов, жителей Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939—40 годах. Под его руководством проходила депортация народов Кавказа и татар Крыма в 1943—1944 годах. Он возглавлял государственную безопасность в советской зоне оккупации Германии и прочее. Однако его личная преданность Хрущеву, испытанная в годы совместной службы на Украине, и отсутствие политических амбиций у Серова сыграли свою роль. Эти качества нового главы госбезопасности отвечали главной цели реорганизации органов государственной безопасности — низведения их до уровня технических исполнителей. ЦК КПСС снова взял на себя полную ответственность за аппарат террора, уменьшенный, урезанный, но все же сохраненный как необходимый составной элемент советской социалистической общественной системы. Основным резервом кадров КГБ оставался, как и прежде, комсомол. Многие сотрудники государственной безопасности были в прошлом деятелями комсомола на различных уровнях. После Серова председателем КГБ был назначен бывший первый секретарь ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепин. Позднее, когда Шелепин стал членом Политбюро, его сменил на посту председателя КГБ другой секретарь ЦК ВЛКСМ — Семичастный.

Сохранение органов государственной безопасности подтверждало, что основа системы, созданной Лениным и усовершенствованной Сталиным, осталась без изменения. Но в тот момент многим это не было достаточно ясно.

Через неделю после реабилитации «врачей-убийц» ЦК КПСС принял решение «О нарушении законов органами государственной безопасности». Это решение носило не только частный, связанный с «делом врачей», характер, но имело большое принципиальное значение. Оно было первым формальным решением партии, осуждавшим органы государственной безопасности, ставшие над партией и над государством.

После опубликования сообщения о реабилитации врачей, но особенно после устранения Берия, в самых различных слоях населения совершенно стихийно возникло движение против произвола власти, независимо от того, было ли это произволом со стороны государственной безопасности, милиции, руководителя учреждения или домоуправления. Это движение приняло специфическую для советских условий форму. В редакции газет, главным образом центральные, начали поступать тысячи писем с жалобами на произвол местных властей. Всколыхнулись семьи так называемых врагов народа, погибших или еще томившихся в концентрационных лагерях и в тюрьмах. Долгие годы они были как бы париями общества. При каждом удобном случае им напоминали о великодушии партии и государства, которые позволяют им существовать и даже работать, а их детям учиться.

Письма начинались, как правило, со слов благодарности партии, разоблачившей «презренного изменника» Берию. Но дальше в письмах требовали или просили пересмотреть дела отцов, матерей, просто родственников. Органы прокуратуры были в растерянности. Были растеряны и партийные руководители. Они понимали, что подымается волна народного негодования, которая может их смести. То в одном, то в другом лагере на Колыме, в Казахстане, в других местах заключения вспыхивали забастовки и бунты, кончавшиеся кровавой вооруженной расправой. Народ вне лагерей открыто обсуждал совершенные преступления. Руководители на местах вдруг стали вежливыми и доступными для населения. Граждане использовали демагогию газетных статей, осуждавших произвол и нарушения законности, и начали всерьез требовать осуществления их гражданских прав. В конце 1953 и в начале 1954 года это движение, никем не организованное, стало шириться и расти, оказывая психологическое давление на новое руководство.

Верно или нет, что новое руководство не имело понятия о количестве репрессированных, заключенных в лагерях и тюрьмах? Этот вопрос довольно спорный. В государственных планах развития народного хозяйства всегда указывались министерства, ответственные за строительства и сооружения, а также фонды и людские ресурсы, которыми они располагают. Во многих случаях ответственным исполнителем значилось министерство внутренних дел. Поэтому очень легко было представить масштабы этой секретной империи с одновременным рабским населением в 8-9 миллионов. Совершенно невероятно, чтобы высшие руководители не знали об этом довольно точно.[46]

После коммюнике МВД от 4 апреля требование перехода к законности стало всеобщим, и оно касалось не только политических заключенных, но буквально всех сфер жизни советского общества, ибо повсюду не только закон был заменен произволом, но и сам закон также был выражением царившего в стране беззакония.

Все вышестоящие советские и партийные инстанции, а не только суд, прокуратура, органы юстиции и министерства внутренних дел были буквально засыпаны заявлениями-требованиями, просьбами и жалобами. И эти жалобы старались удовлетворить те же самые чиновники, которые были в них повинны.

Однако, когда речь пошла о реабилитации осужденных за так называемые контрреволюционные преступления, то здесь ничего нельзя было сделать без общего решения в государственном масштабе.

В 1953 году было освобождено около 4000 человек, а в лагерях по самым осторожным оценкам специалистов находилось от 8 по 9 млн. заключенных. Хотя в 1953—1955 годах режим был смягчен, проблема оставалась нерешенной. Освобождение продолжалось, но в 1954—1955 годах было реабилитировано и освобождено всего 12 тысяч человек. В 1955

году была объявлена амнистия лицам, сотрудничавшим с немцами во время оккупации в 1941—1944 годах, и освобождены в связи с приездом германского бундесканцлера К. Аденауэра немецкие военнопленные. В 1956 году были освобождены японские военнопленные, судимые как «военные преступники» (подавляющее большинство японских военнопленных было репатриировано в 1947—1948 гг.).

После XX съезда партии реабилитация приняла массовый характер. Были созданы комиссии по реабилитации, наделенные полномочиями освобождения заключенных на местах, прямо в лагерях. Подавляющее большинство выживших политических заключенных было освобождено в том же 1956 году, многие были реабилитированы посмертно, но этот процесс посмертной реабилитации растянулся еще на долгие годы.

Особенно трудным был вопрос, как отнестись к осужденным за участие в оппозициях. Ведь лидеры оппозиций так и не были реабилитированы, хотя постепенно многие осужденные по открытым судебным процессам 1936—1938 годов были посмертно реабилитированы, за исключением Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Каменева и других, хотя их невиновность в приписываемых им преступлениях, вроде подготовки покушения на Ленина в 1918 году (Бухарин), в шпионаже и организации террористических актов (Зиновьев, Каменев, Бухарин), вредительство (Рыков), была абсолютно ясной.

Реабилитация была необходима не только тем, кого она непосредственно затрагивала и их семьям, но имела огромное моральное значение для всего народа. Совесть, как врожденное и необходимое качество человеческого бытия, была пробуждена. На выборах в партийные комитеты и в профкомы начали рекомендовать кандидатов с точки зрения их моральной оценки.

Живые, восставшие из мертвых, — реабилитированные и возвращенные к жизни, к своим семьям, сыграли большую роль в раскрытии неправового характера советского государства и аморальности его общественной системы.

Но только ли советской системы? События, происходившие в Восточной Европе, показывали, что вопрос стоял значительно шире — о системе социализма и правомерности ее существования.

Осенью 1954 года в Польше были преданы широкой огласке факты пыток, применявшихся польской государственной безопасностью. В это же время был освобожден из заключения один из видных польских коммунистов Владислав Гомулка. В январе 1955 года органы государственной безопасности были в Польше упразднены, а виновные в применении пыток преданы суду.

*** * ***

Выше мы уже говорили, что «ленинградское дело» было спровоцировано Маленковым и Берия. Хрущев сообщает в своих мемуарах, что даже Сталин колебался в принятии окончательного решения, но в конечном счете решил оставить его в руках Маленкова и Берия.

Характерно, однако, что в перечислении преступлений, совершенных Берия, «ленинградское дело» было обойдено молчанием. Только в декабре 1954 года уже постфактум Берия было инкриминировано также и «ленинградское дело». Но к этому моменту вопрос об уходе Маленкова с поста председателя Совета Министров СССР был решен.

Все это время Хрущев неуклонно шел вверх. На сентябрьском пленуме ЦК 1953 г., где Хрущев сделал основной доклад о положении в сельском хозяйстве, он был формально избран первым секретарем ЦК. Тем самым его ведущее положение в партии было подтверждено. Он немедленно сменил руководство Московским комитетом партии, назначив Капитонова на место Михайлова, протеже Маленкова.

Хрущев был основным докладчиком на всех пленумах ЦК 1953 и 1954 годов. Его предложение о поднятии целинных и залежных земель встретило более чем прохладное отношение со стороны других членов Президиума ЦК. Маленков склонялся к более интенсивной эксплуатации уже культивированных земель.

В июле месяце 1954 г. состоялся суд над Рюминым, бывшим заместителем министра государственной безопасности, который не был, по-видимому, инициатором «дела врачей», но, во всяком случае, руководил следствием. Суд над Рюминым был явным предупреждением Маленкову поспешить с отставкой. Предстоял еще суд над бывшим министром госбезопасности Абакумовым, который был непосредственным руководителем следствия по Ленинградскому делу. Положение Маленкова становилось безвыходным. Хрущев показал себя в этом деле очень искусным интриганом. Но впервые за многие годы советской власти высшему чиновнику государства была дана возможность покинуть свой пост не только добровольно, но и с почетом.

В январе 1955 года на пленуме ЦК Маленков был подвергнут критике за неправильную линию в предоставлении приоритета легкой промышленности, а не тяжелой и за ошибки по руководству сельским хозяйством в начале 50-х годов. В феврале 1955 года Маленков подал формальное заявление об отставке с поста премьера. В этом заявлении он «самокритично» признал свои ошибки и объяснил их недостаточной подготовленностью для роли руководителя правительством. Новым главой Совета министров СССР стал стародавний приятель Хрущева Н. А. Булганин, ничем не примечательная политическая фигура, но, как утверждали в то время, способный администратор. Маленков стал одним из заместителей Булганина, сохранив положение члена Президиума ЦК. В самом правительстве были произведены в течение 1955 года различного рода замены и перемещения, свидетельствовавшие об усилении влияния Хрущева. Некоторые бывшие министры были посланы послами в разные страны. Это было нововведением. Отныне пост посла становился политическим, а не просто дипломатическим. Карьерным дипломатам пришлось потесниться. Роль министра иностранных дел, а им был Молотов, снизилась.

После ухода Маленкова Молотов оставался не только единственным членом первого триумвирата, но и главным связующим звеном с прошлым, с эпохой Сталина, с периодом «холодной войны». Теперь Хрущев начал исподволь атаку на Молотова. Молотов был

«холодной войны». Теперь Хрущев начал исподволь атаку на Молотова. Молотов был достаточно уязвим для любого обвинения, начиная от участия в терроре, заключении пактов о ненападении и дружбе с гитлеровской Германией в 1939 году и кончая разрывом с Югославией.

Молотов не был включен в состав делегации во главе с Хрущевым, отправившейся в Белград для примирения с Тито (май 1955 года). Он не участвовал также и в конференции стран Варшавского пакта в это же время. На июльском пленуме ЦК 1955 года Молотов был единственным среди членов Президиума, сохранившим свою прежнюю позицию по отношению к Югославии.

Молотов считался после Сталина главным теоретиком партии. О «теоретических», «философских» и других взглядах Молотова писалось немало кандидатских диссертаций в институтах Академии наук СССР. Он был избран почетным академиком. Хрущев имел в своем образовательном активе церковно-приходскую школу, а затем Промакадемию. Новый удар был нанесен по Молотову в связи с его заявлением в феврале 1955 года, что СССР построил фундамент социалистического общества. Молотов забыл о заявлении партии, что социализм уже был построен... в 1939 году!

Так, избавляясь постепенно от прямых наследников сталинской эпохи, Хрущев шел к XX съезду КПСС, назначенному на февраль 1956 года.

Но борьба против них с неизбежностью заставляла его идти довольно быстро вперед по пути разоблачения преступлений сталинского времени и реабилитации жертв сталинского террора. Использовав против Маленкова «Ленинградское дело», Хрущев, под нажимом требований реабилитации со стороны родственников видных партийных и военных деятелей, пострадавших в 30-е и в 40-е годы, должен был теперь вернуться к судьбе бывших членов Политбюро и ЦК. Это в свою очередь вело к выяснению роли Сталина в уничтожении кадров партии и роли его ближайших соратников — Молотова, Ворошилова, Кагановича. Путь этот был опасным и для самого Хрущева, как бывшего секретаря Московского комитета партии в годы террора, а затем руководителя украинской партии, ответственного за чистки в западных областях Украины и Белоруссии, а также в Прибалтике в 1939—40 годы, за расправу с повстанцами на Западной Украине после Второй мировой войны. И то, что Хрущев вступил на путь разоблачения преступлений сталинского времени, вопреки опасениям за свою личную судьбу, показывает, что он был на голову выше других советских руководителей и как человек, и как политический деятель. Не исключено, что Хрущев пошел по этой дороге, еще полностью не отдавая себе отчета в политических последствиях своего шага и рассчитывая, что сумеет держать будущие события под своим контролем.

Созданная при ЦК специальная комиссия была поставлена под председательство П. Н. Поспелова, главного теоретика партии, подготовившего знаменитую фальсификацию истории ВКП (б) — «Краткий курс», а позднее, на ее основе, «Биографию И. В. Сталина». От этой комиссии трудно было ожидать глубокого и нелицеприятного анализа событий прошлого. Но даже сам факт создания такой комиссии был огромным шагом вперед для все еще сохранявшегося сталинского режима.

«В течение трех лет, — говорил Хрущев, — мы не могли порвать с прошлым, не могли обрести мужества и решимости, чтобы поднять завесу и взглянуть, что было сокрыто от нас относительно арестов, судов, произвола, казней и все другое, что случилось в годы царства Сталина».

XX съезд КПСС

Уже находясь в вынужденной отставке, Хрущев, обращаясь к прошлому, говорил: «Сталиным были совершены преступления, преступления, которые были бы наказуемы в любом государстве мира за исключением фашистских государств, как, например, Гитлера и Муссолини».

Это первое открытое заявление ведущего советского политического лидера, дошедшего в своих рассуждениях до параллели между советским социалистическим государством и фашистским. Оно свидетельствует, между прочим, и о незаурядной личности Н. С. Хрущева.

Создание комиссии по расследованию даже под председательством Поспелова было встречено без всякого энтузиазма старой сталинской когортой — Молотовым, Ворошиловым и Кагановичем. Микоян, хотя и не возражал против назначения комиссии, но активно Хрущева не поддерживал.

Отчетный доклад ЦК, сделанный Хрущевым 14 февраля 1956 года на XX съезде, был довольно уклончивым. С одной стороны, Хрущев высказал несколько критических замечаний по поводу Сталина, Молотова, Маленкова, не называя их по именам, с другой, он отметил заслуги Сталина в разгроме «врагов народа». Гораздо более решительно против культа личности выступил на съезде Микоян 16 февраля, назвавший имена Косиора и Антонова-Овсеенко, ложно объявленных врагами народа.

Уже во время съезда Хрущев добился решения Президиума ЦК КПСС огласить на закрытом заседании съезда результаты расследования, произведенного комиссией Поспелова. Это решение было принято после бурного заседания Президиума ЦК, на котором Ворошилов кричал Хрущеву, что он не ведает, что творит, ему, вторили Молотов и Каганович. Ворошилов и Каганович не скрывали, что они боятся персональной ответственности Хрущев откровенно ответил, что у членов Президиума ответственность разная и вытекает из причастности каждого индивидуально к тому, что случилось. Он заявил о своей готовности ответить за то, в чем он был повинен.

Таким образом, Хрущев подорвал одну из основ коммунистического образа правления — систему круговой поруки, насаждавшуюся не только среди партийных руководителей, но повсюду и повсеместно. Ведь совсем еще недавно члены Политбюро скрепляли своей подписью смертные приговоры один за другим, по кругу.

После долгих споров было решено, что Хрущев сделает на закрытом заседании съезда

второй доклад — о преступлениях Сталина. Доклад этот был, конечно, подготовлен заранее. Хрущев, несомненно, был уверен, что большинство членов Президиума его поддержит — у них просто не было другого выхода.

Свои разоблачения Хрущев решил ограничить только преступлениями, совершенными по отношению к членам партии, поддерживавшим Сталина и генеральную линию партии, но не по отношению к жертвам так называемых открытых процессов, участникам оппозиции и прочего. Между тем Хрущев накануне произнесения своей закрытой речи уже знал со слов генерального прокурора Р. Руденко, что «с точки зрения юридических норм не было никаких доказательств не только для осуждения, но даже для суда над этими людьми. Все обвинение было построено на их собственных признаниях, вырванных у них путем применения психологических и физических пыток...»

Тем не менее, решено было не говорить о лидерах оппозиции, дабы не вводить в смущение представителей братских коммунистических партий, присутствовавших на съезде. Позднее Хрущев признавал, что это решение было ошибочным. Хрущев не упомянул о главных жертвах режима — миллионах обыкновенных советских граждан.

Но даже то, что Хрущев сказал в своей секретной речи, было огромно.[47] Хрущев показал механизм террора в действии, он разоблачил систему произвола, господствовавшую в стране на протяжении 30 лет. Хотя Хрущев и пытался ограничить по возможности круг разоблаченных преступлений лишь уничтожением партийной элиты и ее наиболее известных представителей, но документы, которые он прочел, например, кандидата в члены Политбюро Р. Эйхе, которому следователь перебил позвоночник, председателя Центральной Контрольной Комиссии Рудзутака, также подвергнутого мучительным пыткам, записку командарма И. Якира Сталину, письмо бывшего члена коллегии ВЧК М. Кедрова (кстати говоря, повинного в многочисленных преступлениях ЧК)... Цифры уничтоженных делегатов XVII съезда партии говорили о массовом характере террора. Наконец, Хрущев дал понять делегатам съезда, что убийство С. М. Кирова было также совершено по приказу Сталина, и обещал, что будет проведено полное расследование.

Важной частью доклада Хрущева был вопрос об ответственности Сталина за неподготовленность к нападению гитлеровской Германии на Советский Союз. Хрущев не рискнул пойти так далеко, чтобы осудить советско-германский пакт от 23 августа 1939 года и раздел Польши, но этот невысказанный вопрос как бы повис в воздухе.

Другой существенной частью выступления Хрущева было признание незаконности массовой депортации народов во время войны с Германией. Но и здесь Хрущев сказал полуправду.

Хрущев назвал и другие ошибки и преступления Сталина: разрыв с Югославией, «мингрельское дело», так называемый «заговор врачей», самоубийство Орджоникидзе. Фактически Хрущев показал, что вся история партии с того времени, как Сталин стал во главе ее, была историей преступлений, беззаконий, массовых убийств, некомпетентности руководства. Хрущев рассказал, хотя и кратко, о систематической фальсификации истории, проводившейся Сталиным самим и по его указанию. Тем не менее, он с одобрением отозвался о борьбе Сталина с оппозицией, это было понятно: что-то ведь должно было остаться в арсенале заслуг Сталина и руководимой им партии, каждый шаг которой был кровавым.

Уже одним своим разоблачением так называемого культа личности (выражение, заимствованное из известного письма Маркса) Хрущев совершил великое историческое дело — он открыл дорогу к пониманию сущности советской социалистической общественной системы, как самой антигуманной системы, которая когда-либо существовала в истории человечества.

*** * ***

Хотя доклад Хрущева и считался секретным, но вскоре после окончания закрытого заседания съезда содержание его стало широко известно по стране. Доклад, сопровождаемый выступлениями делегатов съезда был полностью зачитан во всех партийных организациях страны и подвергся бурному обсуждению. Разгорелись страстные дискуссии не только по поводу преступлений Сталина, но и советской общественной системы, всего строя и образа жизни советских граждан. Подавляющее большинство

участников собраний одобряли разоблачения, сделанные на съезде. Были созваны также собрания сотрудников учреждений и рабочих предприятий, колхозников, которым был зачитан «облегченный» вариант речи Хрущева. Мистический круг, связанный с личностью Сталина и с изощренной системой психологического и физического террора, стал распадаться. Чудо происходило на глазах. Поневоле вспоминалось евангельское: сначала, было Слово. Жизнь неожиданно начала меняться от Слова. И для власти это было нечто новое и очень опасное.

Речь Хрущева была произнесена в тот момент, когда многое в стране находилось в состоянии движения: улучшалась жизнь в сельских местностях, законность начала понемногу теснить многолетнюю практику произвола, люди начали обретать чувство самоуважения и требовать уважения к себе. Но эти всходы были еще очень слабыми, неустойчивыми, они нуждались в постоянной поддержке. Хотя многое зависело от власти, но кое-что зависело теперь и от народа, сумеет ли он, вернее готов ли он поддержать это зарождающееся новое, или оно зачахнет и погибнет от сил, которые хотя и отступили в растерянности, но были еще достаточно мощны и спаяны системой взаимной поддержки, круговой поруки и многолетним опытом террористической диктатуры.

В стране быстро зрел подъем движения за демократизацию. Оно было еще слабым, неорганизованным, часто аморфным, но оно рождалось. И в этом была большая надежда.

За рубежом секретная речь Хрущева распространилась очень скоро и, очевидно, по указанию самого Хрущева. Реакция была, как и в Советском Союзе, разной. Особенная растерянность царила в наиболее консервативных, сталинских коммунистических партиях, таких, как компартии США, Великобритании, Франции.

В восточноевропейских странах, находившихся во время войны либо под фашистским господством, либо под фашистской оккупацией, а затем превращенных в советских сателлитов, реакция также была различной. У руководства партиями стояли в то время стопроцентные сталинисты, проводившие под контролем советских советников ту же самую политику террора, что и в СССР. В 1948—52 годах повсеместно прокатилось несколько волн чисток, сопровождавшихся, как в 30-е годы в СССР, открытыми политическими процессами над бывшими коммунистическими руководителями, признаниями обвиняемых, сделанными под пытками.

Лидеры коммунистических партий, особенно Китая и Албании, были встревожены и оскорблены манерой Хрущева, который не счел нужным предупредить их заранее о секретной речи и поставил их в тяжелое положение перед своими партиями. В восточноевропейских коммунистических партиях усилилось брожение, начавшееся вскоре после смерти Сталина. Долго сдерживаемые антисоветские (или антирусские) чувства вырвались наружу и справиться с ними было нелегко. Начались требования смены своего руководства.

В самом Советском Союзе сталинисты оправились после первого удара довольно скоро и начали наступление против линии Хрущева, настаивая на фактическом пересмотре решений XX съезда, осуждавших культ личности. Для старой сталинской когорты было необходимо, с одной стороны, ослабить впечатление от разоблачений, сделанных на съезде, сузить круг обвинений, а с другой, отмежеваться от возможных обвинений их самих в пособничестве и соучастии в преступлениях Сталина. Объединенными усилиями советских и зарубежных сталинистов дело было сделано. Пленум ЦК КПСС принял 30 июня 1956 года резолюцию «О преодолении культа личности и его последствий». В этом постановлении Сталин был назван «выдающимся теоретиком и организатором», ему ставилась в заслугу борьба против оппозиции, в обеспечении «победы социализма» в СССР и в развитии мирового коммунистического и освободительного движения. Его обвиняли лишь в злоупотреблении властью, что, как сказано в резолюции, было результатом его отрицательных личных качеств. В резолюции подчеркивалось, что хотя культ личности и тормозил развитие советского общества, но не мог изменить характер советского строя. Политика КПСС была правильной, так как выражала интересы народа. Постановление от 30 июня 1956 года фактически подменило решения XX съезда и стало отныне основной идеологической базой послесталинского конформизма.

*** * ***

Новому советскому руководству достались в наследство от сталинской эпохи значительно осложнившиеся национальные отношения. Впрочем, новые руководители отвечали вместе со Сталиным за эту политику. В ходе войны были насильственно выселены из их исконных мест целые народы и депортированы в Сибирь, на Урал, в центральную Азию и в Казахстан. Высланные во время войны были подвергнуты режиму спецпоселенцев, то есть ограничены в передвижении, получении работы, не говоря уже об образовании. Спецпоселенцы состояли на особом учете, отмечались регулярно в комендатурах, имели специальные пропуска. Комендант был богом и начальником над этими несчастными. От него зависело даже разрешение на брак. Всякие жалобы в вышестоящие инстанции приравнивались к контрреволюционному акту. За обращение с письмом к Сталину в лучшем случае следовало «промывание мозгов», в худшем — тюремное заключение. За побег полагалось 25 лет каторжных работ.

После смерти Сталина среди депортированных народов, потерявших к тому времени значительную свою часть от голода, неприспособленности к новому образу жизни, возникло сильное движение за возвращение на родину и отмену несправедливости, допущенной по отношению к ним. Началось самовольное возвращение чеченцев и ингушей на Кавказ, сопровождаемое нередко кровавыми драмами. В 1954—55 годах Советом министров СССР был издан ряд постановлений, смягчавший режим спецпоселений, отдельные категории были и вовсе сняты со спецучета.

Однако эти паллиативные меры не могли решить проблемы, которая к тому времени еще больше усложнилась. Депортированные народы требовали возвращения на родину и восстановления их во всех правах, включая автономию. Власти же теперь опасались последствий массового отъезда спецпоселенцев для экономики тех республик и областей, куда они были сосланы, а с другой стороны, страшились обострения межнациональных отношений и нарушения хозяйственного уклада в тех местностях, откуда народы были высланы. Однако то были издержки политики произвола и насилия, проводимой властью, за которую она и должна была нести всю полноту ответственности. Следовало эти издержки принять как неизбежные и немедленно вернуть депортированные народы на их родину. В докладе на XX съезде Хрущев, выразив свое возмущение массовой депортацией во время войны карачаевцев, балкарцев и калмыков и назвав это выселение «грубым попранием политики советского государства», ни словом не обмолвился о судьбе наиболее многочисленных из высланных народов — немцев, чечено-ингушей и крымских татар, не упомянул ни о месхах, армянах, депортированных в порядке «классовой борьбы» прибалтах, жителях Западной Украины и Западной Белоруссии, Молдавии и Буковины. И все же, принципиальное осуждение Хрущевым депортации с трибуны съезда трудно переоценить. Последовавшие затем снятие ограничений со спецпоселенцев не решало, однако, главной проблемы — возвращения на родину. Тогда наказанные народы решили взять свою судьбу в собственные руки. Тысячи семей чеченцев и ингушей скопились на железнодорожных магистралях, ведущих в Россию. Им отказывали в продаже железнодорожных билетов, их увещевали и им угрожали. Но вопреки всему уже в 1956 году 25—30 тысяч чеченцев и ингушей возвратились самовольно на родину. Их не пускали в принадлежащие им дома. Они строили рядом землянки и там селились. Чеченцы и ингуши составляли вместе 500 тысяч человек, объединенных отчаянной решимостью возвратиться на родину. И власти дрогнули. Пришлось включить чечено-ингушей в постановление ЦК КПСС от 24 ноября 1956 года о восстановлении национальной автономии. Помимо них в постановление были включены калмыки, карачаевцы и балкарцы. Автономии этих народов были восстановлены в январе 1957 года. Крымские татары, немцы и другие народы остались за бортом. Но они продолжают свою борьбу и по сей день.

Почему Хрущев обошел молчанием крымских татар? Ответ на этот вопрос несложен: в

Почему Хрущев обошел молчанием крымских татар? Ответ на этот вопрос несложен. В 1954 году по инициативе Хрущева Украинской ССР был сделан подарок по случаю празднования 300-летия воссоединения России и Украины. Подарок был Крым, выведенный теперь из РСФСР и присоединенный к территории Украинской ССР. Хрущев, борясь за власть, нуждался в поддержке украинской группы, а украинские деятели были категорически против возвращения крымских татар. Они начали массовое заселение прибрежного Крыма украинцами. Однако даже теперь места в Крыму вполне достаточно, чтобы расселить там крымских татар.

К несчастью для крымских татар, они не были в 1956 году так хорошо организованы, так сплочены, как чеченцы и ингуши. Если бы они начали массовое самовольное возвращение в Крым, то, вероятно, добились бы своего. В ноябре 1956 года, в связи с событиями в Венгрии и других странах Восточной Европы, советское руководство очень опасалось осложнений в собственной стране и вынуждено было бы пойти крымским татарам на уступки. Но этого не произошло, и крымские татары надолго утратили свой исторический шанс.

Депортированные народы Крыма и Кавказа потеряли значительную часть своего населения в годы депортации. Данные на этот счет разноречивы. Из документов крымско-татарского движения явствует, что в первые полтора года депортации погибло 46,2 процента выселенных татар Крыма и называют цифру в 200 тысяч человек. Однако известно, что накануне Второй мировой войны из общего количества населения Крыма 1 127 тысяч человек татары составляли одну четвертую часть. 17—18 мая 1944 года из Крыма было вывезено 194 тысячи крымских татар. По приблизительным данным, за первые полтора года погибло около 18 процентов от числа прибывших туда. Эта огромная цифра свидетельствует о политике геноцида, проводимой советским правительством.

Геноцид подтверждается также данными о чистых потерях других депортированных народов между двумя всесоюзными переписями 1939 и 1959 года. Чеченцы потеряли 22% населения, ингуши — 9%, калмыки — около 15%, карачаевцы — 30%, балкарцы — 26,5%.

Мы пока не располагаем данными о гибели других народов во время депортации, но можно предположить, что цифры не маленькие.

В первые годы после возвращения депортированных народов Кавказа межрасовые отношения были весьма натянутыми, особенно между русскими и чечено-ингушами. В августе 1958 года произошли расовые столкновения в г. Грозном, которые продолжались три дня. Предлогом послужило убийство ингушом русского на почве ревности. Похороны убитого превратились в погром чечено-ингушского населения. Это было одно из самых серьезных межнациональных столкновений в СССР после Второй мировой войны.

Волнения происходили под лозунгами выселения чеченцев и ингушей, образования власти русских. Русская публика, в том числе и коммунисты, нацепили красные банты, чтобы погромщики не приняли их, чего доброго, за чеченцев... Чеченское население Грозного проявило исключительную выдержку и не дало погромщикам спровоцировать себя. Местные власти, конечно, немедленно сбежали и на третий день в Грозном начались грабежи. Стали прибывать войска. Из Москвы прибыл Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР М. А. Ясное, секретарь ЦК КПСС Н. Г. Игнатов. Для руководства операциями прибыл командующий Северо-Кавказским военным округом генерал И. Плиев. Характерно, что никто из погромщиков в связи с волнениями в Грозном не был привлечен к ответственности. Спустя год первый секретарь обкома А. И. Яковлев был переведен на работу в аппарат ЦК КПСС на должность инспектора.

Волнения 1958 года дали толчок более мелким столкновениям на национальной почве, которые продолжались в Чечено-Ингушетии еще в начале 70-х годов. Одной из причин столкновений и волнений была проблема Пригородного района, исконной земли ингушей, который был после их депортации передан Северной Осетии.

Враждебно были встречены частью русского населения и калмыки, возвратившиеся на родину.

Кровавая осень пятьдесят шестого

Официальное признание преступлений, совершенных режимом Сталина, на XX съезде в Москве вызвало сильную реакцию не только в польских политических и интеллектуальных кругах, но, прежде всего, со стороны польских рабочих, экономическое положение которых оставляло желать много лучшего.

28 июня 1956 года поднялись рабочие автомобильного завода ЦИСПО в Познани. К ним присоединились рабочие других заводов. Движение началось с мирной демонстрации. Но затем произошли столкновения. Полицейские участки были атакованы рабочими и захваченное там оружие распределено между ними. Требования восставших были: «Хлеб!» и «Советские войска, убирайтесь из Польши!»

Солдаты регулярных частей, вызванных для разгона рабочих, не только отказались стрелять в них, но и братались с рабочими. Правительство объявило военное положение, ввело танковые части войск министерства внутренних дел и подавило восстание. Согласно официальным польским данным, было убито 38 человек и 270 ранено.

В ЦК ПОРП развернулась острая борьба. Партийное руководств» вынуждено было, как это было повсюду, реабилитировать репрессированных партийных и государственных деятелей. Один из них, Комар, был назначен командующим внутренними войсками безопасности. Гомулка выдвинул программу облегчения бремени крестьянства, нормализации отношений с СССР. Ее поддерживали широкие массы крестьян, рабочих, интеллектуалы и значительная часть Польской объединенной рабочей партии. Однако часть Политбюро, так называемая натолинская группа, противилась реформам и начала готовить переворот. Он был приурочен к пленуму ЦК ПОРП, который должен был избрать новое Политбюро.

В очень сложной и неясной обстановке в Польшу прилетела внезапно советская правительственная делегация в составе Хрущева, Микояна, Молотова и Кагановича, чтобы

правительственная делегация в составе Хрущева, Микояна, Молотова и Кагановича, чтобы участвовать в заседании пленума ЦК ПОРП. В состав делегации был включен также командующий войсками стран Варшавского пакта маршал Конев. Это означало, что советское руководство готово, в случае необходимости, прибегнуть к силе. Такой совет дал, в частности, военный министр Польши маршал Рокоссовский, посланный в Польшу Сталиным после войны (Рокоссовский — поляк по происхождению). Согласно Хрущеву, Рокоссовский сказал, что «антисоветские, националистические и реакционные силы выросли и что если необходимо предотвратить рост этих контрреволюционных элементов силой оружия, то он (Рокоссовский) в нашем распоряжении».

Подавить движение в Польше польскими же руками было заманчиво, но, при более тщательном подсчете, оказалось, что на польскую армию вряд ли можно положиться. Перспектива была иная и достаточно мрачная — использовать советские войска против традиционно антирусской Польши, да еще в момент назревания политического кризиса. Тем не менее советские лидеры были готовы прибегнуть к силе. Коневу был отдан приказ начать движение войск в направлении Варшавы. Гомулка, избранный новым первым секретарем ЦК ПОРП, потребовал от Хрущева немедленно остановить движение советских войск на Варшаву и приказать им возвратиться на свои базы. И здесь разыгралась постыдная сцена: Хрущев начал лгать, утверждая, будто Гомулка получил неправильную информацию о движении советских войск. Гомулка еще раз повторил свое требование и предупредил о возможных серьезных осложнениях, если советские войска будут продолжать движение. Хрущев приказал советским танкам остановиться, но на базы не возвращаться и ждать. Варшавский городской комитет партии распорядился раздать рабочим Варшавы оружие. Они были готовы оказать сопротивление советским войскам, если бы те вошли в Варшаву. Но только после заверений Гомулки, что он не только не будет проводить антисоветскую политику, а наоборот, культивировать дружбу с СССР, Хрущев и компания возвратились в Москву, а советские дивизии на место расквартирования .

Волнения в Польше не превратились во всеобщее восстание по многим причинам. Одна из них заключалась в том, что в сталинское время репрессии в Польше против сторонников более умеренного курса не приняли характера крутой расправы, расстрелов и массовой чистки партийного и государственного аппарата. Когда 21 октября 1956 года Гомулка пришел к власти, то большинство партийного аппарата его поддержало. Из Политбюро были удалены наиболее просоветские элементы — Зенон Новак и маршал Рокоссовский. Последний покинул вскоре Польшу и возвратился в Советский Союз.

*** * ***

По-иному сложились события в Венгрии, где накал страстей был куда большим, чем в Польше. События развивались по нарастающей в течение трех с половиной лет.

Возвратившись в Будапешт из Москвы после XX съезда КПСС, Ракоши заявил своим друзьям: «Через несколько месяцев Хрущев будет объявлен предателем и все войдет в норму».

Внутриполитическая борьба в Венгрии продолжала обостряться. Ракоши не оставалось ничего другого, как обещать расследование процессов Райка и других казненных им лидеров компартии. На всех уровнях власти и даже в органах государственной безопасности, наиболее ненавидимого народом учреждения в Венгрии, от Ракоши требовали отставки. Его почти открыто называли «убийцей». В середине июля 1956 года в Будапешт, чтобы добиться отставки Ракоши, прилетел Микоян. Ракоши был вынужден подчиниться и уехать в СССР, где он в конце концов и окончил свои дни, проклятый и забытый своим народом и презираемый советскими руководителями.

В Венгрии последовали аресты бывших руководителей государственной безопасности, ответственных за процессы и казни. Перезахоронение 6 октября 1956 года жертв режима — Ласло Райка и других — вылилось в мощную манифестацию, в которой участвовало 200 тысяч жителей венгерской столицы.

В этих условиях советское руководство решило вновь призвать Надя к власти. В Будапешт был послан новый посол СССР Ю. Андропов (будущий член Политбюро ЦК КПСС и председатель Комитета государственной безопасности).

Ненависть народа была обращена против тех, кто был известен своим мучительством: сотрудников госбезопасности. Они как бы олицетворяли все самое отвратительное в режиме Ракоши. Их ловили и убивали. Но не было преследований и убийств коммунистов вообще, как то утверждала советская пропаганда. События в Венгрии приняли характер подлинной народной революции, и именно это обстоятельство и напугало до смерти советских руководителей.

В орбиту событий втянулась не только интеллигенция, но и промышленные рабочие. Крупнейшие предприятия Будапешта, как ЧКД, стали опорой восстания. Участие в движении значительной части молодежи наложило определенный отпечаток на его характер. Политическое руководство оказалось в хвосте движения, а не возглавило его, как то произошло в Польше.

Коренным вопросом было пребывание советских войск на территории восточноевропейских стран, то есть фактическая оккупация их.

Хрущев удалился, хотя и с тревогой в душе, но с миром в Москву, поскольку Гомулке удалось убедить его, что Польша остается в социалистическом лагере и даже не возражает против пребывания советских войск на ее территории, на базах. Новое советское руководство предпочитало избегать кровопролития, но было готово и на него, если бы речь пошла об отпадении сателлитов от СССР даже в форме объявления нейтралитета и неучастия в блоках. Такой пример мог повести к распаду всей социалистической системы. Великое счастье Югославии заключалось в отсутствии общей границы с СССР и в наличии внушительной армии, превосходно зарекомендовавшей себя во время Второй мировой войны. Советские руководители были воспитаны на уважении к силе.

Венгрия была не Польшей, и Имре Надь не был Гомулкой.

Трехлетнее брожение дало себя знать. 22 октября в Будапеште начались демонстрации с требованием образования нового руководства во главе с Имре Надем. 23 октября Имре Надь стал премьером и обратился с призывом сложить оружие. Однако в Будапеште стояли советские танки, и это вызвало возбуждение народа.

Возникла грандиозная демонстрация, участниками которой были студенты, школьники старших классов, молодые рабочие. К ним Присоединились солдаты-дезертиры и просто прохожие. Демонстранты направились к статуе героя революции 1848 года генерала Бема. У здания парламента собралось до 200 тысяч. Демонстранты низвергли статую Сталина. Сформировались вооруженные отряды, назвавшие себя «Борцами за свободу». Они насчитывали до 20 тысяч человек. Среди них были бывшие политические заключенные, освобожденные народом из тюрем. «Борцы за свободу» заняли различные районы столицы, учредили главное командование во главе с Палом Малетером и переименовали себя в Национальную гвардию.

На предприятиях венгерской столицы образовывались ячейки новой власти — рабочие советы. Они выставляли свои социальные и политические требования и среди этих требований было одно, которое вызвало ярость советского руководства: вывести советские войска из Будапешта, убрать их с венгерской территории.

Вторым обстоятельством, напугавшим советское правительство, было восстановление в Венгрии социал-демократической партии, а затем и образование многопартийного правительства.

Хотя Надь и был сделан премьером, но новое, по преимуществу сталинистское, руководство во главе с Гере пыталось изолировать его и тем самым еще больше ухудшило обстановку.

24 октября в Будапешт прибыли Микоян и Суслов. Они рекомендовали немедленно заменить Гере на посту первого секретаря Яношем Кадаром, недавно освобожденным из заключения. Между тем 25 октября у здания парламента произошло вооруженное столкновение с советскими войсками. Надь заявил о своем намерении настаивать на выводе советских войск и приказал прекратить огонь. Но столкновения продолжались. Восставший народ требовал ухода советских войск и образования нового правительства национального единства, в котором были бы представлены и другие партии.

26 октября, после назначения Кадара первым секретарем ЦК и отставки Гере, Микоян и Суслов возвратились в Москву. На аэродром они следовали в танке.

Они возвратились в Москву после длительных и детальных переговоров с новым руководством. Верили ли они в то, что в Венгрии возможно умиротворение на тех же основах, на каких оно было достигнуто за пять дней до того в Польше: сохранение Венгрии в качестве союзника и участника Варшавского пакта, пересмотр торговых соглашений в пользу венгров, либерализация режима с учетом специфических особенностей венгерской жизни и вывода советских войск после того, как положение будет стабилизировано? Вероятно, сомневались.

28 октября, когда бои в Будапеште еще продолжались, венгерское правительство издало приказ о прекращении огня и возвращении вооруженных отрядов в свои кварталы в ожидании инструкций. Имре Надь в обращении по радио объявил, что венгерское правительство пришло к соглашению с советским о немедленном выводе советских войск из Будапешта и включении вооруженных отрядов венгерских рабочих и молодежи в состав регулярной венгерской армии. Сообщение о выводе советских войск было встречено бурей восторгов и расценено как прекращение советской оккупации.

30 октября правительство отменило систему обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов. Провинция поддержала столицу. Рабочие бросали работу вплоть до прекращения боев в Будапеште и вывода советских войск. Делегация рабочего совета промышленного района Миклош представила Имре Надю требования вывода советских войск из Венгрии до конца года.

Доклад Микояна и Суслова о положении в Венгрии, сделанный ими немедленно после возвращения из Будапешта 26 октября Президиуму ЦК КПСС, отражал, как то видно из передовой статьи газеты *«Правда»* от 28 октября, якобы готовность согласиться с программой демократизации при условии, что эта программа сохраняет господство коммунистической партии и удерживает Венгрию в системе Варшавского пакта. На самом деле статья была всего лишь маскировкой. Той же цели служил и приказ советским войскам покинуть Будапешт. Советское правительство стремилось выиграть время для подготовки расправы, которая должна была последовать не только от имени остальных участников Варшавского пакта, но также Югославии и Китая. Советские интервенционистские силы в Венгрии должны были представлять весь социалистический лагерь. Таким образом ответственность распределялась бы между всеми.

Советские войска были выведены из Будапешта, но сосредоточены в районе будапештского аэродрома. Советское посольство, оставшееся в Будапеште, постоянно информировало Кремль о развитии ситуации.

30 октября, когда Микоян и Суслов были в Будапеште, Президиум ЦК КПСС принял, как свидетельствует Хрущев, единодушную резолюцию о вооруженное подавлении венгерской революции, изложенную, конечно, в привычной сталинистской терминологии. Резолюция гласила, что было бы непростительным для СССР оставаться нейтральным и «не оказать помощи рабочему классу Венгрии в его борьбе против контрреволюции». Принятая в тот же День декларация о равенстве коммунистических партий и прочее была на самом деле не больше чем камуфляжем решения об интервенции и беспощадном подавлении венгерской революции. Хрущев откровенно говорит о том, что советские руководители опасались реакции на венгерские события в других социалистических странах Восточной и Юго-Восточной Европы.

По просьбе Президиума ЦК КПСС в Москву для совета прибыла китайская делегация во главе с Лю Шаоци. Сначала, согласно Хрущеву, Лю Шаоци заявил, что советские войска должны уйти из Венгрии и дать рабочему классу Венгрии «самому подавить

должны уйти из Венгрии и дать рабочему классу Венгрии «самому подавить контрреволюцию». Однако, выдавив из себя согласие, неудовлетворенный китайским ответом Хрущев вновь и вновь предлагал обсудить проблему интервенции. Лю Шаоци

после консультации по телефону с Мао Цзедуном подтвердил китайскую позицию. Так как это полностью противоречило решению о вмешательстве, фактически принятому Президиумом ЦК КПСС, Хрущев, сообщив 31 октября Президиуму об ответе китайцев, настаивал на немедленном использовании войск Маршал Конев, вызванный на заседание Президиума, заявил, что его войскам потребуется три дня, чтобы подавить «контрреволюцию» в Венгрии (на самом деле — революцию), и получил приказ привести войска в боевую готовность. Приказ был отдан за спиной Лю Шаоци, который в тот же день возвращался в Пекин в полной уверенности, что советской интервенции не будет. Решено было сообщить Лю Шаоци об интервенции в момент проводов на Внуковском аэродроме. Чтобы произвести большее впечатление на Лю Шаоци, Президиум ЦК КПСС появился во Внукове в полном составе. Снова начались лицемерные разговоры о «благе венгерского народа». В конце концов Лю Шаоци сдался. Так была обеспечена поддержка Китая.

Затем Хрущев, Маленков и Молотов — уполномоченные Президиума ЦК — отправились последовательно в Варшаву и Бухарест, где довольно легко получили согласие на интервенцию. Последним этапом их поездки была Югославия. Они прибыли к Тито, имея в руках согласие остальных социалистических стран на подавление революции в Венгрии. Советские делегаты ожидали серьезных возражений со стороны Тито. Но, как сообщает Хрущев, «мы были приятно удивлены... Тито сказал, что мы абсолютно правы, и мы должны двинуть наших солдат в бой как можно скорее. Мы были готовы к сопротивлению, но вместо этого получили его чистосердечную поддержку. Я бы сказал даже, что Тито пошел даже дальше и убеждал нас как можно скорее решить эту проблему», — заключает Хрущев свой рассказ.

Так была решена судьба венгерской революции.

1 ноября началось массовое вторжение советских войск в Венгрию. На протест Имре Надя советский посол Андропов ответил, что советские дивизии, вступившие в Венгрию, прибыли лишь для замены уже находящихся там войск.

3000 советских танков пересекли венгерскую границу со стороны Закарпатской Украины и Румынии. Вновь вызванный к Надю советский посол был предупрежден, что Венгрия в знак протеста против нарушения Варшавского договора (вступление войск требовало согласия соответствующего правительства) выйдет из пакта. Венгерское правительство объявило вечером того же дня о выходе из Варшавского пакта, объявлении нейтралитета и об обращении в Объединенные нации в знак протеста против советского вторжения.

Но все это не очень беспокоило советское правительство. Англо-франко-израильское вторжение в Египет отвлекло внимание мировой общественности от событий в Венгрии. Американское правительство осудило действия Англии, Франции и Израиля. Тем самым раскол в стане западных союзников был налицо. Не было никаких признаков того, что западные державы придут на помощь Венгрии. Международная обстановка складывалась исключительно благоприятно для интервенции Советского Союза в Венгрии. Советская пропаганда связала в один узел войну на Ближнем Востоке с венгерскими событиями, представив их как заговор империалистов против «лагеря мира и демократии». Эти объяснения, вместе с утверждениями, будто в Венгрии убивают коммунистов и что в Венгрии происходит контрреволюционный мятеж ради восстановления капитализма, имел успех среди населения Советского Союза. Оно встретило подавление революции в Венгрии либо безразлично, либо с чувством облегчения, что неприятности, слава Богу, уже позади...

К вечеру 1 ноября советские войска заняли венгерские аэродромы, а на следующий день Андропов, камуфлируя военные приготовления, предложил венгерскому правительству назначить две делегации, политическую и военную, чтобы обсудить уход советских войск с венгерской территории и политические проблемы, вытекающие из Варшавского пакта. Переговоры должны были начаться на следующий день. Венгерское правительство, не желая осложнений, приняло предложение. Советские же войска продолжали развертывание для операции.

Одновременно Президиум ЦК КПСС начал готовить новое венгерское правительство, которое должно было заменить отныне «контрреволюционное» правительство Имре Надя. Первый секретарь Венгерской коммунистической партии Янош Кадар согласился на роль премьера будущего правительства. Он был доставлен советским военным самолетом в Ужгород. 3 ноября новое правительство было сформировано. О том, что правительство Кадара было образовано на территории СССР стало известно только спустя два года. Официально о новом правительстве было объявлено на рассвете 4 ноября, когда советские танки ворвались в венгерскую столицу. Накануне там было образовано коалиционное правительство во главе с Имре Надем. В него вошли трое представителей коммунистической партии, трое от партии мелких хозяев, трое от социал-демократов и двое от партии Петефи. В правительство вошел также беспартийный генерал Пал Малетер. Все партии согласились, что Венгрия не присоединится ни к какому военному блоку, а останется нейтральной страной.

Между тем в Будапеште 3 ноября официально открылись переговоры между советской и венгерской делегациями. Операция по введению в заблуждение правительства Надя была детально продумана. Советская делегация, которую возглавлял генерал армии Малинин, делала вид, будто торгуется из-за сроков вывода советских войск (венгры предлагали 15

декабря 1956 года, советская делегация —15 января 1957). Продолжение переговоров было назначено на 10 часов вечера. Тем временем Совету Безопасности, собравшемуся в 9 часов утра, было заявлено, что между Венгрией и СССР уже ведутся переговоры о выводе войск. Заседание Совета Безопасности было отложено. Когда же он собрался вновь СССР наложил вето на резолюцию о советской интервенции в Венгрии. После многочисленных резолюций, принятых Генеральной Ассамблеей ООН, в которых Советский Союз призывался немедленно вывести свои войска из Венгрии, Генеральная Ассамблея 12 декабря 1956 года строго осудила СССР за подавление военной силой прав венгерского народа. За эту резолюцию голосовали 55 государств, в том числе многие

страны Азии и Африки.

К исходу дня 3 ноября на территории Венгрии уже находилось 11 советских дивизий. Венгерская военная делегация во главе с министром обороны генералом Пал Малетером, явившаяся вечером для продолжения переговоров в штаб-квартиру советских войск, была предательски арестована председателем КГБ генералом Серовым. Только когда Надь не смог соединиться со своей военной делегацией, он понял, что советское руководство обмануло его. Но он все еще отказывался дать приказ об открытии огня.

4 ноября в 5 часов утра советская артиллерия обрушила огонь на венгерскую столицу и полчаса спустя Надь уведомил об этом по радио венгерский народ.

Силы были неравны. Советские вооруженные силы превосходили силы венгерской революции в людях, не говоря уже о вооружении и военной технике. Венгерские защитники свободы сражались героически. Три дня советские танки громили венгерскую столицу. Вооруженное сопротивление в провинции продолжалось до 14 ноября.

Никто не пришел на помощь Венгрии. Венгерская освободительная революция была раздавлена гусеницами советских танков и безразличием западных стран.

После подавления революции советская военная администрация вместе с органами государственной безопасности учинила расправу над венгерскими гражданами: начались массовые аресты и депортации в Советский Союз.

Имре Надь и его ближайшие сотрудники нашли убежище в югославском посольстве. Тито, давший согласие на сокрушение венгерской революции, не хотел все же запятнать себя соучастием в убийстве законных венгерских руководителей. После длительных двухнедельных переговоров новый венгерский премьер Кадар дал письменную гарантию, что Имре Надь и его сотрудники не будут преследоваться за их деятельность. Кадар заявил, что Имре Надь и другие могут покинуть югославское посольство и что они вместе с семьями будут развезены по домам. Однако автобус, в котором ехал Надь в сопровождении двух югославских дипломатов, был перехвачен советскими офицерами, которые арестовали Надя и увезли его затем в Румынию. Советское правительство оставило без внимания югославский протест. Победители не считаются ни с побежденными, ни с попутчиками, а Тито был попутчиком.

Позднее Имре Надь, не пожелавший принести покаяние, был судим закрытым судом и расстрелян. Сообщение об этом было опубликовано 16 июня 1958 года. Та же участь постигла и генерала Пала Малетера.

Хрущев даже спустя 15 лет после венгерских событий не высказал ни малейшего сожаления о случившемся. Ему даже и в голову, очевидно, не приходило, что все это время он сам и советское руководство вели себя предательски. Но такого понятия для него, последовательного ленинца, просто не существовало.

Из опыта улучшения советской системы

Новое руководство сначала пыталось поставить экономику страны на более стабильную и реальную основу, сделать ее более современной, а управление ею более гибким. Сентябрьский пленум ЦК КПСС 1953 года начал с сельского хозяйства. Нерентабельность колхозного строя была очевидной. Сказать же об этом не то что во всеуслышанье, а даже шепотом, было бы равносильно признанию крушения самой идеи строительства социализма в СССР. Пошли по пути ослабления давления на сельскохозяйственное население страны — колхозников и население городков и поселков аграрного и полуаграрного типа. В 1953—1954 годах были снижены нормы обязательных поставок государству продуктов животноводства хозяйствами колхозников, рабочих и служащих, появились постоянные кадры механизаторов при МТС, была отменена практика посевов по указанию «сверху». Теперь районы (но все же не колхозы и не колхозники!) сами решали, что сеять.

В то же время политика укрупнения и слияния колхозов проводилась довольно целеустремленно. С 1950 до 1955 года количество колхозов в стране сократилось с 123,7 тысяч до 87,5 тысяч, а к концу «эры Хрущева», в 1964 году, их число сократилось еще больше, до 37,6 тысяч.

Был взят курс на постепенное преобразование колхозов в государственные хозяйства, то есть на превращение колхозников-крестьян в наемных рабочих. Это видно по цифрам роста совхозов. Их число увеличилось с 4857 в 1953 году до 10,078 в 1964 году, то есть более чем в два раза.
Все вновь созданные хозяйства на целинных землях были совхозами.

Был принят и ряд других мер: отменен учет сбора зерна и оценка его по валу, равно как и обязательное применение травопольной системы во всех зонах страны. Инвестиции в сельское хозяйство в 1954—1955 годах составили 34,4 млрд. рублей, на 38% больше чем за всю четвертую пятилетку; были посланы на места специалисты по сельскому хозяйству, осевшие в различного рода учреждениях; в деревню была направлена в значительных количествах сельскохозяйственная техника, тракторы, комбайны, автомашины.

В 1954—55 годах началось освоение целинных и залежных земель в Казахстане, Сибири и на Урале. Первыми поднимали целину заключенные из многочисленных концентрационных лагерей, а вслед за ними прибыли по комсомольским путевкам тысячи молодых людей.

33 миллиона гектаров целинных и залежных земель были распаханы и засеяны к середине 1956 года. Однако бесхозяйственность царила повсюду и она снижала эффективность нового начинания. Не были вовремя выстроены зернохранилища, хлеб гнил в бункерах, развеивался по ветру, мок и гибнул под дождем. Каждый год, когда снимался урожай, приходилось перебрасывать на целину в Казахстан технику и механизаторов из других частей страны, где уборка урожая заканчивалась раньше. Это обходилось втридорога, а результаты не оправдывали вложенных сил и средств. Как всегда не хватало жилья для людей.

всегда не хватало жилья для людей.

Многое здесь зависело от климатических условий, но многое и от организации производства. Целина могла быть прибежищем и служить как бы резервной зерновой кладовой страны лишь при наличии стабильных хлебных резервов. Разнообразие климатических условий страны позволяло при разумной экономической системе избегать сильных колебаний в зерновом балансе даже в годы серьезных неурожаев. Старое тянуло назад. Каждая неудача, будь то с кукурузой, с целиной или с МТС заставляла руководство обращать свои взоры к привычному прошлому.

Увлечение целиной привело к мобилизации всех средств и техники для ее обслуживания. Традиционные зерновые районы страны оказались одно время на положении пасынков, а страна в зависимости от урожаев на целине. Урожаи же здесь зависели от капризов природы, от ветровой эрозии почвы, превращавшей миллионы гектаров распаханной земли в непригодные. Так случалось не раз в 50-е и 60-е годы. Особенно пострадали целинные земли во время песчаных бурь в 1963 году, а затем в 1965 году.

Но освоение целинных земель не было пустой затеей, они служили и поныне служат одним из источников производства зерна в стране.

Производство зерна в районах целинных и залежных земель (в млн. тонн):

	1954	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964
СССР	85,5	103,6	124,9	102,6	134,7	119,5	125,5	130,8	140,1	107,5	152,1
Залежные и целинные земли	27,1	37,5	27,9	63,5	38,4	58,5	58,7	20,6	55,8	37,9	66,4
Из них: Казахстан	3,4	4,6	3,1	17,6	6,7	14,3	12,0	10,3	10,1		

Однако было два крупных дефекта в производстве зерна на целинных землях Казахстана: во-первых, урожайность здесь была ниже урожайности по стране, во-вторых, стоимость зерна была в 1954—64 годах на 20% выше, чем в целом по стране.

С 1955 года колхозы планировали сельскохозяйственные работы совместно с МТС. Но и это полезное начинание оказалось незавершенным. Над колхозами, совхозами и МТС возвышался чудовищный партийно-государственный аппарат в лице райкомов партии и райисполкомов, а над ними в свою очередь стояли все новые и высшие бюрократические инстанции, и этот аппарат бесконечно вмешивался, диктовал, требовал отчета, изменений, исправлений. Он наказывал и поощрял, рапортовал и спускал директивы, вторгался в дела колхозов и значительно обесценивал положительный эффект новой системы. Пример показывал сам первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев, требовавший сажать везде и повсюду «королеву полей» кукурузу, сбивая тем самым еще не устоявшуюся систему нового планирования и руководства сельским хозяйством. Хрущев настаивал на принудительном введении кукурузы. «Кукуруза, и только кукуруза способна решить проблему увеличения производства мяса, молока и других продуктов животноводства», — заявлял Н. С. Хрущев. Снова задания на посевы начали спускать «сверху».

В 1955 году неурожай в стране не был компенсирован ни целиной, ни кукурузой. Положение Хрущева как первого секретаря ЦК КПСС значительно пошатнулось. Его оппоненты в Президиуме ЦК: Молотов, Каганович, Маленков, считавшие освоение целины авантюрой, а распространение кукурузы блажью, — открыто критиковали Хрущева на заседаниях Президиума ЦК. Спас Хрущева в то время хороший урожай на целине в 1956 году, составивший половину всего собранного урожая в стране — 63,2 из 127,6 млн. тонн.

В мае 1957 года, окрыленный успехом Хрущев потребовал догнать США по производству мяса, масла и молока в течение 3—4 лет, то есть к 1960—62 году увеличить производство мяса в стране в 3,2 раза. Нереальность предложения Хрущева, особенно в области производства мяса, была очевидной. В 1956 году США произвели 16 млн. тонн мяса. Советский Союз произвел в том же году 7,5. Но дело было не только в таком сильном разрыве. В Советском Союзе не было никаких реальных предпосылок для предложенного Хрущевым скачка: животноводство зависит, прежде всего, от производства зерна, а оно было явно недостаточным. В 1957 году было произведено всего лишь около 103 млн. тонн зерна, из них целина дала только 38,5 млн. тонн. Новое предложение требовало значительных капиталовложений, но их не было. И, наконец, так ли уж было необходимо в действительности превзойти США в уровне производства и потребления? Такого рода лозунги вызывали некоторый энтузиазм в 30-е годы («Догнать и перегнать Америку!»), так как никто толком не понимал, что такое экономика Америки, как она работает, и не знали ее потенциальных возможностей. Те же, кто разбирался, либо были уничтожены, либо помалкивали. «Догнать и перегнать!» был лозунгом для организации энтузиазма масс. Хрущев же выдвинул новую задачу совершенно серьезно, но его представления об Америке были неадекватны действительности.

Нетерпение Хрущева, вызванное жаждой немедленного успеха, вело к авантюризму в политике и порождало как бы цепную реакцию. Местные руководители, стремясь заслужить благоволение первого секретаря, заработать награды, получить повышение или продвижение по иерархической лестнице, создавали видимость успехов и именно там, где хотел Хрущев.

Впрочем, эта система была рождена еще при Сталине. Курс на быструю индустриализацию породил стахановское движение, выродившееся в конце концов в показуху и в соревнование между руководителями предприятий на лучшую организацию рекорда. То же самое происходило и в сельском хозяйстве. В каждой области был свой образцовый колхоз или совхоз. Этот колхоз служил как бы витриной данной области, говорил об ее успехах, а сотни обыкновенных колхозов в той же самой области едва сводили концы с концами.

Резкий подъем животноводства не мог быть обеспечен по разного рода причинам экономического, технического, технологического характера, включая недостаточное производство зерна, отсутствие помещений для скота, механизации и точно скалькулированного экономического расчета. Естественно поэтому, что лозунг «догнать и перегнать» США по производству мяса, молока и масла повис в воздухе. В первый год советского «соревнования» с американским мясомолочным производством в 1958 году производство мяса в СССР увеличилось всего на 301 тысячу тонн; еще через два года, в

1960 году еще на 1007 тысяч тонн.

Снова, как в сталинские времена, в ход пошло заведомое введение в заблуждение, ложь и обман. Инициатором на этот раз выступил Рязанский обком КПСС, принявший обязательство увеличить в 1959 году производство мяса в четыре-пять раз. В 1959 году Рязанская область продала государству 100 тысяч тонн мяса вместо 50 тысяч по плану.

Авантюризм этого обязательства не мог вызывать сомнений. Тем не менее, личная поддержка Хрущевым почина рязанцев и первого секретаря обкома А. Н. Ларионова вызвали цепную реакцию и в других областях, где начали подымать обязательства все выше и выше! Заготовить столько мяса, сколько было обещано в самой Рязанской области, было невозможно, несмотря на принудительную продажу рабочими, колхозниками и служащими личного скота, часто даже не за деньги, а за долговые расписки, обложение «мясным оброком» предприятий области, учреждений и даже школ; за пределы области выехали заготовители, скупавшие скот в соседних областях. Весь скот в области был забит. Но к очередному пленуму ЦК в декабре 1959 года Ларионов рапортовал об увеличении производства мяса в 4 раза, продаже государству 100 тыс. тонн и о новом обязательстве на 1960 год — продать государству 180-200 тысяч тонн. Восхищенный Хрущев, которому этот успех был нужен позарез, сделал Ларионова Героем социалистического труда. Однако слухи о происшедшем и о полном разорении сельского хозяйства Рязанской области дошли, наконец, и до Москвы. Но только в конце 1960 года специальная комиссия ЦК закончила свою работу с неутешительными выводами — рязанское чудо было липой. Ларионову «посоветовали» уйти со сцены, и он застрелился.

Так закончилось соревнование Советского Союза с Америкой в области производства мясо-молочных продуктов. В 1964 году производство мяса в СССР составило всего 8,3 млн. тонн.

Потерпела неудачу и кукурузная программа Хрущева. Принудительное внедрение кукурузы в климатически непригодных для ее выращивания районах страны привело, как и следовало ожидать, к краху. Производство кукурузы для корма скота обходилось в два раза дороже, чем обычная заготовка привычных кормовых трав. В отдельных районах страны: на северо-западе, в Сибири — урожаи кукурузы гибли из-за дождей и холодной погоды. Кукурузная кампания повлекла за собой ухудшение луговодства и гибель сенокосов во многих местах. Кукурузный бум закончился в 1964—1965 годах. Продолжали выращивать кукурузу лишь в традиционных южных и юго-восточных районах страны.

Были и другие неразумные решения в области сельского хозяйства, как, например, ликвидация миллионов гектаров чистых паров, что значительно ухудшило зерновую ситуацию.

Вместо ожидаемого постоянного прироста урожая сельское хозяйство фактически топталось на месте. После значительного увеличения урожайности в 1958 году — 11,1 центнера с гектара (1950 — 7,9), урожайность снижалась: 1960 — 10,9; 1962 — 10,9; 1963 — 8,3 (год неурожая) и только в 1964 году урожайность начала повышаться — 11,4.

Хрущев быстро отыскивал виноватых: менял одного за другим министров сельского хозяйства, ограничивал деятельность министерства сельского хозяйства, перемещал научные агробиологические институты поближе к деревне и прочее. Но существовала одна безусловная реальность — сельское хозяйство отказывалось «работать» по указаниям «сверху».

Намерение Хрущева радикально изменить положение привело в феврале 1958 года к ликвидации машинно-тракторных станций, их техника была продана укрупненным колхозам. Меньше чем за год, последовавший после решения о ликвидации МТС, дело было сделано: многие колхозы оказались в сложном финансовом положении, так как техника, которую они вынуждены были выкупать, продавалась им по новым оптовым ценам, значительно превышающим государственные цены, по которым техника была получена МТС.

Многие рабочие МТС не желали вступать в колхозы, а предпочитали искать себе работу на государственных предприятиях. Сельское хозяйство потеряло половину механизаторов. Заводы сельскохозяйственного машиностроения, утратившие устойчивый внутренний рынок в лице МТС, оказались переполненными продукцией, и вынуждены были сократить производство. Эксплуатация техники колхозами резко ухудшилась из-за недостаточно квалифицированного обслуживания.

Долги колхозов банкам за выкупленную сельскохозяйственную технику достигли в 1961 году суммы более 2 млрд. рублей.

Попытки государства в последующие годы несколько сбалансировать и облегчить тяжелое положение колхозов путем снижения цен на сельскохозяйственные машины и инвентарь, на автомашины, запасные части и бензин, обеспечить своевременный ремонт сельскохозяйственной техники путем создания специализированной организации «Сельхозтехника» и станций технического обслуживания не привели к кардинальному изменению положения.

Сначала, после облегчений 1953 года и особенно после сельскохозяйственных реформ 1954—55 годов положение колхозников, а также рабочих и служащих, имевших свое личное приусадебное хозяйство, значительно улучшилось.

Хотя в личном пользовании колхозников, рабочих и служащих находилось всего около 7 млн. гектаров (1964 год), в то время как земли колхозов составляли 482,7 млн. га, а совхозов и государственных хозяйств 571,1 млн. га, продуктивность личных хозяйств была довольно высокой. Разрешение иметь корову и определенное количество домашнего скота и птицы значительно улучшали не только материальное положение колхозников и жителей небольших городов и поселков, но и продовольственное положение в крупных индустриальных центрах. В 1959—1965 годах (все данные приводятся на 1 января) количество коров в личном владении составляло в среднем от 55 до 42 процентов от общего поголовья коров в стране, свиней от 31 до 27 процентов, овец от 22 до 20

общего поголовья коров в стране, свиней от 31 до 27 процентов, овец от 22 до 20 процентов. Отсюда видно, какую важную роль играли личные хозяйства в общем мясном балансе страны.

Едва сельскохозяйственное население страны начало становиться на ноги, как немедленно были взяты назад льготы. Уже в 1959 году горожанам было запрещено иметь скот в своих хозяйствах, они были вынуждены продать его колхозам и совхозам. Были введены ограничения на продажу и заготовку кормов для личных хозяйств. Началась кампания против «тунеядцев» в колхозах и «спекулянтов» на колхозных рынках. Население страны пытались уверить в том, что все недоразумения и трудности с продовольствием проистекают от нерадивности колхозников и махинаций спекулянтов на рынках. Снова возрождались методы хозяйствования сталинских времен.

Хрущева и других «коллективных руководителей» часто тянуло к привычным методам прошлого. Не желая признать не только открыто, но и для самих себя, что все провалы советской экономики, будь то в сельском хозяйстве или в промышленности, связаны с существом советского режима и являются его неизбежными не столько спутниками, сколько органическими частями советской общественной системы, советские руководители предпочитали объявлять виновными в провалах его жертв и ликвидировать те немногие полезные реформы, которые были проведены в первые годы после смерти Сталина.

Вместо 22 млн. коров в 1958 году в индивидуальном владении у колхозников и рабочих осталось к концу 1962 года всего лишь 10 млн. Колхозы же, получившие скот, не в состоянии были обеспечить его кормами.

Во время неурожайного 1963 года выяснилось, что государство не сумело накопить необходимых резервов хлеба на случай стихийных бедствий. Во многих районах страны не хватало хлеба. Снова, как в 30-е годы и в 1947 году выстраивались многочасовые очереди, продажа хлеба была ограничена. Особенно пострадали южные районы страны: Северный Кавказ, Южная Украина и другие.

Начались массовые закупки зерна за границей за счет наличного золотого запаса. Закупки превысили 13 млн. тонн зерна. Позднее Хрущева упрекали за это. В сталинские времена народу просто предоставили бы возможность пухнуть с голода. Во времена Хрущева предпочитали менять золото на хлеб. И в этом состояла огромная качественная разница между этими двумя периодами советской истории.

Последняя отчаянная попытка Хрущева найти выход из тупика в сельском хозяйстве была связана с засухой и неурожаем 1963 года. Надежды на развитие экстенсивного сельского хозяйства путем ввода в севооборот все новых и новых земельных площадей, особенно в Казахстане и Сибири, не оправдали себя. Можно было, конечно, один или два раза «налетом», путем концентрации средств, людей, техники «сорвать» большой урожай и... убежать! Но дальше этого дело не двигалось.

Вся система хозяйствования нуждалась в изменении. Земля требовала правильного, научно обоснованного обращения с ней. Даже в такой огромной стране как Советский Союз сельское хозяйство должно было быть интенсивным. Опыт Соединенных Штатов Америки, 3,5 процента населения которого производило сельскохозяйственной продукции достаточно, чтобы прокормить не только свою страну, но и продавать продукцию в огромных количествах за границу, был достаточно убедительным. Хрущев пытался перенять американский опыт, но делал это чисто механически, не принимая во внимание разницу в условиях (в том числе и социальных) землевладения в США и в СССР.

Земля нуждалась в удобрениях, в отдыхе и обновлении. Эти нехитрые истины, известные каждому русскому крестьянину от рождения, было довольно трудно применить на практике в государстве, где решения принимаются, исходя из требований момента, из политической целесообразности, без внимания к последствиям принимаемых решений. Под конец своего десятилетнего правления Хрущев понял, что земля прежде всего нуждается в больших капиталовложениях, в удобрениях. Так же поспешно, как он это делал при принятии других решений, Хрущев выдвинул в 1963 году новую, абсолютно нереальную программу химизации земледелия. Программой предусматривалось довести производство минеральных удобрений до 80 млн. тонн к 1970 году и до 150-170 млн. тонн к 1980. Фантастичность этого плана видна из следующих цифр: в 1963 году СССР произвел меньше чем 20 млн. тонн, в 1970 — 53,4 млн. тонн и в 1977 — 96,8 млн. тонн.

Итоги «перетряхивания» сельского хозяйства в послесталинские годы были весьма неутешительными. По контрольным цифрам валовая продукция должна была возрасти в течение семилетки (1959— 1965) на 70%, а фактически возросла на 10%. Средняя урожайность в 1960—64 годах возрастала в среднем на 0,8%. Темп прироста поголовья крупного рогатого скота снизился в два раза по сравнению с предыдущими пятью годами. Удои молока на одну корову снизились в среднем на 370 кг в год. У колхозников образовалась большая задолженность государству. Так охарактеризовал положение в сельском хозяйстве новый глава партии Л. И. Брежнев в марте 1965 года.

Таким образом, в который раз подтвердилось, что советская экономика покоится на нездоровой основе, что никакие полуреформы, перестановки, решения и постановления не выправят положения. До тех пор пока экономика зависит от политических решений, постоянно меняющихся по тому или другому поводу, нет никакой надежды для страны выбраться из хозяйственного тупика.

Подтверждением тому также служат и многочисленные бесплодные попытки улучшить структуру государственного аппарата, наделить министров и начальников главков, директоров предприятий новыми правами или, наоборот, ограничить эти права, разделить старые планирующие органы и создать новые и так далее и тому подобное. Таких «реформ» было в «хрущевскую эру» великое множество. Действительных же улучшений в области экономики так и не произошло. Зыбучие пески советского бюрократизма оказались поистине всепоглощающими.

В феврале 1956 года XX съезд КПСС одобрил шестой пятилетний план. В декабре того же года выяснилось, что план не годится. Был наспех составлен переходной план на 1—2

года, а затем появился новый, но уже не пятилетний, а семилетний план 1959—1965 годов. Чехарда с планами была связана с обострившейся борьбой за власть, которая привела в 1957 году к полному устранению из руководства Маленкова, Молотова и Кагановича и двух ключевых фигур в экономическом планировании: Первухина и Сабурова. Теперь для Хрущева было очень удобным свалить все недостатки в планировании на «оппозицию» и потребовать для себя больше времени (семилетка вместо пятилетки) для исправления якобы совершенных ими ошибки.

Власть на местах должна была стать прочной опорой правления Хрущева. Его личный опыт работы долгие годы на Украине подсказывал, что необходимо дать инициативу местным работникам, директорам предприятий для решения проблем местного или республиканского характера. Были образованы министерства нефтяной промышленности в Азербайджане, министерство цветной металлургии в Казахстане, ряд отраслевых министерств на Украине.

К исходу 1956 года столкновения между Хрущевым и большинством Президиума ЦК обострились. Хотя поводом для обострения были разногласия по поводу управления экономикой страны, в основе столкновения лежали недавние события в Венгрии, где рабочие советы на предприятиях стали как бы зародышем новой власти. Для сталинской когорты курс на децентрализацию и некоторую самостоятельность от центральной власти был как бы отзвуком того, что произошло в Венгрии.

На пленуме ЦК КПСС в декабре 1956 года был подвергнут критике слабый контроль центральных министерств над республиканскими и над отдельными предприятиями. И хотя пленум указал на необходимость расширения прав республик в области промышленности, в то же время он высказался за усиление работы министерств в районах расположения отдельных отраслей национальной экономики. Хрущев, однако, скоро добился реванша — на февральском пленуме ЦК 1957 года была принята резолюция в пользу руководства промышленностью на базе территориального принципа и по определенным районам.

В мае 1957 года был принят закон о создании на местах советов народного хозяйства (совнархозов), которым надлежало ведать экономикой в своем регионе и заботиться также о развитии местных ресурсов и местной промышленности, как то делали совнархозы 20-х годов. Всего по стране было создано 105 совнархозов, из них 70 в РСФСР, 9 в Казахстане, 11 на Украине, 4 в Узбекистане. В остальных республиках было создано по одному совнархозу. В этих республиках председателем совнархоза стал председатель Совета министров. Теперь Госплан СССР отвечал только за общее планирование и координацию планов, за распределение между республиками важнейших фондов. Госэкономкомиссия была упразднена. Центральные министерства, ведавшие производством вооружения, полностью сохранили свои функции.

Организация совнархозов была встречена с явным неодобрением столичной бюрократией, привыкшей не только к власти, но и к удобствам проживания в Москве. Многим предстояло расстаться с насиженными местами и отправиться в провинцию. Бюрократия же на местах организацию совнархозов на первых порах поддержала, хотя и полагала, что может обойтись без посланных из Москвы «начальников».

Престиж Хрущева резко пошатнулся в центре, но поднялся в областях. Это временное изменение баланса сил стало решающим фактором в консолидации власти в руках Хрущева.

Расхождения во мнениях среди партийной верхушки затрагивали ряд существенных вопросов, но главным среди них оставался вопрос о характере власти. Противники Хрущева выступали за сохранение в руках руководства полного контроля и координации работы министерств. Они расходились с Хрущевым и в способах разрешения постоянных продовольственных затруднений, и в ряде проблем внешней политики.

Решение о совнархозах, затронувшее интересы могущественной московской бюрократии, было последним толчком к образованию широкой оппозиции Хрущеву в руководстве партии. Эта оппозиция возникла сразу же после отставки Маленкова с поста председателя Совета Министров и особенно после XX съезда КПСС. События лета-осени 1956 года в Восточной и Юго-Восточной Европе укрепили ряды оппозиции, которая начала упрекать Хрущева в авантюризме. Сигналом для выступления против Хрущева послужила его речь на митинге в Ленинграде, в мае 1957 года, в которой он выдвинул свой фантастический план догнать и перегнать Америку в короткий срок в производстве мяса, молока и шерсти.

В июне 1957 года на пленуме ЦК Хрущев столкнулся с организованной оппозицией. Подавляющее большинство членов Президиума ЦК было против его политики. Против Хрущева открыто выступили Молотов, Маленков, Каганович, Первухин и Сабуров. Их поддержал секретарь ЦК Шепилов. При голосовании за освобождение Хрущева от обязанностей первого секретаря вместе с оппозицией голосовали Булганин и Ворошилов. 7 голосами против 4 это решение было принято.

Однако Хрущев решил бороться. При помощи преданного партаппаратчика Капитонова, сделанного позже секретарем ЦК, министра обороны маршала Г. Жукова и председателя КГБ И. Серова на военных самолетах в Москву срочно были доставлены члены ЦК КПСС с мест. Они потребовали открыть пленум ЦК. Недельная дискуссия на пленуме (22—29 июня 1957 года) принесла победу Хрущеву. Основные противники Хрущева: Маленков, Молотов и Каганович, а также Шепилов — были объявлены антипартийной оппозицией, лишились всех постов.

Как это обычно бывает в истории, победитель спешил избавиться от своего наиболее могущественного союзника. В данном случае им был маршал Г. К. Жуков.

Хотя Жуков в награду за свое участие в разгроме «антипартийной оппозиции» и был сделан полным членом Президиума ЦК КПСС, но популярность Жукова среди народа, считавшего, что он спас Россию от немцев, не давала Хрущеву покоя. Он не мог забыть, что во время перепалки на заседании пленума ЦК Жуков, в ответ на гневную реплику Маленкова: «Может быть, вы танки двинете против нас?!», ответил уверенно: «Танки двинутся только по моему приказу». То были весьма необдуманные слова со стороны

двинутся только по моему приказу». То были весьма необдуманные слова со стороны защитника Москвы и победителя Берлина. Если бы Жуков был более искушен в политике, то он, несомненно, сказал бы: «Танки двинутся только по приказу ЦК»... Жуков сам дал повод для будущего обвинения его в бонапартизме. Впрочем, если бы не эти злосчастные слова, то был бы найден и другой повод. Многие маршалы завидовали славе Жукова, и Хрущев использовал эту зависть. Карикатура, появившаяся в одной западноевропейской газете, ускорила развязку. На картинке был изображен Хрущев, устремленный вперед, а

за ним, на небольшом расстоянии, уверенно шагающий Жуков. Под карикатурой подпись: «Оглянись, Никита, кто шагает за тобой...»

И Никита оглянулся. Разумеется, Хрущев знал, что Жуков далек от мысли стать диктатором. Но Хрущев не мог перенести популярности маршала, она заслоняла его собственную. Жуков, пока он был с Хрущевым в одной упряжке, закрывал возможность напомнить народу о заслугах Хрущева во время войны. Неслучайно поэтому через несколько лет в 1-м томе *«Истории Великой Отечественной войны против гитлеровской Германии, 1941—1945»*, Жуков будет упомянут в негативном плане, как начальник генерального штаба, не принявший своевременных мер к предупреждению внезапного германского нападения, а во всех последующих томах не раз будет воздано «должное» военным талантам Н. С. Хрущева.

В октябре 1957 года, в то время как Жуков находился с визитом за границей, Хрущев собрал заседание Президиума ЦК для обсуждения опасности бонапартизма со стороны маршала Жукова. На резонно высказанное сомнение, не следует ли подождать возвращения Жукова в Москву, Хрущев ответил цинично: «Семеро одного не ждут». Жуков не только был выведен из ЦК КПСС, но смещен с поста министра обороны и уволен в отставку.

Итог борьбы Хрущева за должность Вождя был вскоре подведен: в марте 1958 года Булганин был освобожден от обязанностей председателя Совета Министров СССР. На его место был назначен сам Хрущев, объединивший в своих руках, как до него это сделал Сталин, а затем на короткий период Маленков, два ключевых поста в государстве: первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР.

Удаление бывших членов Президиума ЦК КПСС с их постов впервые в истории СССР не повлекло за собой их ареста. Это было что-то новое в опыте советской жизни и было признаком стабилизации положения высшей бюрократии, ее решимости не допустить возобновления практики сталинских времен и сохранить таким образом преемственность власти.

В конечном итоге традиционная тяга к централизму очень быстро дала себя почувствовать. Оказалось, что совнархозы отдельных областей занимаются главным образом местной промышленностью вместо того, чтобы направлять экономическое развитие региона в целом. Очень скоро, уже в 1959 году, начал происходить процесс, аналогичный укрупнению колхозов и совхозов: «маломощные» совнархозы начали присоединять к более крупным.

Прежняя экономическая иерархия быстро восстановилась, но в еще более уродливом виде, чем то было до учреждения совнархозов.

*** * ***

В 1953—1964 годах значительно расширилась энергетическая база Советского Союза. Были выстроены Куйбышевская гидроэлектростанция (1958), Сталинградская ГЭС (1960), Братская ГЭС (1961—1964) и ряд гидроэлектростанций и теплоэлектростанций местного значения.

Быстрое развитие получили новые источники энергии: марковская нефть в Сибири (1962), нефть и газ в Тюменском районе (1963). Появились и выросли новые отрасли промышленности: газовая и алмазная.

Производство электроэнергии выросло со 150,6 млрд. квтч в 1954 году до 507,7 млрд. в 1965. За те же годы добыча нефти увеличилась с 52,7 млн. тонн до 347,3 млн. тонн, выплавка стали с 41,4 млн. тонн до 91,0 млн. тонн, добыча угля с 347,1 млн. тонн до 577,7 млн. тонн.

*** * ***

Одна из серьезнейших проблем 50—60 годов заключалась в том, чтобы перестроить промышленное производство в соответствии с требованиями новой технической революции. Известный советский ученый академик Капица в одном из своих выступлений уподобил советскую промышленность ихтиозавру — доисторическому животному, имевшему длинное туловище и маленькую голову, то есть огромная промышленность и крайне незначительная роль в ней науки.

Научные и технологические достижения капиталистического мира, которые яростно опровергались во времена Сталина и низводились на уровень идеологических диверсий и идеализма, такие, например, как кибернетика, внезапно были признаны советской верхушкой, и, в соответствии с изменившимися настроениями и политикой, наука начала получать огромные государственные ассигнования. Были созданы новые научно-исследовательские институты. Почти угасшие было исследования в области фундаментальных наук и естествознания были возобновлены или расширены. Потребности государства, неизменно связанные с усилением его военного потенциала, требовали более совершенной технологии, более усовершенствованного оружия.

Поскольку советское государство было и остается единственным предпринимателем в стране, единственным бесконтрольным распорядителем доходов и расходов, на наиболее

перспективные научные направления были даны крупные субсидии. Это сделало возможным, например, рывок советской науки и технологии в области строительства ракет, а это, в свою очередь, привело к развитию исследований космоса, увенчавшегося созданием первого искусственного спутника земли (1957) и полетом Юрия Гагарина в космос 12 апреля 1961 года.

Однако однобокость развития советской промышленности привела к хроническому недостатку товаров массового потребления и к крайне низкому качеству многих видов товаров и услуг. Сельское хозяйство, несмотря на все усилия и реформы, не могло справиться с одной-единственной проблемой — накормить население собственной страны.

Усиление роли науки в жизни государства, введение более современной технологии в производство и научно-техническая революция в ряде областей выдвинули в 50—60 годах проблему подготовки высококвалифицированных кадров рабочих для промышленности. Проблема состояла в том, что вся система советской жизни постепенно вырабатывала пренебрежительное отношение к труду рабочего. Не только дети потомственных рабочих не желали идти «ишачить» на производство, но и старшее поколение рабочих хотело видеть своих отпрысков инженерами, учителями, видя в этом как бы осуществление своих несбывшихся надежд.

Система школьного обучения ставила своей целью подготовку школьников к поступлению в высшее учебное заведение. Но высшие учебные заведения не могли принять всех желающих. Кроме того, существующая система привилегий открывала доступ в ВУЗы тем юношам и девушкам, чьи родители занимали высокое положение. Конкурсные экзамены при поступлении в институты дополнялись «конкурсами отцов» — кто важнее, кто сильнее. Приемным комиссиям прямо указывали, кого «резать» при вступлении, а к кому отнестись более либерально.

Оказавшиеся за бортом высшего образования молодые люди предпочитали любую работу, лишь бы не идти на производство. На многих предприятиях были созданы ВУЗы без отрыва от производства, вечерние школы и прочее. Завод пытались сделать более привлекательным для окончивших школу. И все же школьники шли на заводы, только принужденные к этому сложными жизненными обстоятельствами. Возникшую проблему пытались разрешить реформой образования. В декабре 1958 года вместо десятилетнего и всеобщего обязательного семилетнего образования было введено всеобщее обязательное 8-летнее, после получения которого школьники обязывались работать на заводах или в сельском хозяйстве в течение трех лет. В школах вводились также 9—11 классы с усиленной производственной практикой. Преимущество при поступлении в ВУЗы оказывалось лицам, имеющим стаж работы, а также обладающим хорошей партийно-производственной характеристикой.

Реформа вызвала недовольство почти во всех слоях общества: в высших слоях, так как высокопоставленные родители уже заранее предначертали путь успешного подъема по лестнице власти или науки для своих детей. В низших, особенно городских, слоях, так как родители, сами не сумевшие получить высшее образование из-за сложностей жизни, добивались его для своих детей. Для молодежи сельскохозяйственных районов, мечтавшей оставить свою деревню и уехать учиться в город, новый закон воздвигал, казалось, непреодолимое препятствие. Правда, можно было завербоваться на стройки коммунизма в Сибирь или в Среднюю Азию, поехать на целину

По всей стране началась систематическая кампания за сочетание «школы с жизнью», «науки с жизнью» и так далее. Комсомол мобилизовывал тысячи молодых людей на целину и на строительство в Братск, Красноярск, на Волгу и прочее.

Как и все массовые кампании, развертывавшиеся в СССР, кампания «за связь с жизнью» была доведена до абсурда. Ученых, врачей заставляли выполнять бесплатную и непроизводительную работу в ущерб их собственной. Например, в Москве сотрудников институтов Академии наук СССР посылали на уборку мусора в строящихся домах, на мытье полов и лестниц. Отказ от работы считался антиобщественным поступком.

Другим массовым мероприятием, отрывавшим от работы тысячи людей и нарушавшим работу транспортной системы и торговой сети, были встречи почетных гостей, приезжавших в столицу СССР. По указанию райкомов партии тысячи людей выстраивались вдоль магистралей, ведущих от аэропортов к центру Москвы, чтобы создать видимость энтузиазма при встрече почетных гостей, как Насер, Тито. В других же случаях, например, при приезде в Москву президента США Никсона, доступ к магистрали, по которой он проезжал, был перекрыт и улицы оставались пустынными.

В 1955—61 годах были изданы законы социального характера, улучшавшие правовое положение городского населения и в первую очередь индустриальных рабочих.

25 апреля 1956 года был отменен антирабочий закон 1940 года о прикреплении к производству и о суровых наказаниях за прогулы и опоздания. Советский рабочий снова стал «свободным» рабочим: право менять место работы было ему возвращено.

Указом от 8 сентября того же года был установлен минимум заработной платы.

Среди других важных законов, затронувших интересы миллионов людей, было введение в июле 1956 года новой системы пенсионного обеспечения, благодаря которой сумма ежемесячной пенсии значительно выросла. Пенсии зависели от стажа и возраста. Их сумма колебалась между 300 и 1200 рублями. Возрастной ценз для получения пенсии был установлен: для мужчин — 60 лет при стаже работы в 25 лет, для женщин — 55 лет при стаже работы в 20 лет. Это было значительно ниже возрастного ценза, существующего на Западе. В июле 1964 года было установлено государственное пенсионное обеспечение для колхозников. Пенсии по старости получали мужчины в возрасте от 65 лет и женщины — от 60 лет, но лишь в том случае, если они продолжали жить в колхозах. Однако закон обошел важнейший вопрос об автоматизме ухода на пенсию при достижении предельного возраста, что открывало широкую возможность для высших чиновников государства находиться на своих должностях иногда пожизненно, независимо от их возраста. Кроме того, в соответствии с интересами верхушки, не только сохранилась, но и расширилась система персональных пенсий, назначаемых за особые заслуги перед государством. Они были значительно выше общегосударственных. С персональными пенсиями были связаны и другие привилегии, в частности, 50-процентная квартирная плата, бесплатный проезд на общественном транспорте, ежегодная бесплатная путевка в дома отдыха и санатории, и другие весьма существенные льготы. Особая система пенсий сохранилась для научных работников, для военных и сотрудников государственной безопасности.

Были также приняты законы о сокращении рабочей недели на два часа, продлении оплачиваемого отпуска по беременности до 112 дней (в 1940 году отпуск по беременности был сокращен до 70 дней).

Гражданское жилищное строительство, начатое в последние годы жизни Сталина, было значительно расширено. Теперь оно было поставлено на промышленную основу с тем, чтобы в течение 10—12 лет «покончить в стране с недостатком в жилищах». Государство начало поощрять организацию жилищных кооперативов на весьма льготных для населения условиях: 15-30% стоимости квартиры единовременно при начале строительства с 15-летней рассрочкой при 0,5% годовых за ссуду. Значительно увеличилось строительство жилых домов, осуществляемое городскими властями, предприятиями и министерствами. О размахе жилищного строительства в десятилетие 1953—1964 года свидетельствуют следующие данные: в 1950 году весь городской жилищный фонд страны составлял 513 млн. кв. метров, в 1955 — 640 млн. кв. метров, в 1960 — 958 млн. кв. метров, в 1964 — 1182 млн. кв. метров. Хотя улучшение жилищных условий коснулось многих тысяч семей, жилищная проблема так и не была решена даже в конце 70-х годов.

Острую жилищную проблему государство использовало как еще один способ давления на граждан. При безупречном поведении можно было получить квартиру быстрее. Всякая критика действий начальства стоила уже поставленному на очередь для получения квартиры довольно дорого: в лучшем случае его очередь отодвигалась, в худшем — и вовсе лишали права на получение жилплощади. Разумеется, всегда подыскивался подходящий предлог.

В 1958 году правительство приняло решение заморозить на 20 лет выплату по государственным займам, которая стала для государства тяжким бременем. Одновременно был прекращен выпуск займов вообще, за исключением внутреннего займа, облигации которого свободно покупались и продавались. Замораживание выплат по займам было встречено населением со смешанным чувством. У миллионов людей скопилось за годы советской власти большое количество облигаций и выигрыши по займам стали как бы дополнительной статьей дохода. С другой стороны, прекращение подписки на заем означало ежегодную постоянную экономию 2—3 недельного заработка. В 1975 году погашение по займам возобновилось.

Рост инфляции привел к новой денежной реформе в 1961 году. Формально произошел обмен старых банкнот на новые при соотношении 10:1 при пропорциональном изменении цен и заработной платы. Постепенно, в связи с развитием инфляционных тенденций, реальная покупательная способность новых денег уменьшилась.

В 1957 году были сокращены индивидуальные налоги для низкооплачиваемых категорий. Еще раньше, в 1954 году, был отменен 6-процентный налог на холостяков, введенный во время войны. Снижение налогов происходило на фоне роста промышленного производства и увеличения государственных доходов за счет налога с оборота, а также роста цен на продукты питания и товары широкого потребления. Рост цен происходил систематически и параллельно росту номинальной заработной платы и оплаты коммунальных услуг. Все же эти платежи занимали незначительное место в бюджете городской семьи, главные статьи расходов составляли питание и одежда. Обычно на питание уходило больше половины заработной платы.

Доходы семьи возросли также с отменой платы за обучение в старших классах школ и институтах, введенной в 1940 году.

Возросли также пособия многодетным семьям, оплаты по временной нетрудоспособности. Минимум заработной платы вырос с 30 новых рублей в месяц до 60. Однако разрыв между низшим уровнем заработной платы и высшим оставался огромным. Наиболее важные для общества работники — учителя, врачи, медицинский персонал — оставались одной из самых низкооплачиваемых категорий.

Несомненно, Хрущев искренне желал, чтобы народ жил лучше, но его представления о том, что хорошо и что плохо, в общем, не выходили за обычные рамки коммунистической идеологии и даже носили некоторые черты уравнительства. Например, в программе партии 1961 года народу было обещано введение к 1980 году бесплатного снабжения рядом товаров и услуг.

Хрущев пытался вести борьбу с расхитителями и взяточниками. Но он вел эту борьбу, сочетая законные и незаконные методы. По его настоянию в законодательство была введена статья, предусматривающая смертную казнь за расхитительство, валютные операции и прочее. Эта статья закона была немедленно применена к преступлению, совершенному до издания этого закона (дело Рокотова), что было грубейшим нарушением одного из основных постулатов правопорядка — закон обратной силы не имеет.

В 1957 году была затеяна кампания против «тунеядцев». Под «тунеядцами» сначала подразумевались спекулянты, алкоголики, хулиганы, которые своими действиями нарушали общественный порядок и покой граждан. Почему-то считалось, что в отдаленных местностях они этого делать не смогут. Однако очень скоро выяснилось, что главной мишенью кампании против тунеядцев оказались люди свободных профессий: художники, артисты, поэты. Многие из них не были членами творческих союзов и потому не имели «социального лица». Очень скоро они стали жертвами морального террора, травли со стороны своих соседей, науськиваемых властями. «Тунеядцев» арестовывали, судили и высылали на жительство в отдаленные местности СССР. Такого рода судебная расправа была учинена в 1964 году над поэтом Иосифом Бродским.

Кампания против тунеядцев стала одной из форм политических репрессий, так же, как кампания против валютчиков и взяточников превратилась в антисемитскую. Подавляющее большинство осужденных по этим обвинениям к смертной казни были лица еврейского происхождения. Хрущев, сам не чуждый антисемитизма, не раз говорил в своих речах о «хороших» и «плохих» евреях, а не о хороших и плохих гражданах. К числу «хороших» евреев он отнес, например, генерала армии Я. Г. Крейзера.

Активное участие в борьбе против «тунеядцев» начали принимать так называемые народные дружины, закон об организации которых был принят Верховным Советом СССР в 1959 году. Они получили право надзора за общественным порядком. Дружинники выделялись предприятиями и учреждениями из среды своих коллективов. В ряде городов дружины начали быстро вырождаться в банды, терроризирующие и шантажирующие граждан. Например, в г. Николаеве на Азовском море дружину одно время возглавлял некто М., принуждавший к сожительству девушек под угрозой объявления их проститутками. Подобные случаи были не единичными. Местные власти использовали часто дружинников для расправы над неугодными им людьми. Позднее дружинников пускали в ход против выставок вольных художников, для запугивания диссидентов и прочего.

Беззастенчиво вторгались в личную жизнь граждан товарищеские суды.

Режим Хрущева, отказавшись в принципе от массового террора, арестов, перешел к общественному контролю над деятельностью и жизнью граждан. В этом смысле можно сказать, что Хрущев пытался установить в советском обществе полное народовластие, наделив сотни тысяч людей частицей власти над себе подобными.

Этой же цели служил массовый рост партии и комсомола. Близилась эра Нового Советского Человека.

Сосуществование и экспансия

Уже первые шаги Маленкова в области внешней политики свидетельствовали о намерении коллективного руководства погасить очаги военной опасности и смягчить отношения с капиталистическими странами.

Итоги Второй мировой войны были весьма благоприятны для Советского Союза и могли бы быть еще лучше, если бы не мегаломания Сталина. Политика военных авантюр, политика силы, так ярко проявившаяся в корейской войне и во время берлинского кризиса, фактически провалилась. Мао Цзедун, направив войска в Корею, спас положение для всего коммунистического мира.

В 1953—55 годах Советский Союз осуществлял политику замирения. После ликвидации войны в Корее в 1953 году было достигнуто при поддержке СССР прекращение войны между странами Индокитая и Францией.

В 1955 году был, наконец, подписан мирный договор с Австрией, чему Советский Союз препятствовал в течение многих лет, искусственно связывая заключение договора с уступками западных держав Советскому Союзу по другим вопросам. Позднее вина за это была персонально возложена ЦК КПСС на Молотова, равно как и вина за ухудшение советско-югославских отношений.

В том же году Хрущев появился во главе советской партийно-правительственной делегации в Белграде и принес президенту Югославии и главе Коммунистической партии Югославии Иосипу Броз-Тито официальные извинения за антиюгославскую политику, проводившуюся после Второй мировой войны. Ответственность за нее Хрущев возложил на Берию, но это объяснение было встречено югославскими руководителями иронически. Советской делегации был оказан не слишком теплый прием. Югославы рассчитывали на честное признание советскими руководителями совершенной несправедливости, особенно утверждений, что Югославия является не социалистической, а капиталистической страной. Поэтому в резолюцию XX съезда КПСС была вставлена фраза: «Серьезные достижения в социалистическом строительстве имеются также в Югославии».

Советские делегаты не были подготовлены к встрече психологически, признавал позднее Хрущев. «Мы все еще не были свободны от рабской зависимости от Сталина». Тито был готов улучшить межгосударственные отношения, но отклонил предложение о восстановлении тесных отношений между КПЮ и КПСС, правильно предполагая, что претензии КПСС на руководящую роль среди коммунистических партий мира отнюдь не отброшены. По этой причине КПЮ позднее отказалась принять участие в совещании коммунистических партий в Москве в 1957 и в 1960 годах.

Новое советское руководство довольно реалистически оценило создавшуюся ситуацию. Опыт первых трех лет внешнеполитической активности правительства показал, что в конкретных исторических условиях наиболее выгодным курсом является так называемое мирное сосуществование. На XX съезде КПСС этот тезис был развит довольно подробно. Суть его заключалась в признании факта сосуществования двух различных общественных систем в современном мире: капиталистической и социалистической. Они соревнуются между собой на поприще хозяйственного и культурного строительства. Победа социалистической системы рано или поздно неизбежна, но эта победа будет достигнута не путем «экспорта революции» из социалистического лагеря в капиталистический, а в результате развития в капиталистических странах внутренних противоречий и классовой борьбы. Существует возможность ненасильственного перехода к социализму в ряде капиталистических стран. Поэтому в современных условиях нет фатальной неизбежности войн, и они могут быть предотвращены. Однако полностью опасность новой войны не устранена, так как пока существует империализм, существует почва для возникновения войн.

Такова, коротко говоря, была внешнеполитическая программа, сформулированная на XX съезде КПСС.

Мы уже отметили, что эта программа исходила из неизбежности победы СССР (социалистического лагеря) во всем мире. Выставляя эту программу, КПСС отнюдь не отказывалась от другой части своей политики. Во-первых, от усиления и развития идеологической борьбы против стран капитализма. Понятие «идеологическая борьба» могло трактоваться и широко, и узко в зависимости от потребностей момента. Во-вторых, сохранялся в первозданном виде тезис о невозможности сохранения статус-кво, о неизбежности перемен в мире. В-третьих, советская доктрина продолжала исходить из

своего не только права, но и обязанности помогать национально-освободительному движению во всем мире. Способы и формы помощи никак не были очерчены или ограничены. Эти три тезиса фактически формулировали право Советского Союза и других социалистических стран на постоянную экспансию.

Таким образом, советская внешняя политика в послесталинское время основывалась, как охарактеризовал ее американский историк профессор Адам Улам, на экспансии и мирном сосуществовании, но более правильной была бы формула сосуществования путем экспансии.

Принципы внешней политики СССР были грубы и примитивны, но именно этим она и была сильна. Наиболее острые критики внешней политики на Западе определяли внешнюю политику СССР в послесталинское время следующим образом: «То, что наше — это наше, а остальное подлежит переговорам». Но они заблуждались. Более правильной и отвечающей действительности была формула: «То, что наше — это наше, то, что ваше — будет наше».

Советские руководители были правы, утверждая, что советская внешняя политика, в отличие от политики западных держав, последовательна. Это утверждение полностью соответствует действительности. Практика советской внешней политики выражала и выражает сочетание принципа сосуществования и экспансии и использования первого для камуфляжа второго.

После ухода Маленкова с поста председателя Совета министров СССР советская внешняя политика заметно активизировалась. Мотором ее стал Н. С. Хрущев. В 1955 году произошла встреча в Женеве с участием президента Эйзенхауэра. Встреча никак не повлияла на положение дел в Европе, где по-прежнему главным вопросом оставался германский. Однако, после создания Варшавского пакта в 1955 году ситуация в германском вопросе стала более определенной. Ни западные страны, ни Советский Союз не помышляли больше всерьез об объединении Германии, хотя все заявляли о своем горячем желании видеть Германию объединенной. Всевозможные проекты, встречи и обсуждения германской проблемы были скорее данью установившемуся обычаю, общественному мнению, чем намерением решить ее. Да ее и невозможно было решить. Реальность заключалась в том, что существовали две Германии. Одна из них, Федеративная Республика Германии принадлежала к группировке западных держав, другая — к группировке советского блока. На территории ГДР находились советские войска. Все признаки указывали на то, что подавляющее большинство населения Восточной Германии (Германской Демократической Республики) тяготеет к Западу. Отлив населения из восточной Германии в западную был значительным и грозил подорвать в недалеком будущем экономическую и социальную структуру ГДР. Были приняты более радикальные меры. Хрущев во время встречи с президентом Кеннеди в Вене (июнь 1961) не смог добиться от последнего признания ГДР. Тогда СССР попытался снова закрыть доступ западным державам в Западный Берлин. Берлинский кризис продолжался несколько месяцев. Попытки изолировать Западный Берлин провалились. Правительство ГДР решило проблему своеобразным путем. По согласованию с советским правительством в Берлине была воздвигнута в августе 1961 года стена, отделявшая восточную часть Берлина от западной. Подобные сооружения существовали раньше только в концентрационных лагерях. Правда, была еще Великая Китайская стена, которая должна была защитить жителей Поднебесной империи от набегов кочевников. Охрана Берлинской стены стала главной заботой восточногерманских вооруженных сил. Подходы к стене были со временем оснащены специальной электронной аппаратурой, автоматически открывавшей огонь по тем, кто попытался бы перебраться по другую сторону стены. 12 июня 1964 года между СССР и ГДР был заключен договор о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве. Советский Союз формально брал на себя защиту территории ГДР в случае необходимости.

В 50-е годы советская внешняя политика постепенно приобретала все более наступательный характер. Повсюду, где местная ситуация претерпевала изменения, советская политика была довольно активной. Если в 1947—48 годах СССР поддерживал на Ближнем Востоке Израиль, как силу, ослабляющую Британскую империю, то в середине 50-х годов началась переориентация политики в пользу более тесных отношений с арабским миром. Толчком к этому послужила египетская революция 1952 года и растущее убеждение в том, что Израиль является не более как сателлитом США. Отношения между СССР и Израилем были прерваны незадолго до смерти Сталина в связи с антисемитской политикой СССР и восстановлены затем в июле 1953 года. Но теперь государство Израиль рассматривалось как находящееся во враждебном Советскому Союзу лагере.

В июле 1955 года в Египет был послан редактор *«Правды»* (в будущем секретарь ЦК КПСС) Шепилов. С этого времени советская экспансия на арабском Востоке усилилась. Насера, президента Египта, интересовало оружие, и он очень скоро начал получать его от советского сателлита — Чехословакии. Позднее Советский Союз начал поставлять Египту танки и самолеты — истребители типа МИГ, а также артиллерийские системы.

Конфликт из-за Суэцкого канала в 1956 году и последовавшая затем война Англии, Франции и Израиля против Египта немало способствовали укреплению советско-египетских связей. Шепилов стал с июня 1956 года министром иностранных дел СССР вместо Молотова. В начале ноября 1956 года в Москве и в других городах прокатились «стихийные» массовые демонстрации в защиту Египта под лозунгом «Руки прочь от Египта!» и началась запись добровольцев для участия в войне на стороне Египта. В эти же самые дни советские танки давили в Будапеште венгерских революционеров. Однако никто в СССР не поднял против этого голос протеста и не возгласил: «Руки прочь от Венгрии!» Шум вокруг войны на Ближнем Востоке заглушил стоны гибнувших под гусеницами советских танков венгров.

Советская внешняя политика во времена Хрущева научилась очень быстро заполнять вакуум, вызванный ослаблением позиций западных великих держав путем эксплуатации традиционной неприязни или вражды населения бывших колоний к метрополии. Так было, например, во время кризиса вокруг Сирии летом 1957 года. В 1958 году разразился новый кризис на Ближнем Востоке, затронувший Ливан, Сирию и Иорданию. Советский Союз использовал кризис для улучшения своих собственных позиций в Сирии и Ираке. В 60-е годы Советский Союз значительно укрепил свое влияние в Египте, приняв участие в

годы Советский Союз значительно укрепил свое влияние в Египте, приняв участие в строительстве Ассуанской плотины и направив своих военных советников и оружие в значительных количествах. В 1962 году Советский Союз поддержал революцию в Йемене, а в 1964 году подписал с Йеменом договор о дружбе. Всем этим государствам Советский Союз оказывал военно-экономическую поддержку и предоставлял техническое сотрудничество.

В Африке, в Азии, в Индийском океане Советский Союз неизменно оказывал поддержку странам, выступавшим против интересов западных держав.

Но везде и повсюду у руководителей Советского Союза проявлялась одна и та же особенность: как только им казалось, что Советский Союз уже довольно твердо укрепился в той или другой стране, он начинал навязывать этим странам свою концепцию международной политики и оказывать грубое давление на их внутреннюю и внешнюю политику. В результате, кажется, не было страны, с которой бы у СССР не возникло конфликтов, начиная с Египта и кончая Индонезией.

Но особенно сложными оказались отношения с «братским» Китаем.

Два главных «брата»

Первые годы после образования Китайской Народной Республики (КНР) были временем расцвета советско-китайских отношений, ставших особенно тесными во время корейской войны, когда Советский Союз снабжал китайские дивизии в Корее вооружением.

С 1950 по 1962 год Советский Союз предоставил Китаю долгосрочные кредиты на сумму 1,82 млрд. рублей. Они были использованы Китаем для оплаты закупленного в СССР вооружения и оказания помощи Корее. Советский Союз передал Китаю на 790 млн. рублей имущества, подарков и прочего. Если разделить эти суммы на 12 лет, то окажется, что советская помощь была не столь уж значительной. В 1962 году Китай получил только 13% от всей помощи, оказанной Советским Союзом социалистическим странам и только 8% от суммы всех кредитов, предоставленных СССР другим странам в порядке экономической помощи. «Китайская доля» была абсолютно несоразмерна количеству населения, проживающего на его территории. Согласно официальным советским данным с помощью Советского Союза было построено в Китае 256 предприятий разного рода. СССР оказывал Китаю помощь технической документацией, строительством железных дорог, посылкой экспертов. Все это делалось отнюдь не безвозмездно. За 12 лет в Китае побывало около 11 тысяч советских экспертов, советников и прочего. Им было выплачено около 30 тысяч годовых заработных плат. Китай оплачивал все услуги, оказываемые СССР: фрахт, строительство железных дорог, расходы по обучению и содержанию китайских студентов в Советском Союзе и прочего. Со своей стороны, Китай поставил в СССР до конца 1962 года товаров, продовольствия и сырья на сумму 2,1 млрд. рублей.

В разгар выполнения Китаем экономической программы отношения между СССР и Китаем значительно ухудшились. СССР неожиданно для Китая отозвал в 1962 году 1390 советских экспертов, разорвал 343 контракта на использование советских специалистов в Китае и прекратил работу над 257 проектами научного и технического сотрудничества, поставив китайскую экономическую программу в довольно сложное положение.

Истоки советско-китайского конфликта уходят далеко в прошлое. Они, вероятно, начинаются с политики захватов и неравноправных договоров царской России с Китаем и прослеживаются в политике советского партийного руководства в 20-е и 30-е годы по отношению к Гоминдану и к советским районам в Китае. Сталин не верил в возможность победы китайской коммунистической партии, его политика была ориентирована на сотрудничество с Чан Кайши. После 1949 года Советский Союз осуществлял по отношению к Китаю такую же политику, какую он вел в отношении социалистических стран Европы: подчинения интересов этих стран интересам «старшего брата» — СССР. В экономическом плане сталинская политика выражалась в создании на территории Китая смешанных советско-китайских обществ, добивавшихся эксплуатации ресурсов Китая под руководством и в интересах Советского Союза. Например, в пограничной китайской провинции Синцьзян было учреждено смешанное общество по разработке минеральных богатств. Общество фактически пользовалось правом экстерриториальности. В 1949—1953 годах Сталин не раз делал предложения Мао Цзедуну об организации советских предприятий на территории Китая, вызывая у китайского лидера чувство унижения и обиды. Опыт многотысячелетней истории научил также и коммунистических лидеров Китая относиться с подозрением к любым предложениям иностранных государств использовать территорию Китая в каких бы то ни было целях. XX съезд КПСС формально осудил практику «смешанных обществ», и они были ликвидированы. Однако, подобно Сталину, его преемники оказались психологически неподготовленными к пониманию образа мыслей китайских лидеров. Так, китайские лидеры были оскорблены заявлением министра обороны СССР и члена Президиума ЦК КПСС маршала Жукова, что в случае нападения империалистов на одну из социалистических стран СССР немедленно придет на помощь этой стране. Они заявили, что Китай не стал бы просить СССР о помощи.

Предложение Хрущева Мао Цзедуну в 1959 году предоставить Советскому Союзу базу для заправки и ремонта его подводных лодок и строительства радиостанции было с негодованием отвергнуто, как и предложение предоставить Китаю аналогичные преимущества в Мурманске. Мао многозначительно напомнил Хрущеву, что в течение своей истории китайцы не раз ассимилировали завоевателей, которые к ним приходили...

Осуждение в СССР культа Сталина вызвало в Китае сначала скрытое, а затем и открытое недовольство. В Китае был свой собственный «культ» — Мао Цзедуна. Иначе и быть не могло, ибо «культ личности» или вождизм является непременной принадлежностью любого тоталитарного режима, будь то социалистический Советский Союз, гитлеровская Германия, маоистский Китай или энверходжевская Албания. К этому времени высказывания Мао, его выступления и статьи были объявлены азиатской формой марксизма-ленинизма. Пока был жив Сталин, Мао как бы оставался в тени. Теперь он стал «величайшим теоретиком» эпохи. Как гласит русская пословица: «Свято место пусто не бывает». Маоистов беспокоило не столько развенчание Сталина, сколько последствия этого для Китая и международного коммунистического движения, на руководство которым

КПК претендовало наряду с КПСС. Практическая, а не чисто словесная позиция китайского руководства ярко проявилась в 1956 и 1957 годах, когда КПК поддержала кровавое подавление венгерской революции советскими войсками, а в 1958 году оказалась единственной коммунистической партией в мире, открыто приветствовавшей казнь Имре Надя. Советско-китайские отношения были осложнены общностью идеологии. Взаимные обвинения в уклонении от «истинного» учения — марксизма-ленинизма, а также в ревизионизме, догматизме, левом фразерстве, правом оппортунизме, авантюризме, стремлении к гегемонии, подрывной деятельности, троцкизме, прислужничестве перед американским империализмом, в национализме, капитуляции перед буржуазией, крестьянской идеологии и так далее и тому подобное стали на многие годы как бы фоном советско-китайских отношений и международного коммунистического движения.

Общая идеология рождала претензии на исключительную правоту той или другой стороны, что на деле было оборотной стороной претензии на гегемонию. Политика Китая и СССР, или, вернее, КПСС и КПК по отношению друг к другу отличалась поразительной негибкостью, подозрительностью и враждой, перед которыми отношения тех же стран со странами капиталистического мира представляются идиллическими.

Выступая против линии КПСС, что война перестала быть фатальной неизбежностью, Мао Цзедун не только предрекал всемирную атомную войну, но приветствовал ее как возможность «покончить с империализмом». Он развивал, например, такую мысль в беседе с министром иностранных дел Громыко в 1958 году: в будущей войне Китай, возможно, потеряет 300 млн. человек, но когда запас атомных и водородных бомб будет исчерпан, Китай при помощи обычного оружия ликвидирует остатки капитализма и утвердит социализм во всем мире. В другой беседе Мао Цзедун, назвав атомную бомбу «бумажным тигром», говорил, что даже если в будущей войне погибнет треть человечества (т. е. 900 млн.) или даже половина (1.350 млн.), то другая половина выживет, империализм будет сметен, повсюду воцарится социализм. Через 50—100 лет человечество вырастет вновь больше чем на половину. В одном из сборников, опубликованных в Китае в 1960 году, говорилось: «Победившие народы крайне быстрыми темпами создадут на развалинах погибшего империализма в тысячу раз более высокую цивилизацию, чем при капиталистическом строе, построят свое подлинно прекрасное будущее».

Откровения Мао Цзедуна имели прямо противоположный эффект тому, на что он рассчитывал: подавляющее большинство коммунистических партий поддержали советский тезис об отсутствии фатальной неизбежности войн. Хотя КПСС во многих своих публичных заявлениях и декларациях признавала право каждой страны самой определять свой путь к социализму, наделе советские руководители вели открытую и закулисную борьбу против любых попыток коммунистических партий или стран социалистического типа вести свою, не согласованную или не одобренную Москвой политику. При этом Советский Союз не собирался заниматься филантропией. За все, что он делал для своих «младших братьев», он требовал уплаты в том или ином виде. В начале 1961 года Китай обратился к СССР с просьбой помочь ему хлебом, так как из-за неурожая сложилось тяжелое продовольственное положение. СССР дал Китаю взаймы 500 тыс. тонн сахара, полученного из Кубы. Китайцам ничего другого не оставалось, как закупить 6 млн. тонн пшеницы на мировом капиталистическом рынке. Впрочем, у Советского Союза не было запасов хлеба и для того, чтобы прокормить население собственной страны. Спустя два года СССР вынужден был закупить на Западе 13 млн. тонн зерна.

В 1958—1960 годах и особенно в связи с войной во Вьетнаме Китай усилил поддержку революционных движений на азиатском материке, стараясь подчинить эти движения и использовать их для распространения влияния Китая. Началось столкновение интересов с СССР. Борьба за гегемонию между СССР и Китаем распространилась затем на Африку и на бассейн Индийского океана.

Советско-китайские отношения обострились к 1960 году настолько, что на Бухарестском совещании коммунистических партий произошел резкий обмен репликами между Хрущевым и китайским представителем.

На самом деле идеологические разногласия между КПСС и КПК как бы камуфлировали противоречия в интересах Советского Союза и Китая.

К моменту обострения отношений, к концу 50-х — началу 60-х годов, Китай далеко отставал от Советского Союза в экономическом развитии, в технологии и, наконец, в приобщенности к современному миру. СССР и США были супер-державами. Китай стремился ликвидировать как можно скорее образовавшийся разрыв в уровне развития. Отсюда проистекала китайская политика «большого скачка» внутри страны и агрессивная политика во вне, стремление во что бы то ни стало получить в свое распоряжение атомную, а затем и водородную бомбу, что в наше время считается как бы визитной карточкой великой державы.

Одно время Мао Цзедун надеялся получить атомное оружие от Советского Союза. Не исключено, что в какой-то момент он получил от послесталинского советского руководства нечто вроде полуобещания. Во всяком случае, при консультации Советского Союза и при его помощи в период 1957—1959 годов в Китае был построен атомный реактор мощностью в 5 тыс. квт. Позднее китайские инженеры усовершенствовали его и довели мощность до 10 тыс. квт. Китайские ученые работали в Институте атомной энергии в Дубне вплоть до июня 1965 года.

Стремление Китая стать обладателем атомной бомбы противоречило интересам СССР, а также и Соединенных Штатов, стремившихся ограничить доступ в «атомный клуб». Основания для этого были достаточно веские: чем больше атомных держав на свете, тем больше опасность атомной войны, тем труднее сохранить мир, добиться соглашений об ограничении вооружений. СССР стремился также к ограничению вооружений, поскольку дальнейшая гонка атомных вооружений накладывалась тяжелым бременем на его экономику. Для Китая же заключение любого договора об ограничении ядерного вооружения означало удержание его в рамках второстепенной державы в момент, когда

впервые за многие столетия Китай выступил на мировой арене как консолидированное единое государство.

Советский Союз вовсе не желал иметь своим соседом сильный Китай с его быстро растущим населением, насчитывавшим в конце 50-х годов 700 миллионов человек.

Неблагоприятным моментом для советско-китайских отношений в исторический период становления объединенного китайского государства было наличие общей границы протяженностью в 5 тысяч миль. Любое обострение отношений неизбежно должно было вызвать напряжение на границе со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Проблема границы была использована Китаем в его конфликте с СССР. Китай обвинял Советский Союз в империалистической политике, выражающейся, в частности, в том, что СССР придерживается неравноправных договоров, навязанных царской Россией Китаю в период его раздробленности и слабости. Китай предлагал, сохраняя пока статус-кво на границе, вести переговоры о ее пересмотре. Полемика о границе носила с обеих сторон достаточно казуистический характер. СССР, соглашаясь с китайским тезисом о неравноправных договорах, в то же время указывал, что и китайские императоры присоединяли к своей территории земли более слабых соседей. Поэтому лучше всего сохранять исторически сложившиеся границы, не создавать новых источников недоразумений и конфликтов без надежды разрешить территориальные проблемы. Эта разумная точка зрения сопровождалась, однако, демагогическими рассуждениями о том, что как в Китае так и в Советском Союзе у власти находится рабочий класс и «общей целью является строительство коммунизма». При коммунизме же государственные границы потеряют свое былое значение... Логически это означало, что Советский Союз предлагает отложить разговор о границах до пришествия коммунизма. Но китайская сторона не была удовлетворена такой постановкой дела; советские лидеры не могли назвать точной даты наступления светлого будущего всего человечества... В середине 60-х годов на советско-китайской границе начались кровавые столкновения. Поползли слухи о неминуемой войне с Китаем. В советских высших кругах не исключали возможности превентивной войны против Китая.[48]

Вот что говорит по этому поводу Хрущев: «Позднее китайская печать по указанию Мао выступила с претензиями, что Владивосток находился на китайской территории. Это верно: был случай в истории, когда китайцы управляли этой частью Сибири до того, как наши цари распространили свою власть на эту территорию. Мы *согласились вести переговоры с китайцами относительно наших границ*. Они послали нам свою версию как это должно выглядеть на карте. Мы лишь взглянули на карту и были настолько возмущены, что отбросили ее с отвращением».

Но не только проблема границы и ядерного оружия беспокоила советское руководство. Китай находился в конце 50-х и в начале 60-х годов в той стадии развития, когда сначала подстрекаемые и направляемые лидерами, а затем действующие уже стихийно массы начали так называемую культурную революцию, то есть погром интеллигенции и всех умеренных элементов, объявляя войну бюрократии и распространяя идеологию уравнительства. Но не только идеологию. В Китае повсеместно начали создаваться на сугубо уравнительных началах крестьянские коммуны. На приграничных советских территориях и даже в Сибири появилась китайская литература о борьбе с бюрократизмом и о социальном и имущественном равенстве. Получив сообщение об этом, глава партии и государства Хрущев был встревожен. Он заявил членам Президиума ЦК КПСС: «Это надо немедленно приостановить. Лозунги реформ в Китае очень соблазнительны. Вы ошибаетесь, если думаете, что семена этих идей не падут на благоприятную почву в нашей стране».

Хрущев не ошибался. По всей огромной территории советской страны шло брожение.

Несмотря на грозное бряцанье оружием и возникавшие время от времени кризисы во взаимоотношениях с западными державами, внешняя политика Хрущева в целом была ориентирована на расширение контактов и сотрудничества с западными государствами и, прежде всего, с Соединенными Штатами Америки. Для Хрущева, обуреваемого идеей сравняться с Соединенными Штатами во всем, начиная от производства мяса и кукурузы до передовой технологии, курс на сосуществование с Западом не был лишь пустой фразой. Но, страдая своеобразным марксистско-сталинским комплексом неполноценности, он стремился всегда и повсюду быть пропагандистом социализма, постоянно доказывать превосходство СССР над капиталистическим миром и, что еще хуже, при каждом удобном случае предрекать неминуемую гибель капитализма. В 1959 году Хрущев совершил с большим шумом и пропагандистским эффектом турне по Америке по приглашению президента Эйзенхауэра,[49] но вызвал бурю негодования на одном из дипломатических приемов незадолго до поездки своим заявлением «мы вас похороним» (т. е. Советский Союз похоронит капитализм).

Находясь в США, Хрущев условился с президентом Эйзенхауэром о встрече глав правительств на верхах в следующем, 1960 году, для обсуждения германской проблемы и других вопросов. Хрущев добивался признания западными державами ГДР.

Предстоящая встреча Хрущева и Эйзенхауэра была встречена в Китае с опасением и недовольством. Мао Цзедун боялся, что Хрущев заключит за его спиной сделку с Эйзенхауэром относительно «двух Китаев». Мао с большим подозрением относился к самой идее советско-американского соглашения по вопросу об атомном оружии. Ведь СССР не захотел поделиться с Китаем атомными секретами.

Китай опасался, что советско-американская сделка относительно атомного оружия сделает супердержавы как бы верховными арбитрами над остальным миром. Незадолго до встречи Хрущева и Эйзенхауэра в Париже, китайцы заявили, что они не будут связаны соглашением о разоружении, в котором бы Китай не принимал формального участия. Полезность совещания с Эйзенхауэром становилась проблематичной. Оставалось найти предлог, чтобы от него отказаться. Как раз незадолго до встречи в Париже американский разведывательный самолет У-2 был приземлен советской авиацией. В официальном советском заявлении говорилось, что самолет был сбит, но не сообщалось, что летчик находится в советских руках. Только после того, как было опубликовано официальное довольно путаное американское объяснение, Хрущев выступил с разоблачительным

довольно путанное американское объяснение, Хрущев выступил с разоблачительным заявлением и сообщил, что летчик, капитан Пауэре, находится в руках советских властей. Хрущев возложил ответственность за разведывательные полеты над территорией СССР на президента США. Он надеялся, вероятно, что президент, шокированный такими разоблачениями, будет более уступчив к требованиям СССР в германском вопросе. Прибыв в Париж, Хрущев разыграл сцену негодования, потребовал извинения Эйзенхауэра и заявил, что не вернется на совещание до тех пор, пока президент не принесет извинений. Президент не извинился, и встреча на верхах была сорвана. Таким образом, Хрущев фактически капитулировал перед китайскими руководителями. Но в то же время ему пришлось отказаться и от обсуждения германской проблемы.

Последние годы пребывания Хрущева у власти не привели ни к каким позитивным сдвигам в отношениях между СССР и США. Хрущев обладал удивительной способностью быстро утрачивать преимущества, завоеванные в борьбе на международной арене. Вместо спокойной взвешенной дипломатии он предпочитал тактику «бури и натиска», рассчитывая на испуг и растерянность своих партнеров-противников. Неудачи заставляли его, однако, не пересматривать тактику, а наоборот, доводить ее до абсурда.

Объективно главной целью внешней политики Хрущева было установление равновесия сил с Соединенными Штатами Америки и ликвидация точек напряженности в отношениях между двумя супердержавами (Западный Берлин, Куба, гонка термоядерных вооружений) на выгодных для СССР условиях путем... полного элиминирования там прав или влияния западных держав. В то время Хрущев, впрочем, как и все другие советские лидеры, был готов использовать благоприятный для Советского Союза политический момент для того, чтобы потеснить «капитализм» в его собственной сфере.

К чему привело нетерпение Хрущева в международных делах видно из следующих фактов:

Осенью 1960 года во время кризиса вокруг Конго Хрущев прибыл в Нью-Йорк для участия в сессии Генеральной Ассамблеи. Он использовал свое пребывание там для того, чтобы поставить под сомнение эффективность ООН и подорвать престиж Организации. Интересно, что ни одно из его предложений не было поддержано представителями афро-азиатских государств, на которых он рассчитывал. Он не получил поддержки ни в осуждении генерального секретаря ООН Дага Хаммершельда, ни в предложении учредить «тройку» вместо поста одного Генерального секретаря. Не был он поддержан и в демонстративно антиамериканском предложении перенести штаб-квартиру ООН в Европу. Свое деланное возмущение Хрущев излил тем, что во время выступления британского премьер-министра Макмиллана снял башмак и начал стучать им о пюпитр на потеху делегатов и журналистов.

По предложению нового президента США Джона Ф. Кеннеди в июне 1961 года Хрущев встретился с ним в Вене. Хрущев принял примирительные попытки Кеннеди за слабость, выставил требования удаления западных держав из Западного Берлина, повторил требование об учреждении «тройки» в ООН. Из встречи, естественно, ничего не получилось. Тогда Советский Союз начал нагнетать напряженность вокруг Берлина, которая окончилась в конце концов не капитуляцией США и других западных держав, как надеялся Хрущев, а поражением СССР и строительством Берлинской стены. Вскоре Советский Союз произвел испытание термоядерной бомбы в воздухе.

Убедившись, что «горлом» взять США не удается, а союзники США в Европе также остаются в общем хладнокровными, Хрущев решил изменить тактику.

Изменение тактики было связано с обострением китайско-советских отношений, открыто проявившемся во время заседаний XXII съезда КПСС. Хоть и не высказанный, но страх перед приобретением Китаем термоядерного оружия доминировал над политикой Хрущева.

Поэтому в своей политике он стремился достичь соглашения с США о нераспространении атомного оружия, об испытаниях и прочем.

Известный американский историк проф. Адам Улам полагает, что это стремление было в основе кубинского ракетного кризиса, возникшего осенью 1962 года.

Ракеты на Кубе

В январе 1959 года на Кубе было свергнуто правительство диктатора Батисты и установлена власть революционного правительства во главе с руководителем антибатистовского восстания Фиделем Кастро Рус. Отношения между Кубой и находившимися от нее всего в 180 милях Соединенными Штатами Америки резко обострились. Соединенные Штаты арендовали на Кубе военную базу — Гуэнтенамо. Кубинские власти несколько раз пытались блокировать базу, чтобы вынудить американцев оставить ее.

На территории США, во Флориде, создались группы кубинских эмигрантов, которые производили рейды на территорию Кубы при поддержке специальных американских служб. Обострение политических отношений между Кубой и США привело к почти полному прекращению в 1960 году импорта кубинского сахара в США, от которого зависела экономика Кубы. 2 января 1961 года США разорвали дипломатические и консульские отношения с Кубой.

17 апреля 1961 года кубинские эмигранты предприняли широкую десантную операцию в бухте Кочинос на южном берегу Кубы в районе Плайя-Ларго и Плайя-Хирон.

На Кубе была объявлена всеобщая мобилизация. В течение 72 часов непрерывных боев десант был разгромлен. Было захвачено много пленных, кубинцев, бежавших в свое время с Кубы и значительное количество оружия американского происхождения.

Обострение американо-кубинских отношении привело к быстрому развитию советско-кубинских отношений. В первое время было далеко не все ясно и не все гладко из-за неопределенности идеологической позиции Фиделя Кастро и его натянутых отношений с лидерами коммунистической партии Кубы. Постепенно конфликт был урегулирован: лидер

компартии был политически элиминирован и Кастро стал первым секретарем Национального руководства Объединенных революционных организаций.

Теперь, когда произошло идеологическое сближение между Кастро и КПСС, советское руководство предприняло энергичные меры для усиления влияния СССР на Кубе и использования ее территории для создания предмостного укрепления СССР в Западном полушарии. Для советского руководства такая перспектива была слишком заманчива, чтобы от нее отказаться.

Соединенные Штаты Америки своей неуклюжей политикой изоляции Кубы, создания вокруг нее экономического и политического вакуума, военной поддержкой кубинских эмигрантов немало способствовали успеху политики Советского Союза.

В течение 1961 и 1962 годов Советский Союз провел на Кубе серию мероприятий, которые должны были проложить дорогу к заключению военных соглашений. Среди них — присуждение Фиделю Кастро Ленинской премии «За укрепление мира между народами», посещение Юрием Гагариным Кубы в июле 1961 года, обмен правительственными делегациями и подписание ряда соглашений об экономическом сотрудничестве.

С момента избрания Кастро первым секретарем Национального руководства Объединенных революционных организаций — 22 марта 1962 года — наступил новый этап в советско-кубинских отношениях. В июле-августе 1962 года в Москве велись переговоры о поставках советского оружия Кубе, 27 августа в Москве было подписано соответствующее соглашение.

С конца июля 1962 года значительно увеличились советские поставки вооружения Кубе. Из 37 советских торговых судов, прибывших на Кубу в августе 1962 года, 20 были гружены оружием.

Всего же с конца июля и до середины октября на Кубу прибыло до 100 советских кораблей, доставивших вооружение. Разгрузка кораблей производилась в обстановке строгой секретности по ночам. Тем не менее, американской разведке удалось установить, что среди доставленного вооружения были 42 ракетно-баллистических установки среднего радиуса действия — МРБМ с; 12 ракетно-баллистических установок промежуточного типа; 42 бомбардировщика-истребителя типа ИЛ-28; 144 зенитные установки типа земля-воздух (САМ), вооруженные четырьмя ракетами каждая; 42 истребителя МИГ-21; ракеты других типов, вооруженные ракетами патрульные суда. Кроме того, прибыло 22 тысячи советских военнослужащих. В течение сентября Советский Союз несколько раз заверял правительство Соединенных Штатов, что в намерение Советского Союза отнюдь не входит создание угрозы США на Кубе и что ни при каких обстоятельствах наступательные ракеты типа земля-земля не будут туда посланы.

15 октября американский разведывательный самолет У-2, совершивший регулярные полеты над Кубой, доставил фотографии, полностью опровергавшие советские заверения. Они, по словам министра юстиции США Роберта Кеннеди, оказались «гигантской ложью».

На фотографиях были явственно видны советские ракеты с атомными боеголовками типа земля-земля, то есть предназначенные для нападения. Эти ракеты были установлены в районе Сен Кристобаль, в 50 милях юго-западнее Гаваны. Радиус действия этих ракет был 1000 миль, то есть ими можно было обстреливать внутренние районы Соединенных Штатов Америки.

Это открытие было полной неожиданностью для американского правительства.

Дальнейшее исследование фотографий и произведенные расчеты американских экспертов показали, что на Кубе размещена почти половина ракет типа ИСБМ, равная по мощности почти половине ракет этого типа, имевшихся в то время в СССР. Было обнаружено, что ракеты нацелены на определенные американские города и что в течение нескольких минут после открытия огня ракетами погибли бы 80 миллионов американцев. Это же позднее подтвердил также и Хрущев.

Мнения о том, что предпринять, резко разделились. Члены Объединенного Совета начальников штабов настаивали на немедленной военной акции. Другие предлагали ограничиться блокадой Кубы, как мерой предупреждения. Кеннеди был в нерешимости, опасаясь, что события на Кубе немедленно найдут отзвук в ситуации вокруг Берлина и могут вызвать всемирный кризис.

Планируя установку ракет на Кубе, советское руководство исходило из того, что угроза атомной войны непосредственно у территории США удержит последние от попыток свержения режима Кастро. Советское руководство, утверждал позднее Хрущев, хотело не только «сохранить существование Кубы как социалистического государства», но и «как наглядный пример для остальных стран Латинской Америки». С этим Хрущев связывал престиж Советского Союза. Если Куба падет, другие латиноамериканские страны отвергнут СССР. Поэтому советское руководство (Хрущев несколько раз подчеркивал, что все решения в отношении Кубы принимались коллективно всем руководством) *искало* конфронтации с США. Оно решило сделать это путем тайного установления ракет на Кубе, нацеленных на США. Хрущев полагал, что когда США узнают об этом, то еще дважды подумают, прежде чем ударить по ракетным установкам. «Если бы даже четверть или пусть одна десятая наших ракет пережила бы нападение, даже если бы одна или две только остались — мы могли бы все же ударить по Нью-Йорку, и вряд ли многое уцелело бы от Нью-Йорка...», — отметил Хрущев. Снова и снова он повторяет в своих мемуарах: «Мы не успели доставить оборудование полностью, но мы уже установили достаточно ракет, чтобы уничтожить Нью-Йорк, Чикаго и другие огромные индустриальные города, не говоря уже о такой маленькой деревне, как Вашингтон. Я не думаю, что американцы когда-нибудь сталкивались со столь *реальной* угрозой уничтожения, как в тот момент». Остается все же неясным, были ли боевые головки уже вмонтированы в ракеты.

Можно поверить Хрущеву, когда он пишет, что советское правительство хотело лишь изменить баланс сил в мире, поставив США перед непосредственной угрозой стать жертвой атомного нападения. Но во всем этом плане преобладал авантюризм, ибо весь план был построен на двух сомнительных предположениях: во-первых, что удастся удержать в секрете установление советских ракет на Кубе, во-вторых, что США

испугаются перспективы войны и пойдут на Уступки. Однако не удалось ни сохранить дело в секрете, ни запугать США. Наоборот, Советский Союз сам очутился внезапно перед угрозой собственного уничтожения.

Советское правительство до и во время тринадцатидневного кубинского кризиса старалось ввести в заблуждение американское правительство относительно своих действительных намерений.

Так 18 октября 1962 года советский министр иностранных дел Громыко по поручению Хрущева заверил президента Кеннеди, что единственная помощь, которая оказывается Советским Союзом — это помощь в области сельского хозяйства и освоения земель плюс поставки незначительного количества оборонительного ору. жия. Громыко подчеркнул, что Советский Союз никогда бы не стал снабжать Кубу наступательным оружием.

Громыко не знал, однако, что президент США уже располагает неопровержимыми доказательствами установления советских наступательных ракет на Кубе. Беседа с Громыко еще раз подтверждала, что советское правительство сознательно вводит в заблуждение правительство США. 22 октября Кеннеди выступил по телевидению с обращением к американскому народу, в котором, обрисовав сложившуюся обстановку и назвав заверения Громыко ложью, предупредил, что США не потерпят заведомого введения их в заблуждение. Так же отнесутся они и к угрозе нападения «со стороны любой нации, большой или малой».

Президент объявил карантин в кубинских водах в качестве предварительной меры и отдал приказ о досмотре судов, направляющихся на Кубу. Кеннеди предупредил также, что любая ракета, выпущенная с территории Кубы против любой нации в Западном полушарии, будет рассматриваться как нападение Советского Союза на Соединенные Штаты Америки и вызовет немедленную акцию возмездия. Перечислив ряд других мер военного и дипломатического характера, президент США призвал Хрущева прекратить наращивать провокационную угрозу миру, отказаться от курса на завоевание мирового господства и искать мирного разрешения кризиса. Он предупредил советское правительство об опасности новых попыток прекратить доступ к Западному Берлину.

Приказ Кеннеди о контроле над доставкой оружия на Кубу вошел в силу 24 октября.

Советские суда с вооружением продолжали путь на Кубу. На самой Кубе продолжался монтаж советских ракетных установок.

Президент Кеннеди вел дело очень осторожно и искусно. Первый досмотр был проведен на не-советском судне, для того чтобы продемонстрировать Советскому Союзу, что меры

по досмотру будут проводиться, но в то же время давая советским руководителям возможность еще раз поразмыслить над последствиями открытой конфронтации. Одновременно США обратились в ООН.

Брат президента, Роберт Кеннеди, несколько раз встречался с послом Добрыниным, стараясь объяснить ему, что действия СССР ставят мир на грань войны. Вероятно, Добрынин не был полностью осведомлен о планах советского правительства, и не исключено, что его также вводили в заблуждение.

26 октября Хрущев послал президенту Кеннеди длинное письмо. в котором настаивал на заверениях со стороны США, что они не нападут на Кубу. Однако в письме Хрущева не было обязательства демонтировать советские установки земля–земля. В тот же день американский корреспондент телевидения Джон Скали был приглашен на неофициальную беседу сотрудником советского посольства в Вашингтоне А. Фоминым, который сообщил, что ракеты будут удалены, если США дадут обязательства не нападать на Кубу.

Однако, на следующий день, 27 октября, из Москвы пришло второе письмо, подписанное Хрущевым, которое решительно отличалось от первого, полученного 26 октября. В нем довольно резко говорилось, что Советский Союз уберет ракеты с Кубы, если США уберут ракеты из Турции. Советский Союз даст обязательства не вмешиваться во внутренние дела Турции и не нападать на нее, а США примут аналогичное обязательство в отношении Кубы.

Между тем положение осложнилось, так как над Кубой советской ракетой был сбит американский разведывательный самолет У-2, пилот погиб. Военные использовали это, чтобы потребовать немедленного нанесения ответного удара. Мир подошел к грани войны, как никогда прежде.

Президент решил игнорировать второе, более резкое письмо Хрущева и ответить на первое, от 26 октября.

В ответе Кеннеди от 27 октября, составленном в примирительном тоне, говорилось о желании США договориться о постоянном разрешении кубинской проблемы США готовы дать гарантию, что они не собираются нападать на Кубу. Со своей стороны, Советский Союз должен немедленно прекратить всякие попытки создания стартовых ракетных установок на Кубе, предназначенных для нападения.

Роберт Кеннеди дал затем необходимые разъяснения советскому послу Добрынину президент Кеннеди не желает военного конфликта и сделает все возможное, чтобы избежать военного столкновения с Кубой и с Советским Союзом. Но они вынуждают его к этому.

«Советский Союз, — продолжает Р. Кеннеди, — тайно установил ракеты на Кубе, заявляя в то же время частным образом и публично, что это никогда не будет сделано. Мы должны к завтрашнему дню иметь доказательства, что эти установки будут удалены Это не объявление ультиматума, а заявление о происходящем. Посол должен понять, что если они не ликвидируют эти установки, то мы сделаем это сами. Президент Кеннеди питает огромное уважение к стране посла и к мужеству его народа. Может быть, его страна почувствует необходимость предпринять акцию возмездия; но прежде, чем это произойдет, будут не только мертвые американцы, но также и мертвые русские».

На следующий день, 28 октября, пришло сообщение из Москвы, что Хрущев согласился на демонтаж ракетных установок и вывоз их под наблюдением и инспекцией.

...Таким образом, кризис вокруг Кубы разрешился мирно. Но могла произойти и катастрофа.

Об этом пишут, например, авторы советской *«Истории внешней политики СССР»*: «Кризис, равного которому по остроте не было во все послевоенные годы, который поставил человечество вплотную перед угрозой всемирной термоядерной катастрофы...»

Ответственность за это они возлагают, разумеется, на правительство США.

Оно действительно несет ответственность, но за... предотвращение войны. Надо, однако, отдать справедливость Хрущеву — поставив мир на грань катастрофы, он оказался в конце концов достаточно рассудительным, чтобы схватить протянутую ему президентом Кеннеди руку помощи и тем самым помочь спасти мир, который чуть было не был сброшен в бездну из-за его и «коллективного руководства» авантюризма.

Вывоз советских ракет с Кубы вызвал на некоторое время охлаждение в советско-кубинских отношениях, так как Кастро надеялся на использование ракет в качестве «большой дубинки» против США и для поддержки революционного движения в Латинской Америке.

Спустя год после кубинского кризиса, 5 августа 1963 года, после долгих и нелегких переговоров в Москве был подписан «Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой» между правительствами СССР, США и Великобритании. 10 октября того же года Московский договор вступил в силу. Позднее договор был подписан более 100 государствами, но среди них не было Китая.

Китай опубликовал в июле-сентябре 1963 года ряд заявлений, осуждающих договор, как сделку империалистов.

У истоков духовного возрождения

Мы уже писали о том, что война вынудила Сталина воззвать для спасения своего режима к русскому патриотизму. Призыв к патриотизму, к подвигу, к жертвенности был вместе с тем обращен к угасшему было чувству индивидуальной ответственности, ответственности не перед партией, не перед государством или «народом», а перед собственной совестью.

Это в свою очередь вело к пробуждению коллективной исторической памяти, исковерканной и подавленной режимом. Подобно тому, как *«Краткий курс истории ВКП (б)»* должен был заменить подлинную историю страны и ее народов, советский патриотизм должен был стать версией исторической памяти.

Чувство гражданской ответственности за судьбу своей страны привело к победам под Сталинградом, Курском и Берлином и к частичному восстановлению коллективной памяти народа.

К концу войны военные трибуналы судили солдат не за самострелы, попытку дезертировать или покинуть поле боя, а за неосторожное, вслух высказанное сравнение жизни в СССР с жизнью в странах, в которых им довелось побывать, за робко высказанную надежду на улучшение жизни (приравнивалось к антисоветской пропаганде) и, наконец, за попытки ухода на Запад. Новая грандиозная чистка, планировавшаяся Сталиным накануне его смерти, была призвана «подчистить корешки», то есть убрать тех, случайно уцелевших из поколений 20-х и 30-х годов, кто еще сохранил обрывки исторической памяти и был потому потенциально опасным для режима. Начатая было чистка: «ленинградское дело», «мингрельское дело», дело «врачей-отравителей» — не разрослась в новое всесоюзное побоище только потому, что Сталин умер.

Смерть Сталина, устранение Берия и реорганизация органов государственной безопасности, первые освобождения политических заключенных и амнистии для некоторых категорий создали благоприятную атмосферу для восстановления более или менее правильного представления о событиях прошлого.

Стремление переосмыслить историю СССР привело буквально через год после смерти Сталина к появлению таких произведений, как статьи В. Померанцева «Об искренности в литературе», *«Оттепель»* Ильи Эренбурга, *«Не хлебом единым»* Владимира Дудинцева, пьесы турецкого поэта-революционера Назыма Хикмета *«А был ли Иван Иванович?»*, статей о Февральской и Октябрьской революциях Э. Бурджалова и других авторов в журнале *«Вопросы истории».*

Сталинисты, сидевшие во всех звеньях партийного и государственного аппарата, присмиревшие после XX съезда и воспрянувшие духом после подавления восстания в Венгрии, использовали каждый повод, чтобы воспрепятствовать развитию более человеческих, более либеральных идей в советском обществе.

*** * ***

В 1958 году мир стал свидетелем расправы, учиненной над поэтом Борисом Леонидовичем Пастернаком. На протяжении своей жизни Борис Пастернак не единожды подвергался осуждению и травле по разным поводам. В 1955 году он написал роман *«Доктор Живаго»*, книгу о судьбе русской интеллигенции и о революции в России. Роман был передан летом 1956 года нескольким редакциям московских журналов и издательств, а один экземпляр итальянскому издательству прокоммунистического толка Фельтринелли.

После венгерских событий политический климат в СССР значительно посуровел. Руководители Союза советских писателей вели дело к тому, чтобы роман Пастернака не печатать. Пастернака принудили послать телеграмму итальянскому издателю с просьбой вернуть роман для переработки. Все же в ноябре 1957 года *«Доктор Живаго»* вышел в Италии на двух языках: итальянском и русском. В течение ближайших двух лет роман был переведен на 24 языка. Опубликование *«Доктора Живаго»* за рубежом, хотя и не составляло никакого официального преступления, было расценено как вызов неписанным

канонам советской жизни. Травля писателя возобновилась. В ней приняли участие все «корифеи» советской литературы — К. Федин, К. Симонов, С. С. Смирнов, А. Сурков, В. Катаев и многие другие.

23 октября 1958 года Пастернаку была присуждена Нобелевская премия по литературе.

После этого кампания против Пастернака приняла совершенно разнузданный характер. Против него объединились руководители Союза писателей, комсомола, партийные чиновники на разных уровнях. В Литературном институте им. Горького студенты начали готовить демонстрацию (конечно, по указанию властей) с требованиями выслать Пастернака за границу. Впрочем, демонстрацию из студентов удалось организовать с большим трудом. Из 300 студентов Литературного института в ней приняли участие под большим нажимом всего несколько десятков человек. Демонстранты направились к Дому литераторов с плакатами «Иуда — вон из СССР» и карикатурой: Борис Пастернак

скрюченными пальцами тянется к мешку с долларами. Но студенты были лишь марионетками, которыми манипулировали «сверху».

В кампанию немедленно включилась вся советская пресса. Секретарь ЦК ВЛКСМ Семичастный (будущий председатель КГБ, который в 1964 году предаст Хрущева), выступая перед 14-тысячной аудиторией на стадионе в Лужниках, обрушился на поэта с площадной бранью и потребовал высылки Пастернака за границу. Среди присутствующих были Хрущев и другие партийные боссы.

27 октября писатели собрались для осуждения Пастернака. Председательствовал и задавал тон собранию С. С. Смирнов, известный советскому читателю по книге *«Брестская крепость»*. Писатели вели себя неслыханно гнусно. Они просили правительство о лишении Пастернака гражданства.

Затравленный Пастернак, страшась высылки за границу, сначала отказался от Нобелевской премии, а затем обратился с письмом к Н. С. Хрущеву, прося не высылать его. Но и после его обращения к Хрущеву травля продолжалась. «Гнев народа», организованный партией, выглядел глупо и беспомощно: ведь никто *«Доктора Живаго»* даже не читал! Впрочем, последнее обстоятельство вообще не имело никакого значения. Кое-что, однако, изменилось со времени смерти Сталина. В то время, когда советская печать и собратья-писатели забрасывали поэта грязью, Пастернак получал немало писем сочувствия и поддержки: в СССР зарождалось общественное мнение.

Пастернака все же принудили к покаянному письму в *«Правду»*. Письмо это содержало довольно любопытные строки: «...выходит, будто я поддерживаю в романе следующие ошибочные положения. Я как бы утверждаю, что всякая революция есть явление исторически незаконное, что одним из таких беззаконий является Октябрьская революция, что она принесла России несчастья и привела к гибели русскую преемственную интеллигенцию».

Хотя Пастернак и назвал эти положения ошибочными, вероятно не один читатель *«Правды»*, прочтя эти строки, задумался над ними...

Позднее Пастернак написал стихотворение о Нобелевской премии. В нем были такие строки:

> Я пропал, как зверь в загоне.
> Где-то воля, люди, свет,
> А за мною шум погони,
> Мне наружу ходу нет.
> . . . .
> Что ж посмел я намаракать,
> Пакостник я и злодей?
> Я весь мир заставил плакать
> Над красой земли моей.

Пастернак недолго прожил на свете после перенесенного им потрясения. Если правда, что рак — болезнь печали, то поэт умер от нее. Это случилось 30 мая 1960 года. На похороны Пастернака в Переделкино под Москвой собрались сотни людей. Они пришли проститься с поэтом-страдальцем, замученным властью.[50]

История с Борисом Пастернаком показала, что советский режим, возвращенный к «ленинским нормам», так же свиреп и бездарен, каким он был при Сталине. Но теперь его ярость стала более целеустремленной. Он бил с выбором.

*** * ***

Дело Пастернака было встречено либеральными кругами в СССР и на Западе с негодованием. Письма сочувствия Пастернаку свидетельствовали об этом.

Впервые за долгие годы диктатуры в Советском Союзе начало зарождаться общественное мнение. Немалую роль в этом сыграли возвратившиеся из лагерей политические заключенные. Некоторые приняли самое активное участие в борьбе за демократизацию общества.

Одним из них был Алексей Владимирович Снегов, в прошлом партийный работник, отсидевший в лагерях 17 лет. Чудом уцелевший Снегов был освобожден вскоре после смерти Сталина и благодаря поддержке А. И. Микояна назначен заместителем начальника политотдела ГУЛага. Не в малой степени благодаря его энергии произошло довольно быстрое освобождение политических заключенных, их реабилитации и возвращение в жизнь. Снегов принял также активное участие в дискуссиях по истории партии, происходивших в те годы. После отставки Хрущева Снегов продолжал борьбу за восстановление исторической правды. Его выступление в Институте марксизма-ленинизма в феврале 1967 года при обсуждении книги историка А. М. Некрича *«1941, 22 июня»* послужило основанием для официального обвинения в антипартийной деятельности, которое привело к исключению Снегова из КПСС.

Снегов был коммунистом-ленинцем. Он полагал, что возвращение к «ленинским нормам» возродит КПСС. Такое заблуждение было свойственно многим коммунистам старшего поколения. Некоторые из них искренно верили в такую возможность, другие уговаривали себя, что верят, иначе вся их жизнь, отданная коммунистической партии, оказывалась бессмысленной жертвой. Третьи считали, что все было правильно, включая аресты «врагов народа», целью которых будто бы было очищение страны от «пятой колонны». Была совершена лишь одна-единственная ошибка — их собственный арест! Их оценка событий застыла на дне их ареста. КПСС умело использовала часть реабилитированных, назначив их в разного рода совещательные органы при райкомах партии или поручив им вести душеспасительные беседы с подрастающим поколением.

У некоторых старых коммунистов, посвятивших всю свою жизнь строительству социализма, появился своего рода комплекс вины. Теперь они решили посвятить остаток своей жизни борьбе против беззаконий и опасности возвращения к сталинизму. Но на этом пути их ожидали только тернии. Показательным было, например, пело Федора Федоровича Шульца, члена КПСС с 1919 года, арестованного в 1937 году за критику культа личности и пробывшего в общей сложности в лагерях и в ссылке 19 лет. Полностью реабилитированный в 1956 году, он в декабре того же года был вновь арестован за... письмо в газету *«Правда»*! В этом письме Шульц фактами опровергал заявление Хрущева, будто в СССР нет больше политзаключенных. В частности, он указывал, что в тюрьме гор. Мариинска продолжает находиться в заключении 106-летняя эсерка Преображенская. Шульц был отправлен судом на принудительное лечение в спецпсихбольницу в Ленинграде, где пробыл до апреля 1958 года. Но только в июне 1964 года дело против Шульца было формально прекращено за отсутствием состава преступления.

Защитой несправедливо обиженных народов: чеченцев, ингушей, крымских татар — был славен писатель Алексей Евграфович Костерин (1896—1968), старый большевик с Северного Кавказа, также проведший 17 лет в сталинских застенках. Его открытая и бескомпромиссная позиция по отношению к преступлениям, совершенным советской властью, привела в конце концов к исключению из партии и из Союза советских писателей. Его похороны 14 ноября 1968 года вылились в манифестацию осуждения советского тоталитарного режима.

Были и другие честные и бесстрашные люди старшего поколения, причислявшие себя к марксистам-ленинцам (С. П. Писарев и другие).

В конце 50-х и в начале 60-х годов многое делал для распространения правды о преступлениях сталинского режима Петр Ионович Якир, сын расстрелянного в 1937 году командарма И. Якира. Якир-младший провел свое детство и юность в тюрьмах и лагерях ГУЛага и в ссылке. Историк по образованию, П. Якир выступал с лекциями перед многочисленными слушателями в учреждениях и на заводах До тех пор, пока на его выступления не был наложен властями запрет. Вокруг Якира сформировалась группа молодых интеллигентов, выступившая в защиту конституционных прав. Якир и его товарищи (И. Габай, Ю. Ким и другие) в течение многих лет поддерживали борьбу крымско-татарского народа за его полную реабилитацию и возвращение на историческую родину.

7 сентября 1961 года начальник кафедры Военной академии им М. В. Фрунзе генерал-майор П. Г. Григоренко выступил на партийной конференции Ленинского района гор. Москвы в связи с обсуждением проекта новой программы партии, которую предстояло утвердить XXII съезду КПСС. В своем выступлении П. Г. Григоренко предостерегал от опасности появления нового «культа личности» и предлагал в качестве гарантий против этого ряд мер, среди них ликвидацию высоких окладов должностным лицам партийного и государственного аппарата, а также их широкую сменяемость. Конференция аплодировала Григоренко. На требование перепуганных партаппаратчиков лишить его делегатского мандата делегаты ответили отказом. Но во время перерыва им «промыли мозги» и они так же единодушно изменили свое мнение и осудили выступление Григоренко как «политически незрелое». Григоренко был снят со своего поста в Академии и отправлен служить на Дальний Восток.

Там, 7 ноября 1963 года, в годовщину Октябрьской революции, П. Г. Григоренко основал «Союз борьбы за возрождение ленинизма». Целью его было: «устранение всех извращений ленинского учения, восстановление ленинских норм партийной жизни и возвращение реальной власти Советам депутатов трудящихся». В написанных Григоренко листовках рассказывалось о подавлении народных движений в Темир-Тау, Новочеркасске и других местах в 1959—1963 годах. Одна из листовок называлась «Почему нет хлеба».

Арестованные члены организации после четырехмесячной обработки покаялись и были освобождены. Григоренко же был помещен в специальную психиатрическую больницу на основании заключения подобранной группы медицинских экспертов из Института им. Сербского в Москве. Но до того он был лишен генеральского звания и уволен из армии без пенсии. Так начался путь П. Г. Григоренко на Голгофу. Бурно реагировала на разоблачение Сталина молодежь, чувствовавшая себя обманутой и обокраденной. Она ответила созданием кружков и конспиративных молодежных организаций. Там шли жаркие дискуссии о прошлом и составлялись наивные планы перемен. Из участников этих кружков вышли потом многие будущие диссиденты, участники демократического и правозащитного движения в СССР. Для молодежи то было время бесстрашных поисков истины, мужания и разочарования, неприятия действительности и примирения с ней. В те годы многие молодые люди уезжали на целину, на комсомольские стройки. Другие нанимались на работу в экспедиции: на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток.

Свое волнение, неосознанное стремление вырваться из круга привычных прописных истин, обрести свободу самовыражения юноши часто выражали в стихах и песнях, в которых лирика и политика, протест и надежды сочетались самым причудливым образом. Кружки среди молодежи существовали во все времена. Те же, что появились немедленно после смерти Сталина в 1953 году и позднее, ставили своей целью переосмысление истории недавнего прошлого. Одна из таких групп, именовавшая себя «Союзом патриотов России», возникла в Московском государственном университете в 1956 году. Ее возглавлял аспирант кафедры истории КПСС, выпускник исторического факультета МГУ Л. Н. Краснопевцев. Среди членов группы были аспиранты и молодые научные сотрудники МГУ и Академии наук СССР, всего 9 человек, включая самого организатора группы. Они

МГУ и Академии наук СССР, всего 9 человек, включая самого организатора группы. Они хотели выработать новую идеологию, отличную от идеологии партии, а также добивались распространения своих взглядов в нелегальных молодежных кружках. Важным моментом как для этой группы, так и для других будущих диссидентов был международный молодежный фестиваль в Москве в 1957 году. Здесь завязывались связи, возникали дискуссии. Краснопевцев, например, возглавлял дискуссионный клуб в МГУ. Группа установила связь с польским журналом *«Попросту»*, ответственным редактором которого был Лясота, депутат польского сейма. Группа выпустила и распространила несколько листовок. По неподтвержденным данным, члены организации писали или собирались написать новую историю КПСС, но рукопись никогда не была обнаружена. Вскоре участники группы были арестованы, судимы и осуждены на различные сроки лагерей. Трое: сам Краснопевцев, В. Меньшиков (сотрудник Института востоковедения АН СССР) и Л. Рендель — были осуждены на 10 лет.

В 1956 году в Сибири была создана нелегальная студенческая группа «Свобода слова» и в том же году арестована. Одним из ее участников был Л. И. Бородин, будущий член ВСХСОН (см. сл. главу).

В ноябре 1958 года была арестована еще одна группа студентов МГУ по обвинению в создании антисоветской организации и попытке устройства подпольной типографии. Одна из арестованных, Валентина Ефимовна Машкова, писала в правительственные органы, что ее и других судят за то, что партия, осудив культ личности Сталина и лишив молодежь ее былого идеала, вместе с тем взяла курс «на пресечение всякой самостоятельной переоценки ценностей и всякого духовного поиска».

В Ленинграде была создана группа социал-демократов (Трофимов, Голиков и другие). Они также были арестованы и осуждены.

Летом 1958 года в Москве на площади Маяковского был открыт памятник поэту. Вскоре около памятника начали регулярно собираться любители поэзии, читавшие стихи Маяковского, свои собственные произведения, стихи других поэтов. Руководство комсомолом, которому было поручено надзирать за сходками на площади Маяковского, поначалу радовалось возможности направлять стремления молодежи по привычному руслу коммунистической «романтики». В те годы руководство партии и комсомола прилагало огромные усилия, чтобы сделать комсомол более привлекательным. Чтение стихов на площади Маяковского, молодежные клубы, ансамбли самодеятельности и прочее должны были служить главной цели —сохранению влияния партии на подрастающее поколение, неспокойное и бунтующее. Очень скоро, однако, чтение стихов начало сопровождаться жаркими диспутами и дискуссиями. И стихи начали читать совсем иного содержания, чем то было предусмотрено планами комсомольского руководства. В конце 1958 года Комитет госбезопасности возглавил А. Шелепин, бывший руководитель комсомола. Многие комсомольские руководители были передвинуты в органы государственной безопасности. Шелепин, окончивший в свое время ИФЛИ (Институт философии, литературы и истории) — знаменитое учебное заведение, из стен которого вышли многие поэты, писатели, философы и историки, мог по достоинству оценить значение происходившего на площади Маяковского... Очень скоро против собиравшихся по субботам и воскресеньям на площади Маяковского начали устраиваться облавы, провокации, сопровождавшиеся обысками на дому, изъятием литературы, а в некоторых случаях исключениями из институтов. В поход включилась печать объявив собирающихся на площади Маяковского «тунеядцами» и «бездельниками» и разжигавшая к ним ненависть совмещай. В мае 1961 года во время чтения стихов, посвященного 30-летию со дня самоубийства Владимира Маяковского, КГБ спровоцировало столкновения, сопровождавшиеся избиениями участников чтения. Позднее, накануне XXII съезда партии наиболее активные участники: Владимир Буковский, Эдуард Кузнецов, Илья Бакштейн и В. Осипов — были арестованы Все они были привлечены к суду за «антисоветскую агитацию и пропаганду» и осуждены.

В 1959—61 годах начали появляться рукописные журналы. В Москве, например, распространялся рукописный журнал *«Синтаксис»*. В *«Синтаксисе»* были напечатаны произведения уже зрелых литераторов: Беллы Ахмадулиной, Н. Глазкова, В. Некрасова, Окуджавы, Бориса Слуцкого. Организатором журнала был будущий диссидент, в то время студент журфака МГУ Александр Гинзбург. Всего вышло три номера журнала. В 1960 году Гинзбург был исключен из университета, а затем осужден на два года лагерей.

В 1961 году бывший студент Историко-архивного института Юрий Галансков издал машинописный журнал *«Феникс-61»*.

Возникли кружки и организации в республиках.

В 1961 году по Украине прокатилась волна арестов в связи с раскрытием во Львове якобы подпольной организации «Украинский союз рабочих и крестьян». Члены группы: Л. Лукьяненко, И. А. Кандыба, С. М. Вирун и другие — отрицали, однако, что их организация секретная. В программном документе кружка политика советского правительства в отношении Украины подвергалась критике с точки зрения ортодоксального ленинизма. Участники организации предполагали отделение Украины от СССР в качестве независимого социалистического государства на основании конституционного права на самоопределение. Руководитель группы Лукьяненко, отвергая обвинения в создании секретной организации, утверждал, что его группа является законным представителем украинского общественного мнения. Все участники группы были судимы в мае 1961 года за антисоветскую деятельность. Лукьяненко и Кандыба были приговорены к расстрелу. Позднее расстрел был заменен 15 годами лишения свободы.

Процесс Лукьяненко показал, что советские лидеры больше всего боятся движения народов за самоопределение и готовы к подавлению такого рода тенденций самым беспощадным образом.

В 1962 году были произведены аресты в Латвии по обвинению в принадлежности к подпольной антисоветской националистической организации «Балтийская Федерация». Среди арестованных был журналист Виктор Янович Калниш, выпускник Московского педагогического института. Его приговорили к 10 годам лагерей.

В 1963 году два ленинградских инженера В. Е. Ронкин и С. Хахаев написали книгу *«От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата»*, в которой выступили с позиций «чистого марксизма». Вместе с рядом других (С. Машков) они выпустили два номера машинописного журнала *«Колокол»*. Участники группы были арестованы в июне 1965 года и осуждены на разные сроки заключения в лагерях.

В 1964 году была раскрыта организация в Молдавии, называвшаяся «Демократический союз социалистов». Среди арестованных были учитель Н. А. Тарнавский, И. А. Чердынцев, приговоренный к 6 годам заключения в лагере. Другой участник союза Н. Ф. Драгош, напечатавший брошюру *«Правда народу»*, был приговорен к 7 годам лагеря строгого режима.

Власти очень нервозно реагировали на всякое проявление национальных чувств в республиках. Особенно это касалось Украины, где только в начале 50-х годов было подавлено повстанческое движение. Одним из способов борьбы против «национализма» было уничтожение национальных реликвий и архивов. 24 мая 1964 года возник пожар в библиотеке Украинской Академии наук. Согласно официальной версии причиной пожара был поджог, совершенный библиотекарем Погружальским по личным мотивам. Негласное расследование показало однако, что поджог был спланирован КГБ и его целью было уничтожение украинских культурных ценностей: среди сгоревших материалов были архивы Украинской Центральной Рады, произведения фольклора, литературы и истории. За два месяца до этого был удален и уничтожен витраж при входе в Киевский университет, установленный в память 150-летия со дня рождения Тараса Шевченко. В мае того же года был наложен официальный запрет на организацию празднеств в честь этого национального украинского поэта.

Темы поисков свободы, любви к Украине, справедливости нашли свое место в произведениях украинских поэтов Лины Костенко, Ивана Драча, Миколы Вингряновского, Виталия Коротича. Идолом украинской молодежи стал поэт Василь Симоненко (умер в 1963 году в возрасте 28 лет от рака). Симоненко как бы продолжил традицию Шевченко.

*** * ***

Пастернак, передавший свою рукопись за границу, разрушил табу и создал прецедент. По его стопам пошли и другие литераторы, например, писатель Тарсис, напечатавший на Западе ряд своих произведений, в которых он подверг критике и осмеянию советский образ жизни (*«Палата № 7»*), молодой поэт Евгений Евтушенко, напечатавший во французском журнале *«L'Express»* свою автобиографию. А вслед за ними начали печататься на Западе под собственными именами целая плеяда авторов, живущих в СССР. С годами публикация за границей как бы узаконилась, несмотря на препоны, репрессии и преследования.

Для советской литературы первое послесталинское десятилетие стало временем возрождения утраченных ценностей. Освобождение от сталинского наследия, попытки доискаться корней несчастливого прошлого народа, стремление осмыслить современное советское общество вызвали к жизни целое направление в литературе. Хрущев постарался использовать антисталинские настроения среди наиболее талантливой части литераторов для борьбы со своими противниками в Президиуме ЦК. Благодаря этому в *«Правде»* было напечатано известное стихотворение Евгения Евтушенко «Наследники Сталина», в котором он предостерегал от опасности возрождения сталинизма. В эти же годы он написал стихотворение «Бабий Яр», в нем он резко выступил против антисемитизма. В журнал *«Новый мир»* возвратился поэт А. Т. Твардовский, автор эпоса военного времени *«Василий Теркин»*. В 1963 году *«Известия»* напечатали поэму Твардовского «Теркин на том свете», явную сатиру на современное советское общество. *«Новый мир»* стал центром притяжения нонконформистских литераторов. Один за другим журнал публикует романы и повести, в которых красной нитью проходила критика советской действительности. В 1962 году появился роман Ю. Бондарева *«Тишина»* о судьбе ветерана-фронтовика, вступившего в соприкосновение с советской машиной террора. В том же журнале были напечатаны и мемуары Ильи Эренбурга, в которых он старался восстановить подлинную историю русской литературы. В этих же мемуарах он пытался найти оправдание пройденному пути и действиям самого Сталина.

Но высшим достижением *«Нового мира»* в те годы было опубликование в 1962 году повести Александра Исаевича Солженицына *«Один день Ивана Денисовича»*. Эта книга об одном дне советского заключенного, написанная бывшим заключенным, стала как бы вехой не только в истории отечественной литературы, но и в истории России. Повесть была напечатана после напряженной борьбы по личному указанию Н. С. Хрущева. Главный редактор *«Нового мира»* А. Т. Твардовский представил А. И. Солженицына читающей России. Само появление в открытой советской литературе образа заключенного было поистине революционным действием. Выход в свет *«Одного дня Ивана Денисовича»* вызвал ликование среди нон-конформистских слоев общества и взрыв ненависти среди сталинистов. Затем в *«Новом мире»* появились рассказы А. И Солженицына «Случай на станции Кречетовка», «Матренин двор», «Для пользы дела». Выдвижение Солженицына на соискание Ленинской премии по литературе стало рубежом между официальным признанием члена Союза советских писателей Солженицына и официальными гонениями на русского писателя Солженицына, ставшего знаменем возрождающегося русского реализма. Попытки Солженицына опубликовать романы *«Раковый корпус»* и *«В круге первом»* натолкнулись на сопротивление партократии, мобилизовавшей для борьбы с великим писателем всю объединенную мощь партии, государства и советского мещанства. Оба романа, как и все последующие произведения Солженицына, были опубликованы лишь за рубежом.

И сталинисты, и их противники отлично сознавали, что литература поставила главный вопрос — вопрос о духовных ценностях и, прежде всего, о свободе во всех ее проявлениях. Возможно ли возрождение в советском обществе понятия человека? Ведь собственно о человеке и об его извечном стремлении к свободе, ненависти к насилию и поработителям и были произведения, написанные в послесталинские годы. И недаром был такой перепуг, а потом и суровое осуждение романа Василия Гроссмана *«За правое дело»*. Вторая часть романа была конфискована органами государственной безопасности в рукописи.[51]

Были сделаны первые робкие попытки изменить театральный репертуар, забитый после погрома космополитов пьесами-однодневками или ставившимися из года в год одними и теми же произведениями русских классиков.

Возникают новые театральные труппы молодых актеров. Появляются театры, не отягощенные грузом сталинистского прошлого и традиций. В Москве основывается театр «Современник», в Ленинграде большую популярность приобретает театр драмы и комедии под управлением Н. Акимова, значительно обновляют свой репертуар другие театры. На сцене появился *«А был ли Иван Иванович?»* Назыма Хикмета, драматизированный *«Теркин на том свете»* А. Т. Твардовского — остро сатирические спектакли о современном советском обществе.

В советском псевдоклассическом изобразительном искусстве также пробиваются бреши. На художественной выставке в Манеже появляются картины и скульптуры молодых художников, бросающих вызов советскому парадному классицизму. Среди них скульптура Эрнста Неизвестного. Хрущев и сопровождающая его свита возмущены произведениями абстракционистов, они просто не понимают их. Происходит ожесточенная перепалка между председателем Совета Министров СССР и Неизвестным. Скульптор объясняет ему. что быть премьером недостаточно, чтобы разбираться в искусстве. Разгневанный Хрущев уходит, председатель КГБ, бывший комсомольский вождь Шелепин, говорит зловещим шепотом Неизвестному: «сгноим в лагере...» И все же, несмотря на препятствия, угрозы и преследования, закрытия неофициальных выставок, новые веяния в искусстве пробивают себе дорогу.

В конце 50-х годов родился Самиздат. Так была окрещена литература, ходившая по рукам в виде списков и машинописи. Среди произведений, появившихся сначала в Самиздате, были воспоминания Е. С. Гинзбург *«Крутой маршрут»* и *«Колымские рассказы»* В. Шаламова. Эти книги никогда не были напечатаны в Советском Союзе, но получили широкое признание на Западе, где были изданы также и на русском языке. Е. С. Гинзбург и В. Шаламов прошли тернистый путь в советских концлагерях. Они рассказали о нечеловеческих страданиях миллионов людей, ставших жертвами советского террористического режима.

*** * ***

Сгнаивать в лагерях хотя и становится затруднительно, но все же возможно — ведь сущность режима не изменилась, хотя он стал мягче. Введенный в 1961 году новый Уголовный Кодекс РСФСР, а затем и новые положения об исправительно-трудовых лагерях поставили, несмотря на свою жестокость, некоторые преграды произволу. Хрущев и Ворошилов объявляют всему миру, что в СССР больше нет политических заключенных. В этом нет ничего удивительного: политзаключенные приравнены к уголовникам. Статья 190-1 Уголовного Кодекса РСФСР относит к числу уголовных преступлений

«распространение измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй». Под эту статью не так уж трудно подвести инакомыслящих.

Для наиболее строптивых уготовано наказание похуже: заключение в сумасшедший дом — психиатрическую больницу специального (т. е. тюремного) или обычного типа. Практически это означало, что даже за выражение сомнений в правильности того или иного политического решения, а не то что призыв к свержению советской власти, можно упрятать в «психушку» любого на основании экспертизы врачей. Врачами же, всецело находящимися под контролем власти, придумана даже специальная формула болезни, которая, с одной стороны, мало доказуема, но с другой, трудно опровержима. Это так называемая «вялотекущая шизофрения». В других случаях применяется формула «комплекс реформаторства». Заключение в психушку» становится постепенно одним из наиболее распространенных способов борьбы с инакомыслием. Этот способ применялся советской властью во все времена — и Ленина, и Сталина, но никогда не применялся столь широко, как в послесталинское время — Хрущева и Брежнева. Среди отправленных в психушку в годы правления Хрущева были В. Буковский, П. Г. Григоренко, А. С. Есенин-Вольпин, Д. Я. Босс и другие.

Однако, несмотря на репрессии, борьба за гражданские права продолжается повсеместно. Борющихся пока мало: десятки, может быть сотни. Но власть сама каждодневно порождает несогласных.

В 1958 году по указанию ЦК КПСС по всей стране развернулась антирелигиозная кампания. Причиной ее было пробуждение интереса к религии среди молодого поколения. Кампания сопровождалась «разоблачениями» внутренней жизни церковных общин. Однако эффект атеистического похода был для власти неожиданным. Обострилась борьба внутри церквей, приведшая к расколу в 1961 году среди баптистов, к образованию нового общества евангелических христиан-баптистов, а затем и к их массовому преследованию по всей стране, сопровождавшемуся судами, лишениями родительских прав и прочего.

В том же году прошла реорганизация в управлении приходами русской православной церкви. Вместо общего собрания прихожан отныне избирались двадцать граждан («двадцатка») во главе со старостой, которые решали дела церковного прихода. Старосты утверждались местной властью. Таким образом основная масса верующих была от участия в религиозных делах отстранена. Эта реформа шла навстречу стремлению властей ограничить религиозную активность и держать ее полностью под контролем. В церкви начались протесты и брожение, появились открытые письма и обращения ряда священнослужителей. Среди церковных деятелей наибольшую популярность приобрели о. Глеб Якунин, о. Николай Эшлиман, Краснов-Левитин, Талантов.

По указанию патриарха был смещен со своего поста калужский архиепископ Гермоген, поддержавший бунтующих священников (1966—1967) в их протесте против нарушений закона 1929 года о решении церковных дел прихода общим собранием верующих.

В середине 60-х годов религиозные диссиденты все более смыкались с демократическим движением на почве борьбы за демократизацию общества и гражданские права.

К началу 60-х годов зародилось правозащитное движение. Его основателем был Александр Есенин-Вольпин, талантливый математик, сын знаменитого русского поэта. Вольпин выдвинул очень простую мысль: в советском государстве, каким бы оно ни было, существуют законы и существует конституция. Несчастье нашего общества заключается в том, что граждане не верят в закон, не знают законов и поэтому не могут отстаивать свои права, опираясь на законы. Необходимо противопоставить нарушению законности со стороны государственных и партийных чиновников борьбу за соблюдение советских законов, за соблюдение конституции. Постепенно мысли, высказанные Есениным-Вольпиным, а затем В. Н. Чалидзе, начали приобретать все большую поддержку среди нонконформистов и либералов и привели в середине 60-х годов к возникновению правозащитного движения. Таким образом, с самого своего зарождения демократическое движение в Советском Союзе отошло в своей значительной части от законспирированной деятельности и встало на путь открытой защиты советской конституции, содержащей основные права граждан. Речь шла о том, чтобы перенести эти записанные в конституции гражданские права в каждодневную практику советского общества.

В эти годы возрождалось чувство гражданской ответственности за политику советского режима внутри и вовне страны. Ученые, причастные к созданию советского атомного и термоядерного оружия, начинают сознавать возможные катастрофические последствия использования этого оружия.

Их беспокойство принимает различные формы. В 1965 году в Теплотехническом институте (ныне Институт теоретической и экспериментальной физики) выступили с требованием привлечения к персональной ответственности виновников совершенных преступлений физики Юрий Орлов, Гольдин. Обоих исключили из КПСС, Орлова увольняют также с работы.

В 1957 году, через три года после первого испытания водородной бомбы, один из ее создателей, академик А. Д. Сахаров, под влиянием высказываний Альберта Швейцера, Лайнуса Полинга и других начинает борьбу за прекращение испытаний водородной бомбы. В 1958 году Сахаров обратился с несколькими докладными записками с

разъяснением опасности термоядерного заражения при продолжающихся испытаниях водородной бомбы. Сахаров попросил руководителя советского атомного проекта академика И. Курчатова вмешаться. Курчатов полетел в Крым к отдыхавшему там Хрущеву. Однако из этого вмешательства ничего не вышло. В октябре 1958 года испытания состоялись. В 1961 году во время встречи ученых-атомщиков с Хрущевым выяснилось, что советские руководители приняли решение подкрепить свой нажим в германском вопросе новой серией испытаний термоядерного оружия. Сахаров послал Хрущеву записку, в которой предостерегал его от этого шага. «Возобновление испытаний после трехлетнего моратория, — писал Сахаров, — подорвет переговоры о прекращении испытаний и разоружений, приведет к новому туру гонки вооружений, в особенности в области межконтинентальных ракет и противоракетной обороны». Ответ Хрущева, высказанный в его публичной речи на том же приеме, был откровенным и циничным. В основе политики, говорил Хрущев, должна лежать сила. «Мы не можем сказать, что мы ведем политику с позиции силы, но это должно быть так», — заявил Хрущев и далее продолжал: «Я был бы слюнтяй, а не председатель Совета Министров, если бы слушался таких, как Сахаров».

В 1962 году министерство среднего машиностроения, исходя из своих ведомственных интересов, приказало провести очередное испытание, бесполезное с технической точки зрения. «Взрыв должен был быть мощным, так что число ожидаемых жертв было колоссально», — свидетельствует Сахаров. Сахаров осознает преступный характер этого плана и пытается приостановить его исполнение, угрожая отставкой. Но это не подействовало. Соединившись по телефону с Хрущевым, Сахаров умолял его приостановить испытание, но напрасно. Что было советской верхушке до жертв, когда нужно было запугать Соединенные Штаты Америки, да и весь остальной мир советской военной мощью...

«Чувство бессилия и ужаса, охватившее меня в этот день, запомнилось на всю жизнь и многое во мне изменило на пути к моему сегодняшнему мировосприятию», — пишет Сахаров.

Поиски свободы, стремление к либерализации общества, возрождение чувства индивидуальной ответственности за судьбы страны и народа послужили истоками начавшегося духовного возрождения. Оно происходило на фоне роста недовольства населения, вызванного продовольственными затруднениями и наступлением на заработную плату.

Самым крупным из выступлений рабочих были волнения в Новочеркасске летом 1962 года.

Новочеркасский расстрел (июнь 1962)

Непосредственным поводом к волнениям было опубликование 1 июня 1962 года постановления о повышении цен на мясо на 30% и на масло на 25%. Как полагается в этих случаях, советские газеты сообщили о всенародном одобрении новой «заботы» партии и правительства.

В тот же день по непредвиденному властями совпадению на Новочеркасском электровозостроительном заводе (НЭВЗ) имени С. М. Буденного были понижены рабочие расценки до 30 процентов.

Рабочие кузнечного и металлургического цехов начали с утра горячее обсуждение случившегося...

А случилось вот что: будучи не в состоянии обеспечить рост производительности труда обычными нормальными методами, то есть приведением плана в соответствие с производственными возможностями предприятий и с реальной заработной платой, ЦК партии решил организовать очередную кампанию за сокращение стоимости производства. Особенную ретивость проявил Ростовский обком КПСС. Это было уже не в первый раз. В

Особенную ретивость проявил ростовский обком КПСС. Это было уже не в первый раз. В 1960 году «по инициативе» ростовских врачей началась кампания за работу врачей на общественных началах. Практически это означало, что врачи после утомительного рабочего дня обязывались «добровольно» и бесплатно отработать еще несколько часов. «Инициатива» была одобрена, подхвачена и развита партийными организациями других городов. Если учесть, что врачи были в это время одной из самых низкооплачиваемых категорий в стране, то легко себе представить, в каком отчаянном материальном положении они оказались. Через некоторое время работа врачей «на общественных началах» угасла, на том дело и кончилось. Но сама идея, впрочем, далеко не новая, лечить язвы советской экономики за счет трудового населения страны, получила в Ростове дальнейшее развитие.

В апреле 1962 года рабочие Ростовского завода сельскохозяйственных машин обратились к рабочим других предприятий с призывом уменьшить производственные расходы. Как полагается, немедленно начались положительные отклики на эту инициативу. В числе откликнувшихся были и предприятия г. Новочеркасска. Помимо НЭВЗ участие в соревновании приняли Никольский завод по производству шахтного оборудования, Новочеркасская ГРЭС и ряд других предприятий. Новочеркасский горком партии

суммировал затем обязательство следующим образом: «сберечь по 100 рублей на каждого рабочего в течение года».

Практически это означало понижение заработной платы рабочим примерно на 10 процентов. Директор НЭВЗ Курочкин издевательски ответил на вопрос митингующих рабочих: «На что теперь будем жить?» — «Жрали пирожки с мясом — теперь будете с повидлом!» Разъяренные рабочие обратили Курочкина в бегство. Забастовка стала неизбежной и к полудню 11 тысяч рабочих НЭВЗ забастовали. Рабочие других предприятий, несмотря на уговоры делегатов, посланных к ним, забастовки не поддержали.

Затем группа рабочих начала разбирать рельсы проходящей вблизи железной дороги Москва—Ростов и устроила завалы. Женщины сидели на рельсах, чтобы задерживать поезда. На заводском здании появились лозунги: «Долой Хрущева!», «Хрущева на колбасу!»

Вечером 1 июня к заводу и заводскому поселку, расположенным в нескольких километрах от Новочеркасска за рекой Тузлов, начали стягивать войска и милицию. На мосту через р. Тузлов стали танки Движение было запрещено. Ночью арестовали «зачинщиков» — около 30 рабочих.

Утром 2 июня к забастовщикам НЭВЗа примкнули рабочие с других заводов. В Новочеркасске было значительное количество студентов — около 16 тысяч, главным образом Новочеркасского политехнического института. Среди студентов уже давно царило недовольство из-за распределения на работу. Сколько студентов принимало участие в новочеркасских волнениях, сказать трудно. А. И. Солженицын утверждает, например, что студенты были заперты с утра в общежитиях и учебных зданиях и их никуда не выпускали. По сведениям, опубликованным на Западе, студенты также принимали участие в движении.

Перейдя через р. Тузлов, рабочие НЭВЗ, около 300 человек, включая женщин и детей, направились в город. Они несли портреты Ленина. Демонстрация носила исключительно мирный характер. Однако в городе шествие начало быстро обрастать. Возникли массовые стихийные митинги с платформ грузовиков. На Московской улице демонстранты пытались взломать двери городской милиции, рассчитывая освободить арестованных товарищей, но были встречены пистолетными выстрелами и отступили. Таким образом первые выстрелы в Новочеркасске были сделаны милицией. Демонстранты направились к зданию горкома партии, который оказался пуст. С балкона горкома рабочие выступали с речами. Пока все это происходило, прибывшие солдаты заняли почту, банк и радиостанцию. Новочеркасск был окружен войсками, входы и выходы из него перекрыты. В здание горкома вошли солдаты, на улице автоматчики начали оттеснять демонстрантов. Судя по некоторым сообщениям, первая цепь солдат была вскоре заменена, так как командовавший ими капитан предпочел покончить самоубийством перед строем, но не стрелять в народ. Автоматчики открыли огонь сначала поверх голов и убили сидевших на деревьях мальчишек. Затем они перенесли огонь на толпу и стреляли разрывными пулями.

Утверждают, что среди стрелявших было много солдат нерусских национальностей, специально переброшенных в Новочеркасск по приказу командующего Северо-Кавказским военным округом генерала И. Плиева.

Толпа побежала, но убийство продолжалось: солдаты стреляли людям в спину. Площади и улицы опустели. Убитых и раненых начали складывать на грузовики.

Западные источники называют цифру погибших в Новочеркасске — несколько сот человек. А. И. Солженицын делает вывод — 70-80, их них 47 были убиты разрывными пулями, зверство, примененное до того при подавлении восстания заключенных в Кенгире.

Через некоторое время толпа снова нахлынула на площадь и снова была открыта стрельба.

Солдат, стрелявших в толпу в первый и во второй раз, успели заменить свежими солдатами и когда подошедшие к ним новочеркассцы начали стыдить их и проклинать, они отвечали, что их только привезли. Убрать убийц поскорее, скрыть следы преступления — такова была тактика командования — военного и политического. Секретарь горкома КПСС Басов сбежал в Ростов при первых же сведениях о беспорядках. Руководство событиями взяла на себя бригада ЦК КПСС во главе с А. И. Микояном и Ф. Козловым, прилетевшими в Новочеркасск. Толпа требовала, чтобы Микоян прибыл на место расстрела — ведь деревья и скамейки сквера все еще в крови народа, на асфальте лужи крови. «Пусть Микоян приедет сюда! Пусть посмотрит на эту кровь!» Делегации молодых рабочих Микоян и Козлов обещали разобраться и строго наказать виновных, но требовали, чтобы демонстранты разошлись по домам и прекратили беспорядки. Народ не

расходился. К вечеру 2 июня для разгона толпы были посланы танки в сопровождении автоматчиков. В воздух полетели трассирующие пули. Тогда толпа постепенно растеклась.

На следующий день, 3 июня, Микоян и Козлов выступили по городскому радио. Теперь зазвучали обычные нотки: события спровоцированы врагами, враги будут наказаны. Разрывные пули советской армией не применяются, ими стреляли «враги». Здесь Микоян не ошибся: приказ стрелять в народ был отдан действительно его врагами — партийно-бюрократической верхушкой в Москве. Был или не был лично причастен к этим событиям Н. С. Хрущев, он, как глава партии и правительства, нес за расстрел в Новочеркасске персональную ответственность. Новочеркассцы были наказаны: никто из раненых и увезенных в госпитали домой не возвратились, а их семьи были высланы в Сибирь. Над участниками событий (их фотографировали сотрудники КГБ во время демонстраций) был устроен ряд закрытых судов и два показательных открытых процесса, на которых 9 мужчин были осуждены к смертной казни и две женщины к 15 годам лагерей. Никто из убийц наказан не был.

В то же время повышение цен на продукты в Новочеркасске было оттянуто на некоторое время. Пустовавшие полки продовольственных магазинов заполнились разнообразными продуктами — обычный прием, к которому прибегают власти в СССР, чтобы успокоить недовольных на время, пока их не выявили и не пересажали. В августе 1962 года на пленум Ростовского обкома КПСС прибыл член Политбюро Кириленко. Бывшие первый и второй секретари Новочеркасского горкома не были избраны в новый состав Ростовского обкома КПСС. На том наказание виновных и закончилось.

Новочеркасск не был единственным городом, где происходили волнения. Они были тем же летом 1962 года в Кемерово. Поводом была нехватка продовольствия. Волнения сопровождались демонстрациями и опустошением продовольственных магазинов.

Руководство не прошло мимо этих событий. Секретное постановление Совета Министров СССР от 10 августа 1962 года требовало большей заботы о рабочих, тактичного отношения к ним. В постановлении обращалось также внимание и на другую причину недовольства рабочих: незаконные отказы со стороны администрации выдать рабочим, пожелавшим уйти с производства, их трудовые книжки, без которых они не могли поступить на работу.

В печати началась очередная кампания за большее внимание к нуждам трудящихся.

В то же время были усилены и предупредительные меры. Во многих республиках МВД были преобразованы в Министерства охраны общественного порядка (МООП) и милиция вооружена. Вновь открыто были введены наказания за политические преступления, именуемые антисоветской пропагандой (ст. 70 Уголовного кодекса СССР). Такого рода процессы прошли в 1963 году во многих городах страны, включая Минск, Омск, Ленинград.

В 1963 году продовольственное положение в стране ухудшилось в связи с засухой. Во многих городах стал ощущаться недостаток хлеба, возникли очереди. В ряде городов произошли забастовки и волнения.

Как это часто бывает, предлогом для волнений было случайное происшествие. В один из дней июня 1963 года в г. Кривой Рог произошло столкновение между милиционером и солдатом, которому милиционер приказал прекратить курение в городском автобусе. Столкновение окончилось тем, что милиционер застрелил солдата. Когда товарищи солдата узнали об этом, они ворвались в город и убили семерых милиционеров. Затем военные власти установили контроль над городом и ввели осадное положение.

Забастовки у рабочего места, митинги и уличные демонстрации происходили в то время в Грозном, Краснодаре, Донецке, Ярославле, Муроме, Горьком и даже в Москве на автомобильном заводе «Москвич».

В Грозном, например, возникли волнения на ряде заводов в связи с нарушением администрацией рабочего законодательства, касающегося сверхурочной работы и перерыва на отдых.

Падение Хрущева

Чехарда с реорганизациями, кризис сельскохозяйственной политики, осложнения в отношениях с Китаем и с Соединенными Штатами Америки поддерживали в высших кругах неосталинистские настроения. Почти открыто высказывались мнения, что деятели так называемой «антипартийной группы» Маленкова-Молотова, предостерегавшие от поспешных и необдуманных шагов, были правы.

«Рязанское чудо» и кризис на Кубе основательно подорвали репутацию главы государства. В этих условиях Хрущев решил вернуться к борьбе с последствиями «культа личности», так как именно в этой области у него были крупные козыри против Маленкова, Молотова и Кагановича.

В октябре 1961 года XXII съезд КПСС напомнил не только о преступлениях Сталина, но и о соучастии в них Молотова, Кагановича, Маленкова и Ворошилова. В газетах были опубликованы документы о смертных приговорах не только «врагам народа», но и их женам. На документах стояли подписи Молотова, Кагановича и других. На самом съезде были выступления, развенчивавшие Жданова. По предложению Московской партийной организации тело Сталина было вынесено из Мавзолея и похоронено в отдельной могиле у Кремлевской стены. Для большинства делегатов съезда это было полной неожиданностью. Среди делегатов, принадлежавших к поколению, сделавшему карьеру в 30-е годы во время террора, царило почти открытое недовольство: партийные аппаратчики не знали, каковы планы Хрущева и как далеко он пойдет на этом новом этапе борьбы против сталинизма. В кулуарах XXII съезда было положено начало заговору против Хрущева, охватившего довольно влиятельный слой партийных чиновников. Вдохновителем заговора был секретарь ЦК по идеологическим вопросам М. А. Суслов. Начался фактический саботаж мероприятий по десталинизации.

На XXII съезде Хрущев, памятуя, очевидно, о том, что произошло после XX съезда, решил закрепить организационно так называемое возвращение к ленинским нормам. По его предложению были изменены Устав и Программа партии. Согласно новому уставу на очередных выборах партийных органов нужно было менять их состав на одну треть. Таким образом, Хрущев приобрел оружие, с помощью которого он мог манипулировать партийным аппаратом, избавляясь законным путем от неугодных ему работников.

Хрущев, впрочем, как и большинство советских лидеров, переоценивал значение персонального воздействия на ход дел. Признавая на словах наличие объективных процессов, существующих в обществе, на деле советские лидеры постоянно грубо вторгались в естественный ход дел ради того, чтобы достигнуть однодневного успеха. В результате то в одной, то в другой сфере общества возникало напряжение, которое одними перестановками или созданием новой бюрократической структуры разрешить было нельзя. Однако Хрущев просто не знал и не понимал других методов. Видя, что, несмотря на все реформы, дело в области экономики после некоторого подъема в 1958—1959 годах начало снова ухудшаться, он решил, что необходимо разделить партийные органы на две части: одна для руководства сельским хозяйством, другая — для руководства промышленностью. В конце 1962 года областные и районные партийные организации были разделены по этому принципу. Подобным же образом были разделены областные органы власти.

В районах вместо райкомов были созданы территориальные колхозно-совхозные управления, а их партийные комитеты наделены функциями райкомов партии. На республиканском и на союзном уровне были созданы бюро ЦК по промышленности и по сельскому хозяйству. Фактически Хрущев разделил партию на две части.

Разделением партийных организаций был недоволен партийный аппарат на всех уровнях, возникло соперничество между руководителями областных партийных и советских органов, которое в будущем могло привести к дезинтеграции власти. Секретари обкомов были против этой реформы: они были против реформ вообще. Хрущев с его неугомонным характером и жаждой реформаторства не давал им жить спокойно, а они желали равновесия, устойчивости.

Высшие партийные чиновники кое-как примирились с отменой системы «пакетов», то есть необлагаемых налогом денежных надбавок к жалованью, но они не могли и не хотели примириться с состоянием неустойчивости.

Но не только высшая партийная бюрократия была недовольна политикой Хрущева. Она вызывала чувство протеста и сопротивления в самых различных слоях общества, так или иначе ущемленных реформаторством Хрущева.

Среди них были и рабочие, чьи интересы были затронуты замораживанием выплат по займам и школьной реформой, крестьяне, колхозники, рабочие и служащие небольших городов и поселков: у них были отобраны льготы по приусадебным участкам, позволявшие им улучшить свое материальное положение; офицеры вооруженных сил в связи со значительным сокращением их численности, а также с фактическим снижением им заработной платы. То же относилось и к кадрам государственной безопасности, тем отменили надбавку к жалованью за звание (за «погоны»).

Почти во всех слоях общества царило глубокое недовольство безудержным восхвалением Хрущева как государственного, военного и партийного лидера.

Вокруг Хрущева сгруппировалась своего рода придворная камарилья во главе с его зятем Аджубеем. Он был сделан главным редактором газеты *«Известия»* и членом ЦК КПСС. В руках группы оказались средства массовой информации и пропаганды. Группа Аджубея претендовала также на руководство в области внешних сношений. Естественно, что эти претензии вызвали не только беспокойство, но и ненависть со стороны министра иностранных дел и аппарата министерства. И они очутились в антихрущевском лагере.

Высшие партийно-бюрократические круги были недовольны и тем, что Хрущев, в погоне за массовостью, поощрял организацию демонстраций — беспорядков около посольств Соединенных Штатов и других государств. Демонстрации сопровождались битьем стекол, обливанием стен посольств чернилами и прочим. Сталин никогда не Допускал ничего подобного, так как боялся развязывания народной инициативы в любом ее проявлении. Все «стихийные» выступления были заранее спланированы.

Интеллигенция, наиболее надежная опора Хрущева во время проведения десталинизации, все больше подвергалась преследованиям и ограничениям. Большим ударом для нее было выступление Хрущева, приуроченное к 10-летию со дня смерти Сталина, в котором Хрущев не поскупился на восхваление усопшего вождя за его непримиримую борьбу против оппозиции и прочего, объясняя ошибки Сталина подозрительностью и манией преследования, развившейся особенно в последние годы его жизни. Однако это его выступление не привело к реабилитации Сталина, да и сам Хрущев того не хотел. Скорее всего, то было попыткой «откупиться» от обвинений в ревизионизме, выдвинутых против него Мао Цзедуном и разделявшееся советскими «китайцами».

Хрущев своими частыми публичными выступлениями, речами, интервью иностранным корреспондентам, даваемыми иногда в подпитии, неуместными заявлениями подрывал в глазах народа не только свой личный престиж, но и авторитет Власти. Над выступлениями Хрущева начали посмеиваться, его перестали воспринимать всерьез.

Все его промахи, ошибки, эскапады тщательно регистрировались сталинистами и искажались. Было похоже на то, что его заслуги, особенно во время войны с Германией, раздуваются специально, чтобы сделать его смешным в глазах народа.

К осени 1964 года психологическая почва для удаления Хрущева была тщательно подготовлена. Партийная иерархия в своем подавляющем большинстве пришла к соглашению о необходимости отставки Хрущева.

Как и во время смещения маршала Г. Жукова, Президиум ЦК собрался в отсутствие

Хрущева, когда он отдыхал на Черном море. Была заранее обеспечена поддержка руководителей армии и государственной безопасности. Хрущев был вызван на расширенное заседание Президиума ЦК в Москву, когда все было готово для его смещения. 13 октября на заседании Президиума ЦК с докладом выступил организатор заговора секретарь ЦК М. А. Суслов, предъявивший Хрущеву длинный список обвинений. Сначала Хрущев пытался бороться, но в конце концов, обнаружив, что он находится в изоляции, был вынужден согласиться на уход «по состоянию здоровья». На следующий день открылся Пленум ЦК. Было принято решение не только о смещении Хрущева с постов первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР, но и о выводе его из состава ЦК КПСС. Решение было принято без прений. На заседание Пленума не были приглашены те члены и кандидаты ЦК, которые могли бы выступить против смещения Хрущева.

Пленум признал несовместимыми в одном лице посты первого секретаря ЦК и председателя Совета министров.

Памятуя опыт с Хрущевым, члены Президиума ЦК решили избрать на пост первого секретаря наиболее спокойного и уравновешенного человека, как будто не претендовавшего на роль Вождя. Им был Л. И. Брежнев. Председателем Совета Министров стал А. Н. Косыгин.

Годы надежд, связанные с демократизацией советского общества, миновали. Вместе с тем миновали и годы растерянности власти. Наступала эпоха советского конформизма.

*** * ***

Отстранение Хрущева от власти было концом «славного десятилетия» в истории советского общества. Эти годы были как бы мостом во времени: между сталинской эпохой неограниченного террора и диктатурой советского конформизма.

Было бы ошибочно называть Хрущева «либералом» или «консерватором», «прогрессистом» или «реакционером». В нем были заложены все эти начала. Они то боролись между собой, то «мирно сосуществовали». Хрущев был человеком противоречивым. Впрочем, было противоречиво и время, отпущенное ему для власти. Возможно, Хрущев искренно хотел порвать со сталинистским прошлым, и своим собственным, и советского режима. В Хрущеве каким-то чудом уцелели чисто человеческие чувства и оценки, начисто выметенные или стертые временем у подавляющего большинства соратников Сталина. Не исключено, что немалую роль в сохранении Хрущевым человеческого облика сыграли трагические события террора 30-х годов и голода на Украине в 40-е годы. (Он нес за это прямую ответственность). В годы, проведенные на фронте во время Отечественной войны, ему, вероятно, не раз пришлось размышлять о судьбах человеческих.

Как бы то ни было, но именно на долю Хрущева выпала великая, без преувеличения, миссия раскрытия преступлений сталинского (т. е. советского) режима, освобождения миллионов заключенных в лагерях и посмертная реабилитация других миллионов. В заслугу Хрущеву можно поставить и возвращение сосланных во время войны в Сибирь и Среднюю Азию народов Северного Кавказа. При Хрущеве были отменены антирабочие законы, хотя и не полностью (сохранились трудовые книжки), облегчено налогообложение и улучшена система социального обеспечения, развернуто широкое жилищное строительство, отменены займы. Будет справедливым сказать, что «работали» только те реформы Хрущева, которые прямо не подрывали основ режима. А основы оставались неизменными. К их числу можно отнести удержание в руках партийной бюрократии всей полноты власти, сохранение аппарата государственной безопасности хотя с урезанными полномочиями, и цензуры с теми же задачами «охранительства», какими она была наделена во времена Ленина и Сталина. Реформы в области судебного законодательства, проведенные в годы правления Хрущева, по-прежнему сохраняли в силе возможность преследования по политическим мотивам и за инакомыслие. При Хрущеве начали более широко применяться меры психиатрического воздействия против несогласных.

Те реформы Хрущева, которые имели своей целью улучшить продовольственное положение государства, а заодно и положение наиболее обездоленного слоя советского общества — крестьянства, были конвульсивными и непоследовательными. Они и не могли быть иными, ибо колхозная система была и оставалась непреодолимым препятствием к экономическому оздоровлению, но она же была и одной из основ режима. Попытки децентрализации управления хозяйством страны, которую пытался провести Хрущев, столкнулись с практикой централизованного государства и, естественно, потерпели поражение.

Каждый раз, когда Хрущев пытался провести полезную реформу, она оказывалась в непримиримом противоречии с существующим общественным строем и была прямым вызовом интересам элиты, обретшей чувство безопасности после смерти Сталина. Советским высшим слоям была необходима преемственность власти. Все, что ей угрожало, было опасным вызовом.

Хрущев же своей реформаторской деятельностью не только раздражал партийную бюрократию, но и пугал ее.

Но и сам Хрущев нередко пугался того, что он делал. Он позднее признался, что страшился «оттепели» в 1954 году, опасаясь, что волны ее могут затопить режим; это вылилось в подавление революции в Венгрии, в кровавую расправу над восстанием в Темир-Тау, в Караганде, в Новочеркасске. Хрущев проделал значительную эволюцию во время пребывания у власти. Вынос набальзамированных останков Сталина из Мавзолея в 1961 году не был, в отличие от его секретной речи на XX съезде КПСС в 1956 году, актом высшей справедливости, а лишь средством борьбы с растущей оппозицией против него.

Хрущев прорубил окна в Железном Занавесе, но выстроил Берлинскую стену. Он провозгласил мирное сосуществование, но установкой советских ракет на Кубе чуть было не спровоцировал термоядерную мировую войну.

Как всякий советский лидер, наделенный властью, Хрущев считал своей обязанностью

Как всякий советский лидер, наделенный властью, Хрущев считал своей обязанностью высказывать мнение и давать оценки во всех без исключения сферах общественной и культурной жизни. Его суждения, особенно в области литературы и искусства, были на редкость поверхностными. Он принимал лишь то, что на его взгляд могло быть «полезно народу». Здесь он был верховным судьей. Его социальное чутье подсказывало ему опасность распространения идей, выходящих за привычные рамки партийной идеологии. Все, что не укладывалось в ее узкие рамки и в границы его собственного миропонимания, вызывало в нем эмоциональный взрыв. Только однажды его социальное чутье серьезно изменило ему, когда он разрешил печатать *«Один день Ивана Денисовича»*.

Хрущев был единственным советским лидером, пытавшимся поладить со временем: но он то все время торопился и торопил других, то отступал назад. Как было сказано о нем: Хрущев пытался перепрыгнуть через пропасть двумя последовательными прыжками. Вероятно, поэтому он и был похоронен не у Кремлевской стены, а на Новодевичьем кладбище...

Глава одиннадцатая. Эпоха реального социализма (1965—1980)

Коллективное руководство

Свержение Хрущева завершило послесталинский период советской истории. Одиннадцать лет, минувших после смерти наследника Ленина, были временем борьбы за «сталинский мундир», годами приспособления советской системы к существованию без Сталина и его диктатуры.

Система продемонстрировала свою устойчивость во время борьбы «на верхах», подавления, часто кровавого и беспощадного, центробежных сил, выявившихся после разоблачения «культа личности» внутри метрополии, но особенно на внешних границах империи — в восточном Берлине, в Венгрии, в Польше. С другой стороны, режим пытался ослабить центробежные силы не только путем репрессий, но и путем «усыновления» реформаторских тенденций, проявившихся в период «растерянности». Иногда его называют «оттепелью».

В новых, значительно более благоприятных для советской системы обстоятельствах, повторились основные черты послеленинского «междуцарствия»: выявление в рядах коллективного руководства вождя, подминающего под себя всех остальных, некоторое ослабление репрессивной системы во всех областях жизни, связанное с отсутствием Вождя. Все перипетии борьбы советского руководства за «сталинизм без Сталина» повторила история Китая после смерти Мао Цзедуна. В Китае цель борьбы — «маоизм без Мао».

Борьба за «сталинский мундир» была испытанием на прочность основы советской системы — борьбой партийного аппарата со всеми, кто претендовал на увеличение своей роли в структуре управления, уникальная особенность советской системы состоит в том, что партия руководит всем, контролирует все, но ни за что не отвечает, ибо осуществляет общее руководство. Она принимает все решения, дает указания, в том числе нигде не зафиксированные устные и телефонные, но за неудачи отвечают государственные органы и руководителя предприятий и учреждений.

Партия всегда права. Она исправляет все ошибки других, она наказывает и милует. Партию — хранительницу Идеологии, то есть хранительницу Истины — Хрущев хотел «приблизить к практике», сделать ответственной за практическое руководство страной. Тем самым он посягнул на форму существования коммунистического государства — уникального в истории человечества.

Разделение партии напугало партийный аппарат, хотя, быть может, не все понимали революционный характер реформы. Вторая реформа привела аппарат в ужас и лишила Хрущева опоры в партии: Первый секретарь ЦК добился введения в Устав партии принципа обязательной ротации: при каждых выборах полагалось менять одну треть числа членов партийных комитетов от Президиума ЦК до районных комитетов. Исключение делалось только для Первого секретаря и кучки «опытных и заслуженных работников». Введен был принцип нестабильности положения партийного работника, с которым партийный аппарат не мог и не хотел согласиться. Партийный аппарат покорно перенес сталинский принцип ротации путем террора, который был лотереей и создавал иллюзию возможности выиграть счастливый номер, но не хотел принять неизбежность ротации «по закону».

После свержения Хрущева принцип ротации был немедленно отменен.

Бунт партийного аппарата против Первого секретаря, олицетворяющего власть партийной машины, был актом самозащиты — защиты своей власти и своих привилегий.

Существует версия, будто, готовя свержение Хрущева, партийные заговорщики хотели передать пост первого секретаря ЦК А. Н. Шелепину, в прошлом секретарю ЦК комсомола, а затем председателю КГБ и члену Президиума ЦК. Об этом упоминает и А. И. Солженицын. Однако Шелепин своей сталинистской радикальностью (утверждают, будто он собирался помириться с Китаем, снова «зажать» экономику и управление и повести решительную борьбу со всеми отклонениями от ортодоксальной идеологии) отпугнул высших партийных иерархов и аппарат. Они предпочитали человека более спокойного, достаточно консервативного и не подверженного крайностям. В аскетизме и пуризме Шелепина было что-то угнетающее. Московские интеллигенты в насмешку и по аналогии с «Железным Феликсом», Дзержинским (оба руководили аппаратом террора — ВЧК и КГБ), прозвали Шелепина «Железным Шуриком». Но аппарат жаждал спокойствия.

Первым секретарем был избран Л. И. Брежнев.

Биография Брежнева — образец жизненного пути партийного работника, взобравшегося на высшую ступень лестницы власти. Образцовость биографии в ее обыденности, в

отсутствии «взлетов», в цепкости, с какой Брежнев шаг за шагом шел вверх, приобретая на этом пути покровителей и клиентов. Будущий генеральный секретарь родился в 1906 году в заводском поселке Каменское (переименованном впоследствии в Днепродзержинск), что находится в 35 км от Екатеринослава (переименованного в Днепропетровск). Сын рабочего Леня Брежнев поступил учиться в каменскую классическую гимназию, которую окончил уже в советское время, когда она превратилась в «трудовую школу». Автор единственной сравнительно полной биографии Брежнева, американский журналист Джон Дорнберг, смог собрать свидетельства его одноклассников, но многие детали жизненного пути будущего главы партии и советского государства остаются неясными, необъяснимыми. Закончив после школы землемерный техникум в Курске, Брежнев несколько лет работает в земельных отделах исполкомов в Белоруссии, Курске, Свердловске. Затем внезапно возвращается на родину и меняет профессию: поступает в металлургический институт. И в 25-летнем возрасте вступает в партию. Начинается карьера.

Поворот в жизни Л. И. Брежнева совпадает с поворотом в истории страны, с годами «большого террора». В мае 1937 года он избирается заместителем председателя городского совета Днепродзержинска, в мае 1938 года Брежнев переводится в Днепропетровск в областной комитет партии на должность заведующего отделом агитации и пропаганды. Он входит в систему власти, и происходит это в Днепропетровске, где Брежнев найдет сподвижников, которые будут его сопровождать до Кремля.

Восхождение Брежнева начинается под покровительством нового первого секретаря ЦК украинской компартии Н. Хрущева. Посланный для наведения порядка, Хрущев беспощадно «чистит» республику, начиная с ее партийного аппарата. Сталин совершенно серьезно требовал от партийных руководителей подготовить «по два-три заместителя». Брежнев принадлежал к «третьему гарнитуру» руководителей, шедших на смену двум первым, ликвидированным во время «чисток». Он обнаружил идеальный набор качеств, необходимых для неторопливого и неуклонного восхождения. Без блеска, но надежный работник, он получает поддержку Хрущева в обкоме, а потом в армии, где занимает должности начальника политотдела армии, заместителя, а в конце войны — начальника политуправления фронта, продвинувшись в званиях от подполковника до генерал-майора. Его замечает фаворит Сталина Л. Мехлис.

Брежнев проявляет единственный талант, необходимый партийному руководителю, — умение руководить: давать общие указания по всем вопросам, не будучи специалистом ни по одному из них. На посту секретаря областного комитета в Запорожье и Днепропетровске, он возглавляет восстановление разрушенных во время войны предприятий и городов. Взятый в 1950 году в Москву Хрущевым, которого Сталин назначил секретарем ЦК, Брежнев в июле направляется в Кишинев на должность первого секретаря ЦК молдавской компартии. Он становится руководителем одной из пятнадцати советских республик. Из Днепропетровска в Кишинев он забирает с собой группу друзей, которые составят ядро группы ближайших его сотрудников, будущей «днепропетровской мафии». К этому ядру примкнут «верные люди», которых Брежнев найдет в Кишиневе. В их числе окажется заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК молдавской компартии К. Черненко, который станет начальником личного кабинета генерального секретаря, ближайшим его советником, будет введен в Политбюро и займет в 1979 году место «кронпринца».

В 1952 году, на XIX съезде партии, Брежнев стал кандидатом в члены вновь созданного Президиума ЦК. Возможно, что Вождь предвидел для молодого секретаря из Кишинева место, которое должно было освободиться после намечавшейся чистки. При реорганизации органов власти немедленно после смерти Сталина Брежнева назначают начальником политуправления Военно-морского флота. Пост второстепенный, который дает, однако, будущему генеральному секретарю возможность приобрести себе верных друзей среди маршалов и адмиралов.

Усиление позиции Хрущева, ведшего непрекращающуюся борьбу за власть, означает одновременно и продвижение Брежнева по лестнице власти: секретарь ЦК Казахстана, председатель Верховного Совета СССР, секретарь ЦК КПСС. В октябре 1964 года он предает своего покровителя и поднимается на высшую ступень. Но, как обычно после прихода к власти нового руководства — оно коллективное. Пройдет более десяти лет прежде чем станет очевидно, что процесс превращения руководства «коллективного» в единоличное идет при Брежневе точно так же, как он шел при Сталине и Хрущеве, но идет медленно, очень осторожно, почти незаметно. До тех пор, пока не станет очевидным, что кропотливая политика по устранению «чужих» и замещению их «своими» дала результаты. В конце 70-х годов ключевые посты в партии были заняты «брежневцами» в центральном аппарате — в Политбюро и Секретариате — расположились члены «днепропетровской мафии». Их люди заняли посты на нижних ступенях системы.

В конце 70-х годов завершился процесс перехода от «коллективного» к единоличному руководству. После смерти Ленина, после смерти Сталина, после свержения Хрущева система неизменно и неуклонно шла к нему. Осуществлялся важнейший закон социалистического общества, подмеченный Лениным в 1918 г. Неотъемлемым элементом этого процесса было создание очередного «культа» очередной «личности». В числе обвинений, предъявленных Хрущеву, было обвинение в «культе личности». Сменивший Хрущева Брежнев сделал первый шаг на пути к «культу» через полтора года после прихода к власти: на XXIII съезде он предложил переименовать Президиум ЦК в Политбюро, а должность первого секретаря ЦК в должность генерального секретаря ЦК.

Брежневу понадобилось около десяти лет, прежде чем в его руках оказались все атрибуты социалистического Вождя. Брежнев не стал Сталиным. Но он занял место Сталина. «Единоличное руководство» означает, что все решения принимаются узким кругом. Так было при Ленине, так было и при Сталине. Вождь воплощает в своей «личности» мощь партии.

Партия жаждет спокойствия

Свержение Хрущева было бунтом жрецов против Верховного жреца, осмелившегося посягнуть на касту служителей культа. Вопрос о том, кому принадлежит власть в советском государстве, первым поставил Ленин. Развивая замечание Ленина о «бюрократическом извращении», Троцкий, потеряв власть, говорил о бюрократии, захватившей власть в СССР. Милован Джилас обновил точку зрения Троцкого, популяризировав выражение «новый класс». Значение книги Джиласа заключалось в том, что он показал — на примере Югославии — идентичность процессов, происходящих во всех странах, в которых власть берет в свои руки коммунистическая партия.

Конституция Советского Союза называет коммунистическую партию руководящей силой советского общества. На XXVI съезде (1981) партия насчитывала 17 480 000 членов и кандидатов, что составляло чуть больше 9% населения. Нельзя, однако, говорить о том, что «Партия» держит власть в стране.

Джордж Орвелл говорил о «внешней» и «внутренней» партии. В 1969 году ленинградцы, преподаватель С. Зорин и инженер Н. Алексеев написали работу, которая получила в «Самиздате» название «Ленинградской программы». Анализируя советское общество конца 60-х годов, С. Зорин и Н. Алексеев констатировали: «Партия и государственный аппарат составляют в нашей стране подлинную и решающую политическую силу. Высший слой этой пирамиды составляет аппарат номенклатурных чиновников, верхушкой которого является ЦК КПСС, Политбюро ЦК, Секретариат и отделы ЦК. К ним присоединяются: генералитет, аппарат Министерства внутренних дел и государственной безопасности, верхний слой государственного аппарата. Авторы «Ленинградской программы» видят в «номенклатуре» подлинный «правящий класс». То, что Орвелл называл «внутренней партией».

«Номенклатура» возникает в первой половине 20-х годов, как перечень должностей, находившихся в ведении отдела кадров ЦК. Быстро этот список включил в себя список всех «руководящих должностей» в партийном, государственном, профсоюзном, армейском, культурном аппарате страны. Возникла стройная иерархическая система, имеются номенклатура ЦК КПСС, номенклатуры ЦК республиканских партий, номенклатуры областных и районных комитетов партий

По переписи населения, проведенной в 1970 году, группа «руководителей», включавшая секретарей первичных партийных организаций и председателей и секретарей сельских советов, насчитывала 405,784 человека, то есть составляла 0,35% населения.

Обладая разной степенью власти, в зависимости от принадлежности к номенклатуре того или иного уровня, «номенклатурные работники» представляют собой олигархию особого типа — группу, объединенную участием в управлении страной.

Аристотель относил «олигархию» к «плохим» формам правления, определяя ее, как власть ради власти. Номенклатура — олигархия, которая скрывает суть своей власти за идеологической ширмой, объявляя себя — властью народа.

Номенклатура воспроизводит сама себя, отбирая в число олигархов людей с необходимыми качествами и щедро их вознаграждая. Андрей Сахаров рассказывает о том, как происходит отбор кадров: Недавно большую группу хороших студентов выпускников различных ВУЗов страны собрали на месяц в Ленинграде... (комсомольцев, конечно)... Их сытно кормили и много поили в лучших ресторанах, всячески развлекали — все бесплатно. В общем, дали «покататься как сыр в масле». А потом спросили — хотите всегда так жить? Поступайте в ВПШ (Высшая партийная школа), самый бездарный станет там, минимум, вторым секретарем райкома».

Номенклатура состоит из взаимоподдерживающих групп, вступающих в союзы или конфликты. Ее можно сравнить с вассально-сюзеренной системой, типичной для феодального общества. Каждый номенклатурный работник имеет своих вассалов, в то же время являясь вассалом вышестоящего руководителя. Больше всего вассалов у генерального секретаря — у него нет сюзерена, но он не может не учитывать желаний своих вассалов.

Программа номенклатуры сводится к трем пунктам: расширение власти, расширение привилегий, возможность спокойно пользоваться властью и привилегиями. Хрущев посягнул на эту программу.

Герой сатирической комедии Маяковского *«Баня»*, символ бюрократа и номенклатурного работника Победоносиков, кричит: «Попрошу меня не будоражить!». Коллективное руководство, избранное октябрьским пленумом ЦК, приступает к успокоению «номенклатуры». В первой большой речи после начала нового правления Л. Брежнев не перестает говорить о «проблемах»: он говорит о «нерешенных проблемах», «новых проблемах», «бесчисленных проблемах», «проблемах, которые следует решить». Совершенно естественно, что он не забывает о многочисленных «недостатках», «нуждах», «требованиях», задачах, «которые следует решить». Брежнев как бы забывает, что он был вторым секретарем при Хрущеве и рисует черное прошлое, когда царили «субъективизм» и «волюнтаризм». Новый первый секретарь предлагает в качестве панацеи: «объективную оценку», «правильное использование», «необходимые меры», «научные методы» и «гармоническое развитие».

Первые действия нового руководства состоят в отмене хрущевских реформ: отменяются деление партии и ротация, ликвидируются совнархозы и восстанавливаются традиционные министерства, восстанавливается традиционная десятилетняя школа, которую Хрущев пытался заменить «политехнической» одиннадцатилеткой. Для успокоения населения восстанавливаются приусадебные участки, прекращается активное преследование церкви и религии. Новое руководство прежде всего желает показать, чего оно не хочет.

Положительная программа была представлена на первом послехрущевском пленуме ЦК в мае 1965 года, посвященном сельскому хозяйству. Как Хрущев после смерти Сталина, так и Брежнев после свержения «царя Никиты» возлагал вину за сельскохозяйственные неудачи на своего предшественника. Новый первый секретарь предлагал меры, которые должны были, наконец, решить сельскохозяйственные проблемы СССР.

С первых послереволюционных дней коммунистическая партия ищет философский камень, который позволил бы совершить чудо — обеспечить страну сельскохозяйственными продуктами. Был ленинский план кооперации, затем была сталинская коллективизация. После коллективизации испытывались самые различные волшебные средства: шарлатанские рецепты Лысенко, фантастические проекты посадки лесов и орошения пустынь, глубокая вспашка и торфяные горшочки, «кукурузация» страны и «освоение целины». Все планы были основаны на принципе экстенсивного развития сельского хозяйства.

Программа Брежнева обещала колхозникам освобождение от «кукурузной» обязанности и перенос внимания с целинных земель на земли в центре страны. Сокращались обязательные поставки и устанавливалась — до конца 1970 года — сравнительно низкая норма обязательных поставок, что должно было повлечь за собой увеличение закупок сельскохозяйственных продуктов государством по повышенным ценам. Программа Брежнева делала упор на значительное расширение мелиоративных работ, строительство каналов, увеличение производства удобрений, сельскохозяйственных машин и предусматривала в связи с этим выделение огромных средств на капиталовложения в сельское хозяйство. В программу были включены давно ожидаемые социальные меры: право колхозников на пенсию и введение минимальной месячной заработной платы для колхозников, которая была значительно ниже не только заработной платы на заводских предприятиях, но и в совхозах.

Особенность «новой программы» состояла в том, что она не была новой: основные ее линии продолжали политику, начатую Хрущевым еще в 1958 году. Политика Хрущева была очищена от рекламных эффектов, безудержного хвастовства и невероятных обещаний и представлена, как «научный план», дающий гарантию «подъема сельского хозяйства».

Инициатором реформ, исправляющих «волюнтаристские ошибки Хрущева в промышленности», выступил председатель Совета министров А. Косыгин. Реформа, предложенная Косыгиным, и утвержденная пленумом ЦК в сентябре 1965 года, а затем XXIII съездом в марте 1966 года, была начата Хрущевым. Главная ее идея была изложена в статье «План, прибыль, премия», опубликованной в *«Правде»* 9 сентября 1962 года. Автор статьи проф. Харьковского инженерно-экономического института Евсей Либерман предложил сделать критерием оценки деятельности предприятия его рентабельность, то есть прибыльность. Это значило учитывать неизвестные советской экономике принципы — спрос и предложение, используя материальное стимулирование рабочих и предприятий. Необходимым условием осуществления этой реформы было предоставление предприятиям широкой автономии, освобождение их от мелочной опеки со стороны плановых органов и «госконтроля».

Идеи Либермана, статья которого произвела колоссальное впечатление на Западе как свидетельство изменения характера советской системы, не были открытием. В 1956 году польские экономисты, прежде всего проф. Оскар Ланге, предлагали все эти меры. Хрущев в неутомимой жажде изменений пожелал использовать предложения Либермана, поддержанные крупнейшими советскими экономистами Л. В. Канторовичем, В. С. Немчиновым, В. В. Новожиловым. Незадолго до падения, в августе 1964 года, Хрущев согласился на испытание системы Либермана на двух текстильных фабриках: «Большевичка» в Москве и «Маяк» в Горьком. Через два дня после падения Хрущева Косыгин распространяет эксперимент на ряд других предприятий и объявляет о подготовке программы реформ, охватывающих всю промышленность страны.

Программа, принятая пленумом и утвержденная XXIII съездом, была заранее обречена на провал, ибо пыталась сочетать несовместимое: расширение прав предприятий и восстановление центральных министерств, ликвидированных Хрущевым. О подобной попытке решить квадратуру круга писал В. Ключевский, характеризуя реформы Петра I: «Он надеялся грозою власти вызвать самодеятельность в порабощенном обществе... хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно».

Нарушители спокойствия

В 60-е годы на Западе прошли бурные выступления молодежи. Во Франции, США, Западной Германии студенты бунтовали, они были недовольны условиями жизни, ее бесперспективностью. Их вырастило общество потребления, поднявшее впервые в истории материальное благосостояние на небывалый уровень. Однако была утрачена духовность. Молодежь ищет замены. В странах Запада начинаются волнения, демонстрации.

Советская печать, сообщая о беспорядках, расписывая и смакуя их, сравнивала положение молодежи в капиталистическом мире со спокойной уверенностью советской молодежи в завтрашнем дне, с ее стремлением отдать все свои силы делу строительства коммунизма. Однако за фасадом обычного хвастовства скрывалась совсем иная действительность. 60-е годы для советской молодежи также были временем исканий, связанных и с диспутами, и с открытыми проявлениями недовольства режимом и с активными выступлениями против него. Секретарь ЦК ВЛКСМ Г. С. Павлов писал летом 1966 года в журнале *«Коммунист»* не без беспокойства об усилившейся тяге молодого поколения к истории и теории коммунистического движения. Как и каждое новое поколение, те, кто родились в конце 40-х годов, жаждали узнать правду о своей стране. Снова перед партией встала та же самая задача, что и в прошлом: фальсификация коллективной памяти народа, создание легенд о прошлом. Павлов предлагал собирать молодежь и старых большевиков, свидетелей прошлого, чтобы молодые люди из уст очевидцев событий узнали «правду». Повсеместно начали организовывать встречи с теми, кто случайно уцелел во время террора, или наоборот активно участвовал в нем. И те, и другие рады были рассказать молодежи «правду». В связи с этим по стране пошли гулять анекдотические истории, вроде рассказа ветерана, который, описывая взятие Зимнего

дворца в октябре 1917 года, заключает, сокрушенно качая головой: «Да, погорячились мы

тогда малость...»

Но молодежь, особенно студенческая, не удовлетворяется встречами с ветеранами. Студенты требуют открытых диспутов, дискуссий, свободного обмена мнениями. Среди студентов, особенно высших учебных заведений, Москвы, Ленинграда, Киева, Горького растет и крепнет настроение покончить с цинизмом, пронизывающим советское общество сверху донизу. Академическое начальство, райкомы комсомолов и партии, местные активисты стремятся ограничить состав и число участников таких диспутов, но это не всегда удается. На дискуссии, организованной студентами физико-математического факультета МГУ на тему «Цинизм и общественные идеалы» (март 1965), прозвучали резкие выступления против дезинформации официальной печати и требования сказать о совершенных преступлениях в годы сталинского террора. Неверие, скептицизм и цинизм, распространяющейся среди молодежи, называют результатом политики партии, скрывающей правду. Один из выступавших предложил переименовать газету *«Правда»* в «Ложь». Другие студенты требовали привлечь к ответственности соратников Сталина: были названы имена Шверника, Суслова и Микояна. Полтора часа длилось выступление пришедшего на диспут художника Кузнецова, говорившего о преступлениях сталинских времен. Позднее Кузнецов был упрятан властями в «психушку». Переполох, вызванный диспутом, выразился вскоре в «закручивании гаек» в высших учебных заведениях, в усилении преподавания предметов марксизма-ленинизма (научного коммунизма) и установлении правила, по которому неуспевающие по этому предмету не допускаются к сдаче других экзаменов.

Разочарование, недовольство, связанное с крушением старых идеалов и поисками новых охватывает не только студентов, но и часть школьников. В Москве, в школе №16, группа старшеклассников расклеивает по ночам листовки в защиту Синявского и Даниэля. Участники группы разосланы по разным школам. Наказаны директор школы и учительница Бараль. Последней было вменено в вину, что она устроила два вечера в память Тухачевского и Якира, расстрелянных в 1937 году.

По некоторым данным, в стране в 1967 году насчитывалось около 400 различных неофициальных молодежных групп, находившихся фактически в оппозиции к режиму. Участники групп придерживаются самых различных взглядов, от народнических до фашистских. К ним применяют профилактические меры — беседы, уговаривание, посылку на производство для «исправления», раскассирование по различным школам, беседы с родителями, собрания, обсуждения и прочее. Однако к более активным применяются суровые меры: аресты, суд, заключение в лагери и тюрьмы.

Арест в сентябре 1965 года писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля, а затем в феврале 1966 года суд над ними и жестокий приговор (7 лет лагерей Синявскому, 5 лет — Даниэлю), свидетельствовали о решимости нового руководства покончить с наиболее неприятным источником беспокойства — родившимися в хрущевскую эпоху надеждами на либерализацию системы.

Осуждение «культа личности», на XX съезде, освобождение миллионов заключенных, реабилитация некоторых из них, использованная рядом писателей возможность поставить вопросы — о терроре, причинах военных неудач после гитлеровского нападения, структуре советского общества, а главное, поведение Никиты Хрущева, не перестававшего кидаться из крайности в крайность — посеяли надежды на возможность реформ режима, на возможность формирования общественного мнения. Хрущев разрешил опубликовать *«Один день Ивана Денисовича»* и тем самым позволил родиться феномену Александра Солженицына. Нет сомнения, что даже гений Солженицына не мог дать его повести, а затем его другим книгам и прежде всего *«Архипелагу ГУЛаг»* силу, потрясшую сознание мира, если бы подлинность описанного не была подтверждена публикацией *«Одного дня Ивана Денисовича»* в Москве. Подлинность свидетельства была подтверждена палачами. Но, разоблачая некоторые преступления Сталина, давая согласие на издание повести Солженицына, Хрущев не отказывался от репрессий. Первая книга о хрущевских лагерях, получившая широкое распространение в «Самиздате», *«Мои показания»* Анатолия Марченко — свидетельствовала о том, что, если население советских лагерей сократилось по сравнению со сталинскими временами, их характер остался неизменным.

Репрессивная политика Хрущева, несмотря на ее усиление в 60-е годы, носила случайный характер и не могла прекратить послесталинское бурление в обществе. К тому же репрессии носили «закрытый» характер: суды не были гласными, расстрел рабочих Новочеркасска в 1962 году и подавление выступлений рабочих в других городах долгое время оставались неизвестными.

Суд над Синявским и Даниэлем был первым публичным политическим процессом послесталинского времени. Значение его заключалось прежде всего в том, что на скамью подсудимых были посажены писатели, которых обвиняли в «агитации или пропаганде, проводимой в целях подрыва или ослабления Советской власти», в «распространении в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Подсудимым было предъявлено обвинение по статье 70 Уголовного кодекса, принятого в хрущевское время. «Агитация или пропаганда», «клеветнические измышления» — были книгами, написанными А. Синявским и Ю. Даниэлем; повестями, рассказами, критическими статьями. Материалом обвинения были литературные произведения: авторов отождествляли с героями произведений. Возможно, что это был первый случай в мировой юридической практике. До сих пор никому не приходило в голову, что Достоевского можно было судить за убийство, ибо Раскольников его совершил — с заранее обдуманным намерением.

Суд над писателями означал формальное завершение послесталинской эпохи «разброда и шатания», конец «оттепели». После смерти Сталина писатели первыми стали задавать вопросы. Статья В. Померанцева «Об искренности в литературе» была первым публичным осуждением лжи, пронизавшей все клетки общества, и первым выражением потребности в искренности, в правде. Писатели — в разной форме и разной степени выражают в печати пробуждение мысли и чувств, казалось бы, навсегда вытоптанных в послереволюционные годы. Рождающаяся мысль, не находя возможностей в Подцензурной литературе, уходит в «Самиздат». Начинается, по выражению Анны Ахматовой, «догутенберговский период» советской литературы: сначала стихи, а затем и проза переписываются и

распространяются — без разрешения цензуры. Открываются — в «Самиздате» — вычеркнутые из официальной литературы писатели (Булгаков, Платонов, Цветаева, Мандельштам), появляются новые писатели. Награждение в 1958 году Нобелевской премией Бориса Пастернака за роман «Доктор Живаго» дает могучий импульс «Самиздату». Нецензурованная литература находит путь на Запад: рождается «Тамиздат» — опубликованные на Западе книги возвращаются на родину и распространяются неофициальным путем.

Суд над Синявским и Даниэлем был расправой над обеими формами свободной литературы: обвиняемые не только писали без цензуры, но и посылали свои рукописи на Запад, откуда они возвращались в форме книг в Советский Союз. Что еще хуже, они печатали свои произведения под псевдонимами! Жестокий приговор был предупреждением всем авторам «Самиздата» и «Тамиздата», несомненной победой просталинского крыла партии. Выступления, восхваляющие Сталина, происходят то здесь, то там. Сталинисты активно готовятся дать бой на XXIII съезде КПСС. За неделю до открытия съезда запрещаются представления на сценах московских театров «крамольных» спектаклей: *«Живые и павшие»* (театр на Таганке), *«Теркин на том свете»* (театр Сатиры), *«Снимается кино»* (театр им. Ленинского комсомола) и *«Дион»* (театр им. Вахтангова). Из плана издательства «Московский рабочий» выбрасывается переиздание книги В. Дудинцева *«Не хлебом единым»*. Из списка кандидатов в делегаты на XXIII съезд от московской партийной организации вычеркивается имя А. Т. Твардовского, редактора *«Нового мира»*. Где-то в Удмуртии делегатом на съезд избирается реакционнейший писатель В. Кочетов, главный редактор журнала *«Октябрь»*.

Угроза официальной реабилитации Сталина сплачивает на короткое время зарождающуюся, пока аморфную, оппозицию среди интеллигенции.

Осуждение Синявского и Даниэля, посеяв разброд и смятение в рядах «прогрессистов», тем не менее находит отпор с их стороны. 63 члена Союза Советских писателей, к которым затем присоединились еще 200 интеллигентов, обратились с письмом в адрес XXIII съезда и президиумов Верховных советов СССР и РСФСР (последние обладают правом помилования) с призывом выпустить А. Синявского и Ю. Даниэля на поруки.

Академик А. Берг, один из крупнейших ученых в области кибернетики, узнав о возможной реабилитации Сталина на съезде партии, заявляет, что в этом случае он демонстративно выйдет из Академии Наук СССР.

Рождается первое слово, означающее человека, согласного открыто выразить свое отношение к действиям советской власти: «подписант». Оно предшествует последующим определениям: «инакомыслящий», «диссидент». «Подписанты» действуют в строгих рамках советского закона и не требуют ничего иного, кроме соблюдения закона. В письме 63 писателей просьба выпустить осужденных на поруки аргументировалась тем, что «этого требуют интересы нашей страны. Этого требуют интересы мира. Этого требуют интересы мирового коммунистического движения».

Протесты вызывают новые репрессии. В 1966—67 годах политические процессы организуются по всей стране: в Москве и Ленинграде, Киеве и Львове, Горьком и Риге, Ташкенте и Омске. Суд над Синявским и Даниэлем вызывает протесты на Западе, где не хотят верить в неизменность советского строя. *«Правда»* отвечает четко и ясно: «Оркестрованная на западе с небывалым размахом кампания в защиту двух диверсантов от литературы дезориентировала кое-кого из честных людей. Видимо, не располагая должной информацией и восприняв писания буржуазной прессы, которая, утратив всякий стыд, ставит Синявского и Даниэля в ряд с Гоголем и Достоевским и уверяет, будто на суде шла речь о проблемах литературы и свободе творчества, некоторые прогрессивные деятели встревожились».

Суд над Синявским и Даниэлем был расценен советской интеллигенцией как угроза возвращения к «сталинским временам». Протесты против процесса носят подчеркнуто антиоппозиционный характер: «подписанты» не считают себя оппозицией, ни в коем случае не хотят быть оппозицией. Около 100 человек демонстрируют 5 декабря 1965 года в день Сталинской Конституции на Пушкинской площади, требуя соблюдения конституции. Во всех коллективных протестах подчеркивается их легальность.

Требования соблюдения советского закона рассматриваются руководителями советского государства как явная оппозиция, угрожающая существованию системы. Требование поставить закон между гражданином и государством, сделать закон обязательным и для граждан, и для государства рассматривается как преступление, наказуемое лагерем. Возникает круг: процессы вызывают протесты, протесты влекут за собой аресты и новые процессы. Александр Гинзбург, основатель в 1960 году одного из самых первых «самиздатовских» журналов *«Синтаксис»*, арестованный и осужденный за него в 1962 году, собирает документальный сборник *«Белая книга»* по делу Синявского и Даниэля. В январе 1967 года его арестовывают и осуждают на 5 лет лагерей. Материалы процесса Гинзбурга и его друга Юрия Галанскова, основателя «самиздатовского» журнала *«Феникс»* (1966), осужденного на 7 лет лагерей, собираются в книгу *«Процесс четырех»* Павлом Литвиновым, осужденным в 1968 году на 5 лет ссылки.

Складывающееся после свержения Хрущева общественное движение называет себя Демократическим. Его участник и первый исследователь Андрей Амальрик отмечает, что Демократическое движение включало в себя представителей трех основных идеологий, кристаллизовавшихся в послесталинскую эпоху, как альтернативные программы: «подлинного марксизма-ленинизма», «либерализма» и «христианской идеологии». Первая из альтернативных программ исходила из того, что Сталин исказил марксистско-ленинскую идеологию, а возвращение к ней позволит оздоровить общество; вторая — полагала возможным постепенный переход к демократии западного типа с сохранением принципа общественной и государственной собственности; третья — предлагала в качестве основы общественной жизни христианские нравственные ценности и, следуя традициям славянофилов, подчеркивала особый характер России. В начале 70-х годов, одновременно с обособлением трех оппозиционных течений, произойдет их персонификация. Каждая из программ станет отождествляться с личностью, наиболее ярко

ее выражающей: Андрей Сахаров будет восприниматься, как воплощение либерально-демократической оппозиции; Александр Солженицын превратится в символ «христианской идеологии», Рой и Жорес Медведевы становятся наиболее известными глашатаями «подлинного марксизма-ленинизма».

А. Амальрик констатировал в 1969 году, что «число участников Движения в общем столь же неопределенно, как и его цели. Оно насчитывает несколько десятков активных участников и несколько сот сочувствующих Движению и готовых его поддержать». Не имея возможности назвать число участников Демократического движения,[52] Амальрик делает опыт анализа его социального состава. В числе 738 человек, подписавших коллективные и индивидуальные письма протеста против суда над Галансковым и Гинзбургом было 45% ученых, 22% деятелей искусства, 13% инженеров и техников, 9% издательских работников, учителей, врачей, юристов, 6% рабочих, 5% студентов.

Протесты против произвола, против процессов, нарушающих закон, в защиту прав человека воспитывают общественное сознание, пробуждают к жизни гражданские чувства, безжалостно истреблявшиеся долгие десятилетия. Протесты подрывают государственную монополию на тайну и предают гласности репрессивную деятельность государства. Важную роль играет в этом *«Хроника текущих событий»*, начавшая выходить в 1968 г. Строго придерживаясь рамок закона, «Хроника» предает гласности все его нарушения советскими органами. Влияние идеологии «подлинного марксизма-ленинизма» проявляется в распространении убеждения, что главная цель Демократического движения — не допустить возвращения сталинизма, реабилитации Сталина.

Отсутствие глубоких теоретических исследований советского общества, советской системы вело к тому, что замена тотального террора выборочным рассматривалась как прогресс, как завоевание, которое необходимо беречь и защищать. Страх перед возвращением сталинизма вел к тому, что существующий режим казался мягким, либеральным, слабым. А. Амальрик приходит к выводу в 1969 г., что «режим не нападает, а обороняется. Его девиз: не троньте нас, и мы вас не тронем». Но Амальрик ошибался. Оборона была лишь временной.

Во второй половине 50-х и в 60-е годы советская система впервые за долгие десятилетия столкнулась с феноменом оппозиции. Это еще не была подлинная оппозиция — только ее зародыш. Но сам факт появления советских граждан, задающих вопросы о характере функционирования режима, вызывал страх у власти. Лояльное требование соблюдения закона не только казалось, но и в действительности было покушением на основы советского государства, ибо разоблачало фикцию закона, обнажало подлинную реальность, скрывающуюся за иллюзорностью слова.

Репрессии не прекращаются после смерти Сталина. Они лишь приобретают иной характер и сокращаются в масштабе. «Либерал» Хрущев, распустивший сталинские лагеря, очень скоро начал их снова наполнять, добавив к гамме репрессивных мер психиатрические больницы, как место заключения для инакомыслящих. Иллюстрацией к хрущевской политике репрессий могут быть аресты молодых москвичей, выступавших с чтением стихов в центре города — на площади Маяковского. Аресты — в числе арестованных были Ю. Галансков, В. Буковский, Э. Кузнецов — были произведены в октябре 1961 года, за три дня до XXII съезда партии, на котором впервые открыто говорилось о сталинских преступлениях. XXII съезд решил вынести тело Сталина из Мавзолея, но дух его жил в арестах, проводившихся в то же самое время.

Чудовищность сталинских преступлений превосходила воображение и породила убеждение, что террор, жертвами которого падают миллионы, неотъемлемая часть сталинизма. В годы правления Хрущева было доказано, что, не меняя ничего в основах сталинского социалистического государства, можно обойтись без массового тотального террора. Хрущев продемонстрировал возможность делимости террора. Инерция сталинского террора неумолимо захватывала все население — щадился, оставался неприкосновенным только Великий Кормчий. Хрущев остановил террор на пороге ЦК. А. Авторханов пишет: «Уже во время ликвидации «антипартийной группы» Молотова, Маленкова, Кагановича Хрущев допустил роковую при данной системе ошибку, которая предрешила, в конечном счете, его собственную гибель: он оставил на свободе участников этого первого заговора против себя. Если бы он уничтожил участников июньского заговора 1957 года, то октябрьский заговор 1964 года вообще не состоялся бы. Октябрьские заговорщики точно знали, что в случае неуспеха их ждет не пуля, а пенсия».

Террор не ограничивался — он делился. Менялся его характер, неизменной оставалась сущность. Как неизменной оставалась сущность государства. Делимость террора свидетельствовала о стабильности режима, о том, что тотальный террор эпохи Ленина и Сталина сделал свое дело: позволил уничтожить оппозицию, изменить социальный состав общества, создать государство, основанное на страхе. Тотальный террор после смерти Сталина оказался ненужным, опасным для «номенклатуры». Террор эпохи Хрущева, а затем эпохи Брежнева казался мягким, незначительным, либеральным только по сравнению со сталинскими репрессиями. 7 и 5 лет за публикацию литературных произведений за границей для Синявского и Даниэля — наказание, которое вызвало бы возмущение, если бы касалось писателей любой капиталистической страны, казалось проявлением доброты по сравнению со сталинским временем. Лауреат Нобелевской премии Михаил Шолохов с тоской вспоминал на XXIII съезде партии времена, когда «судили, не опираясь на разграниченные статьи уголовного кодекса», а «руководствуясь революционным правосознанием», и когда непременно бы расстреляли «оборотней». Любое наказание казалось мягче расстрела. В результате эпоха Брежнева представлялась несравнимо «мягче» эпохи Сталина. И это было верно, до тех пор, пока сталинский террор продолжал считаться нормой. Он продолжал считаться нормой руководителями страны, полагавшими, что они проявляют мягкость, не расстреливая инакомыслящих. Он продолжал считаться нормой участниками Демократического движения, ждавшими в тревоге реабилитации Сталина и автоматического появления затем нового Сталина.

Владимир Буковский, один из участников и наиболее ярких представителей Демократического движения, делит рождавшуюся оппозицию на «подпольную» и «открытую», видя в этих двух формах выражение двух психологии, «двух способов жить: потаенного, подпольного, раздвоенного — и открытого, апеллирующего к закону, активно

потаенного, подпольного, раздвоенного — и открытого, апеллирующего к закону, активно отстаивающего гражданские права». Буковский вспоминает, что «все пятидесятые и шестидесятые годы, словно грибы, вырастали организации, союзы, группы и даже партии самых различных оттенков». Часть из них, преимущественно в Ленинграде, конспирировалась, пыталась действовать в подполье.

Подпольные «организации», многие из них насчитывали по несколько членов, пытались, как метко подмечает В. Буковский, «повторить историю КПСС». История «подпольного движения» этого времени прекрасный образец воздействия мифа, созданного коммунистической партией СССР, даже на тех, кто в него перестал верить. «Подпольщики» старались создать организацию, которая, распространяя литературу, собирала бы единомышленников, чтобы затем перейти к осуществлению программы. Миф о том, что именно таким образом совершила революцию партия большевиков, убедил даже самих большевиков. Подпольные организации преследовались особенно жестоко. Причем независимо от программы: была ли это организация подпольных марксистов «Колокол» (процесс в 1965 году) или подпольных социал-христиан (процессы 1967—68 годов). Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа (ВСХСОН), созданный в феврале 1964 года четырьмя выпускниками Ленинградского университета, просуществовал 3 года. ВСХСОН, насчитывавший 28 членов и 30 кандидатов, готовившихся вступить в Союз, был крупнейшей из раскрытых подпольных организаций. Идеология ВСХСОН питалась прежде всего «русской идеей» Н. Бердяева. Программа отвергала существующий в СССР строй, видя в нем «разновидность государственного монополистического капитализма» с экономической точки зрения, и «крайний тоталитаризм, вырождающийся в деспотию» с политической. Отвергая коммунистическую систему и критикуя пороки капитализма, программа ВСХСОН предлагала государство «теократическое, социальное, представительное и народное».

Члены Союза рассматривали программу, сочетавшую идеи персонализма, корпоративизма и социал-христианства, как перспективную цель. Своей практической задачей Союз ставил рост численности организации и самообразование. Но включение в программу пункта, гласившего: «Освобождение народов от коммунистического ига может быть достигнуто только вооруженной борьбой. Для полной победы народу необходима своя подпольная армия освобождения, которая свергнет диктатуру и разгромит охранные отряды олигархии», дало возможность КГБ представить ВСХСОН террористической организацией.

История Социал-Христианского Союза характерна для «подпольного» типа мышления, вдохновленного большевистской мифологией. ВСХСОН строился как настоящая партия, с «главой организации», «начальником идеологического отдела», «хранителем материалов». Руководитель Союза Игорь Огурцов был осужден на 15 лет заключения, в том числе на 7 лет в печально знаменитой Владимирской тюрьме. Власти, перепуганные подпольной организацией, нераскрытой в течение 3 лет, безжалостно расправились с «террористами», хранившими один заржавленный пистолет.

Подпольный характер Союза, закрытый суд над его членами были причиной того, что его деятельность, его программа оставались долгие годы почти неизвестными.

Значительным событием общественной жизни страны стало письмо А. Солженицына, адресованное IV съезду Союза писателей в мае 1967 года. Ни один из 300 делегатов съезда, получивших письмо, не прочитал его с трибуны. Но 80 писателей (затем к ним присоединилось еще 9) потребовали обсуждения вопросов, затронутых Солженицыным. Автор *«Одного дня Ивана Денисовича»* выступил против цензуры: «Не предусмотренная конституцией и потому незаконная, нигде публично не называемая, цензура под затуманенным именем „Главлита" тяготеет над нашей художественной литературой и осуществляет произвол литературно-неграмотных людей над писателями. Пережиток средневековья, цензура доволакивает свои мафусаиловы сроки едва ли не в XXI век!»

Осторожно, в завуалированной форме А. Солженицын высказывает мысль о том, что цензура представляет собой основу советской системы, живущей на лжи, запрещающей правду. Три года спустя в Нобелевской лекции 1970 года по литературе он выразит эту мысль в лапидарной форме: «Одно слово правды весь мир перетянет».

Весна в Праге

Непрочитанное на съезде писателей в Москве, письмо Солженицына было прочитано на съезде писателей в Праге и получило поддержку подавляющего большинства чешских и словацких писателей.

«Пражская весна», как принято называть события в Чехословакии 1967—68 годов, многими чертами (несмотря на многие различия) сходна с событиями 1956 г. в Венгрии. Подобный процесс проходил и в Польше — в 1956 г. и в 1968 г.[53] Всюду нараставшее недовольство населения находило выражение прежде всего в кругах интеллигенции: писатели излагали чувства и требования народа; программы реформ находили сторонников не только среди рядовых членов коммунистических партий, но и в руководстве. Появились руководители, обещавшие устранить недостатки коммунизма, сохранив систему, обещавшие «социализм с человеческим лицом».

Смерть Сталина и XX съезд дали толчок к «польскому Октябрю» и революции в Венгрии. Свержение Хрущева и нарастание оппозиционных настроений в Советском Союзе дали импульс «пражской весне» и событиям 1968 г. в Польше.

Рождение оппозиционного движения в СССР в 1964—68 гг., появление зародыша общественного мнения сопровождалось усилением национальных чувств в советских республиках. Политика советского руководства носит присущий ему в это время двусмысленный характер: в 1967 г. завершается многолетняя борьба малых народов, депортированных во время войны на восток, за официальную реабилитацию. Изданы соответствующие указы. Как будто все в порядке, но одновременно крымским татарам не разрешают вернуться на родину — в Крым, месхам (грузинам-мусульманам) не разрешают вернуться в Грузию, немцам Поволжья — в Поволжье.

В середине 60-х годов усиливаются национальные движения на Украине, в Литве

В середине 60-х годов усиливаются национальные движения на Украине, в Литве, Закавказье.

В 1965 году волна арестов прокатилась по Украине. Удар был нанесен по интеллигенции, преимущественно молодежи. Литературный критик Иван Дзюба направил первому секретарю ЦК Украины П. Шелесту и председателю Совета министров В. Щербицкому длинный меморандум «Интернационализм или русификация», в котором объяснял причины беспокойства украинской интеллигенции. И. Дзюба протестовал против «русификации», в которой видел угрозу существованию украинского народа, обвиняя украинское правительство в нарушении «ленинских принципов национальной политики и национального строительства». В 1966 году известный украинский журналист Вячеслав Чорновил, вызванный в качестве свидетеля по Делу Михаилы Осадчего, арестованного за книгу *«Бельмо»*, описывавшую жизнь в лагере, заявил протест против нарушений советского закона. Затем он обратился к прокурору республики с жалобой на преследования, которым подвергалась украинская интеллигенция. И был арестован. За резкий протест против «русификации» был арестован в 1965 году учитель истории Валентин Мороз.

Судьба этих зачинателей украинского национального движения в середине 60-х годов отражает судьбу движения: после первого ареста их снова сажали в лагерь. В 1980 году В. Чорновил и М. Осадчий отбывали срок. В. Мороз после 13 лет заключения был в 1979 году обменен — вместе с А. Гинзбургом, М. Дымшицем, Э. Кузнецовым и пастором Винсом — на двух советских шпионов, арестованных в США. И. Дзюба, осужденный в 1973 году на пять лет лагеря, раскаялся. Сначала в статье в газете *«Літературна Украіна»*, а затем в книге *«Грани кристалла»* он отказался от своих прежних взглядов, горько сожалея, что они были «подхвачены враждебной, буржуазно-националистической пропагандой за границей».

Оппозиционное движение в Литве неразрывно связано в 60-е годы с преследованиями, которым подвергается католическая церковь. Даже по официальным данным не менее 50% жителей республики — практикующие католики. Во второй половине 60-х годов Верховный Совет Литвы принял специальные указы, имевшие целью окончательно закрыть молодежи путь в церковь. С 1968 года десятки петиций, протестующих против религиозных преследований, адресуются правительственным органам. Суд над двумя священниками, обвиненными в обучении детей катехизису, вызывает демонстрацию протеста.

Вслед за *«Хроникой текущих событий»* появляется в 1970 году *«Украінски висник»*, а в 1972 — *«Хроника католической церкви Литвы»*: рождается самиздатовская печать, ставящая перед собой одну цель — регистрацию репрессий. Тем самым подрывается один из устоев советской системы — тайна террора, дававшая власти полную безнаказанность. Одновременно гласность является необходимым условием существования общественного мнения.

Политический кризис в Чехословакии, вызванный целым рядом экономических, социальных и национальных причин, разрешается заменой на посту первого секретаря ЦК Антонина Новотного Александром Дубчеком. 46-летний словак, выпускник московской Высшей партийной школы, сын коммуниста, приехавшего до войны в СССР строить социализм, — Александр Дубчек, Саша, как называли его советские руководители, казался верной гарантией стабильности в Чехословакии.

Деятельность Дубчека и его сторонников с января по август 1968 года была очередной — после Польши, Венгрии, Советского Союза хрущевского периода — попыткой улучшить систему, реформируя ее, не меняя основы. Как и во всех других случаях, осуществление реформ начиналось после персональных изменений в партийном руководстве. Инерция борьбы за власть, сочетавшаяся с очевидностью кризисных явлений и возможностью возложить вину за все неудачи на предшественника, неизменно вела к тому, что проводимые реформы начинали угрожать основам строя. Никита Хрущев великолепно выразил чувство руководителя коммунистической партии, вынужденного согласиться на некоторые реформы: «...шли на оттепель в руководстве, и шли сознательно, и сознательно побаивались этой оттепели, потому что как бы из этой оттепели не наступило половодье, которое бы захлестнуло и с которым трудно бы было справиться... Боялись тогда, что народ, что руководство не сможет справиться со своими функциями и направлять это по советскому руслу...» Как обычно, Хрущев завершает свою мысль поговоркой: «И хочется, и колется, и мама не велит».

В каждой из социалистических стран, переживавших кризис, граница системы достигалась в разных пунктах. Образование рабочих советов и требование вывода советских войск из Будапешта стали поводом для интервенции. Хрущев обрек себя, разделив партию. В Чехословакии граница допустимых реформ была достигнута после отмены цензуры. На совещании руководителей социалистических партий, созванном в Варшаве 14 июля 1968 года, В. Гомулка, настаивая на прекращении «чехословацкого эксперимента», аргументировал: «Отмена цензуры означает, что партийное руководство отказалось оказывать малейшее влияние на жизнь страны». Для Гомулки, поддержанного всеми собравшимися, отмена цензуры была равносильна отказу от власти. Советская печать объявила отмену цензуры контрреволюцией, которая «состояла в том, чтобы, захватив средства массовой информации, деморализовать население страны, отравить сознание трудящихся ядом антисоциалистических идей».

Переводчик Гомулки, присутствовавший на совещании в Варшаве, рассказал в своих воспоминаниях о чувстве страха перед «ядом антисоциалистических идей», которое звучало в речах всех руководителей коммунистических стран. «Мы имеем дело с контрреволюцией, в которой противник не стреляет, — объяснил Гомулка собравшимся. — Если бы он стрелял, все было бы для нас гораздо проще, ибо тогда мы могли бы реагировать иначе».

Александр Дубчек и его сторонники пытались изо всех сил убедить руководителей «братских стран» в своей способности провести реформы, которые позволили бы ликвидировать кризис, не подрывая основ социализма. Целый ряд встреч между чехословацкими реформаторами и руководителями «братских стран» не дали результатов. А между тем один из вдохновителей «Пражской весны», горячий сторонник «социализма с человеческим лицом» Йозеф Смрковский, в 1968 году член Политбюро и председатель

человеческим лицом» Йозеф Смрковский, в 1968 году член Политбюро и председатель парламента, написал в 1973 году письмо Л. Брежневу, в котором подтверждал, что его «социалистические взгляды не изменились, что он с удовольствием следит за советской политикой разрядки». Через 5 лет после интервенции войск Варшавского пакта И. Смрковский верил, что Л. Брежнев положительно отнесется к его совету «начать переговоры между представителями СССР, политиками 1968 года и сегодняшними политическими руководителями» для того, чтобы сделать Чехословакию «надежным союзником СССР». Умерший в феврале 1974 года И. Смрковский продолжал до конца жизни верить, что «в ближайшие несколько месяцев можно ожидать каких-то конкретных шагов...»

Иллюзию относительно советских намерений, иллюзию относительно борьбы «голубей» и «ястребов» в Политбюро КПСС И. Смрковский сохранил до своей смерти. На этой иллюзии строят свою политику Дубчек и его сторонники летом 1968 года. Как свидетельствуют, ставшие известными, материалы переговоров советских и чехословацких руководителей, материалы совещаний «братских» стран, решение о вмешательстве было принято после публикации в июне обращения к народу, вошедшего в историю как «2 тысячи слов». Манифест, под которым поставили свою подпись десятки тысяч чехословаков, констатировал, что «аппарат власти вышел из-под контроля народа», что компартия Чехословакии «превратилась из политической партии и идейного союза в орган власти и стала притягательной силой для властолюбивых эгоистов, для трусов и людей с грязной совестью».

После публикации манифеста вопрос о вторжении стал проблемой тактической. Среди руководителей социалистических стран были сторонники немедленной интервенции — В. Гомулка, В. Ульбрихт, Т. Живков, были сторонники выжидательной тактики — Я. Кадар. С принципом интервенции были согласны все. И в Политбюро КПСС, как можно судить, дискутировались только сроки. Сосед Чехословакии, первый секретарь компартии Украины П. Шелест настаивал на скорейшей ликвидации «Пражской весны», заражавшей «ядом антисоциалистических идей» украинцев. Брежнев, только еще укреплявший свою власть, готов был выжидать.

Советские руководители, наученные опытом Венгрии, решают осуществить интервенцию в Чехословакии силами всех социалистических государств. И. Тито и Н. Чаушеску заявляют о своей поддержке политики А. Дубчека. Румыния отказывается включить свои войска в экспедиционный корпус.

В ночь с 20 на 21 августа 1968 года советские военные самолеты высаживают парашютистов на аэродроме в Праге. Воинские соединения СССР, ГДР, Польши, Венгрии и Болгарии вступают на территорию Чехословакии (часть этих войск уже находилась там для «маневров»). Арестованных членов Политбюро чехословацкой компартии доставляют в кандалах в Москву. Руководители Чехословакии не выдерживают нажима Политбюро КПСС и подписывают (только Ф. Кригель отказался это сделать) оглашение с СССР о пребывании советских войск на территории Чехословакии. Они обязываются также вновь ввести цензуру и отменить все те реформы, которые придавали «человеческое лицо» социализму.

Ровно за 30 лет до того, в 1938 году в Мюнхене, президент Чехословакии Гаха, плача, подписал навязанное ему Гитлером соглашение, обрекавшее страну на поглощение Третьим рейхом. В 1938 году нацист Гитлер сломал волю демократа Гахи. В 1968 году советские коммунисты ломали чехословацких коммунистов, попытавшихся реформировать систему социализма, нарушивших таким образом обязательную для всех коммунистов дисциплину. «Все, что мы хотим сделать, — заявил чехословацкий лидер, — это создать социализм, не теряющий своего человеческого характера».

Наивный Дубчек! Ведь это и есть самая настоящая крамола, прямое обвинение, брошенное в лицо реальному советскому социализму. Новые руководители Чехословакии приступили к «нормализации» страны: суровыми репрессиями были подавлены все проявления недовольства.

Вторжение в Чехословакию не было случайным актом, который «коршуны» навязали «голубям» в Политбюро КПСС. Это было выражением принципов «пролетарского интернационализма» и советской внешней политики, на которых Ленин начал строить советское государство. Вторжение в Польшу в 1920 году, установление советской власти в Закавказье в 1920—21 годах, организованные Лениным, были первыми проявлениями этих принципов. Эти принципы не соблюдались лишь в тех случаях, когда советское государство было слишком слабо для их реализации.

Ленинские принципы были повторены после вторжения в Чехословакию в статье, опубликованной в *«Правде»*. Автор статьи изложил теоретическое обоснование вторжения в Чехословакию явно и недвусмысленно: «...Каждая коммунистическая партия ответственна не только перед своим народом, но и перед всеми социалистическими странами, перед всем коммунистическим движением... Социалистическое государство, находящиеся в системе других государств, составляющих социалистическое содружество, не может быть свободным от общих интересов этого содружества».

Переходя от общих положений к конкретному случаю Чехословакии, *«Правда»* констатировала: «Коммунисты братских стран, естественно, не могли допустить, чтобы во имя абстрактно понимаемого суверенитета социалистические государства оставались в бездействии, видя, как страна подвергается антисоциалистическому перерождению».

«Правда» заключала: «Те, кто говорит о „незаконности" действий союзных социалистических стран в Чехословакии, забывают, что в классовом обществе нет и не может быть неклассового права. Законы и нормы права подчинены законам классовой борьбы, законам общественного развития... Нельзя за формально-юридическими рассуждениями терять классовый подход к делу».

Поскольку в социалистических странах классов нет, рассуждение о «классовом праве», о «классовой морали», о «формальном» праве и «абстрактном» суверенитете могли относиться только к классовой борьбе, понимаемой в масштабе земного шара. «Классовая борьба» — борьба между миром социализма и миром капитализма. Накануне вторжения в

Чехословакию братских армий *«Правда»* торжественно заявила: «Для марксистов-ленинцев не могут быть и никогда не будут безразличными судьба социалистического строительства в других странах, общее дело коммунизма и социализма на земле». Статья называлась «Фронт непримиримой борьбы».

Западные журналисты назвали изложенные в *«Правде»* принципы — доктриной Брежнева. Это было очередным свидетельством незнания советской истории. 2 сентября 1920 года командующий частями Красной армии, распространявшими советскую власть в Средней Азии, телеграфировал Ленину после штурма Бухары: «Пал последний оплот бухарского мракобесия и черносотенства. Над Регистаном победоносно развевается Красное Знамя мировой революции». В 1968 году командующий союзными войсками, оккупировавшими Чехословакию, мог телеграфировать наследнику Ленина о том, что «Красное Знамя мировой революции» продвинулось далеко на Запад.

Подавление советскими войсками революции в Венгрии было потрясением для многих советских юношей. В. Буковский пишет о трагедии своего поколения: «После того, как краснозвездные танки — мечта и гордость нашего детства — давили на улицах Будапешта наших сверстников, кровавый туман застилал нам глаза. После того, как весь мир предал нас, мы никому не верили. Наши родители оказались доносчиками и провокаторами, наши полководцы — палачами, даже наши детские игры и фантазии были пронизаны обманом». 12 лет спустя значительная часть населения воспринимает вторжение в Чехословакию, как необходимый и справедливый акт. Советская пропаганда использует в качестве основного аргумента, объясняющего необходимость вторжения, угрозу Чехословакии, а следовательно, и всем социалистическим странам, со стороны ФРГ. Советской пропагандистской машине удается осуществить образцовый дезинформационный маневр. Правительство «Большой коалиции», в котором социал-демократ Вилли Брандт занимал пост вице-канцлера и министра иностранных дел, пришедшее незадолго до событий в Чехословакии к власти в ФРГ, изображается как прямой наследник Гитлера. Горькие воспоминания о минувшей войне используются для оправдания советской политики. Используется также чувство, старательно воспитываемое у советских людей, что мир должен быть благодарен Советскому Союзу за жертвы, которые он понес в ходе строительства социализма, во время войны с гитлеровской Германией, за помощь, которую он оказывал, оказывает и будет оказывать. Советские средства массовой информации не перестают твердить о «неблагодарности» чехов и словаков, забывших, кто их освободил в 1945 году. И этот аргумент воспринимается многими советскими гражданами.

Полностью задавить родившееся общественное мнение уже нельзя. Раздаются голоса протеста: на митингах и собраниях, организованных для одобрения вторжения в Чехословакию, в письмах в редакции газет. 25 августа 1968 года студентка Татьяна Баева, филологи Лариса Богораз и Константин Бабицкий, поэт Владимир Делоне, рабочий Владимир Дремлюга, физик Павел Литвинов, поэт Наталья Горбаневская, искусствовед Виктор Файнберг выходят на Красную площадь. На руках у Горбаневской трехмесячный ребенок. Демонстранты разворачивают плакаты с надписями: «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия!», «Позор оккупантам!», «Руки прочь от ЧССР!», «За вашу и нашу свободу». Немедленно арестованные агентами КГБ, демонстранты предаются суду и подвергаются суровому наказанию. 95 деятелей советской культуры обращаются в Верховный Совет СССР с письмом протеста.

Летом 1968 года, в дни, когда готовилась ликвидация «Пражской весны», раздался голос Андрея Сахарова. В Самиздате появились «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Программа, предложенная Сахаровым, была основана на идее конвергенции: сближения социализма и капитализма, теряющих в процессе свои отрицательные стороны. Сахаров очень быстро убедился, что социалистическая система отвергает идею «конвергенции», как смертельную опасность для себя. Главным направлением его деятельности становится борьба за защиту прав человека. В 1970 году академик Сахаров и физики А. Твердохлебов и В. Чалидзе организуют Комитет защиты гражданских прав. Несмотря на открытый характер Комитета и соблюдение им советского законодательства, он подвергается жестоким преследованиям. Но голос Сахарова не удается заглушить.

А. Солженицын объяснил значение «феномена Сахарова»: «Когда Ленин задумал и основал, а Сталин развил и укрепил гениальную схему тоталитарного государства, все было ими предусмотрено и осуществлено, чтобы эта система могла стоять вечно, меняясь только мановением своих вождей, чтоб не мог раздаться свободный голос и не могло родиться противоречие. Предусмотрено все, кроме одного — чуда, иррационального явления, причин которого нельзя предвидеть, предсказать и перерезать. Таким чудом и было в советском государстве появление Андрея Дмитриевича Сахарова — в сонмище подкупной, продажной, беспринципной технической интеллигенции, да еще в одном из главных, тайных, засыпанных благами гнезд — близ водородной бомбы».

Подобным чудом было и появление Александра Исаевича Солженицына.

После пятидесяти лет существования тоталитарного советского государства, все усилия которого были направлены на создание Нового Человека, Хомо Советикус, появление А. Сахарова, Солженицына, демонстрантов, протестовавших на Красной площади против оккупации Чехословакии, «подписантов», требовавших освобождения Синявского и Даниэля, рождение «Самиздата», создание полулегальных и нелегальных групп и организаций — свидетельствовало о поразительной силе человеческого духа.

За очень редкими исключениями «диссиденты», как станут называть всех тех, кто ставит под сомнение божественную мудрость государства, не были организованной оппозицией с программой и планом действия. «Диссиденты» требовали от государства соблюдения государственных законов и соблюдения прав граждан — в том числе национальных и религиозных. Их было очень немного: это свидетельствовало о том, что сбросить страх, которым дышали советские граждане полвека, — необычайно трудно. Появление «диссидентов» свидетельствовало о том, что это возможно, что государство не всемогуще.

К диссидентам советские граждане относятся по-разному. Одни с ненавистью, другие с опаской, третьи с симпатией. Есть слой образованных людей либерального образа мыслей

— у них преобладает чувство неловкости. Оно вызвано раздвоенностью их натуры: с одной стороны, советская действительность угнетает, вызывает раздражение, с другой стороны, материальные условия их жизни совсем неплохие по советским меркам — квартира, устойчивая заработная плата, а у кого есть и автомобили, и дачки. Их немного тревожит будущее, главным образом будущее их детей. Они во многом несогласны с властью, но предпочитают «не связываться». Знают, что могут быть неприятности. Кроме того, их несогласие с властью не принципиальное. Либералы готовы негласно помочь диссидентам деньгами, одеждой для семей заключенных, берут тайком читать самиздатовскую литературу, слушают заграничное радио на русском языке, поругивают радиостанцию «Свобода» и одобряют «Би-Би-Си»: умеренность им больше по душе. Для оправдания своей позиции, большей частью совпадающей с позицией власти (как правило, либералы всегда голосуют «за»), в своих собственных глазах, а особенно чтобы не терять уважение в глазах подрастающих потомков, они придумывают «теорию» — Галилей и Джордано Бруно. Первый отрекся под пытками инквизиции от своих взглядов и сохранил жизнь, второй открыто отстаивал свои взгляды, но потерял жизнь. Галилей воскликнул перед смертью: «А все-таки она вертится!», показав тем самым, что он, публично отрекшись от своих взглядов, лишь подчинился насилию. Либералы предпочитают Галилея, делая вид, что этот выбор они делают также... под пыткой, хотя их еще не пытали, но ведь могут же быть неприятности! И это свое слабодушие они стараются внушить своим детям, превращая их в циников, конформистов и прагматиков.

«Разрядка» и «детант»

Вторжение войск Варшавского договора в Чехословакию было встречено Западом, как нормальная мера по наведению порядка в принадлежащей СССР зоне. Президент США Джонсон 10 сентября 1968 года, через три недели после оккупации Чехословакии, заявил: «Мы надеемся, что эта неудача не будет иметь длительных последствий, и мы об этом постараемся». Премьер-министр Франции Мишель Дебре дословно назвал вторжение «неприятным дорожным инцидентом». Министр иностранных дел ФРГ Брандт, встретившись через несколько недель после «инцидента» в Нью-Йорке с министром иностранных дел СССР А. Громыко, заверил его, что начатые переговоры о заключении договора об отказе от применения силы будут продолжены. «Что мы могли сделать? — вздыхает в своих воспоминаниях посол ФРГ в Москве Гельмут Аллард. — В США Ричард Никсон поторопился еще быстрее, чем Жорж Помпиду, забыть об этом эпизоде». Генри Киссинджер, готовивший программу внешней политики США для Никсона, избранного в ноябре 1968 года новым президентом, приводит в своих мемуарах множество объяснений причин поспешности, с какой Запад, забыв о Чехословакии, вернулся к политике «разрядки международной напряженности», получившей в западных странах французское наименование «детант».

Посол ФРГ в Москве ссылался на то, что это Никсон поторопился вернуться к «детанту». Киссинджер говорит о том, что эта западноевропейские страны давили на США, настаивая на соглашении с СССР. В числе других причин Киссинджер называет: надежду на то, что Советский Союз поможет США найти во Вьетнаме выход из войны; нажим деловых кругов, не перестававших надеяться на волшебный «советский рынок»; давление специалистов по Советскому Союзу — бывших послов в СССР А. Гарримана, Д. Кеннана, Л. Томпсона, Ч. Болена, настаивавших на «скорейшем принятии советских предложений, ибо соотношение сил в Кремле может измениться и ястребы начнут более жесткую политику».

Непонимание Западом советской политики красноречиво выразилось в разном наименовании этой политики. В переводе на русский язык «детант» означает «расслабление». *«Краткий политический словарь»* — энциклопедия партийного агитатора — определяет «разрядку» как результат «неуклонного укрепления позиции стран социализма», как поражение «сил империализма».

«Разрядка международной напряженности» была иным названием политики, основы которой наметил Ленин. Он любил повторять — как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот. Сослагательное наклонение выражало надежду, но и констатировало невозможность в тот момент «схватить капитализм за шиворот». До тех пор пока это невозможно, необходимо — учил Ленин — идти на временные соглашения: «договор есть средство собирания сил». На заре советской власти чрезвычайный VII съезд партии принял решение, оставшееся законом советской внешней политики: «Съезд особо подчеркивает, что ЦК дает полномочие во всякий момент разорвать все мирные договоры с империалистическими и буржуазными государствами, а равно объявить им войну».

Наступивший после смерти Сталина период растерянности, усугубленный раскрытием в ходе борьбы за власть глубокого экономического кризиса, в котором оказалась страна, вынудили новое руководство отказаться от политики «холодной войны». Резолюция XX съезда партии (1956) провозгласила: «Генеральной линией внешней политики Советского Союза был и остается ленинский принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем». После падения Хрущева внешняя политика Советского Союза меняет название своей генеральной линии, но сохраняет ее содержание. На XXIII съезде (1966), на первой послехрущевской ассамблее, Брежнев заявляет: «Советский Союз рассматривает сосуществование государств как форму классовой борьбы между социализмом и капитализмом». На XXIV съезде (1971), в медовые месяцы «детанта», приветствуя победы всемирного коммунистического движения, Брежнев говорит о «неутихающей идеологической борьбе», подчеркивая: «Полное торжество дела социализма во всем мире неизбежно. И за это торжество мы будем бороться, не жалея сил». «Краткий политический словарь», языком, доступным каждому члену партии, объясняет: «В условиях разрядки международной напряженности идеологическая борьба между капитализмом и социализмом не только не затихает, а наоборот, усложняется, приобретает все более многообразные формы. Разрядка напряженности создает благоприятную обстановку для широкого распространения в мире коммунистической идеологии, идейных ценностей социализма, способствует развертыванию наступательной идеологической борьбы в условиях мирного сосуществования государств с различным социальным строем».

«Мирное сосуществование» или «разрядка международной напряженности» это, по любимому выражению Ленина, продолжение войны другими средствами (Ленин любил приводить это изречение Клаузевица). Запад понимал «генеральную линию» советской внешней политики, как «детант», то есть возможность достижения «прочного мира путем урегулирования политических разногласий...» В советском политическом словаре понятие «прочный мир» существует только в том контексте, в каком использовал его Сталин, назвав орган международного коммунистического движения: «За прочный мир, за народную демократию». «Прочный мир» — ступень к народной демократии.

Стремление Запада к «детанту» объяснялось, прежде всего, небывалым экономическим расцветом: «общество потребления» жило стремлением потреблять все больше и больше и страхом потерять благосостояние. Никогда в истории человечества такой высокий жизненный уровень не был уделом таких широких слоев населения. Уступки, необходимые для соглашения с Советским Союзом, казались минимальной платой за «детант», за «прочный мир». Другой причиной стремления Запада к «детанту» было резкое ослабление позиции США в мире, вызванное катастрофической войной во Вьетнаме. Первая в истории война перед телевизионной камерой была одновременно классическим примером попытки выиграть идеологическую войну военными средствами.

Советская политика «разрядки международной напряженности» была прежде всего вызвана необходимостью «передышки». В конце 60-х — начале 70-х годов Советский Союз переживает очередной кризис. Кризис был политическим. «68-й год, — вспоминает В. Буковский, — был кульминацией. Казалось, еще немного — и власти отступят, откажутся от саморазрушительного упрямства... Целые народы грозили прийти в движение, и это ставило под угрозу уже само существование последней колониальной империи». Кризис был экономическим. В конце 60-х годов экономическое развитие страны резко снизилось даже по официальным статистическим данным. Стало очевидным, что экстенсивный период развития, характеризовавшийся обильными резервами рабочей силы, закончился.

Экономическая реформа, торжественно провозглашенная после свержения Хрущева, осталась на бумаге. Оказалось невозможным видоизменить советскую экономическую систему для эффективной замены рабочей силы капиталом и широкого внедрения новой техники и технологии. Экономическая реформа требовала от советских граждан — рабочих, инженеров, технических руководителей — самостоятельности, инициативы, смелых решений. Одновременно подчеркивалось, что все эти качества можно проявлять только по указанию центральных органов и под контролем партии.

Выступая на очередном пленуме ЦК КПСС с очередной критикой недостатков советской экономики, Л. Брежнев спрашивал: «Товарищи! Возникает вопрос, чем объяснить невозможность для нас избавиться от таких узких мест, которые не позволяют нам идти вперед еще быстрее?» Единственный реальный способ исправления всех недочетов, которые мешали «идти вперед еще быстрее», был найден еще Сталиным: «Самым плодотворным временем Сталина были ночи. Недоверчивый мозг его медленно раскрывался с утра. Хмурым утренним мозгом он смещал с должностей, срезал расходы, сливал министерства по два и по три вместе. Гибким же, исхищренным мозгом ночи он придумывал, как министерства дробить, делить, как называть новые...» В правление Брежнева продолжается описанная Солженицыным сталинская игра в укрупнение и разукрупнение, объединение и разъединение, которые оставляют без изменения чудовищную бюрократическую машину советского государства.

Причиной кризиса советской экономики является, однако, не бюрократический аппарат, а идеологический контроль, осуществляемый партией. Партия все направляет и все контролирует: каждая самостоятельная инициатива рассматривается как угроза авторитету партии, как удар по идеологии.

Самой отсталой, хронически отсталой отраслью советской экономики является сельское хозяйство. Отказавшись от волшебных средств, которые Хрущев насильно вливал в горло советскому сельскому хозяйству — от кукурузы, дальнейшего расширения посевов в засушливых районах и тому подобного, администрация Брежнева обратилась к другим волшебным средствам, прежде всего к капиталовложениям и химии. После неурожая 1963 года, который был поставлен в вину Хрущеву, последовали неурожаи 1965, 1967, 1972 и самый серьезный — 1975 года. Для предотвращения неурожаев на сельское хозяйство был пролит золотой дождь: в 1973 году доля капиталовложений в сельское хозяйство составляла 26,5% по сравнению с 23% в конце 60-х годов, в 1975 году доля эта достигла 27%. Капиталовложения пошли в основном на строительство химических предприятий, и с 1970 года Советский Союз опередил США по потреблению удобрений.

Кризис советского сельского хозяйства не был преодолен. Положение в сельском хозяйстве отражало положение в экономике СССР, который в 60-е годы начинают повсеместно называть второй экономической державой мира. В начале 30-х годов Сталин осуществил насильственную коллективизацию, которая должна была доказать преимущество коллективного способа ведения хозяйства по сравнению с индивидуальным. Ценой коллективизации был геноцид крестьянства страны.

Одним из важнейших аргументов в пользу коллективизации была необходимость машинизировать сельское хозяйство, ибо, учил Сталин, машина производительнее ручного труда, а индивидуальный крестьянин не имеет ни возможностей приобрести машины, ни достаточно земли, чтобы использовать их. В 1973 году в Советском Союзе один 70-сильный трактор обрабатывал 114 га пахотной земли, один комбайн — 185 га. В США один трактор обрабатывал в это время 35 га, один комбайн — 58 га. В соответствии с планами понадобится — в случае выполнения планов — от 10 до 30 лет, пока советская промышленность не оснастит сельское хозяйство достаточным парком машин. Наиболее красноречивым показателем эффективности производства является производительность труда. В 1971—1973 годах с одного га в СССР собиралось в среднем 14,7 центнера зерна, то есть столько же, сколько собирали в Греции и Югославии в 1956—59 годах. В 1970 году один работник советского сельского хозяйства собирал 4,5 тонны зерна в год, один американец — 54,7 тонны; соответственно мяса — 320 и 4570 килограммов, молока — 2,8 и 11,8 тонны.

Один работник советского сельского хозяйства обрабатывает в среднем 5,4 га, то есть

Один работник советского сельского хозяйства обрабатывает в среднем 5,4 га, то есть столько же, сколько обрабатывал русский крестьянин в 1913 году, когда на семью приходилось в среднем по империи 15 га.

Советские руководители давно уже молчаливо признали, что колхозная система является нерентабельной. Слияние маломощных колхозов, начавшееся вскоре после войны, превратилось постепенно в ликвидацию колхозов и организацию вместо них совхозов. Об этом красноречиво свидетельствуют статистические данные. В 1965 году в распоряжении колхозов было 44,7% используемых для сельскохозяйственных нужд земель, в 1970 г. — 34,7%, в 1978 г —24,2%. В то же время доля совхозов выросла с 55,1% в 1956 г. до 65,6% в 1970 г., до 75,2% в 1978 г. На четверть сократилось количество рабочих рук в колхозах, зато в совхозах их стало на 39 процентов больше.

Это может означать ликвидацию колхозной системы в недалеком будущем. Но это означает еще большую централизацию управления сельским хозяйством со всеми вытекающими из этого неблагоприятными последствиями.

В конце 60-х годов разрыв между победными цифрами и реальностью стало трудно скрывать. «В последние тридцать лет СССР развивался быстрее, чем США», — констатировал английский экономист Алек Нов. По статистическим данным оказалось, что с 1928 по 1969 год СССР подготовил в 2,5 раза больше инженеров, чем США. Победные цифры оглушали западных ученых и государственных деятелей, но даже советская статистика должна была признать, что советская экономика в 1979 году производила не более 60% американской продукции.

Можно полагать, что Брежнев, задавая в 1979 году риторический вопрос о причинах невозможности «избавиться от узких мест», догадывался каков ответ, а может быть и знал. Первой причиной была и остается сама советская система. Она и есть самое узкое место. Другая причина — нежелание советских трудящихся «расшибаться» на работе, за которую их так плохо вознаграждают. Знаменитый анекдот: государство делает вид, что платит, рабочие делают вид, что работают — объясняет причину низкой производительности труда. Наконец, препятствует работе экономики система чудовищно гипертрофированного планирования и централизованного управления. Кардинально же реформировать эту систему партия категорически отказывалась.

История «социально-экономического эксперимента» Ивана Худенко продемонстрировала невозможность коренных реформ. 12 ноября 1960 года Совет министров СССР разрешил ответственному сотруднику аппарата Совета министров Ивану Худенко провести эксперимент по организации в совхозе новой системы труда и оплаты. У власти был Хрущев, искавший волшебные средства для лечения советского организма. Худенко предложил распределить все работы между звеньями — небольшими группами рабочих, получающими полную хозяйственную самостоятельность. Единственное требование, которое им ставится: произвести такой-то продукт в такой-то срок. Оплачиваются достигнутые результаты без ограничения заработной платы. Результаты были поразительны. Себестоимость зерна упала в 4 раза, зарплата возросла в 4 раза, а прибыль на одного работающего в 7 раз. Рабочие стали работать — как на себя. Иван Худенко представил расчеты, из которых следовало, что введение его системы по всей стране позволит увеличить производство зерна в 4 раза, сократив число занятых в сельском хозяйстве в 6 раз: вместо 35 — немногим более 5 миллионов.

Советская печать встретила в первые годы эксперимент восторженно, ему был посвящен фильм «Человек на земле». Когда стало очевидно, что «социально-экономический эксперимент» Худенко, в случае его распространения, приведет к коренной реформе советской экономики — расширению самостоятельности и ограничению планирования — эксперимент был «закрыт», Худенко арестован и приговорен к большому лагерному сроку по обвинению в «хищении государственного имущества в крупных размерах». 12 ноября 1974 года Иван Худенко умер в тюрьме.

Неспособность прокормить население собственной страны указывает не только на органические пороки советской системы, но и на ее социальную отсталость. В США, экономическую и социальную систему которых советские пропагандисты не устают поносить по поводу и без оного, в сельском хозяйстве страны занято всего 2,5-3% самодеятельного населения. В Советском Союзе — 25%.

Это факты, а факты, как говорил самый последовательный коммунист мира, И. В. Сталин, «упрямая вещь».

И все же, с трудностями и перебоями, но советская экономика работает. Работает по нескольким причинам. За счет огромных расходов, которые покрываются национальным богатством страны — происходит проедание наследства потомков. На помощь «первой», государственной экономике приходит «вторая» экономика, никакими законами не предусмотренная и никем не спланированная. Это неофициальная система, действующая согласно законам рынка. В Москве и Ленинграде, в Прибалтике, в закавказских республиках, в Средней Азии существуют подпольные фабрики, артели, частные столовые, частные такси, идет бойкая торговля валютой и вещами, привезенными с Запада. Все, в чем отказывает потребителю государственная промышленность, поставляет на рынок «вторая» экономика. В 60-е и 70-е годы по всей стране прошли процессы по обвинению в создании подпольных предприятий, торговле бриллиантами и валютой и прочее. На процессах выяснилось, что производство «второй» экономики тесно связано с государственной распределительной сетью, что подпольные предприятия получали необходимое оборудование по нарядам министерств, или закупали его непосредственно на государственных предприятиях как «вышедшее из употребления». Установлено было, что свою продукцию подпольные предприятия сбывали через государственные торговые точки. Но это лишь одна сторона «второй» экономики. Было немало случаев, когда государственные предприятия выпускали сверхплановую продукцию за счет сырья, не использованного в производстве, производили больше товаров, чем то предусматривалось планом (путем незаметного снижения их качества), а затем сбывали излишки продукции через государственную торговую сеть.

В этих грандиозных по масштабу финансово-торговых операциях, где счет идет на сотни миллионов рублей, принимает участие с немалой для себя выгодой министерская

бюрократия. Дельцы находятся под оплаченной ими защитой милиции, органов прокуратуры, районного или областного партийного руководства.

В финансово-валютных махинациях, во взяточничестве оказались замешанными такие высокопоставленные лица, как кандидат в члены Политбюро, первый секретарь КП Грузии Мжаванадзе, как председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР Нассрединова. Они лишились своих постов, но никто из них не был привлечен к уголовной ответственности.

Одной из наиболее распространенных форм коррупции в Советском Союзе является взяточничество, принявшее характер национального бедствия. Взятки берут в высших учебных заведениях при приеме студентов, а иногда и при сдаче ими очередных экзаменов, в медицинских учреждениях за оперирование больных и за уход за ними. Взятки в торговой сети стали регулярной данью, которую платят все, начиная с директора торговой точки и кончая руководителем торга. Круг замыкается обычно где-то в первом эшелоне союзных или республиканских министерств.

Торгуют не только товарами, продается положение в обществе в виде должностей в партийном и государственном аппарате, почетных и научных званий и пр. Партия ограничивается косметикой существующей системы, разрешая «менеджерам» увлекаться — в ограниченных рамках — модными теориями, приходящими с Запада: «система управления», «маркетинг», «системные исследования». Польский сатирик Станислав Ежи Лец предупреждал: «Не рассказывайте снов, к власти могут прийти фрейдисты». Соцреалистическая литература рассказывает сны советских руководителей. Трехтомная сага Михаила Колесникова о сибирском кузнеце Сергее Алтунине, идеальном советском человеке, который становится заместителем министра — в СССР дорога вверх открыта всем! — представляющая собой образец воинствующей графомании, интересна описанием механизма принятия решений на верхних этажах советского руководства. Сергей Алтунин, высококультурный советский человек признается жене: «Рембрандта люблю, ей-богу. И *„Лебединое озеро"* обожаю». Он направляется за границу. «Придется посетить лондонскую и манчестерскую школу бизнеса, Британский институт управления... Потом махну в США перенимать опыт гарвардской и слоуновской школ бизнеса... Есть еще Швеция, есть общеевропейские центры...»

Сергей Алтунин делает блистательную карьеру, ибо хорошо знает, что все западные «школы бизнеса» — только украшение. Власть находится в руках партийного комитета: «Партком был здесь деятельным органом. Все время контролировал работу аппарата (министерства). Очень бдительно контролировал». Работники парткома, очень бдительно все контролирующие, не кончали Гарварда и лондонской «школы бизнеса». Они кончили высшую партийную школу и поэтому знали все лучше всех. Ибо владели «марксизмом-ленинизмом» — учением единственно правильным, потому что победоносным, и победоносным, потому что единственно правильным.

В конце 60-х годов брежневское руководство принимает решение использовать Запад для ликвидации «узких мест» советской экономики, для получения «передышки».

Запад восторженно приветствовал советское предложение о «разрядке международной напряженности», увидев в ней политику «детанта». Естественной была радость коммунистических партий мира и левой западной общественности: на конференции европейских коммунистических партий в Карловых Варах в 1967 г. Брежнев не скрывал, что, «последние несколько лет ясно показали, что в условиях Разрядки международной напряженности стрелка политического барометра идет влево».

К детанту побуждал и страх народа перед опасностью термоядерной войны. Проблема обуздания гонки ядерных вооружений, ограничения зоны их распространения находилась в центре внимания международных отношений в 60-е и 70-е годы. Советский Союз ставил своей целью — и довольно успешно реализовал ее — не допустить передачи ядерного вооружения ФРГ. Была найдена соответствующая формула о предотвращении распространения ядерного вооружения. США были также заинтересованы в сохранении хотя бы частичной монополии в своих руках.

Опасность изготовления атомного оружия в зонах постоянного напряжения (Ближний Восток, Юго-Восточная Азия) была слишком явной. Супердержавы, стараясь избежать прямого вовлечения в международные вооруженные конфликты, не могли игнорировать возможность овладения атомным оружием и отдельными террористическими организациями. В 1968 году по инициативе СССР и США был подписан Договор о нераспространении ядерного оружия. В 1970 году был заключен Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов всех видов оружия массового уничтожения.

В 70-е годы США и СССР заключают соглашения об ограничении стратегических вооружений. Уже первый договор — ОСВ-1 (1973) подтвердил и зафиксировал тот факт, что СССР достиг паритета в стратегических вооружениях с США. ОСВ-2 (1979) зафиксировал уже некоторое преимущество СССР. Оба соглашения были фактически соглашениями о довооружении. ОСВ-2 было достигнуто после семи лет переговоров в момент, когда обе супердержавы подошли вплотную к проблеме использования лазерных лучей для создания принципиально нового типа оружия.

Термоядерного оружия накоплено СССР и США вполне достаточно, чтобы обратить нашу планету в звездную пыль. Соглашения ОСВ означают лишь незначительный спад непосредственной угрозы, но не могут изменить опасной ситуации, в которой находится мир.

Историки XXI века отметят, наверное (если цензура им разрешит) , как наиболее удивительный парадокс XX века ничем непоколебимое стремление капиталистов помогать коммунистическим государствам, не скрывавшим своей цели: ликвидации капитализма. На протяжении шести десятилетий существования советской власти в СССР капиталисты не переставали бежать за синей птицей: не переставали верить в трансформацию коммунизма, в его превращение в капиталистическое государство высшего типа — с твердой властью, без права забастовок, с неограниченной возможностью получения прибылей.

Известный американский историк Майкл Флоринский в начале 30-х годов был уже твердо уверен: «Бывшие ярые сторонники мировой революции заменили шпагу станком и рассчитывают сегодня больше на результаты своего труда, чем на радикальные действия для обеспечения окончательной победы пролетариата». Война подтвердила все надежды. После Ялтинской конференции ближайший советник Рузвельта Гарри Гопкинс, самый горячий поклонник Сталина в окружении президента США, не имел сомнений: «Русские доказали, что они могут быть рассудительными и осторожными. Ни у президента, ни у кого из нас нет никаких сомнений, что мы можем сожительствовать с ними без всяких проблем сколько угодно времени». Анкета, проведенная журналом *«Форчюн»* в 1945 году, показала, что из всех групп американского населения больше всех возлагают надежды на послевоенные намерения Советского Союза бизнесмены. Они верили, в частности, что не менее 1/3 американского экспорта пойдет в СССР.

Тот факт, что экспорт в Советский Союз после войны не превысил 1% американского вывоза, не остудил надежд западных бизнесменов и политиков. Пугала их только перспектива смерти Сталина и прихода на его место «настоящего коммуниста».

Гарри Гопкинс предупреждал, что надежды на сотрудничество могут развеяться «если что-либо случится со Сталиным. Мы хорошо знаем, что он может быть рассудительным, здравомыслящим и понимающим...» Американский посол в Москве Чарльз Болен успокоил Вашингтон относительно преемника Сталина Г. Маленкова: «...Маленков произвел на меня впечатление человека с более западно-настроенным умом, чем у других советских руководителей. Во всяком случае, кажется, что он понимает нашу точку зрения, не соглашается с ней, но ее понимает». Болен возлагал серьезные надежды на Маленкова и потому, что тот «выделялся среди советских руководителей этого периода тем, что он не пил». Американский посол заметил, что Маленков не пил, как другие руководители, на дипломатических приемах. Когда Маленкова заменил советский руководитель, который пил даже на приемах, оптимизм американцев продолжал торжествовать. Аверелл Гарриман писал в 1959 году: «Я думаю, что г-н Хрущев проявляет глубокое желание повысить жизненный уровень своих сограждан. На мой взгляд, он рассматривает нынешний семилетний план, как увенчание коммунистической революции и исторический поворот в советской жизни». Излишняя экспансивность Хрущева, его способность творить то, что он думает (неприятно удивило Запад заявление Хрущева: «Мы вас похороним»), его эксцентричность (башмак, которым он бил по столу на Генеральной Ассамблее ООН) объясняют некоторое безразличие, проявленное на Западе к его судьбе и вспышку надежд, связанных с «коллективным руководством», с генеральным секретарем Л. Брежневым.

На этот раз сомнений не было: к власти пришли инженеры. Не имело значения, что большинство из членов Политбюро, получивших в далекие годы юности инженерные дипломы, никогда не работали по специальности, сразу же выбрав профессию партийного работника. Посол ФРГ в Москве не находит слов для выражения своего восхищения «технократами в лучшем смысле этого слова» Косыгиным и Громыко. «Технократы», «менеджеры», консерваторы — так видит Запад администрацию Брежнева.

Цели ее — по мнению Запада — мирные. Подсчитано, что после окончания Второй мировой войны Советский Союз принимал участие в 190 военных акциях. Г. Киссинджер, готовя для вновь избранного президента США внешнеполитическую программу, указывает, что во внешней политике СССР ведут борьбу две линии. Первая —тенденция к примирению с Западом, основанная на страстном желании приобрести потребительские товары и на страхе перед войной. Киссинджер не скрывал, что есть — по его мнению — и вторая линия, основанная на коммунистической идеологии, линия столкновения с США, выражающая подозрительность руководителей, аппарата партии, армии и тех, кто опасается, что разрядка напряженности приведет к ослаблению уз, привязывающих страны-сателлиты к Советскому Союзу. Профессиональный политолог (в течение многих лет профессор Гарварда) и руководитель внешней политики США в администрации Никсона Киссинджер был убежден, как и все другие американские государственные деятели, что Советский Союз руководствуется в своих внешних сношениях двумя линиями: политической и неполитической. Сторонники этих двух линий ведут между собой борьбу, следовательно, необходимо помогать «технократам» против «идеологов». К этому распространенному на Западе взгляду Киссинджер добавил план заключения с СССР многочисленных соглашений о сотрудничестве в разных областях, чтобы связать его паутиной совместных интересов и обуздать таким образом экспансионистские намерения.

В 1978 г., уже потерявший власть Киссинджер,[54] признавая крах своей политики, объяснил ее тем, что «в 1972 г. мы были посреди вьетнамской войны, а в 1974 г. посреди Уотергейта».

Основная причина неудачи политики «детант», ставшей очевидной для Запада в конце 70-х годов, заключалась в непонимании главной черты советского государства, каждое действие которого носит политический характер. Накануне Олимпиады 1980 г. в Москве противники бойкота утверждали, что нельзя смешивать спорт и политику. Деловые круги утверждали, что нельзя смешивать торговлю и политику, но необходимо оказывать всяческую помощь Советскому Союзу. Они резко протестовали против «вмешательства правительства в их дела». Менее чем через год после вторжения в Чехословакию войск Варшавского договора *«Нью-Йорк Таймс»* предупреждал правительство США, что ограничения торговли с социалистическими странами «обречены на провал». «Если они готовы строить автомобили, станции обслуживания, паркинги, мотели, рестораны, — призывал наиболее красноречивый из представителей деловых кругов, международный адвокат Самюэль Пи сар, — помочь им лежит в наших очевидных интересах». Американский эксперт Теодор Шабад утверждает: необходимо помочь Советскому Союзу разведывать и использовать энергетические резервы. И даже «проблемы ограничения вооружений», по мнению *«Вашингтон пост»*, «являются абсолютно независимыми от политических проблем».

В числе причин, побудивших советских руководителей предложить Западу «разрядку», был конфликт с Китаем. Разрыв с Китаем вменялся, среди прочих обвинений, в вину Хрущеву. После свержения Хрущева новое руководство сделало попытку улучшить отношения с Китаем. Мао Цзэдун, ведший ожесточенную борьбу за власть, получившую

отношения с Китаем. Мао Цзедун, ведший ожесточенную борьбу за власть, получившую название «культурная революция», отверг все предложения Москвы. «Культурная революция», поразительно схожая с периодом «большого террора» в СССР (по своим целям: трансформация страны по плану обожествленного Вождя, по своим методам: тотальный, не щадящий никого террор),[55] нуждалась во внешнем враге как факторе объединения народа. Многомиллионные «демонстрации ненависти», подобные тем, какие периодически организовывались и организуются в СССР, сценарий которых с поразительной точностью представил Орвелл в «1984», проходили по всему Китаю против «ревизионистов», «новых царей» и тому подобное. Напряжение нарастало и на советско-китайской границе.

2 марта 1969 года 300 китайских солдат встретили пулеметным огнем советский пограничный патруль, высадившийся на пустынном островке Даманский, расположенном на реке Уссури. Китайцы, называющие остров Чен-бао, считают его частью своей территории, советские карты оспаривают это утверждение. Советские пограничники, потеряв 23 человека убитыми и 14 ранеными, отступили. 15 марта обе стороны, подготовившись, организовали настоящий бой за пустынный, в один квадратный километр остров. Бой длился 9 часов, в нем участвовали танки, артиллерия и ракетное оружие. Обе стороны понесли тяжелые потери. Впервые после венгерских событий 1956 года вооруженный конфликт вспыхнул между двумя коммунистическими государствами.

Обе стороны использовали конфликт во внутриполитических и внешнеполитических целях. В Пекине советское посольство было подвергнуто многонедельной осаде, в Москве китайское посольство стало объектом гнева многотысячной демонстрации, получившей разрешение разбить все окна и облить стены чернилами. Руководители Китая и Советского Союза используют в своей пропаганде националистические мотивы: китайцы обвиняют Москву в продолжении «царской империалистической политики». Е. Евтушенко синтезирует советскую пропаганду в стихотворении «На красном снегу уссурийском», призывая бороться «за Русь и за веру» против «новых батыев».

Советские руководители пытаются в период вооруженных столкновений на китайской границе — после Уссури они вспыхивают в Синьцзяне, на Амуре — получить первые дивиденды политики «разрядки международной напряженности». Главный аргумент Москвы «желтая опасность» грозит Западу. Обозреватель советского агентства печати «Новости» использует предоставленную ему страницу парижской газеты *«Ле Монд»* для предупреждения европейцев: китайцы угрожают не только России, они грозят Европе. Советский обозреватель утверждал, что территория, отошедшая к России в 1858—60 годах была не китайской, а ничейной и поэтому Пекин не имеет на нее никаких прав. К тому же, добавлял он, Великая китайская стена стоит не на Уссури, и даже не в Маньчжурии. Советский посол в Вашингтоне 11 марта горячо убеждал Киссинджера, что «Китай — общее дело всего мира».

18 августа сотрудник советского посольства в Вашингтоне неожиданно спросил завтракавшего с ним чиновника государственного департамента, как будет реагировать американское правительство, если советские самолеты уничтожат китайские ядерные установки. Через месяц Виктор Луи, единственный советский «независимый журналист», выполняющий различные деликатные задания различных «органов», опубликовал в лондонской газете статью, в которой писал о том, что «теоретики-марксисты» предвидят «советско-китайскую войну», воздушную атаку против китайских ядерных установок в Лоб-Нор, обращение «антимаоистских сил» в Китае за «братской помощью к другим социалистическим странам».

Сценарий (за исключением удара по ядерным установкам) был хорошо знаком: он был использован в 1956 г. в Венгрии, в 1968 г. в Чехословакии и — снова 12 лет спустя — в Афганистане. Его выполнение, однако, всегда требовало согласия Запада. Известно, что оно было дано в 1956 г. Было оно дано и в 1968 г. Член Политбюро чехословацкой компартии в 1968 г. Зденек Млынар рассказал, эмигрировав на Запад: в конце августа 1968 г. Брежнев заявил руководителям «пражской весны», что он получил заверение президента Линдона Джонсона о невмешательстве США в чехословацкие дела.

В 1969 г. США отказались дать свое согласие на превентивную войну. Неясно до сих пор, действительно ли Советский Союз разрабатывал план нападения, или лишь специально распускал слухи о возможности войны, чтобы повлиять и на Китай, и на Запад.

Китайское правительство, приняв советские угрозы всерьез, объявило в 1969 г. о согласии возобновить переговоры с СССР. Осенью 1970 г. послы СССР и Китая, отозванные за несколько лет до того, возвратились на свои посты. Начал расти торговый оборот. После смерти Мао Цзедуна в 1976 г. китайское руководство постепенно отходит от ярко выраженной антисоветской политики. В 1979 г. возобновились переговоры об урегулировании пограничных проблем и демаркации границы. Не исключено, что советско-китайские отношения будут медленно улучшаться.

В то же время Китай предпринял в 70-е годы серьезные шаги для улучшения отношений с США.

Образуется треугольник Москва — Вашингтон — Пекин, который, начиная с 70-х годов, определяет мировые события. Свидетельством нового соотношения сил на земном шаре является тот факт, что два угла треугольника занимают коммунистические державы. Капиталистический мир, прежде всего США, пытается использовать советско-китайское соперничество, поддерживая то одного, то другого противника: результатом является усиление идеологии, ставящей своей конечной целью ликвидацию всех других систем и идеологий

На пути к Хельсинки

Первая половина 70-х годов представляет собой замкнутый период: подходит к концу первое десятилетие власти Брежнева, завершается IX пятилетка, сильно уже задетая первыми волнами мирового экономического кризиса, подписывается финальный акт Европейского соглашения в Хельсинки — долгожданный плод «разрядки». В первой половине 70-х годов происходит событие, означающее поворот в мировой политике. Советский Союз достигает в области ядерного вооружения паритета с США в количестве

Советский Союз достигает в области ядерного вооружения паритета с США в количестве стратегических ракет. Американское превосходство, длившееся весь послевоенный период, пришло к концу. К 1969 году число советских ракет, способных достичь американской территории, сравнялось с числом американских ракет и продолжало неуклонно расти. А. Сахаров в статье о положении в мире и в Советском Союзе, написанной 4 мая 1980 года в ссылке в Горьком, отмечает как важнейший факт «кардинальное переоснащение и расширение вооружений», осуществленное в СССР в 60-е и 70-е годы». На XXIV съезде партии министр обороны СССР маршал Гречко утверждает: «Советский Союз способен на силу ответить превосходящей силой».

По американским и английским данным (достоверных советских данных нет) военный бюджет Советского Союза возрастал в 1965—1977 годах ежегодно не менее чем на 4,5%, составляя не менее 11-13% национального продукта. В это же время США предназначали на военные расходы 6% национального продукта, хотя он вдвое превышает советский.

Характерно, что Советский Союз тратит на нужды личного состава вооруженных сил 16% военного бюджета, США — 56%.

Цифры красноречиво демонстрируют изменившееся соотношение сил. В 1967 году США располагали 1054 межконтинентальными баллистическими ракетами, а Советский Союз 570. В 1979 году США сохранили число этих ракет неизменными, Советский Союз увеличил их до 1409.

Состав американской армии сократился на десятилетие с 3,5 млн. военнослужащих до 2,06 миллионов. Советская армия увеличилась с 3,68 до 4,19 миллионов.

Еще разительнее соотношение сил на так называемом европейском театре между силами НАТО и силами Варшавского пакта: по танкам 1:2; бронетранспортеры — 1:2; противотанковые ракеты 2:1; артиллерийские системы и минометы — 1:2.

Стратегическое преимущество Советского Союза определяется и тем, что союзник Западной Европы США находится далеко за океаном, а основная сила Варшавского договора — советская армия — рядом.

60-е и 70-е годы были временем бурного развития советского военно-морского флота. Один из вдохновителей создания советского океанского флота адмирал Горшков определяет морскую мощь Советского Союза, как «реальную способность государства эффективно использовать Мировой океан в интересах коммунистического строительства». Ссылаясь на Ленина, «уделявшего господству на море... серьезное внимание», командующий советским военно-морским флотом признает, что «завоевание господства на море продолжает сохранять актуальность». Он лишь добавляет, что «советское военно-морское искусство полностью отвергало попытки отождествить понятие «господство на море» с понятием «господство над миром».

Советский военный флот стал важным элементом глобальной советской стратегии, «важным инструментом политики в мирное время, осуществляя защиту интересов Советского Союза и поддержку дружественных стран».

Мечты Ленина, полагавшего, что Красная Армия, вторгшаяся в 1920 году под командованием Тухачевского в Польшу, принесет Европе «счастье и мир», осторожность Сталина, отвергавшего в 30-е годы планы строительства «большого флота», ибо «не у берегов Америки воевать будем», кажутся наивными наследникам создателей советского государства. В середине 70-х годов они имели, наконец, средства для осуществления утопии.

Американский военный министр Гарольд Браун признавался: «Почему Советский Союз так настойчиво стремится увеличить свои стратегические ядерные возможности нам неясно». Советский военный теоретик М. Скирдо дает ответ: «Решающее значение ныне приобретают не потенциальные экономические возможности государства, которые можно привести в ходе войны, а соотношение тех сил и средств, которыми вступившие в борьбу стороны располагали еще до начала военных действий».

Советские руководители стремятся создать колоссальный военный перевес до начала военных действий, ибо они хорошо знают об экономической слабости СССР.

Слабость советской экономики побуждает советское руководство расходовать все больше и больше средств на вооружение и армию, необходимых для осуществления их планов, а эти непомерные расходы не перестают ослаблять советскую экономику.

В конце ноября 1961 года XXII съезд партии принял новую программу, которая, твердо опираясь на самую передовую науку, обещала: «В ближайшее десятилетие (1961—1971 годы) Советский Союз, создавая материально-техническую базу коммунизма, превзойдет по производству продукции на душу населения наиболее мощную и богатую страну капитализма — США; значительно поднимется материальное благосостояние и культурно-технический уровень трудящихся, всем будет обеспечен материальный достаток; все колхозы и совхозы превратятся в высокопроизводительные и высокодоходные хозяйства; в основном будут удовлетворены потребности советских людей в благоустроенных жилищах; исчезнет тяжелый физический труд; СССР станет страной самого короткого рабочего дня».

В январе 1970 года в передовой *«Правды»* были изложены основные тезисы доклада Брежнева на пленуме ЦК, состоявшемся в декабре 1969 года. Генеральный секретарь констатировал, что обещания Программы не могут быть выполнены, что Золотой Век откладывается: «В ряде республик и областей страны допущено необоснованное сокращение поголовья скота и птицы, производства мяса, молока, яиц, вследствие чего начали появляться трудности в снабжении населения продуктами животноводства, особенно в крупных промышленных центрах...» Кроме того, констатировались: «Отставание темпов развития ряда отраслей промышленности, медленный рост производительности труда, эффективности общественного производства».

IX пятилетка (1970—75) должна была, впервые в советской истории, обеспечить быстрейшее развитие средств потребления (группа Б) по сравнению со средствами

производства (группа А). Фантастические обещания Хрущева уступили место невыполнимым обещаниям Брежнева. И прежде всего, было объявлено о переходе в «реальный социализм» — на новую высшую ступень по направлению к Цели.

Прилагательное было выбрано безошибочно: слово «реальный» прикрывало ирреальность экономики, всего советского общества, Цели. План выполнялся, перевыполнялся и слегка недовыполнялся. Центральное статистическое управление публиковало цифры. В то же время за всеми продуктами необходимо было стоять в очередях, и неисправимые сочинители анекдотов говорили, что повышение жизненного уровня советских граждан выражается в том, что очереди стали лучше одеты. К великому празднику — столетию со дня рождения Ленина — гражданам обещали «забросить» в магазины нитки.

Парадоксы советской экономики делают из нее особый феномен, понять который, используя традиционные способы экономического анализа, невозможно. Подводя итоги IX пятилетки, Брежнев говорил на XXV съезде (1976) о замечательных успехах промышленности, об увеличении выпуска товаров. То же самое он повторил и на XXVI съезде (1981). Выступая в Тбилиси накануне XXV съезда КПСС, первый секретарь ЦК грузинской компартии Шеварднадзе, наводивший в то время порядок в республике, приоткрывал реальность: «Каждое четвертое изделие массового потребления — неудовлетворительного качества... На каждые 10 тыс. жителей за 4 года девятой пятилетки в Грузии ежегодно строилось в среднем 50 квартир, на Союз — 91 квартира». Брежнев говорил на съезде об ассигновании в новой пятилетке на сельское хозяйство 172 млрд. рублей, а Шеварднадзе признал: «На каждый рубль, вложенный в наше сельское хозяйство, мы получаем 39 копеек в виде отдачи».

Производительность труда, по данным академика А. Хачатурова, в советской промышленности в два раза ниже, чем в США, в сельском хозяйстве ниже в 4—5 раз. Советская система планирования и учета построена таким образом, что повышение производительности чрезвычайно невыгодно предприятию: чем выше производительность труда, тем меньше число рабочих, что влечет за собой повышение плана и снижение общего фонда заработной платы. «Существует порог производительности труда, признает советский экономист, переходить который не целесообразно, так как может последовать резкое повышение планового задания». В результате «на большинстве отечественных машиностроительных заводов численность работников в 1,3—1,4 раза выше, чем на подобных же предприятиях за рубежом». Использование ненужных рабочих позволяет сохранять полную занятость, но является одной из причин низкой заработной платы.

Подсчет заработной платы в СССР, производимый часто западными экономистами, прекрасный пример ирреальности советской экономики. Лучший знаток советской экономики во Франции проф. Кербле скрупулезнейшим образом подсчитал на основе советских и западных источников среднюю заработную плату в СССР, Франции и США на 1973 год — третий год IX пятилетки. Зарплата нетто в СССР составляла 121,90 руб., во Франции — 1496,61 франка, в США — 606,51 долл. Переведя рубли и франки в доллары по официальному курсу, проф. Кербле получил среднюю зарплату соответственно в 168,14 долл., 361,64 долл. и 606,51 долл. Академик Сахаров в это же время на основании наблюдений внутри страны пришел к выводу, что средняя зарплата в СССР равна 110 руб., что «по покупательной способности... приблизительно соответствует 55 долларов или 275 франкам». Однако и этот подсчет не отражает всей реальности. А. Сахаров принял стоимость доллара, слегка завысив, в 2 рубля, полагая, что такова реальная покупательная способность рубля. Академик Сахаров решил, видимо, не осложнять подсчет анализом стоимости рубля — самой удивительной из монет, существующих в мире.

Стоимость рубля определяется волей партии и правительства: в Советском Союзе существует несколько видов «валютных рублей», позволяющих приобретать в специальных учреждениях товары, которых нет в обыкновенных магазинах. В 30-е годы они назывались сухо и таинственно «торгсин» (торговля с иностранцами), в эпоху реального социализма они называются лирико-поэтически «Березка». В «Березках» — рубль цены не имеет. Это, возможно единственный случай в мире, когда отечественная валюта не принимается магазинами страны. Кроме «Березок» существует разветвленная сеть специальных магазинов для «номенклатуры», в которых цены продуктов варьируются в зависимости от положения покупателя на иерархической лестнице. Наконец, хроническое отсутствие продуктов превращает рубль в иллюзорную монету, на которую нельзя купить товары.

М. Вселенский предлагает ввести наряду с «реальной заработной платой» понятие «эффективная заработная плата», которая определяет «подлинное количество товаров потребления и услуг, которые работающий может получить за свою заработную плату».

Ничтожность «эффективной заработной платы» влечет за собой снижение производительности труда, плохое качество работы, прогулы. В августе 1979 года *«Правда»* публиковала победные реляции: «Выдающееся достижение советской космонавтики: успешно завершен самый длительный в истории пилотируемый полет в космос продолжительностью в 175 суток». В это же время *«Комсомольская правда»* напечатала подборку писем читателей, которые жаловались: поезд из Красноярска в Москву прибыл с опозданием на 14 часов, из Новокузнецка в Челябинск с опозданием на 17 часов 30 минут, из Воронежа в Москву — на 4 часа.

Полеты в космос — область военных усилий СССР и успехи в ней несомненны. Военная промышленность занимает в советской экономике особое место не только потому, что ей уделяют особое внимание, но и потому, что это единственная отрасль, работающая в условиях подлинной конкуренции с Западом. Изделия советской военной промышленности должны не уступать по качеству изделиям «передовых в промышленном отношении стран». Это не значит, конечно, что военная промышленность не страдает общими пороками советской экономики, но это значит, что лечению этих пороков уделяется внимание.

В двухтомнике речей и докладов Брежнева, подготовленных в подарок XXV съезду и подытоживших взгляды брежневского руководства после десятилетия пребывания у власти, определялись условия развития страны на стадии «зрелого социализма». Брежнев ясно и открыто говорил: никаких реформ, никакой «научно-технической революции»:

«Только партия, вооруженная учением марксизма-ленинизма и опытом политической организации масс, способна определять главные направления общественного развития». Главные качества, которые партия требует от руководителей: «высокая идейность и компетентность». Идейность вначале, компетентность — потом.

Неудача IX пятилетки (советская статистика косвенно признала это, объявив о том, что вопреки обещанию «группа А» развивалась быстрее «группы Б») официально объяснялась двумя плохими урожаями: в 1972 и 1975 годах. Последствия неурожаев, особенно катастрофического в 1975 году, могли бы быть необычайно тяжелыми для страны и для власти, если бы не немедленная помощь Запада, прежде всего США.

Закупки зерна за границей начал Хрущев в 1962 году. С тех пор Советский Союз из года в год покупает зерно в США, Канаде, Австралии, Аргентине и Бразилии. Политические соображения играют не последнюю роль. Нехватка продовольствия ведет к волнениям рабочих. В 60-е и 70-е годы в Советском Союзе вспыхивают забастовки в крупных промышленных центрах. Наиболее крупное волнение произошло после Новочеркасских событий 1962 года на автомобильном заводе в Тольятти в 1980 году. Происходили забастовки на предприятиях центральной России (Ярославль, Муром). Причины одни и те же — нехватка продовольствия, тяжелые материальные условия жизни. Не прекращались волнения в наиболее уязвимой зоне советской империи — в Польше. В 1970 году рабочие волнения заставили сменить на посту первого секретаря партии В. Гомулку Э. Тереком, а спустя 10 лет в 1980 году заменить Терека на том же посту С. Каней. Вывод ясен — экономические трудности чреваты политическими осложнениями. Урок был учтен и закупки зерна и других продовольственных товаров растут. В 1972 году СССР закупил в США 18 млн. метрических тонн зерна. Но этот рекорд был превзойден в 1979 году — СССР закупил 25 млн. тонн зерна и пшеницы в США. Согласно ранее заключенному договору, СССР мог закупать в течение 5 лет ежегодно 15 млн. тонн зерна без специального разрешения американского правительства.

Подписание этого первого в своем роде соглашения было откровенным признанием краха советской аграрной политики.

25% всего самодеятельного населения Советского Союза занято в сельском хозяйстве (в США от 2,5 до 3 процентов). Не помогает ни количество рабочих рук, ни техника, ни химия.

Поразительный факт: почасовая оплата работника сельского хозяйства в СССР составляла 44 копейки (59 центов по официальному советскому курсу), а в США 2 доллара 30 центов. Тонна зерна, закупленного в США, обходится вдвое дешевле произведенного в СССР. Советскому Союзу дешевле покупать зерно за границей, чем производить его у себя. Необходимые средства — в условиях «детанта» — также оказалось возможным получить на Западе.

Вот что говорит по этому поводу сенатор Джексон: «Облегчение контроля над торговлей стратегическими материалами с Советским Союзом является принципом политики детанта». И далее: «Выгодой, которая должна быть достигнута этим, было большее сотрудничество с советской стороны. Но Советский Союз использовал детант для

приобретения новейшей технологии Запада для укрепления советского военно-индустриального комплекса».

Была решена трудная дилемма пушек или масла. Разрядка позволила Советскому Союзу посвятить себя производству «пушек», приобретая на благоприятных условиях, в случае особо острой необходимости, «масло» на Западе. Но не только «масло». Продукты потребления уже в конце 20-х годов были зачислены в «группу Б», как предмет второстепенный. Запад оказывает — как оказывал всегда — помощь прежде всего в производстве «пушек»: в период разрядки практически было отменено эмбарго на поставку стратегического оборудования Советскому Союзу. 25 февраля 1976 года государственный департамент признал, что с 1972 года в СССР производятся по американской лицензии миниатюризованные шарикоподшипники, без которых невозможно создать систему управления ракет дальнего действия с разделяющимися ядерными боеголовками. Американские ЭВМ служат основой компьютерной системы, управляющей воздушной обороной стран Варшавского договора. Поставив на 500 миллионов оборудования, без которого строительство гигантского автозавода на Каме (КАМАЗ) было невозможно, американцы «обнаружили», что завод строит моторы для военных машин. Помощь и сотрудничество успешно развивались во всех областях: во время вьетнамской войны США делились опытом с Советским Союзом, посылая военные учебники типа: «Тренировка для операций в джунглях», «Террористическая тактика вьетконга в Южном Вьетнаме», «Система операций Воздух-Земля», «Использование химических и биологических средств» и так далее.

Расследование, проводимое в Сенате США летом 1980 года, обнаружило, что американские и западноевропейские фирмы снабжают СССР химическим оборудованием и обеспечивают экспертизу, которая облегчает Советскому Союзу развитие химического и биологического оружия. 80% советского производства полиэтилена и 75% химических удобрений обеспечено благодаря оборудованию, поставленному Западом.

В распоряжении руководителей Запада имеется достаточно доказательств существования практического сотрудничества между СССР и западными фирмами, изготовляющими оборудование и материалы, которые легко используются в военных целях. Стало известным также, что часть оборудования, имеющего стратегическое значение, была получена Советским Союзом из США через третьи страны.

Сравнение программ научного обмена между США и СССР не оставляет никакого сомнения, что СССР использует научный обмен для улучшения технологии военного производства и наращивания военного потенциала. Советские ученые, приезжающие в Америку по обмену, изучают исследования в области плазмы, металлургии, компьютерного контроля над машинами, ферроэлектрической керамики, фото электрики, полупроводников. Американские ученые приезжают в СССР для исследований в области социологии, истории, литературы, русской поэзии и археологии.

Поставки «масла», помощь в производстве «пушек» являются лишь деталями системы экономических связей между СССР (и другими странами «социалистического лагеря») и Западом. Характер этих связей приобрел в годы «детанта» новое качество. Сотрудничество, без которого советская система не смогла бы выжить, превратилось в партнерство.

«Если вы даете небольшой кредит кому-нибудь, — объяснял директор крупного банка в лондонском Сити, — он становится вашим дебитором. Но если вы даете ему крупный кредит, вы делаете его своим партнером. Несмотря на свою идеологию, советский блок является сегодня нашим очень влиятельным партнером». В 60-е годы социалистический блок почти не пользовался западными кредитами. В 1974 году они составляли уже 13 миллиардов долларов, а в 1978 году достигли 50 миллиардов, продолжая расти. 30% этой суммы дали Советскому Союзу и другим странам СЭВ английские банки, по 20% — немецкие и французские, 13% — американские. В 1975 году западные банкиры считали, что если дебитор выплачивает в качестве процентов 20% своих доходов, ему больше нельзя давать в долг. В 1978 году Советский Союз выплачивал 28% своих доходов за полученные кредиты. Но швейцарский банкир признавался: «Точную сумму долга знает только Кремль. Мы в тумане, поскольку западные банки хранят свои отношения с советским блоком в тайне. В результате мы не знаем в точности ни условий уплаты долгов, ни процента этого нового русского займа».

Предоставив зоне «реального социализма» колоссальные кредиты, которые не перестают расти (западные банки дают новые кредиты для того, чтобы получить проценты за прежние долги), капиталистический мир связал себя с ней бесчисленными нитями экономических интересов. Важнейшей заботой Запада стало сохранение стабильности, а следовательно платежеспособности социалистического мира. Интересы реального социализма стали интересами Запада. Советский Союз не решает всех своих экономических проблем с помощью «масла», «пушек» и кредитов, поставляемых Западом но он решает важнейшие, те, которые в условиях социалистической системы оказываются неразрешенными. Например, внедрение новейшей техники. Одновременно Советский Союз обретает понимание, сотрудничество, помощь со стороны своего врага.

В 1978 году был награжден орденом Дружбы народов один из инициаторов западного сотрудничества с СССР американский бизнесмен Арманд Хаммер. «Я был очень тронут столь высокой наградой и письмом Леонида Ильича Брежнева, — делился своими

чувствами владелец „Оксиденшал петролиум‟, 26-й среди крупнейших промышленных компаний США. — Это выдающийся лидер и в то же время простой, теплый человек, человек сердца...» Д-р Хаммер, в течение 60 лет служащий образцом для западных бизнесменов, упрочил свое сотрудничество с СССР, начатое при Ленине, подписанием в 1973 году при Брежневе контракта на постройку химического предприятия стоимостью в 20 млрд. долларов. Когда в 1980 году после вторжения советских войск в Афганистан президент Картер наложил эмбарго на вывоз в СССР некоторых химических продуктов, для «Оксиденшал петролиум» было сделано исключение. Новый «дорожный инцидент» не мог порвать прочных нитей, связывающих западный бизнес с Советским Союзом.

Первая половина 70-х годов была временем активной дипломатической деятельности: разрядка и детант способствовали заключению серии договоров, фиксировавших новое соотношение сил в мире. Важнейшими среди них был договор с ФРГ (1970) и договор об ограничении стратегических вооружений — ОСВ-1 (1972—1974) с США.

Договор с ФРГ, «подготовленный в гусарском темпе государственным секретарем при бундесканцлере Эгоном Баром и министром иностранных дел СССР Андреем Громыко и в такой же спешке подписанный в Кремле Брандтом и Косыгиным», признавал гегемонию Советского Союза в социалистическом лагере и границы советской зоны. Договор, констатировал посол ФРГ в Москве, давал Советскому Союзу «ключ для осуществления дальнейших широко задуманных внешне- и внутриполитических планов». В Кремле было подписано и соглашение с США. 23 мая 1972 года все советские газеты поместили на первой странице в центре фотографию: огромный стол с множеством стульев по обеим сторонам, на первом плане — Брежнев и Никсон благожелательно улыбаются друг другу. Они ведут переговоры. Хозяева мира. Больше за столом никого нет. Визит Никсона в Москву подчеркивал смысл подписанных соглашений. США признали паритет Советского Союза и новый характер отношений — отношений двух партнеров. Советские комментаторы прежде всего подчеркивали значение соглашения о научно-техническом сотрудничестве. «В наш век бурного развития научно-технической революции ни одна страна, — писалось в *«Известиях»*, — какой бы могущественной и высокоразвитой она ни была, не может развивать науку и технику без участия в международном сотрудничестве». Смысл комментариев был очевиден: могущественный Советский Союз получит помощь США и сможет, наконец, «догнать и перегнать Америку».

На протяжении всего визита подчеркивалось, что сближение с США — «политика партии». Подчеркивая это, Брежнев подписал важнейшие соглашения в качестве Генерального секретаря ЦК. Удивленным американским журналистам было объяснено, что Верховный Совет СССР имеет право передавать право подписи государственных актов кому пожелает.

Политика «детанта» изменила характер западной дипломатии. «Традиционные отношения между политикой и дипломатией изменились, — замечает французский историк Ален Безансон. — Нормально дипломатия была инструментом на службе политики. Например, визит был средством достижения политического соглашения... Теперь мы поставили политику на службу дипломатии. Мы идем на политическое соглашение, чтобы добиться права на визит». Визит в Москву, встреча «на верхах» с советским руководством становится целью политики. Киссинджер рассказывает, что уже в 1970 году Никсон начинает искать возможности «организовать встречу на верхах».

1 августа 1975 года 32 главы европейских стран, а также главы США и Канады получили возможность участвовать во встрече «на верхах» с Генеральным секретарем ЦК КПСС Брежневым. В этот день в Хельсинки был подписан Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Идея европейской конференции, которая подтвердила бы результаты Второй мировой войны, была выдвинута Хрущевым в начале 60-х годов. В 1975 году конференция в Хельсинки зафиксировала результаты политики «разрядки» и «детанта».

В дни работы конференции — в июле 1975 года — состоялась встреча в космосе советского космического корабля «Союз» и американского — «Аполлон». Встреча была представлена в советской печати, как триумф «разрядки» и передовой советской техники. Этот триумф должен был сгладить поражение в гонке на Луну и подтвердить полное равенство двух партнеров. Американская фирма «Ревлон» выпустила специальные духи «ЭПАС» — «Экспериментальный полет Аполлон-Союз» — стоимость которых составляла в США 10 долларов, в Москве — в пересчете — 50 долларов 70 центов. Возможно, что в такой пропорции рассчитывается и стоимость космического полета для двух сторон.

Советско-американская встреча в космосе определила характер встречи на земле, в Хельсинки. Заключительный акт конференции состоял из соглашений, касавшихся трех проблем, трех «корзин», как назвали их в Хельсинки. Прежде всего — проблема политическая: были подтверждены границы, установленные после Второй мировой войны. Признавались не только границы Советского Союза, который был единственным государством, расширившим свою территорию после войны, признавалась и нерушимой зона «реального социализма» в Европе. Вторая «корзина» — экономическая — была соглашением о расширении экономических связей, то есть обещанием Запада помочь Советскому Союзу и странам, входящим в его зону, модернизировать экономику. Наконец, третья «корзина» выражала надежду Запада, что Советский Союз и другие страны «реального социализма» слегка приподнимут «железный занавес» —будут уважать права граждан, в том числе на свободный «обмен идеями».

Тридцатилетняя война в Европе завершилась Вестфальским мирным договором (1648), который установил принцип, положивший конец войне между католиками и протестантами: cujus regio, ejus religio — чья власть, того и религия. Религия граждан определялась религией князя. Конференция в Хельсинки приняла этот принцип, но только по отношению к одной стороне. Запад обязался признать «религией» Восточной Европы — советскую «религию», Советский Союз отказался признать себя связанным какими бы то ни было обязательствами: поскольку «интересы человечества совпадают с классовым интересом международного рабочего класса, социализма... курс на разрядку... ни в малейшей степени не противоречит революционной стратегии борьбы за освобождение народов от классового и национального гнета, за социальный прогресс».

А. Солженицын, выступая в дни Хельсинкской конференции перед американскими профсоюзными деятелями, спрашивал: «Разрядка — нужна или нет?» И отвечал: «Не только нужна. Она нужна как воздух! Это единственное спасение земли». Но разрядка может быть подлинной лишь при трех условиях. А. Солженицын перечисляет их: разоружиться не только от войны, но и от насилия, ликвидировать не только оружие, которым уничтожают соседей, но и то оружие, которым давят соотечественников; чтобы «вторая сторона» имела над собой контроль общественности, прессы, свободного парламента; отказаться от «человеконенавистнической пропаганды», от того, что в Советском Союзе «гордо называют идеологической войной».

За 30 лет до выступления Солженицына и подписания Хельсинкского соглашения об условиях сосуществования двух систем Артур Кестлер говорил: «Страна, которая сооружает линию Мажино цензуры и ведет из-за нее пропагандный огонь, совершает психологическую агрессию. Западные державы... должны потребовать: 1) свободного доступа иностранных газет, периодических изданий, книг и фильмов в СССР; 2) такого видоизменения советской цензуры (если она должна оставаться), которое позволит свободную циркуляцию информации о внешнем мире на советской территории; 3) свободного доступа аккредитованных журналистов, парламентариев и так далее на оккупированную СССР территорию; 4) отмены ограничений на въезд иностранцев в СССР и выезд советских граждан за границу; 5) активного участия совместно с западными державами в организации „отпусков за границей" — обмена студентами, учителями, писателями, рабочими и так далее».

А. Кестлер считал, что «требование о свободной циркуляции идей через границы для восстановления задержанного кровообращения в мире» должно ставиться в ООН, Совете Безопасности, на каждой встрече «на верхах». Оно должно быть сделано предварительным условием каждых переговоров Восток—Запад.

В пятую годовщину Хельсинкской конференции Л. Брежнев объявил ее результаты «безусловно положительными». Они и были такими: получив признание своей гегемонии в Европе и экономическую помощь, Советский Союз назвал соглашение «в так называемых «гуманитарных областях», то есть в области развития контактов между людьми, расширения информации, соблюдения прав человека, «вмешательством во внутренние дела социалистических стран». А. Чаковский, придворный писатель Брежнева, посвятил Хельсинки роман-эпопею под названием — *«Победа»*. Изобразив две конференции — 1945 года в Потсдаме и 1975 года в Хельсинки, и двух советских вождей — Сталина и Брежнева, А. Чаковский живописует великую победу СССР: Сталин разбил Гитлера, несмотря на то, что ему мешали по мере их сил Рузвельт, Трумэн и в особенности Черчилль, и заложил в Потсдаме основы мира и нового порядка в мире. Завершил это дело, окончательную Победу одержал Брежнев. Хельсинки зафиксировали ее.

В 1975 году окончился послевоенный период истории Европы и мира. И начался следующий этап истории СССР и мира. Выступая на XXV съезде партии (февраль 1976), Брежнев говорил о планах на будущее, осуществление которых стало возможным после Хельсинки. Генеральный секретарь говорил о победах во Вьетнаме, Лаосе Камбодже, Анголе. «Разрядка, — настаивал он, — ни в коей мере не отменяет и не может отменить или изменить законы классовой борьбы... Мы не скрываем, что видим в разрядке путь к созданию более благоприятных условий мирного социалистического и коммунистического строительства».

Обыкновенный социализм

В 1939 году Черчилль, любитель и мастер красного словца, определил Советский Союз, как «секрет, завернутый в тайну, скрывающую в себе загадку». К началу восьмого десятилетия XX века первое в мире социалистическое государство, превратившееся в сильнейшую в мире военную державу, остается для Запада загадкой. Не умея найти

средства для понимания нового феномена в истории человечества, западные советологи видят в СССР страну, похожую на все другие и «объективно» оценивают его достижения.

«Направление политики Брежнева» оценивается как «либеральное». 70-е годы характеризуются американским советологом, как время «расширения индивидуальных свобод», «увеличения эгалитаризма», выразившегося в частности в том, что расхождение между заработком высокооплачиваемых и низкооплачиваемых рабочих и служащих сократилось с 3,7% в 1964 году до 3,2% в 1970 году. Другой американский советолог согласен с первым: «Я вижу 60-е и 70-е годы, как чрезвычайно мягкий период в советской истории. Вполне возможно, что будущие историки назовут его величайшим,

лучшим периодом в их истории. Это было общество, которое впервые смогло обеспечить и пушки, и масло, повысить жизненный уровень, добиться военного равенства с Западом». В 1975 году член советской и американской Академий наук Андрей Сахаров, констатируя, что «вся мировая пресса полна сообщениями об инфляции, о топливном кризисе, о нарастающей безработице в капиталистических странах», добавлял: «Но мне все же хочется сказать — ведь вы не умираете с голоду, вам есть куда отступать, ведь даже снизив уровень жизни в пять раз, вы все еще будете жить богаче людей самой богатой в мире социалистической страны». Пять лет спустя, из ссылки, он отмечал дальнейшее ухудшение положения: «Страна, живя десятилетия в условиях, когда все средства принадлежат государству, испытывает серьезные экономические и социальные трудности, не может самостоятельно прокормить себя, не может без использования привилегий разрядки — осуществлять научно-технический прогресс на современном уровне».

Андрей Амальрик начал свою статью — одно из первых свободных размышлений о «стране и мире» — надеждой, что для западных советологов она может представлять подобный интерес, какой «для ихтиологов представила бы вдруг заговорившая рыба». Десятилетие, минувшее после публикации статьи Амальрика, было эпохой открытия Советского Союза настежь: книги, статьи, размышления, свидетельства А. Солженицына, А. Сахарова, А. Зиновьева, В. Максимова, А. Синявского, В. Буковского, других писателей, общественных деятелей, свидетелей показали, что представляет собой социалистическое государство, построившее Утопию.

Наименьшее впечатление «заговорившая рыба» произвела на «ихтиологов»: многие западные специалисты-советологи, государственные деятели, бизнесмены, имеющие дело с социалистическим миром, пожелали остаться глухими. Даже шок *«Архипелага ГУЛаг»* — сильнейшего удара по престижу Советского Союза со времен Октябрьской революции — мало повлиял на тех, кто занимается Советским Союзом. А. Солженицын был со временем зачислен в ряды «реакционеров», что позволяло не считаться с его словами.

Советское «царство мнимости» остается для Запада реальностью, лишь слегка отличающейся от некоммунистических государств. Причем все отличия объясняются русской историей и национальными особенностями русского народа. В остальном все то же: экономика — в том числе могучая промышленность и несколько отстающее сельское хозяйство, которое нуждается только в капиталах, машинах и удобрениях; культура со знаменитым, лучшим в мире балетом; поголовная грамотность; бесплатная медицинская помощь; массовые организации — профсоюзы, комсомол, партия; всеобщие выборы и конституция, дающая гражданам широкие демократические права.

Идеология

Загадочность советской системы в ее исключительной простоте. Отвергнув «устарелую» «модель тоталитаризма», некоторые американские политологи и советологи предпочитают использовать для анализа Советского Союза модель «институционального плюрализма», говорят о «плюралистической системе». А. Сахаров в 1980 году определяет советскую систему, как тоталитаризм: «Тоталитарный строй ведет свою политику, руководя ею из единого центра: дипломатия, служба информации и дезинформации внутри и вне страны, международная торговля, туризм, научно-технический обмен, экономическая и военная помощь освободительным движениям (в некоторых случаях этот термин надо поставить в кавычки), внешняя политика зависимых стран, всевозможные тайные действия — все это координируется из единого центра». Основой тоталитарной системы является — идеология.

Идеология — наиболее загадочный элемент советской системы. Одни отрицают ее значение: «Большинство аналитиков, — считает английский экономист, — будут согласны с тем, что идеология (то есть марксизм-ленинизм) не является влиятельной силой в СССР». Другие считают, что идеология умерла, ибо никто в марксизм-ленинизм не верит. Александр Солженицын, не сомневаясь в живучести идеологии, убеждал «вождей Советского Союза» отбросить ее: «Стяните, стряхните со всех нас эту потную грязную рубашку, на которой уже столько крови, что она не дает дышать живому телу нации...»

А. Солженицын настаивал на необходимости отказаться от идеологии марксизма-ленинизма, ибо это «ложная доктрина», «битая идеология», которой «нечем ответить на возражения, на протесты, кроме оружия и решетки». Логические аргументы, отвергающие доктрину, редко ей вредят. Тем более, что трудно считать «битой» идеологию, которая распространяется по миру со скоростью лесного пожара.

Непонимание сути советской идеологии объясняется, в частности, отношением к ней, как к религии, требующей «веры». Советская идеология еще в сталинскую эпоху истребила всех «верующих» и объявила «веру» опасным уклонением от «генеральной линии» Советские психиатры, познакомившись с взглядами убежденного коммуниста И. Яхимовича, написавшего в 1968 году письмо в ЦК с протестом против вторжения в Чехословакию и процессов диссидентов, которые, по его мнению, наносили серьезный ущерб делу коммунизма во всем мире, нашли его больным. «Он заявляет, — говорится в экспертном заключении, — что никогда и ни при каких условиях не изменит идее борьбы за коммунистический строй, за социализм... На основании вышеизложенного комиссия приходит к заключению, что Яхимович обнаруживает паранойяльное развитие у психопатологической личности. Состояние больного должно быть приравнено к психическому заболеванию, а поэтому в отношении инкриминируемых ему деяний И. А. Яхимовича следует считать невменяемым. Нуждается в прохождении принудительного лечения в больнице специального типа».

Идеология давно перестала быть системой взглядов, философской доктриной. Она давно превратилась в технику обработки человеческого сознания, в технику превращения человека в Советского Человека. А. Солженицын констатировал: «...Штампы принудительного мышления, да не мышления, а диктованного рассуждения, ежедневно выталкиваемые через магнитные глотки радио, размноженные в тысячах газет-близнецов, еженедельно конспектируемые для кружков политучебы — изуродовали всех нас, почти не оставили неповрежденных умов». Герой *«Желтого дома»* А. Зиновьева, сам работник идеологического фронта, перечисляет формы идеологической работы — Вечерние Университеты Марксизма-Ленинизма, Комсомольские школы, газеты, журналы, школьные уроки, радио, телевидение. И делает вывод: «Не играет роли как люди к этому относятся про себя или в беседах с близкими. Важно тут одно: они постоянно находятся в мощном поле идеологического воздействия, и как бы они к нему ни относились, они так или иначе суть частицы в этом поле, они от него имеют определенный заряд, положение, ориентацию и т. д.»

Идеология не отпускает советского человека от рождения до смерти. *«Правда»*, признав, что «человек занят на производстве треть своего времени», отвергает точку зрения, по которой остальное время — это личное время: «Использование свободного времени, поведение в быту, общественном месте — проблема не только отдельно взятой личности. Как уже не раз говорилось, это вопрос общегосударственный, требующий самого серьезного внимания партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций».

Идеологическая армия в СССР превышает по численности советскую армию, флот и авиацию. Секретарь ЦК Казахстана с гордостью сообщил на очередном Идеологическом совещании, что в уборке урожая 1979 года участвует вместе с колхозниками «большой отряд идеологических работников — свыше 140 тыс. агитаторов и политинформаторов, лекторов и политдокладчиков, культпросветработников, деятелей литературы и искусства». 140 тыс. человек — это примерно 10 дивизий полного состава. Руководитель идеологического фронта М. Суслов обращаясь ко всем своим солдатам, говорил о «многомиллионной армии идеологических кадров», которая должна охватить своим влиянием всю массу и в то же время дойти до каждого человека». Процесс воспитания, разъяснил секретарь ЦК комсомола, «должен быть непрерывным» и действовать всюду — дома, на работе, на улице.

Идеология регулирует поведение советских людей и с помощью отработанной системы приемов вызывает у них эмоции и рефлексы, необходимые в данный момент партии. От советских граждан не требуется вера. Они должны повторять очередные лозунги, не веря в них, смеясь над ними (про себя), или даже не повторять, а только их слышать. Достаточно участвовать в обряде, и тогда идеология будет проникать в мозг и кровь.

Два столпа, на которых стоит идеология: партия всегда права, ибо она ведет в коммунизм, в светлое будущее; ненависть к врагу неотъемлемое качество советского человека. «Вашей бесплодной атмосферой стала ненависть, ненависть, не уступающая расовой», — писал А. Солженицын. Как бы желая подтвердить слова писателя, подполковник Демин учит солдат: «Справедливая, благородная ненависть к империалистическим агрессорам и сегодня служит ярким выражением любви к Родине». Когда и кого следует ненавидеть определяет партия. И начинает идеологическое воспитание советского человека в раннем детском возрасте.

Детей еще в детском саду воспитывают в любви к партии и ненависти к врагам. Важным элементом идеологического формирования ребенка является военное обучение, которое начинается с 10 лет. В военной игре «Зарница» участвует каждое лето в военных лагерях 16 миллионов юных пионеров (от 10 до 15 лет). Командует военной игрой маршал И. Баграмян. Для юношей и девушек 15-18 лет организуется ежегодно военная игра «Орленок». Маршал Гречко назвал «Зарницу» «одной из наиболее важных форм военно-патриотического воспитания юношества». Высоко оценил подготовку игры «Орленок» генерал авиации Береговой.

Идеология осуществляет важнейшую функцию в советском обществе — инфантилизацию советских граждан. Как строгий отец ленивого и непослушного ребенка, идеология учит, как понимать события окружающего мира, как себя вести, как относиться к членам семьи, соседям и чужим. На идеологическом совещании в 1979 году Суслов поставил перед армией идеологов новую задачу, вызванную экономическим кризисом: «разработать проблему формирования разумных потребностей».

Гегелевская формула: все действительное разумно и все разумное действительно, получает новое содержание: действительно то, что партия считает разумным. Это значит — без идеологии жизнь невозможна. Идеология позволяет превращать фикцию в реальность и кормить словом.

Культ Генсека

Первая половина 70-х годов была временем рождения культа Генерального секретаря. Никакие решения, принятые в горячке после свержения Хрущева, никакие разговоры о «коллективном руководстве» не могли остановить неудержимого восхождения Генсека.

Идеология требует Вождя — Жреца, в котором она находит свое внешнее, телесное воплощение.

Карьера Брежнева, повторяющая в главных чертах карьеры его предшественников — Сталина и Хрущева, позволяет сделать вывод о невозможности для государства советского типа обойтись без Вождя. История Китая, после смерти Мао, выполнявшего функции Ленина и Сталина одновременно, подтверждает универсальность системы: обожествленный Мао через несколько месяцев после смерти начинает мешать новым вождям, ведущим ожесточенную борьбу за власть. Они приступают к «демаоизации», выбирают для себя цитаты из его произведений, примеры его деятельности, необходимые им для устранения противников и занятия его места.

Борьба против «реабилитации Сталина», которая была одной из важных задач пробуждавшегося общественного сознания в конце 50-х — первой половине 60-х годов,

сыграла значительную воспитательную роль. В то же время она создала иллюзию победы, которой не было.

Реабилитация Сталина произошла, ибо он очищен от обвинения в преступлениях. Отброшены «субъективистские и односторонние суждения» относительно подготовки к войне с Германией и хода войны. Брежнев изрек: «Наша партия предвидела возможность военной схватки с силами империализма, готовила страну и народ к обороне».

Реабилитация Сталина не произошла, ибо его место занято другим. Первый генеральный секретарь включен в небольшой иконостас Вождей, но отодвинут на третье место — после Ленина и Брежнева.

Восхождение Генсека шло в двух направлениях — оба вели к цели. Первое направление — консолидация личной власти. В результате «ползучей чистки» Брежнев к 15-летию занятия им поста первого секретаря избавился от всех своих действительных и потенциальных соперников в Политбюро и Секретариате ЦК. Изменение состава руководящих органов (исключение соперников, замена их пре. данными вассалами продолжалась долго и ограничилась политической, а не физической ликвидацией исключенных) привело к цели. В 1980 году власть сосредоточилась в руках Внутреннего кабинета Брежнева, возглавляемого К. Черненко, введенного в состав Политбюро. Члены «днепропетровской мафии», вассалы Брежнева, только ему обязанные властью, заняли ключевые позиции в центральном аппарате. Первый и второй заместители председателя КГБ — «днепропетровцы» (к ним принадлежит и министр внутренних дел), четыре заместителя председателя Совета министров — также члены «мафии». В 1978 году был принят специальный закон о «коллегиальности в работе Совета министров СССР» оставивший за главой правительства Косыгиным лишь номинальную власть.

15-летие пребывания у власти Л. И. Брежнев встретил на постах генерального секретаря ЦК, председателя Президиума Верховного Совета СССР, председателя Совета обороны, верховного главнокомандующего. Хрущев нарушил решение о несовмещении постов первого секретаря ЦК и председателя Совета министров, принятое после смерти Сталина. Брежнев такое же решение, принятое после свержения Хрущева, не нарушил, а обошел: он совместил посты генерального секретаря и главы государства.

Одновременно с консолидацией власти происходила «культивизация», превращение генерального секретаря в Вождя. Модель Вождя нарисовал преданный сталинист Всеволод Кочетов. После свержения Хрущева, редактор журнала *«Октябрь»* изобразил портрет не оправдавшего надежды партии вождя и изобразил портрет нужного Вождя. Совершив экскурс в историю, Кочетов сравнивает двух русских царей — Ивана Грозного и Василия Шуйского:[56] «...Чтобы Россией-матушкой управлять, надо на плечах, ой, ой, какую большую голову иметь! Одной наглости маловато для этого, мудрость нужна, неторопливая государственность. И громадное образование. Ну, а Шуйский, что он? Так себе, выскочка. Покуражился, покорчил из себя царя российского, да и слетел с престола без всякой славы...»

По этой модели создается образ Вождя Брежнева: неторопливый, рассудительный, мудрый, с «громадным образованием». Прежде всего, ему дается выдающаяся военная карьера и присуждается звание маршала Советского Союза. В 1979 году на его парадном мундире можно было насчитать 60 орденов, в то время, как крупнейший полководец второй мировой войны маршал Жуков имел 46 орденов. Брежневу приписывается решающая роль в победе над Гитлером. Ему вручается Золотая медаль Карла Маркса за «выдающийся вклад в развитие марксистско-ленинской теории, в научную разработку актуальных проблем развития социализма и всемирно-исторической борьбы за коммунистические идеалы». Он награждается Ленинской премией за сохранение мира. Открывая бронзовый бюст Брежнева, поставленный на его родине, первый секретарь ЦК Украины констатировал: «Мы с полным правом можем сказать: прочный мир, справедливый мир на земле и имя Леонида Ильича Брежнева — неотделимы».

В 1933 году, отвечая члену партии, который решил послать свой орден Сталину, желая выразить восхищение вождем, генеральный секретарь, известный своей скромностью писал: «Ордена созданы не для тех, которые и так известны, а, главным образом — для таких людей-героев, которые мало известны... Кроме того, должен Вам сказать, что у меня уже есть два ордена. Это больше, чем нужно, — уверяю Вас». В конце жизни Сталин изменил свое отношение к орденам. И не только, видимо, потому, что почувствовал, что

два ордена — нищенская награда за то, что он сделал, но и потому что понял магическую силу наград — орденов, медалей, мундиров.

Ритуально-мистическая сторона советской идеологии ждет своего исследователя. Необъяснимые рационально явления воспринимаются партией как естественный феномен. Старая большевичка Лазуркина, многолетняя узница сталинских лагерей, выступила на XXII съезде с рассказом о разговоре, который она имела с Лениным во сне. Ленин просил убрать из мавзолея докучливого преемника. И съезд выполнил волю покойного вождя — убрал Сталина из Мавзолея. Белорусский поэт публикует в минском журнале поэму, в которой пишет о телефонном звонке Ленину: «Имеем право мы: буди! Имеем право мы: звони!»

2 марта 1973 года все советские газеты сообщили о том, что Брежнев начал очередную чистку в партии — обмен партийных документов, — вручив 1 марта, в присутствии членов Политбюро и секретарей ЦК, партийный билет нового образца за № 00000001 Ленину, Владимиру Ильичу. Билет № 2 получил Брежнев, Леонид Ильич. Мистическая передача символа власти совершилась.

21 апреля 1979 года «по требованию трудящихся» Л. И. Брежневу была присвоена Ленинская премия по литературе. Награды удостоились три брошюры — *«Малая земля»*, *«Возрождение»*, *«Целина»*, рассказывавшие от первого лица о подвигах Брежнева на войне, на индустриальном фронте, на сельскохозяйственном фронте. Генеральный секретарь был объявлен лучшим писателем страны. Сталин, твердо веривший в магическую силу слова, всю жизнь мечтал быть признанным как Поэт. Осуществить мечту удалось Брежневу. Председатель Союза советских писателей Г. Марков объявляет «книги Брежнева» «наукой побеждать», заверяет, что «по популярности, по влиянию на читательские массы, на их созидание книги Леонида Ильича не имеют себе равных».

читательские массы, на их созидание книги Леонида Ильича не имеют себе равных». Литература официально была объявлена «партийной пропагандой», Верховный Жрец объявлен Хранителем Слова.

При вручении премии лауреат обещал: «Если выкрою время, если сумею, то записки продолжу».

Культ Брежнева казался невозможным в 1964 году, как невозможным казался культ Хрущева в 1954, а культ Сталина в 1924 году. Исторический опыт свидетельствует о том, что качества, необходимые генеральному секретарю, выявляются лишь в ходе жесточайшей борьбы. К тому времени, когда достигается победа, генеральный секретарь развивает имевшиеся и приобретает недостававшие ему качества. Он обтесывается, пока не принимает необходимую форму, проявив незаурядные способности: хитрость, ловкость, осторожность, беспощадность и полное пренебрежение всякими догмами.

Репрессии

Крупнейший знаток большевизма Борис Суварин объясняет происхождение советского государства так: Ленин был одержим двумя историческими прецедентами — якобинцы потерпели поражение, ибо недостаточно гильотинировали, парижские коммунары потерпели поражение, ибо недостаточно расстреливали. Нужно избежать этих ошибок и террор нарастает кресчендо.

С октября 1917 г. террор становится важнейшим элементом строительства социалистической утопии. Во всех странах, вступающих на путь строительства лучшего мира по советскому образцу, всюду — от Кубы до Камбоджи, от Албании до Эфиопии, от Чехословакии до Китая — сопротивление коммунистам подавляется жесточайшим образом. Террор рассматривается как единственная возможность навязать большинству населения власть меньшинства.

По сравнению со сталинским террором преследования хрущевской эпохи казались предельно мягкими. Они получили название — репрессии.

Советские граждане, и в том числе подвергавшиеся преследованиям и посаженные, и западные наблюдатели настолько привыкли к сталинским размерам террора, что его замену репрессиями сочли изменением режима.

Немецкий психолог Бруно Беттельгейм, побывавший в гитлеровских концлагерях, а затем получивший возможность эмигрировать в США, анализировал поведение эсесовской охраны и заключенных. Б. Беттельгейм отмечает особое значение в процессе психического уничтожения личности безжалостной, бессмысленной, тотальной жестокости по отношению к заключенному сразу же после ареста. Классическое описание этого процесса дает А. Солженицын в сцене ареста Володина в романе *«В круге первом»*. Психологический шок долгих лет сталинского террора, испытанный целым народом, оставил после себя Большой Страх, который замещает Большой террор.

Преемники Ленина и Сталина имеют возможность применять террор выборочно, в тех направлениях, где обнаруживается тенденция к уменьшению Большого Страха.

Репрессии эпохи Хрущева и Брежнева стали реальным отражением происходящих в обществе процессов, разоблачающих фикцию тотального подчинения идеологии. Репрессии вытаптывают прорастающие сквозь выжженную террором почву ростки сопротивления.

Первое направление преследований — диссидентское движение. В 1978 г. *«Краткий политический словарь»* впервые включил статью «диссиденты». «Диссиденты» — по определению Словаря — «люди, отступающие от учения господствующей церкви (инакомыслящие)». Империалистическая пропаганда, объясняет Словарь, использует этот термин «для обозначения отдельных отщепенцев, оторвавшихся от социалистического общества, лиц, которые активно выступают против социалистического строя, становятся на путь антисоветской деятельности, нарушают законы и, не имея опоры внутри страны, обращаются за поддержкой за границу, к империалистическим подрывным центрам — пропагандистским и разведывательным». Это определение достаточно широко, чтобы охватить всех «отступающих от учения господствующей церкви» — советской идеологии. Статья «диссиденты», звучащая как обвинительное заключение, заканчивается приговором, сформулированным Брежневым: «Наш народ требует, чтобы с такими, с позволения сказать, деятелями обращались как с противниками социализма, людьми, идущими против собственной Родины, пособниками, а то и агентами империализма. Естественно, что мы принимаем и будем принимать в отношении их меры, предусмотренные законом».

Крупнейший специалист по диссидентству — председатель КГБ Андропов, расшифровывая слова генерального секретаря, относит к числу диссидентов людей, «побуждаемых политическими или идейными заблуждениями, религиозным фанатизмом, националистическими вывихами, личными обидами и неудачами... наконец, в ряде случаев психической неустойчивостью». Председатель КГБ напоминает, что «социалистическая демократия носит классовый характер». Следовательно, «все советские граждане, интересы которых совпадают с интересами общества, пользуются высшими демократическими свободами. Совершенно иначе обстоит дело, если эти интересы не совпадают». В этом случае: «Пусть нам не твердят о гуманизме». В 60-ю годовщину революции председатель КГБ торжественно прокламирует закон социалистической демократии, все, кто с нами согласен, совершенно свободны быть с нами согласными.

Начало 70-х годов было кульминацией первого периода диссидентского движения, развивавшегося прежде всего под лозунгом защиты прав граждан, соблюдения закона. Смелость диссидентов, предающих широкой гласности факты нарушения законов и репрессий, поражает мир. А. Солженицын и А. Сахаров дают пресс-конференцию иностранным журналистам. Американский журналист демонстрирует по телевидению выступления Владимира Буковского, Александра Гинзбурга, Андрея Амальрика и Петра Якира, причем Гинзбург присылает пленку с записью своего комментария из лагеря. П. Якир определил новое положение в стране: «При сталинизме всегда был железный занавес, и никто не знал, что здесь творится. Сейчас мы стараемся каждый арест, каждое

занавес, и никто не знал, что здесь творится. Сейчас мы стараемся каждый арест, каждое увольнение с работы предавать гласности, то есть информировать людей о том, что происходит в нашей стране». Основание в 1970 году А. Сахаровым, А. Твердохлебовым, В. Чалидзе Комитета защиты гражданских прав — первой открытой диссидентской группы, награждение А. Солженицына Нобелевской премией в октябре того же года были восприняты, как победа диссидентства и вызов власти. Открытая деятельность диссидентов рассматривалась как проявление слабости власти и уступки Западу, как смена «разрядки». Западное общественное мнение, пораженное смелостью советских диссидентов, выступает в их защиту: «...сила западной гневной реакции была неожиданна для всех и для самого Запада, давно не проявляющего такой массовой настойчивости против страны коммунизма, и тем более для наших властей, от силы этой реакции они просто растерялись».

Арест П. Якира в июне 1972 года показал, что КГБ разработал тактику борьбы с «инакомыслием». Она останется неизменной на протяжении всех 70-х годов. Каждый «инакомыслящий» становится объектом бдительного внимания, окружается тайными и явными агентами. Инкубационный период заканчивается, когда выясняются все друзья, единомышленники, сочувствующие. Затем производится один или несколько арестов, организуется процесс. Шум, вызываемый процессом над ставшим известным диссидентом, концентрирует на себе внимание Запада. Под этот шум производятся аресты неизвестных диссидентов — репрессии, как камень брошенный в воду, расходятся широкими кругами. Страх возвращается.

Суд над Якиром и Красиным, организованный в августе 1973 года, был первым послесталинским политическим процессом, на котором обвиняемые признались и раскаялись. Советские следственные органы вновь используют «раскаяние» как форму борьбы. Большинство диссидентов отказывается «раскаяться» и использует суд, как трибуну для выражения своих взглядов. «Самиздат» распространяет выступления на процессах В. Буковского, А. Амальрика, Ю. Орлова, А. Твердохлебова и других. Советская пропаганда — печать, телевидение — распространяет выступления «покаявшихся диссидентов»: П. Якира, украинца Ивана Дзюбы (1976), грузина З. Гамсахурдия (1978), священника Дмитрия Дудко (1980).

В 70-е годы КГБ громит правозащитное движение, подвергает арестам членов групп по наблюдению за выполнением Хельсинкских соглашений, созданных в Москве в 1975 году по инициативе Юрия Орлова, а затем на Украине, в Литве, Грузии и Армении (1976—77), инициаторов создания свободных профсоюзов (1978—80), верующих, участников национальных движений. Рапорт Эмнести Интернейшенел «Политические заключенные в СССР: отношение к ним и условия заключения» перечисляет наиболее распространенные

виды репрессий: «лагерь, тюрьма, психиатрическая больница, в которой заключенные пользуются меньшими правами, чем их товарищи в лагерях, ссылка и высылка».

Преследования, которым подвергаются диссиденты за «инакомыслие», являются лишь частью репрессивной политики государства. Поскольку «цель коммунизма — всестороннее и гармоническое развитие личности», постольку, утверждают советские философы, «эта цель не может быть достигнута без активной регулирующей и организаторской деятельности государства». Репрессивная политика в СССР объясняется воспитательной необходимостью, борьбой с «пережитками прошлого». Главные пороки в обществе «реального социализма» — это «хищение социалистической собственности, прогулы, злоупотребление спиртными напитками».

Воровство и коррупция приобрели всеобщий характер, позволяющий советскому адвокату сделать вывод о превращении СССР в 60—70-е годы в «клептократическое государство». Алкоголизм приобрел чудовищные размеры. На пленуме Верховного суда СССР приводились результаты исследования, проведенного в одном районе Литовской республики. В 1963 г. на одного жителя приходилось в среднем 8 литров водки, в 1973 г. — 28,5 л. В среднем каждый житель района (Литва — одна из передовых по культуре республик СССР) потратил на водку 230 руб., а на книги — 3 руб.

Одним из последствий алкоголизма является резкое увеличение числа заключенных. Только в 1974 г. к суду было привлечено 600 тыс. шоферов за вождение машины «в нетрезвом виде». Каждое дело заканчивалось осуждением на лагерный срок.

Государство, делая вид, что борется с алкоголизмом, поощряет его, ибо значительная часть бюджета строится на продаже спиртных напитков, и потому что пьянство одурманивает население, отвлекая его от забот трудной жизни. Государство преследует хищения и коррупцию и прикрывает на них глаза, поскольку они служат смазкой, позволяющей социалистической экономике существовать. Разложение общества в результате повального пьянства и всеобщей коррупции усиливает государство: все граждане виновны и государство вольно карать их или миловать. В первом случае оно справедливо, во втором — добро. И всегда — право.

Пьянство назвал серьезной проблемой Брежнев в докладе на XXVI съезде КПСС. По неопубликованным сведениям 40% советского населения страдает алкоголизмом, а 20% неизлечимо. Но алкоголизм далеко не единственная проблема советского общества. С 1975 г. в Советском Союзе прекратилась публикация статистических данных о детской смертности. И совсем не случайно.

Согласно последним данным, опубликованным Центральным Статистическим Управлением, детская смертность в СССР возросла между 1970 г. и 1975 г. более, чем на 1/3. Американские исследователи установили на основании различного рода данных, что власти не включали в статистические данные по крайней мере около 14% всех случаев детской смертности. Согласно их подсчетам детская смертность в Советском Союзе составляла 40 на 1000 родившихся, в то время как в США и в Западной Европе лишь 13 на 1000. Ожидаемость жизни в СССР также понизилась с начала 60-х годов. Сейчас она на 6 лет ниже, чем в других развитых странах. В таком положении не находится ни одна из европейских стран. СССР теперь сравнивают по детской смертности и ожидаемости жизни с развивающимися странами Латинской Америки и Азии (Коста-Рика, Ямайка, Малайзия, Шри Ланка, Мексика). 0бъяснить этот процесс можно лишь частично, отнеся его за счет ухудшения питания населения, роста алкоголизма, заражения окружающей среды, уничтожения природы, увеличения несчастных случаев на производстве, ростом

уничтожения природы, увеличения несчастных случаев на производстве, ростом автомобильных аварий, последствиями частых абортов. Но известно также, что смертность увеличилась среди рабочих металлической промышленности в Харькове, женщин средних лет, работающих в колхозах и пр.

В 1975 г. почти каждая возрастная группа в СССР имела более высокую смертность чем в 1960 г. В возрастной группе свыше 50 лет смертность увеличилась почти на 20%, для 40-летних более чем на 40%.

Ожидаемость жизни снизилась для мужчин, начиная с 1965 г., на 4 года.

Одна из причин — ухудшение медицинского обслуживания. Исследователи приходят к выводу, что помимо снижения расходов на здравоохранение (1965 — 6,6% госбюджета, 1978 — 5,2%) средства тратятся не на улучшение медицинского обслуживания, а на расширение его. Между тем лишь грипп убивает ежегодно десятки тысяч детей в младенческом возрасте. Хотя в стране медицинского персонала в два раза больше чем в США, но качество подготовки гораздо хуже. Медицинские работники одна из хуже всех оплачиваемых категорий работников в СССР и профессия медика не является престижной. Плохая подготовка медицинского персонала ведет к резкому росту послеоперационных смертей и осложнений.

В СССР медицинское обслуживание считается бесплатным. Но здесь, также как и в других областях экономики, процветает коррупция. Хочешь хорошего доктора — плати, хороший уход — плати сестре или няне.

Практически в СССР происходит кризис здравоохранения. Но это лишь одно из проявлений перманентного кризисного состояния советской экономики.

В. Буковский пишет о подсчетах, произведенных им и его друзьями в лагере: «По нашим самым аккуратным подсчетам, число заключенных не бывает меньше 2,5 млн., — это 1% населения, каждый сотый». По официальным данным (неофициальным образом, вывезенным на Запад) в 1976 г. было осуждено 976 090 человек. На 1 января 1977 г. в лагерях и тюрьмах СССР отбывало наказание 1 612 378 чел. Кроме того, на «стройках народного хозяйства» отбывало наказание 495 711 чел. Ю. Орлов, осужденный 18 мая 1975 г. за создание Хельсинкского комитета на 7 лет лагеря и 5 лет ссылки, подготовил с друзьями рапорт о числе заключенных в СССР в 1979 г. В конце 70-х годов численность населения тюрем и лагерей составляла, по их подсчетам, не менее 3 млн. человек. К этому числу следует добавить около 2 млн. «малосрочников» (осужденных на срок до 3 лет), отбывающих свой срок «на стройках народного хозяйства», как говорят, «на химии». [57]

Высокий процент преступности поддерживается государством из политико-воспитательных соображений и по экономическим причинам. Закон о борьбе с «тунеядцами» аналогичен знаменитым английским средневековым законам о наказании за бродяжничество. Статья 209 Уголовного кодекса предусматривает «лишение свободы на срок до 2 лет или исправительные работы на срок от 6 месяцев до 1 года» за «систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством». В связи с постановлением ЦК КПСС «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушителями», принятом в ноябре 1979 г., которое давало сигнал к очередной усиленной волне репрессий, тунеядцем был объявлен каждый, кто «на протяжении длительного времени (а именно 4 месяцев плюс месяц предупреждения) не работает». Статья 209 применяется после постановления и к тем, кто живет дома, не попрошайничает, но физически здоров. Новая армия «химиков» была отправлена на «стройки коммунизма».

Характер государства определяется различными критериями. Число заключенных — один из них. Даже по официальным данным на 8 февраля 1977 года в стране насчитывалось 1,7 млн. заключенных. При 260 миллионах населения в 1979 году — это несомненный прогресс по сравнению с 15 миллионами при 180 миллионах населения в сталинские годы. Но если вспомнить, что в 1979 году в США насчитывалось 263 тысячи заключенных, а если к ним добавить 140 тысяч краткосрочников, находящихся в муниципальных тюрьмах, то всего около 400 тысяч заключенных, что в 1912 году число заключенных в России составляло 183 тысячи при 140 миллионах населения, результаты, достигнутые после шести десятилетий строительства нового мира, покажутся чрезвычайно красноречивыми.

Национальный вопрос

Октябрьская революция торжественно обещала ликвидировать «национальный вопрос» в бывшей российской империи, которая стала социалистическим государством. Сталин объявил о разрешении национального вопроса. В эпоху «реального социализма» была найдена формула, выражающая прошлое, настоящее и будущее проблемы. Прошлое — капитализм — разделяет и отчуждает нации, а социализм «творит новые, высшие формы человеческого общежития»; настоящее — будущее: «развитие советского народа — залог создания в будущем качественно новой общности людей, охватывающей все народы мира, вставшие на путь социализма и коммунизма».

Отмечая 40-летие советской конституции (бывшей Сталинской), председатель Совета национальностей Верховного Совета СССР напомнил, что «и раньше было немало попыток создания обширных империй, начиная от деяний Александра Македонского и кончая гитлеровским «рейхом». Полагая, что многонациональные империи были мечтой человечества, председатель Совета национальностей приходит к выводу, что «лишь с возникновением социалистического государства... вековая мечта человечества нашла реальное воплощение».

Создание «идеальной империи», мечты человечества, углубило национальные конфликты, осложнило национальный вопрос. Он превратился в сложнейшую проблему, включающую национальные проблемы внутри СССР и национальные проблемы народов, составляющих внешний пояс советской империи.

Пробуждение национального сознания народов СССР принимает различные формы. На Украине раздаются призывы к «развертыванию национально-освободительной борьбы и борьбы за демократию». В Армении в 1968 году была создана подпольная Национальная объединенная партия, «цель которой — создание независимого Армянского государства».

Лозунги независимости приобретают широкую популярность в Литве, 14 мая 1972 года молодой рабочий Ромас Каланта сжигает себя в центре Каунаса, заявляя: умираю за свободу Литвы. Похороны Каланты становятся поводом для многотысячных демонстраций, разогнанных милицией. Матрос Симон Кудирка, пытавшийся в 1972 году бежать с борта советского корабля в США и выданный американцами советским властям, закончил свою речь на суде словами: «Прошу дать моей Родине Литве независимость». В Грузии, на Украине, в прибалтийских республиках нарастает сопротивление усиленному внедрению русского языка, «русификации» обучения.

Рим никогда не заставлял завоеванные народы изучать латынь. Язык метрополии навязывался сам собой. Тот, кто хотел сделать карьеру в римском мире, должен был знать латынь. Русский язык необходим всем, кто хочет сделать карьеру в советском мире, тем, кто хочет приобщиться к русской культуре, но одновременно он навязывается всем подданным СССР, ибо является важнейшим инструментом советской идеологии.

Особую форму носит русский национализм. Редактор самиздатовского журнала *«Вече»*, «первого органа русского национального направления, выходящего в СССР», Владимир Осипов, предупреждая в 1972 году, что «русская нация может исчезнуть» утверждал: «Нет иного выхода из нравственного и культурного тупика, в котором оказалась Россия, как опора на русское национальное самосознание...» В. Осипов называл проповедуемый им и журналом *«Вече»* национализм «охранительным», реализацией «инстинкта самосохранения исчезающей нации». Призыв к охране русской нации, господствующей нации в величайшей империи XX века, страх перед исчезновением русской нации, объясняются опасностью советской идеологии, относящейся равно безжалостно к русским национальным ценностям, как и к национальным ценностям других народов.

Советское государство использует разнообразные формы борьбы с национальными движениями, не только не желающими отмирать, но проявляющими тенденцию к неудержимому росту. Первая форма борьбы — старая и испытанная — репрессии. Аресты, лагеря, психиатрические больницы. Чем сильнее национальное движение, тем суровее репрессии — особенно жестоко преследуются националисты на Украине, в Литве, в Армении. 30 января 1979 года ТАСС сообщил о расстреле армянского националиста Степана Затикяна, вместе с ним были казнены Акоп Степанян и Завен Багдасарян. Арестованные в ноябре 1977 года по обвинению в организации взрыва в московском метро 8 января 1977 года, армянские националисты были приговорены к смертной казни закрытым судом и несмотря на то, что алиби обвиняемых было подтверждено многими свидетелями. Расстрел Затикяна, Степаняна и Багдасаряна, первая казнь в политическом процессе в послесталинское время, был недвусмысленным предупреждением националистам.

Важнейшее значение в арсенале методов борьбы с национализмом играет понятие «советского патриотизма», которое представляет собой развитие старой идеи «национал-большевизма». В конце 60-х годов в советских журналах появляются статьи, советские издательства выпускают книги, в которых «национал-большевистские идеи» начинают активно проповедоваться под новым соусом — «неославянофильства». Пропагандируется идея особой миссии России, которая была реализована в социалистической революции. Разрешенный национализм захватывает литературу, изобразительное искусство, другие области культуры. В тех случаях, когда он принимает истерические формы черносотенного русского шовинизма, блюстители советской идеологии включают тормоза. Предупреждая: «Область национальных отношений... в такой многонациональной стране, как наша, — одна из самых сложных в общественной жизни». Излишне подчеркнутый русский национализм может вызвать реакцию в виде «местных национализмов».

Коммунистическая партия использует русский национализм для расширения сферы воздействия советской идеологии. «Раскаяние» священника Дмитрия Дудко составлено в духе «советского патриотизма»: «Я осознаю, что я поддался голосам пропагандистов, стремящихся к подрыву нашего строя... Моя деятельность приобрела еще более антисоветский характер, потому что ее сперва стимулировали, а позднее и направляли из-за границы... Я сожалею, что своей деятельностью причинил вред моей стране, народу, а также Православной церкви».

Священник кается в том, что причинил вред — сначала стране, потом — народу, лишь потом — церкви.

В популярной советской песне говорится: «Забота у нас простая, забота у нас такая — жила бы страна родная, и нету других забот». Единственная забота советских граждан — «страна родная», советская родина. Все остальное не имеет значения. Все остальное служит стране.

Те, кто выражает национальные взгляды, выходящие за рамки дозволенного советской идеологией, подвергается репрессиям. В. Осипов, искренне веривший в русский национализм, смог выпустить с января 1971 года до марта 1974 года 9 номеров журнала *«Вече»*, а затем был арестован и осужден на 7 лет лагерей и 5 лет ссылки. Не поощряются и откровенные последователи нацизма, призывающие к антисемитским погромам и упрекающие партию в излишней мягкости. Советская идеология начала впитывать националистические идеи уже в 20-е годы, приспосабливая их для своих нужд. Но она не может стать националистической — в духе нацизма — ибо потеряет свою сущность, перестанет быть многозначной. Не имея принципов — кроме беспринципности — советская идеология не может по-настоящему принять и принцип национализма.

Наказываются проявления национализма в коммунистических партиях союзных республик. Как правило, это национализм сатрапов, желающих урвать для себя чуть больше власти, стать слегка более независимыми от центра. В 1972 году, например, произошло падение Петра Шелеста, первого секретаря ЦК Украины. Один из вдохновителей интервенции в Чехословакии, сторонник жесточайших мер и репрессий по отношению ко всем проявлениям инакомыслия на Украине, в Советском Союзе и во всех странах Варшавского блока, Шелест показался Политбюро излишне самостоятельным и — карьера его закончилась.

Система управления советскими республиками из Москвы основана на гарантиях административных: второй секретарь ЦК каждой республики — русский. Как правило,

русские — председатель КГБ и командующий военным округом. Однако надежнейшей гарантией верности республики Москве является то, что первый секретарь ЦК и другие партийные и государственные руководители — преданно служат советской власти. За некоторыми исключениями, которые быстро обнаруживаются и ликвидируются, «номенклатура» национальных республик предана Москве — ибо там центр их власти. Русские, живущие в Грузии, Латвии, Узбекистане, других республиках, не чувствуют себя представителями расы господ-колонизаторов, как чувствовали себя англичане в Индии. В то же время в Москве, в Политбюро, в конце 70-х годов ключевые позиции находились в руках украинцев. Русские, селящиеся в национальных республиках, приносят туда не русскую, а советскую культуру. Украинцы в Политбюро ведут не украинскую политику, а советскую.

В *«Одесских рассказах»* Бабеля кавалерист Лева Крик, на упреки раввина, говорящего, что еврей не должен ездить на лошади, отвечает: «Еврей, севший на лошадь, перестает быть евреем».

Украинец, грузин, армянин, казах, став секретарем ЦК, добравшись до вершин власти, теряет свою национальность — становится частью Власти Партии. Каждый удар по этой власти — удар по нему лично. Эта система действует и в отношениях с партиями «братских социалистических стран».

Важнейшую роль в борьбе с национализмом играет официальный антисемитизм. Первая открыто антисемитская книга — *«Иудаизм без прикрас»* Т. Кичко — была выпущена Украинской академией наук в 1964 году. Брошюра Кичко, ее наглость, ее иллюстрации, взятые из гитлеровского *«Штюрмера»*, вызвали на Западе недоумение и протесты. Хрущев, которому оставалось править менее года, вынужден был дезавуировать книжку и временно изъять ее из обращения. Когда в 70-е годы она будет переиздана, то окажется, что среди новейшей антисемитской литературы ей принадлежит скромное место. Шестидневная война 1967 года открывает новую главу в истории советского антисемитизма. Его перестают стесняться, он приобретает полные права гражданства. «Сионизм» становится очередным объектом ненависти, каким были «бывшие», нэпманы, вредители, кулаки и так далее. Он изображается в книгах, журнальных статьях, выходящих миллионными тиражами, телевизионных передачах, кинофильмах — серьезнейшей опасностью для государства. Создается «Постоянная комиссия при секции общественных наук президиума Академии наук СССР по координации исследований, посвященных разоблачению и критике истории, идеологии и практики сионизма».

Моделью и главным источником для антисемитских публикаций становится книга сотрудника ЦК КПСС Ю. Иванова *«Осторожно, сионизм!»*, вышедшая к концу 70-х годов 400-тысячным тиражом. Появляются антисемитские романы Шевцова, Пикуля, Колесникова. *«Борьба с сионизмом»* — великолепный пример всесилия советской идеологии. «Антисионизм» представляется, с помощью цитат из Маркса и Ленина, как форма классовой борьбы. К теории Ленина об империализме, как последней стадии капитализма, советские идеологи добавляют новую главу: сионизм, как последняя стадия империализма.

Антисионизм используется внутри Советского Союза для мобилизации народов страны против общего врага — евреев. Одна из величайших побед советской идеологии в 70-е годы была резолюция ООН, объявившая сионизм формой расизма. Расизм был в репертуаре советской пропаганды одним из немногих слов, имевших однозначный смысл. После резолюции он приобрел многозначность, поставившую его в ряд таких слов, как свобода (формальная и реальная), демократия (буржуазная и социалистическая), гуманизм (псевдо и пролетарский). Советским идеологам удалось завершить дело Гитлера: антисионизм=антисемитизм перестал быть делом только правых, реакционеров, фашистов. Он стал марксистской, то есть научно обоснованной формой борьбы за национальное освобождение. «Антисионизм» — стал пролетарским интернационализмом эпохи «реального социализма».

В последней четверти XX века национальный вопрос в СССР приобретает особенно важное значение в связи с демографическими изменениями, происходящими в стране. Перепись 1970 года засвидетельствовала нарастающую регрессию советского населения. Рост населения в 1959—1970 годах (между двумя переписями) был примерно равен росту в 1926—39 годах. Но 30-е годы были эпохой коллективизации, голода и террора, а 60-е — периодом мира и относительного повышения уровня жизни. Демографы ожидали, исходя из результатов переписи 1959 года, 250 миллионов населения. Его оказалось на 10 миллионов меньше. Самой большой неожиданностью переписи 1959 года были цифры, свидетельствовавшие о падении рождаемости русского населения. Одновременно происходит демографический взрыв в среднеазиатских республиках, среди народов, которых по традиции называют мусульманскими, хотя какое количество населения исповедует ислам, остается далеко не ясным. Ислам в СССР главным образом культурная традиция, а не религия.

В 1970 году население РСФСР составляло 53,7% населения страны, население Средней Азии — 13,7%, население Кавказа — 5,1%. В 1980 году эти цифры будут: 52%, 15,9%, 5,5%, а в 2000 году — 47,2%, 23,0%, 6,6%. В абсолютных цифрах это значит, что к началу XXI века СССР будет насчитывать 310-320 миллионов жителей и около 100 миллионов из них будут коренные жители Средней Азии и Кавказа. Особенно важно, что возрастной состав изменится в пользу так называемого мусульманского населения. Если прогноз сбудется, то в конце века 21,8% населения РСФСР будут дети в возрасте 0—15 лет, 21,8% — старики в возрасте свыше 60 лет. В Узбекистане соотношение будет соответственно — 40% и 8%, в Таджикистане —45,6% и 7,4%, в Туркменистане — 39,5% и 7,9%.

Бурный рост коренного населения в Средней Азии в последнее десятилетие опрокидывает все расчеты демографов. Вместо предсказанного к 1980 году 10% роста населения Средней Азии, оно выросло к 1979 году на 27%. Население Казахстана выросло вместо 6% на 13%, а Азербайджан показал еще более стремительный прирост населения по сравнению с предсказанным — вместо 5,5% в 1980 году —18% в 1979.

Численность узбеков и таджиков увеличилась в период между переписями населения 1970

года на 36%, туркменов на 33%, киргизов на 31%, казахов на 24%, азербайджанцев на 25%.

За пределами Средней Азии и Азербайджана так называемые мусульманские народы показали значительно меньший прирост: татарское население увеличилось всего на 6,5%.

Демографический взрыв в Средней Азии объясняется частично традиционным отсутствием импульса к миграции коренного населения, жизнью, особенно в сельских районах, своей семьей — кланом, связанностью традициями. Поведет ли рост численности населения Средней Азии к изменению политического баланса в союзной структуре, к изменению постоянного курса на русификацию нерусских народов Союза, вопрос довольно спорный. Его решение зависит, в частности, от того, как долго может мусульманское сообщество оказывать пассивное, часто инстинктивное сопротивление вторжению в привычный образ жизни. Перепись 1979 года показала, например, что молодое поколение в среднеазиатских республиках все более овладевает русским языком, что является необходимым условием для их будущей карьеры. По сравнению с переписью 1970 года количество узбеков, считающих русский язык своим вторым языком, значительно возросло: с 1,3 миллиона в 1970 году до 6,2 миллиона в 1979 году.

Демография ставит перед советским государством две трудно разрешимые проблемы. Первая — проблема рабочих рук. Она была официально признана таковой на XXVI съезде КПСС. Сокращение рождаемости ведет к иссяканию источников рабочей силы.

Согласно прогнозам, население СССР должно было вырасти с 243 млн. (перепись 1970 г.) до 267 млн. в 1980 г. В 1979 г. население СССР было чуть больше 262 млн. Произошло сокращение рождаемости среди русского и украинского населения. Русское население составляло в 1979 г. 52,4% от всего населения СССР, т. е. сократилось за 10 лет на 1%.

Дефицит рабочей силы начинают испытывать все советские республики за исключением среднеазиатских. Но главные регионы промышленного развития находятся в западных частях страны и в Сибири. Проблема рабочей силы исключительно сложна. Ведь до сих пор в Среднюю Азию продолжают завозить рабочих из Европейской части СССР. Именно они составляют большинство рабочего населения в новых промышленных центрах Узбекистана. Удастся ли использовать Среднюю Азию как резервуар рабочей силы и каким образом — вопрос остается открытым.

Другая проблема, возникающая в будущем в связи с сокращением рождаемости славянских народов — проблема вооруженных сил, их национального состава, особенно среди офицерских кадров.

Религия

На XXV съезде партии (1976) Л. Брежнев определил советское общество, как «общество, где господствует научно-материалистическое мировоззрение». Тем не менее, советские идеологи признают существование «религиозных пережитков при социализме». Социологическое исследование, проведенное городским комитетом партии в Пскове, выявило, что «примерно 12-13% жителей города считают себя верующими». Можно считать, что такова официальная цифра общего числа православных верующих.

Летчик-космонавт О. Макаров, побывавший в космосе и потому считающийся специалистом по философским проблемам, пишет: «Слово „вера" часто ассоциируется с понятием „религиозная вера". Но я глубоко убежден, что без веры жить нельзя, вот только вопрос — во что же надо верить?» Космонавт объясняет: «Я, как и миллионы других советских людей, верю в науку — всепроникающую, познающую, верю в высокую нравственную силу разума человеческого». Верующие Пскова искали «универсальное средство нравственного воспитания» — в религии.

Шесть десятилетий атеистической пропаганды не смогли истребить стремления человека к вере в Бога, к религии. Имеются признаки, позволяющие говорить о растущем интересе к религии.

Судить об этом можно прежде всего по усиливающимся волнам репрессий, которые обрушиваются на верующих. Документы, опубликованные Христианским комитетом защиты прав верующих в СССР, основанным в Москве в 1976 году, *«Хроникой католической церкви в Литве»*, начавшей выходить в 1972 году, самиздатовским журналом *«Евреи в СССР»* и другими самиздатовскими публикациями, приводят многочисленные факты преследований верующих Закрываются церкви: за два года — с 1959 до 1961 года — число православных церквей было сведено с 20 до 7 тысяч. Строго запрещается и сурово наказывается воспитание детей в религиозном духе. Государство бережно хранит свою монополию на воспитание советского человека. Специалист по атеистической пропаганде указывает, что «два прямо противоположных влияния» приводят к «внутренней борьбе, приносящей вред духовному здоровью ребенка... которая истощает нервы и может привести к серьезным заболеваниям».

Преследования верующих — одна из форм борьбы с религией. Вторая форма — контроль над церковью. Он осуществляется Советом по делам церквей, в задачу которого входит постепенная ликвидация религии и использование ее — пока она существует — в интересах государства. Представление о целях и формах контроля дает секретный отчет Совета по делам православной церкви, опубликованный в Париже. Нет оснований сомневаться, что советы по делам всех церквей (католической, мусульманской и других) действуют подобным образом.

Теоретической базой работы Совета по делам церкви, как следует из Отчета, является убеждение, что «религия всегда была и будет стоять на чуждых марксизму позициях», но «в результате постоянной политической работы с архиериями они... все более становятся на патриотические позиции». Контроль над церковью осуществляется в форме контроля над духовенством — от Патриарха до последнего служки. Строго контролируется набор в три духовные семинарии (Московская, Ленинградская, Одесская) и две академии (Московская и Ленинградская). Каждый кандидат отбирается «местными органами власти», то есть комитетами государственной безопасности. Принцип отбора: как можно меньше священников, но чтобы каждый из них не только проявлял «лояльность и патриотичность к социалистическому обществу... но и реально сознавал, что наше

патриотичность к социалистическому обществу... но и реально сознавал, что наше государство не заинтересовано в возвышении роли религии и церкви в обществе и, понимая это, не проявлял особенной активности в расширении православия среди населения». В результате непрерывного сокращения числа священников на 1 января 1975 года было зарегистрировано 7062 действующие церкви и 5994 священника. Значительная часть священников и епископов оценивается в Отчете положительно — они «не проявляют религиозной активности». В качестве примера «хорошего пастыря» приводится епископ Иона: «Он не проявляет особого усердия в архиерейских службах... Проповеди произносит регулярно, но очень коротко и не очень выразительно, без подъема. Почти каждую проповедь заканчивает призывом к верующим жить в мире, бороться за мир во всем мире, хорошо работать на производстве...» Положительно оценивается деятельность епископа Викторина, который «воспитывает вверенную ему паству в духе любви к нашей дорогой Родине».

«Хорошие пастыри» готовятся в духовных заведениях. Например, в Одесской семинарии, где читались следующие лекции: «Успехи КПСС и Советского правительства в борьбе за осуществление программы мира, выработанной XXV съездом партии», «В. И. Ленин и культурная революция»; «Ленинское учение о коммунистической морали и основных принципах нравственного воспитания»; «Воспитание нового человека — важнейшая задача коммунистического строительства» и тому подобное.

Отчет с гордостью подчеркивает успехи Совета по делам церкви в деле превращения православной церкви в орудие воспитания советских граждан в духе «советского патриотизма», любви к социалистической родине.

Многолетняя деятельность по контролированию православной церкви, по ее разложению дали основание священнику Дмитрию Дудко, незадолго до ареста и позднейшего «раскаяния», говорить о Церковной иерархии, как «ставленниках от безбожников». На собственный вопрос: «Но хотя бы, верующие они?» он ответить не мог. Дмитрий Дудко хорошо понимал, что «органы» манипулируют Церковью прежде всего, «играя на русскости: ведь вы русский человек, мы тоже русские, надо быть вместе». В *«Архипелаге ГУЛаг»*, великой книге, возвращающей народу память, А. Солженицын вспоминает, что в 1922 году на процессе эсеров, подсудимых уговаривали признаваться, убеждая: «Ведь мы же с вами революционеры!», в 1924 году Б. Савинкова уговаривали на суде: «Ведь мы же с вами — русские!», в 1937 году завораживающая мелодия звучала: «Мы же с вами коммунисты!»

«Укрощенная» религия позволяет советской идеологии расширить свой словарь и сферу воздействия. Альбом «Богоматери Донской» издается с предисловием, объясняющим, что «глубоко эмоциональный образ Донской богоматери воплотил в себе прогрессивные идеи русского народа, формировавшиеся в его борьбе за независимость». Поэт С. Смирнов, воспевая в 60-ю годовщину Октябрьской революции замечательных советских людей, завершает поэму словами: «Да хранит их сам бог плюс Советская власть». Советский поэт пишет «бог» с маленькой буквы, а Советская власть — с большой. Он перефразирует знаменитое высказывание Ленина о коммунизме, как советской власти плюс электрификации. Для С. Смирнова «бог» выполняет роль электрификации на новом этапе, на котором «Советская власть» стала сильнее, чем когда-либо раньше. В апреле 1933 года Гитлер заявил в рейхстаге: или христианин или немец, нельзя быть одновременно и тем и другим. Советский гражданин может быть верующим, если только вера не мешает ему быть, прежде всего, советским патриотом.

Наибольшие трудности советская власть испытывает в Литве, население которой в своем большинстве — католики. Объясняется это тем, что для литовцев религия и национальная принадлежность — неразрывны.

Число католических церквей в Литве не перестает сокращаться, как и число всех других церквей в СССР. В 1974 году насчитывалось в Литве 628 костелов и всего 554 ксендза. Но если учесть, что население республики составляло на 1979 год 2,8 миллиона, то сравнительно число костелов было значительно выше, чем число православных церквей. Русское население страны по переписи 1979 года насчитывало 137397 тысяч человек. Епископат католической церкви в Литве «проявляет тенденцию к подчинению нажиму властей, но не является слепым орудием коммунистических правителей». Пример католической церкви в соседней Польше, избрание кардинала Войтылы папой, укрепляют позицию литовских католиков.

Вторая крупнейшая религия в СССР — ислам. Советский Союз с его 50-миллионным населением является пятой мусульманской державой после Индии, Пакистана, Бангладеша и Индонезии. Отношения между государством и исламом подобны отношениям советской власти со всеми другими религиями: власть стремится его ликвидировать, а в процессе ликвидации использовать в своих интересах.

В 1959 году до хрущевской антирелигиозной кампании насчитывалось примерно 1200 мечетей, в 1977 году их число сократилось до 300. Два мусульманских университета (в Бухаре и Ташкенте) выпускает около 50 духовных лиц в год. Политика по отношению к исламу, намеченная в 30-е годы, предвидела как первую фазу «сближения» мусульманских народов с другими советскими национальностями, а затем «слияние» — биологическое, культурное и языковое со «старшим братом» — русскими. В 60-е и 70-е годы жизнеспособность ислама за пределами СССР не нуждалась в доказательствах. Особенность ислама как религии позволяет духовенству утверждать единство мусульман, независимо от того, являются ли они верующими или неверующими. Мусульманское духовенство нашло новые формы соблюдения обрядов, которые не ведут к конфликту с властью, но позволяют мусульманам ощущать свою связь с миром ислама.

Важным элементом идеологии ислама в СССР является тезис о «мирном сосуществовании» ислама и коммунизма. На съезде советских мусульман в Ташкенте в 1970 году говорилось: «Советские руководители не верят ни в Бога, ни в его Пророка... но тем не менее они осуществляют законы, которые продиктовал Бог и объяснил его Пророк». Или: «Я восхищаюсь гением Пророка, провозгласившего социальные законы социализма. Я счастлив, что большое число социалистических принципов это осуществление заветов Магомета». Мусульманское духовенство активно пропагандирует советскую внешнюю

политику за границей. Крупнейший знаток советского ислама А. Беннигсен называет главу духовного управления Средней Азии и Казахстана муфтия Зияутинхана ибн Ишан Бабахана «наиболее эффективным представителем советской номенклатуры в несоветском мусульманском мире». Муфтий разъезжает по мусульманским странам и свидетельствует «о расцвете ислама в СССР и его свободе».

Особенностью советского ислама является существование наряду с религией «официальной», находящейся под контролем Совета по Делам религиозных культов, «параллельного» ислама — тайных суфийских братств — тарикат. Они хорошо организованы, динамичны и враждебны советскому строю. Благодаря им ислам сумел выжить как религия и как «образ жизни».

Сочетание этих двух форм религиозной жизни позволяет «социальному» исламу идти на компромиссы, выполнять пропагандистские задания государства, добиваясь в свою очередь некоторых уступок. Мусульманское духовенство строит свою политику в расчете на вечность, советское государство стремится получить немедленную пользу. В 60-е и 70-е годы в мусульманских республиках не было диссидентов. В западной печати сообщалось, что первая волна советских войск, вошедших в Афганистан, состояла из частей Среднеазиатского военного округа, среди которых было много коренных жителей Средней Азии. После вторжения в Афганистан представители советских мусульман отправились в мусульманские страны мира для поддержки советских действий.

Брежнев откровенно говорил на XXVI съезде КПСС в феврале 1981 г. о готовности поддержать те исламские движения, которые ведут к развертыванию «национально-освободительной борьбы». Брежнев, однако, тут же предупредил, что ислам может быть и знаменем контрреволюции.

Советские лидеры сами будут решать, когда считать исламские движения прогрессивными, а когда реакционными. По этой части у советских руководителей накоплен большой опыт.

Симбиоз ислама с марксизмом, практикуемый в СССР, оставляет будущему ответ на вопрос: что произойдет раньше — исламизация марксизма или марксизация ислама.

Третье направление борьбы с религией — наряду с преследованиями и «адаптацией» — создание новых обрядов. Исходя из убеждения, что людей привлекает к религии не столько вера в Бога, сколько обряды и праздники, представители советского «научного атеизма» стремятся воздействовать не только на разум, но и на эмоции. Состоявшееся в 1979 г. Второе всесоюзное совещание-семинар по социалистической обрядности (первое состоялось в 1964 г.) поставило задачу «погасить в сознании верующих иллюзорное солнце», как Маркс называл религию, и зажечь «советское солнце». На совещании были подведены итоги разработки «теории социалистической обрядности», результаты воздействия на советского человека памятников (главный — мавзолей Ленина), Домов бракосочетаний, «красных суббот» и т. п. Рассматривалась работа существующих в республиках «Комиссий по новым обрядам и праздникам», представляющих собою подобие ватиканской конгрегации обрядов.

Важнейшим обрядом остается «политучеба». В 1978 г. свыше 22 млн. человек (это почти 12% населения, включая грудных детей) «занималось в системе партийной учебы». Отметив этот факт, главный идеолог страны М. Суслов рекомендовал проводить «единые политдни»: в этот день — раз в месяц или в неделю — все население городов или областей, в том числе и такие группы населения, которым зачастую уделяется недостаточное внимание «принимают концентрированную дозу идеологии» — выполняют обряд.

Культура

Советская культура эпохи «зрелого» или «реального» социализма является одновременно продуктом и важнейшим инструментом его формирования. Как и во всех других областях жизни прекратились взрывы сталинского времени и резкие повороты хрущевской эры. Социалистическая культура создана, ее формы устоялись и с чудовищной тяжестью давят на общество, консервируя его в достигнутом состоянии. Из прошлого взято все необходимое. Прежде всего, высоко оценены заслуги А. Жданова. «Его выступления по вопросам науки, литературы и искусства, — говорится в „*Правде*", — внесли серьезный вклад в идеологическое воспитание советского народа, в развитие его духовной культуры». Отвергнуто представление о том, что оживление культуры началось после смерти Сталина, после XX съезда: «Начало обновления следует перенести от привычной даты 1956 года вглубь на несколько лет». Историк советской литературы считает, что «обновление» началось при жизни Сталина, что при Сталине началась эпоха Брежнева.

Результаты налицо. Советские социологи, обследовав выпускников средних школ в городе и деревне, пришли к выводу, что «сравнение выпускников 60—70 годов с выпускниками средних школ 20-х годов показало, что в массе своей сегодняшние школьники достигли уровня политической и социальной зрелости, который в те годы был присущ лишь лучшим представителям рабоче-крестьянской молодежи».

Качества, которые требуются от деятелей сегодняшней советской культуры, творцов социалистической культуры, перечислил глава советских писателей: «Верная идейная направленность, партийная страстность, зрелость социалистической мысли, зоркость писательского взгляда» и в самом конце — «большое профессиональное мастерство». Совершенно очевидно, что ни один из великих русских писателей, деятелей искусства, обладавший только «профессиональным мастерством», экзамена на мастера социалистической культуры не выдержал бы.

«Верная идейная направленность», названная первой в числе важнейших критериев, представляет собой основу социалистической культуры и делает ее уникальным феноменом в истории. Один из блюстителей идеологической чистоты советских писателей, признавая, что «правда, как известно, высший критерий художественности в литературе», отвергает традиционное, буржуазное представление о правде. «Все дело в том, для чего нужна правда...» Старейшая советская писательница объяснила преимущество нового общества и его культуры на историческом примере: «Две тысячи лет назад некий римский

общества и его культуры на историческом примере: «Две тысячи лет назад некий римский вельможа Пилат спросил у стоявшего перед ним вожака из простого народа, рыбацкого проповедника: что есть истина? Тот, кто стоял перед ним, не смог ответить. Он молчал... В наше время пришел человек, по-новому организующий общество... Он ответил на вопрос, что есть истина: истина — конкретна».

«Истина — конкретна», следовательно, только партия знает, что есть истина. Следовательно, «верная идейная направленность» — следовать за партией.

Цензура в социалистическом обществе начинается с самоцензуры. Она функционирует в голове писателя, историка, философа. «Истина — конкретна». Поэтому нужно знать, о чем писать можно безбоязненно, а о чем лучше умолчать. Выбирая тему для научного исследования или для романа необходимо выяснить не только «проходимость» или «допустимость», данной темы в данный конкретно-исторический момент, но и предусмотреть возможные возражения идеологических властей. Так начинается цензура. Остальное довершают «компетентные» органы, которым надлежит надзирать за печатью и охранять читателей, а также авторов от уклонения от истин реального социализма. Уклоняющихся же от самоцензуры и от цензуры ожидают крупные неприятности.

Имеются лишь редкие и отрывочные сведения о практике советской цензуры: на Западе опубликовано несколько произведений советских писателей в полном виде. Их можно сравнить с оцензурованными советскими изданиями. Значительно более полное представление о методах и принципах деятельности органа, пропускающего «нужную» и задерживающего «ненужную» правду дает *«Черная книга цензуры ПНР»*.

Документы польской цензуры — «книга запрещений и рекомендаций», инструктажные материалы, цензорские примечания и замечания, — демонстрируют технику обработки человеческого сознания. Есть все основания полагать, что практика советской цензуры служила и служит образцом для польской цензуры.

Смысл цензорской деятельности заключается не в отборе правдивых информации от неправдивых. Цензура вмешивается, запрещает публикацию текстов, передачу их по радио не потому, что они лживы, а потому что есть правда «вредная», а есть «полезная». Цензура стремится закрыть целиком доступ реального мира в информацию. Книги, газеты, журналы, радио и телевидение должны представлять фиктивный мир социализма.

Информационная заметка о материалах, подвергнутых цензуре с 1 по 15 декабря 1974 года, содержит, например, упоминание о запрещении «публиковать материалы, касающиеся снабжения населения (в том числе мясом) и жизненного уровня». Мясо не появится оттого, что о его отсутствии не будут писать. Но отсутствие информации об отсутствии мяса создает иллюзию, что оно есть.

Первым требованием пробудившейся после смерти Сталина литературы было — искренность. Родившаяся иллюзия о возможностях литературы, основанной не «на проповеди, а на исповеди», продолжает жить после отказа опубликовать роман Б. Пастернака *«Доктор Живаго»*, скандала, вызванного его публикацией на Западе и награждением писателя Нобелевской премией по литературе (1958). Публикация повести и рассказов А. Солженицына возрождает надежды на «оттепель», суд над А. Синявским и Ю. Даниэлем наносит им тяжкий удар. Но и 15 лет спустя группа писателей, все еще надеясь, делает неудачную попытку опубликовать в Москве альманах *«Метрополь»*: «попытку культурного компромисса, попытку улучшить климат, попытку влить какую-то новую кровь в дряхлеющее тело».

История советской литературы эпохи Брежнева (литература здесь может служить моделью культуры) зарегистрировала неизменно повторяющееся явление: появлялся талантливый писатель, публиковал свои первые произведения, но едва он начинал представлять реальность в ее подлинном виде, его переставали печатать. И тогда он либо начинал писать для себя, в надежде опубликовать позже или за границей, либо цензурировал себя сам и становился «подлинным советским» писателем. Первый путь выбрали В. Максимов, В. Войнович, Г. Владимов, Ю. Домбровский, А. Синявский. Делал попытки опубликовать свои романы в Москве А. Солженицын. Второй путь выбрал, например, С. Залыгин, автор *«На Иртыше»*, лучшей книги о коллективизации, написанной в послесталинскую эпоху.

Возникают две литературы, две культуры — разрешенная и неразрешенная. В 1974 году неожиданно оказалось возможным выяснить удельный вес этих литератур. В связи с нехваткой бумаги книготоргующие организации предложили продавать «настоящую» литературу — *«Королеву Марго»* А. Дюма, *«Сказки»* Андерсена, Л. Толстого — в обмен на 20 кг. макулатуры. Немедленно выяснилось, что в стране имеется столько макулатуры, что пришлось от обмена отказаться.

С начала 70-х годов ведется генеральная чистка советской культуры — вынуждаются к эмиграции писатели, потерявшие всякую надежду на публикации, художники, которым отказывают в праве демонстрировать свои произведения, музыканты, которым запрещают играть то, что они хотят. Сталин убивал не угодивших ему художников, писателей, музыкантов, чтобы оставшиеся в живых поняли, что «истина конкретна». Для художника изгнание — тяжелый удар, культура, теряющая талантливейших представителей, умирает. 35 лет после войны Германия ощущает потери, понесенные 12-летней эмиграцией выдающихся мастеров немецкой культуры в эпоху Гитлера.

Защищая разрешенную культуру от неразрешенной, агенты КГБ и милиция использовали бульдозеры для разгрома выставки, организованной в Москве на открытом воздухе 5 сентября 1974 года. Большинство участников выставки были вынуждены эмигрировать.

Советская культура — это обязательное десятилетнее образование и это школа, ставящая своей основной задачей «формирование научно-материалистического мировоззрения и коммунистического убеждения учащихся». Это издание миллионов книг, но первое место среди них занимают сочинения В. И. Ленина (в 1980 году их тираж составил 15 миллионов экземпляров) и «замечательные произведения Л. И. Брежнева» — к началу 1980 года их тираж составил 17 миллионов экземпляров, «но цифра продолжает расти, эти книги печатаются почти беспрерывно...»

Число школ, клубов, театров определяет уровень культуры. Но определяет ее и выступление Валентина Катаева — известного писателя, автора многих книг, работающего в литературе около 60 лет. Благодаря от имени интеллигенции автора новой советской конституции, В. Катаев заявил: «Нам всем оказаны величайшая честь и величайшее доверие, и мне хочется от всей души поблагодарить советский народ, Коммунистическую партию, ее Центральный Комитет и Председателя Конституционной Комиссии, нашего дорогого товарища и друга Леонида Ильича Брежнева. Он проделал поистине титаническую работу по созданию новой Советской Конституции. История никогда не забудет его подвига».

Аркадий Белинков назвал искусство «силомером гнусности тиранического режима». В эпоху Брежнева уровень культуры опустился значительно ниже точки, достигнутой в предыдущую эру. Смерть короля «бардов» — А. Галича в 1977 году в изгнании, В. Высоцкого в 1980 году в Москве символизировала наступившее затишье: умолкли «неразрешенные голоса», певшие о реальной жизни.

Эмиграция

Октябрьская революция была причиной первой массовой эмиграции XX века. Вторая волна эмиграции была рождена советско-германской войной. Третья волна поднимается в начале 70-х годов. По своему происхождению она отличается от прежних эмиграции.

После того, как приоткрытая в первые годы НЭПа щель была наглухо запечатана во второй половине 20-х годов, Советский Союз целиком изолировался от мира. Н. Хрущев, размышляя на пенсии о характере государства, которым он руководил 10 лет, удивлялся: «Это невероятно: после пятидесяти лет держать рай под замком». Бывший генеральный секретарь рассуждал логично: «Наш строй, безусловно, самый прогрессивный... на данном этапе развития человечества... значит, наши люди живут и строят социализм в результате своих убеждений, а не в результате принуждения...», следовательно, им следует «дать возможность уехать...»

Логически рассуждать Хрущев начал лишь после свержения. Поворотным пунктом в отношении к эмиграции был процесс группы евреев в 1970 г., арестованных в ленинградском аэропорту и обвиненных в попытке захватить самолет, чтобы бежать из Советского Союза. Необычайно суровый приговор — двое к смертной казни, девять — к длительным лагерным срокам — вызывает возмущение мировой общественности. Негодование тем более велико, что одновременно со смертными приговорами в Ленинграде выносятся в Бургосе смертные приговоры испанским террористам. В декабре 1970 г. даже коммунистические партии Запада вынуждены протестовать против смертных приговоров в социалистическом СССР и во франкистской Испании.

Суровый приговор вызывает не страх, как ожидали власти, а подъем движения советских евреев за право выезда в Израиль. Советское государство решает разрешить эмиграцию. Как и каждое решение советских органов, разрешение на эмиграцию многосмысленно. Это не право советского гражданина выезжать и въезжать к себе на родину, это подарок государства, которое то его дает, то его забирает, то дает снова. Желающие выехать становятся изгоями —их увольняют с работы, шельмуют в печати, избивают на улице, заставляют иногда ждать разрешения годами, заставляют платить выкуп.[58] Одновременно число выезжающих растет: в 1970 г. эмигрировало — 1 тыс. чел., в 1973 — 34 783 чел., затем число падает до 13 222 чел. в 1975 г. и возрастает до 43 тыс. в 1979г. В приоткрытую дверь устремляются немцы Поволжья: с 1970 до 1976 г. — их выехало 30 тыс. Разрешение эмиграции — серьезнейшая уступка власти, сделанная под нажимом массового движения евреев и советских диссидентов, поддержанных мировым общественным мнением. Однако советское государство стремится превратить поражение в победу.

К началу 70-х годов уже имелся некоторый опыт «социалистической эмиграции». Каждая страна, в которой к власти приходила коммунистическая партия, немедленно наглухо закрывала «рай» на замок. При разных обстоятельствах, однако, в разных странах социалистического лагеря возникали возможности выехать. Польша и Чехословакия в 1946—1948 годах разрешили выезд евреев в новое государство Израиль, ибо в тот момент Советский Союз рассчитывал сделать Израиль своим форпостом на Ближнем Востоке. В 1956 году евреи вновь могли выехать из Польши — на волне либерализма, порожденного «польским Октябрем». Венгерские события 1956 года вынудили к бегству сотни тысяч венгров. Чехословаки бежали из страны после ее оккупации в 1968 году. Самой многочисленной была эмиграция из Восточной Германии, ибо, до строительства в 1961 году стены в Берлине, она была самой легкой — достаточно было перейти улицу и оказаться в свободной стране с тем же языком. В 1968 году в Польше впервые эмиграция была организована — евреев вынудили покинуть страну. Правительство Гомулки хотело найти козла отпущения, на которого можно было свалить вину за трудности, переживаемые Польшей, хотело поставить знак равенства между евреями и эмигрантами. Кроме того, с довоенных времен евреи играли важную роль в коммунистической партии Польши, а затем заняли значительные посты в социалистической Польше: их изгнание освобождало многочисленные посты в администрации, квартиры...

Весь этот опыт был использован советскими органами.

Разрешение на эмиграцию, данное евреям, позволило назвать конкретного врага, который стал воплощением всех врагов страны, народа, социализма. Разрешение на эмиграцию выделяло евреев из всех других народов страны, давало им право, которым никто не обладал. Превращало их в потенциальных «предателей», в «пятую колонну». В. Гомулка в 1968 году так их и назвал.

Разрешение на эмиграцию, как и во времена Ленина, позволяет очистить страну от недовольных, высылая их или вынуждая выехать «добровольно». В феврале 1974 года был арестован, посажен в самолет и выслан Александр Солженицын. Это был первый случай высылки за границу после Троцкого в 1929 году. Но изгнание Солженицына произошло в рамках «еврейской эмиграции». И хотя Европа встретила изгнанника как никого другого со времен Гарибальди, в Советском Союзе нетрудно было распространить официальный слух о том, что Солженицын — еврей.

Традиционное русское недоверие к Западу, тщательно воспитуемое социалистическим государством отношение к эмиграции, как к ярому врагу, все это было усилено государственным антисемитизмом. Евреи были приравнены к диссидентам, диссиденты к евреям, все вместе изображены агентами иностранных разведок. Выпущенная в конце 1978 года в Москве *«Белая книга»*, посвященная диссидентам и эмигрантам,

предназначенная для пропагандистов, работников КГБ и милиции, официально ставит знак равенства между всеми «врагами СССР». *«Белая книга»* составлена Ассоциацией советских юристов и снабжена предисловием председателя Верховного суда СССР Л. Смирнова.

Разрешение на эмиграцию преследует и практические цели. В 1977 году В. Буковский был выслан на Запад в обмен на главу чилийских коммунистов Л. Корвалана. В 1979 году пять советских диссидентов были освобождены из лагерей и тюрем и высланы на Запад в обмен на двух советских шпионов, схваченных в США. ГДР превратила торговлю диссидентами, которых социалистическая Германия продает капиталистической Германии за твердую валюту или дефицитные товары, в важный источник дохода. Советский Союз торгует диссидентами пока спорадически.

Не исключено, что эмиграция может использоваться КГБ как виварий для своих агентов.

Третья эмиграция состоит в основном из евреев. Но в ней представлены и многие другие национальности СССР. Главная черта «третьей эмиграции» — она состоит из советских людей, воспитанных и выросших при советской власти, со дня рождения дышавших советским воздухом. Сравнение «первой» и «третьей» эмиграции позволяет увидеть разницу в отношении к миру, действительности, родине, друг другу русских и советских людей.

Эмигранты воспроизводят окружающую среду, покинутую ими. Характерно, например, что русские эмигранты начала 20-х годов, немедленно воспроизвели радугу политических партий, существовавших а России до революции, «третья эмиграция» политических организаций не создала. Единственной политической организацией, действующей в эмиграции, остается НТС, основанный в 30-е годы.

Отсутствие политических организаций не означает отсутствия политических дискуссий. Споры ведутся между представителями трех взглядов, родившихся вместе с диссидентским движением.

Александр Солженицын возлагает надежды на духовное возрождение русского народа, связанное с религиозным возрождением А. Солженицын критикует демократическую форму правления, считая, что она: бессильна перед лицом тоталитаризма; несправедлива и случайна, поскольку заменяет общее согласие законом математического большинства; бессодержательна, ибо лишена всякого трансцендентного начала. «Со скалы леденящего тоталитаризма» А. Солженицын предлагает «медленный плавный спуск через авторитарную систему (неподготовленному народу с той скалы сразу прыгнуть в демократию — значит расшлепаться насмерть в анархическое пятно)». Критики, обрушившиеся на взгляды А. Солженицына, не приняли во внимание оговорок писателя: «авторитарный строй, основанный на человеколюбии», «с твердой реальной законностью», отражающей волю населения, «устойчивый покойный строй, не переходящий в произвол и тиранию», «отказ от негласных судов, от психиатрического насилия, от жестокого мешка лагерей», «допустить все религии без притеснения», «свободное книгопечатание, свободные литература и искусство».

Распространены взгляды, наиболее убедительно излагаемые А. Сахаровым, лауреатом Нобелевской премии мира, подвергающимся преследованиям в Советском Союзе. А. Сахаров верит в будущее «нравственного движения, подготавливающего в сознании людей основы демократических, плюралистических преобразований, необходимых стране, нужных всему человечеству ради мира на Земле» Он убежден, что националистическая идеология опасна и разрушительна даже в ее наиболее гуманных, на первый взгляд, «диссидентских формах».

Наконец, имеются сторонники взглядов историка-марксиста Роя Медведева, пишущего в Москве. Он полагает, что «положение в Москве может быть изменено марксистами недогматического толка, способными создать новый облик социализма». Р. Медведев верит, что приход к власти в партии «разумных и более молодых людей» позволит изменить положение. Он верит, что «может быть, даже Андропов понимает проблемы интеллигенции лучше, чем Суслов и Кириленко».

Ведущую роль в третьей эмиграции играют писатели. Ими созданы журналы, предоставляющие место художественной литературе, политическим и общественным материалам. Редактируемый В. Максимовым *«Континент»* — по форме традиционный русский «толстый» журнал — стремится создать широкую платформу для объединения всех противников «красного и черного фашизма». Журнал уделяет много места литературе и жизни стран Восточной Европы. Среди других многочисленных периодических изданий можно назвать полемический журнал *«Синтаксис»*, редактируемый А. Синявским и М. Розановой, литературный журнал *«Эхо»*, редактируемый В. Марамзиным и А. Хвостенко. Новые силы влились в старейшее эмигрантское издание, созданный в 1925 году журнал *«Вестник русского христианского движения»*, имеющий читателей в СССР.

Литература, создаваемая в эмиграции, представляет интерес не только сама по себе, но и потому, что она начинает влиять на литературу, создаваемую в стране. Свободная литература становится меркой, которая позволяет судить об уровне того, что пишется в Советском Союзе.

Среди бережно воспитываемых в Советском Союзе мифов видное место принадлежит легенде о невозможности русскому писателю творить вне родной почвы. Миф этот опровергают не только книги, написанные И. Буниным, М. Алдановым, В. Набоковым и другими писателями первой эмиграции, но и книги, написанные писателями третьей эмиграции.

Р. Конквест обнаружил еще один аргумент, разрушающий миф: средний возраст русских писателей, умерших в эмиграции (на 1962 год), был 72 года, средний возраст писателей, умерших на родине — чуть больше 45 лет.

Конституция

В 1961 году, на XXII съезде, принявшем новую программу партии, обещавшую построение коммунизма в ближайшее время и объявившую о создании «общенародного государства», Хрущев заявил о необходимости подготовить новую конституцию. Комиссия была создана в 1962 году. Для написания конституции понадобилось 15 лет. Новая советская конституция, четвертая по счету, была принята в 1977 году.

Основной корпус брежневской конституции, праздник которой отмечается ежегодно 5 октября, взят из сталинской конституции 1936 года, праздник которой отмечался 5 декабря. Изменения, происшедшие в стране за сорок лет, выражены в подчеркнутой роли партии.

Преамбула констатирует: «В СССР построено развитое социалистическое общество». И далее: «Развитое социалистическое общество — закономерный этап на пути к коммунизму. Высшая цель Советского государства — построение бесклассового общества». В первых двух конституциях роль партии в СССР лишь подразумевалась. В сталинской конституции статья 126 говорила, что КПСС является «передовым отрядом трудящихся в их борьбе за построение коммунистического общества» и представляет собой «руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных». В брежневской конституции партии посвящена статья 6 в 1 главе. Гласит она: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, всех государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу. Вооруженная марксистско-ленинским учением, КПСС определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма». Конституция кодифицировала тотальную власть партии в стране.

Конституция предоставляет — как и сталинская — широкие права трудящимся. С оговоркой: «Использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерба интересам общества и государства, правам других граждан» (статья 39). Свобода слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций гарантируется в том случае, если они «соответствуют интересам трудящихся и используются в целях укрепления социалистического строя» (статья 50). Свобода научного, технического и художественного творчества гарантируется, но лишь «в соответствии с целями коммунистического строительства» (статья 47). Обеспечивается право на образование, но статья 25 декларирует: «В СССР существует единая система образования, которая служит коммунистическому воспитанию...»

Впервые в советскую конституцию введена глава «Внешняя политика». В первом абзаце статьи 28 говорится: «Советское государство последовательно проводит ленинскую политику мира, выступает за упрочение безопасности народов и широкое международное сотрудничество». Во втором же абзаце объявляется: «Внешняя политика СССР направлена на обеспечение благоприятных международных условий для построения коммунизма в СССР, укрепление позиций мирового социализма, поддержку борьбы народов за национальное освобождение и социальный прогресс...»

Характер изменений, внесенных в новую конституцию по сравнению со старой, хорошо иллюстрируют изменения, внесенные в советский гимн. Сталинский гимн, введенный в 1944 году, вместо «Интернационала», с 1956 года стал песней без слов, ибо в тексте имелось упоминание имени Вождя народов. С 1 сентября 1977 года советский гимн вновь поется. Изменен припев: вместо «Партия Ленина — партия Сталина нас от победы к победе ведет!» поставлены слова: «Партия Ленина — сила народная нас к торжеству коммунизма ведет!»

Изменение заключается в устранении имени Сталина и уточнении Цели. От «победы к победе» — значит к Коммунизму.

Хельсинки — Кабул

Пятилетие после победы в Хельсинки было периодом нараставших экономических трудностей. Органические пороки советской системы усугубились экономическим кризисом на Западе. Ослабление главной экономической опоры лагеря социализма немедленно сказалось в СССР не только в снижении процентов роста в статистических таблицах (хотя и это показательно, ибо советская статистика — важный элемент идеологии), но и в резком ухудшении продовольственного снабжения населения, которое и до этого было неудовлетворительным.

Очередная попытка решить продовольственную проблему, то есть обеспечить населению минимум продуктов, необходимых для существования, была очередным подтверждением катастрофического положения советского сельского хозяйства. В 1977 году член Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук В. А. Тихонов признал, что «подсобное хозяйство дает стране, примерно, 28% валовой сельскохозяйственной продукции». Подсобное хозяйство — это приусадебные участки колхозников и горожан. В колхозах и совхозах размер участка — 0,25 га, горожанам выделяется меньше — 0,06-0,09 га. В общей сложности частные участки занимают около 1% обрабатываемой земли. По официальным данным, опубликованным в 1978 году подсобные хозяйства дали по стране: 61% картофеля, 29% овощей, 29% мяса, 29% молока, 34% яиц.

Отношение советского государства к «подсобному хозяйству» было — с эпохи коллективизации — враждебным. Теоретически вражда объяснялась тем, что частное хозяйство порождает буржуазные инстинкты. Практически — тем, что, обеспечивая себя продовольствием, советский гражданин становится хотя бы в одной области менее зависим от государства. В особенно трудные для страны периоды подсобные участки

зависим от государства. В особенно трудные для страны периоды подсобные участки разрешались, затем запрещались, чтобы затем снова получить право на существование. В начале 70-х гг. велась активная борьба с развитием личного сельского хозяйства. В 1978 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР издал постановление, разрешающее развитие личных подсобных хозяйств как в деревне, так и в городе. Причем особое внимание уделяется развитию таких хозяйств на предприятиях и в учреждениях: они сами должны кормить рабочих и служащих. Задача самообеспечения продовольствием ставится даже перед армией. В 1980 г. *«Правда»* ставила в пример воинскую часть, которая производит «все, что идет на солдатский стол».

Отчаянное положение с производством продовольствия, в котором оказался Советский Союз, заставило генерального секретаря ЦК КПСС обратиться на XXVI съезде партии с призывом лучше использовать личные хозяйства граждан и подсобные хозяйства промышленных предприятий.

Пятилетие после Хельсинки было периодом развернутого наступления на диссидентов: все проявления инакомыслия жестоко подавлялись. Некоторые наблюдатели, подводя итоги Хельсинкского совещания, заносили в актив появление Групп по наблюдению за выполнением решений Совещания. К 1980 г. все члены всех Групп по наблюдению были арестованы.

Становятся известными все более и более, несмотря на цензуру, выступления рабочих в различных частях страны в защиту своих экономических прав.

Рабочее движение в СССР получило новый импульс в связи с развернувшейся борьбой польских рабочих за свои права в 1970, 1976 и особенно в 1980—81 годах.

Дважды, в 1970 г. и в 1976 г. польские рабочие в Поморье выступали в защиту своих прав. Эти выступления были подавлены властями, но стачечный комитет продолжал существовать. В 1980 г., в связи с резким ухудшением экономического положения в Польше и попытками власти выйти из кризиса за счет понижения жизненного уровня трудящихся, и без того достаточно низкого, рабочие верфей в Гданьске начали забастовку. Движение перекинулось на другие районы страны. Во главе нового движения стал электрик Лех Валэнса. 10 млн. польских рабочих объединились в свободные профсоюзы «Солидарность». Их примеру последовали крестьяне, потребовавшие признания своего собственного профсоюза. Движение за обновление Польши охватило также и интеллигенцию. Студенты потребовали и частично добились академических свобод. Население различных местностей потребовало смены коррумпированного местного руководства. Католическая церковь оказала движению осторожную поддержку.

Первый секретарь ЦК ПОРП Герек, пришедший к власти на волне рабочего движения в 1970 г. вынужден был уйти в отставку. Его сменил Станислав Каня. В марте 1981 г. главой правительства был назначен министр обороны генерал Ярузельский. То был первый случай в истории Советской империи, когда кадровый генерал стал во главе правительства. Польское правительство вынуждено было признать законность новых профсоюзов и их права на стачку.

Победа «Солидарности» стала поворотным пунктом не только в истории Польши, но и в истории всей советской империи. Руководители СССР выступили с неприкрытыми угрозами по отношению к польскому народу, угрожая вооруженной интервенцией и требуя от нового польского руководства подавления рабочего движения. Рука об руку с «Солидарностью» выступили польские диссиденты, еще ранее отвоевавшие себе право на полулегальное существование. Польские власти по приказу из Москвы начали полицейские преследования руководителей диссидентов Курона и Михника. «Солидарность» немедленно потребовала прекращения преследований диссидентов.

Советские руководители предпочли подавить рабочее движение в Польше польскими же руками. Вооруженное вторжение в страну с 37-миллионным населением, не раз в ходе истории демонстрировавшим свою готовность идти на любые жертвы ради независимости, может иметь непредсказуемые последствия. Вот почему в ход были пущены прежде всего политические методы, цель которых заключалась в том, чтобы изолировать польские свободные профсоюзы от диссидентов, а затем поссорить польских рабочих с другими слоями населения и разбить таким образом оппозиционные силы поодиночке. Когда это не удалось, когда стало очевидным, что реформы, предлагаемые «Солидарностью» могут привести к оздоровлению польской экономики, польского общества, генерал Ярузельский ввел в стране — 13 декабря 1981 г. — военное положение. Были произведены массовые аресты среди членов «Солидарности», среди рабочих, ученых, писателей, артистов. Партия, осознав, что в результате реформ она потеряет свою власть в стране, перестанет быть «руководящей силой», оставаясь лишь политической партией, прибегла к военной силе, объявила войну народу.

Военное положение не решило ни одной из проблем, стоявших перед Польшей. Оно было единственной возможностью для партии сохранить свою власть.

В феврале 1978 г. группа рабочих, собравшихся в Москве, объявила о создании свободного профсоюза трудящихся в СССР. В открытом письме «К мировой общественности» в канун 60-летия СССР инициаторы создания свободных профсоюзов писали: «Мы думаем, что нас десятки тысяч, сотни тысяч... Мы — это многочисленная армия советских безработных выброшенных за ворота предприятий за право на жалобу, за право на критику, за право на свободу слова». Главный инициатор движения Владимир Клебанов был арестован и отправлен в психиатрическую больницу. Вслед за первой попыткой последовала другая. Был создан свободный профсоюз под названием Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся (СМОТ). Многие из его членов были арестованы, а один из них, рабочий Владимир Борисов, был выслан в июне 1980 г. за пределы СССР.

Одним из видных деятелей свободных профсоюзов в СССР стал рабочий Алексей Никитин, завоевавший популярность среди шахтеров Донецка выступлениями в защиту их прав. Он родился в 1937 г. в семье крестьянина Брянской области. После средней школы окончил горный техникум, служил в армии, работал на шахте, был активным комсомольцем, после демобилизации вступил в партию, затем окончил Донецкий политехнический институт по

специальности «инженер-электромеханик». Начиная с 1969 г. Никитин неоднократно выступал в защиту прав рабочих в конфликтах между администрацией шахты в Бутовке и рабочими. В 1970 г. он был уволен с работы. 22 декабря 1971 г. на шахте, на которой раньше работал Никитин, произошел взрыв, в результате которого 7 человек было убито и более ста ранено. Об опасности взрыва Никитин неоднократно предупреждал администрацию. Вскоре Никитина арестовали и начались его мытарства по тюрьмам и психбольницам.

Никитину удалось организовать в декабре 1980 г. встречи в Донецке местных рабочих с московскими корреспондентами газеты *«Файненшл Таймс»* Дэвидом Сэттером и газеты *«Вашингтон пост»* Кевином Клоузом. Рабочие и жители Донецка, опрошенные корреспондентами, откровенно рассказывали о тяжелых условиях их существования. Из разговоров с донецкими трудящимися у журналистов сложилось впечатление, что причины приведшие к рабочим волнениям в Польше, существуют в Советском Союзе еще в большей мере.

В конце 1980 г. и в начале 1981 г. рабочие волнения прокатились на предприятиях Москвы, Киева, Ленинграда, Воронежа, Минска, Петрозаводска, Вильнюса. Рабочие выражали свою солидарность с рабочими Гданьска.

Пятилетие после Хельсинки было временем серьезных успехов советской экспансии. Советский Союз начинает выходить за пределы «ялтинской зоны» в эпоху Хрущева — прежде всего в направлении Ближнего Востока. Приход к власти Кастро расширяет зону советских интересов на другое полушарие. В 50-е и 60-е годы Советский Союз время от времени терпит неудачи: он вынужден убрать ракеты с Кубы, вывести советников из Египта, теряет влияние в Гане и т. д. Но это всегда неудачи далеко за пределами собственно советской зоны: на определенном участке земного шара наступление задерживается, но не прекращается.

Немедленно после подписания в Хельсинки Заключительного акта соглашения, Советский Союз одерживает победу в Анголе. Комментируя установление в Анголе просоветского режима, *«Правда»* писала: «Всему миру известно, что Советский Союз не ищет в Анголе ни экономической, ни военной, ни иной выгоды. Ни один советский человек не сражается с оружием в руках на ангольской земле». В этой фразе был использован знаменитый рецепт Ленина: по форме правильно, а по существу издевательство. На ангольской земле сражались с советским оружием в руках — кубинцы. Кубинский экспедиционный корпус был затем использован для поддержки просоветского правительства в Эфиопии и других районах, ставших объектом внимания Советского Союза. Кубинцы становятся советским Иностранным легионом.

Отвергая робкие возражения государственного секретаря США, полагавшего, что экспансия СССР и Кубы происходит там, где «ни СССР ни Куба не имеют никаких исторических интересов», *«Правда»* отвечала: «Насчет экспансии — это неправда. Если же говорить об исторических интересах, то они заключаются не в том аспекте, который имеет в виду государственный секретарь США, а в полной и последовательной поддержке Советским Союзом борьбы народов за свободу и независимость».

В 1977 году обязательство поддерживать «борьбу народов» будет вписано как закон в советскую конституцию. В 1978 году в новое издание *«Краткого политического словаря»* добавляются статьи «Идеологическая борьба» и «Классовая борьба».

Г. Киссинджер пишет в своих мемуарах, что он не думает, будто у Брежнева под подушкой лежит план установления мирового господства, разработанный во всех подробностях: «Кремленологи имеют часто тенденцию интерпретировать действия советских руководителей, как часть тщательно разработанного плана, каждая деталь которого неумолимо вытекает из предыдущей». Бывший государственный секретарь США — прав. Тщательно разработанного плана — нет. Есть отношение к миру, как объекту экспансии, как к добыче.

Выступая на совещании «идеологических работников» в октябре 1979 года, Б. Пономарев перечислил успехи «борьбы народов»: Вьетнам, Лаос, Кампучия, Ангола, Мозамбик, Гвинея-Бисау, Эфиопия, Афганистан. «Идет, — заявил он, — неумолимый процесс смены отживших реакционных режимов прогрессивными, все чаще с социалистической ориентацией». Б. Пономарев разделил весь мир на 4 зоны, изложив модернизированный вариант «доктрины Ленина-Брежнева». Первая зона — зона развитого социализма, то есть СССР. Вторая — зона «братских стран», мирового социалистического сотрудничества. Третья — «зона прогрессивных режимов», Пономарев отнес к ней, в частности, Иран и Никарагуа. Четвертая зона —капиталистический мир. Три зоны мира являются законной, определенной историческими законами, сферой действия Советского Союза. Давно минуло время, когда первое в мире социалистическое государство считало себя «осажденной крепостью». В конце 70-х годов осажденной крепостью становится капиталистический мир — четвертая зона. «Стоящие перед человечеством глобальные проблемы, как и очевидная необходимость их скорейшего разрешения, выступают в наши дни как один из все более и более весомых аргументов в пользу социализма и коммунизма, в пользу полного социального и национального освобождения всего человечества».

Стратегическая задача поставлена — социализм для всего человечества, как средство решения «глобальных проблем человечества». Тактика выполнения этой задачи — удары по слабым звеньям четвертой зоны.

Вторжение советских войск в Афганистан в декабре 1979 года было практическим осуществлением права, присвоенного себе Советским Союзом: с апреля 1978 года, после переворота, приведшего к власти коммунистическую партию, Афганистан стал частью третьей зоны.

Вторжение в Афганистан было проведено по чехословацкому образцу: «приглашение», захват столичного аэродрома, танковый десант, а затем введение армии.

Первой неожиданностью для Советского Союза оказалась реакция США. После апрельского переворота в Кабуле *«Нью-Йорк Таймс»* писала: «Администрация Картера остается до сих пор, и совершенно справедливо, совершенно спокойной в связи с

остается до сих пор, и совершенно справедливо, совершенно спокойной в связи с переворотом в Афганистане, где лидеры маленькой коммунистической партии захватили власть в Кабуле... Лет десять назад любая коммунистическая победа рассматривалась бы как явное поражение США. Большинство американцев сегодня считают, что мир более сложен». Для советского руководства переход Афганистана после апреля 1978 года из третьей зоны во вторую стал бесспорным основанием для вмешательства, в том числе и военного. Решение президента Картера объявить эмбарго на продажу Советскому Союзу дополнительного зерна (сверх квоты, предусмотренной пятилетним соглашением) и призыв бойкотировать Олимпиаду, было воспринято как враждебный поступок.

Политика Картера подверглась критике со стороны американских сторонников разрядки во что бы то ни стало. Джордж Кеннан поддержал советский тезис о том, что «ввод ограниченного военного контингента в Афганистан явился вынужденной мерой правительства СССР и что это решение было нелегким». Нынешние события в Афганистане, заявил бывший посол США в Москве, «касаются прежде всего двух стран — Советского Союза и Афганистана». Политику Картера отказались поддержать страны Западной Европы (за исключением Великобритании). Сценарий, известный по 1956 и 1968 годам, повторился: после нескольких тревожных опасений и колебаний Франция и ФРГ возобновляют дипломатический диалог с Советским Союзом. Западная Европа начинает забывать о «дорожном инциденте».

Советские стратеги правильно оценили реакцию Запада на вторжение в Афганистан, которую американский комментатор коротко сформулировал: бизнес как всегда. Добавив: «Афганистан не был частью Запада и советская оккупация сама по себе не нарушает мирового стратегического равновесия». Советские стратеги ошиблись в оценке реакции Афганистана.

Первая ошибка состояла в недооценке слабости коммунистической партии, созданной накануне апрельского переворота 1978 года из двух политических групп — «Халк» («Народ») и «Парчам» («Знамя»), тесно связанных с Москвой. Союз между ними продержался недолго: «Халк» монополизировал власть и начал быструю советизацию страны, ликвидируя всех противников, а в том числе и членов «Парчам». Под властью Тараки, а затем Амина в Афганистане установился режим кровавого террора. Как обычно в конфликте между коммунистическими группировками имели значение не идеологические разногласия, а стремление к власти. В Афганистане борьба усугубилась национальной рознью. «Халк» рекрутировал своих сторонников преимущественно из племен пушту, «Парчам» из таджикских племен. Среди советских советников было немало таджиков, говорящих на фарси — одном из языков Афганистана. Несмотря на то, что именно «Халк» старался навязать Афганистану режим советского типа, враждебное отношение к таджикам стало распространяться и на советников из СССР.

Первым актом советских войск, оккупировавших Кабул и привезших с собой нового президента Кармала, члена «Парчам», было убийство президента Амина, главы группы «Халк». В связи с этим мир до сих пор не может понять: советские войска, по официальному объяснению, были приглашены афганским правительством, но первым действием гостей было уничтожение хозяев, пригласивших их.

Придя к власти, Б. Кармал и его сторонники начали преследование членов «Халк». Социальная база и даже численность коммунистической партии были сведены почти на нет.

Главный просчет советских стратегов — недооценка воли афганского народа к независимости. Советская печать изображала вступление советских войск в Афганистан по образцам 1968 г. В стремлении изобразить радость местного населения, газеты не знали удержу. Пальма первенства принадлежит, несомненно, правительственной газете *«Известия»*, рассказавшей о том, как афганский крестьянин, увидев советских солдат, «припал к танку, поцеловал запыленную броню».

Для того чтобы «нормализовать» Чехословакию, население которой оказывало лишь пассивное сопротивление оккупантам, понадобилось 8 месяцев. Через 8 месяцев после вторжения в Афганистан около 1 миллиона жителей страны, насчитывающей 17-18 миллионов населения, покинуло родину — бежало от бомбардировок. Афганская армия развалилась. Борьбу с оккупантами ведут многочисленные отряды партизан, использующих чрезвычайно удобную для сопротивления географию страны. 80-тысячная советская армия с трудом контролирует некоторые крупные города и главные дороги. Использование новейшей техники, позволяющей причинять тяжелые потери партизанам и мирному населению, не спасает советские войска от потерь, которые не перестают расти.

Внешне ситуация напоминает положение американской армии во Вьетнаме: огромная, тяжелая военная машина, оснащенная по последнему слову техники, и противник, свободно маневрирующий на местности, компенсируя слабость своего вооружения. С одной стороны солдаты, присланные в чужую страну, с другой — люди, воюющие дома и за свой дом. Принципиальная разница заключается в том, что американцы вели войну во Вьетнаме перед телевизором — это была первая в истории война, за которой граждане страны могли следить ежедневно и ежечасно. Армия США потерпела поражение во Вьетнаме, ибо американский народ не захотел продолжать войну. Правительство не могло воевать против воли народа. Советская армия ведет войну, о которой советский народ ничего — кроме слухов и похоронных, получаемых семьями погибших в Афганистане советских солдат — не знает. Афганистан закрыт и для иностранных журналистов (за исключением корреспондентов некоторых коммунистических газет).

Как американские, так и советские генералы заинтересованы в продолжении войны, которая позволяет испытывать новые виды вооружения, совершенствовать тактику, обучать солдат и офицеров в боевой обстановке. Но в отличие от США, где правительство ответственно за все, что делает армия, в СССР партия, осуществляя политическое руководство армией, вину за все неудачи возлагает только на военных. Побеждает всегда партия, вину за поражения несут — солдаты.

Трудности, встреченные в Афганистане, побудили Москву обратиться за помощью к Западу, прежде всего к США. «Если бы Соединенные Штаты хотели мира в этом районе (т. е. в районе Афганистана. — М. Г.), — писал ровно через два месяца после вторжения

представитель ЦК, — то президенту США достаточно было бы дать команду прекратить вторжения на территорию Афганистана, прекратить поставки оружия, ликвидировать базы наемников, словом прекратить все формы вмешательства, направленные против правительства и народа Афганистана...» Полгода спустя он еще более настойчиво и ясно заявляет: «Ключ к политическому урегулированию ситуации вокруг Афганистана находится в Вашингтоне...» Советское руководство рассчитывает, что Запад, прежде всего США, — примут участие в приемлемом для СССР политическом урегулировании, «афганского вопроса», что на деле означало бы оказание помощи СССР в подавлении сопротивления афганского народа.

Этот же мотив отчетливо прозвучал в докладе Брежнева на XXVI съезде КПСС в феврале 1981 г. Вся вина возложена на США. Вторжение советских войск в Афганистан вынудило правительство США и ряда других западных государств занять временно более твердую позицию по отношению к экспансионистской политике СССР. Соединенные Штаты наложили эмбарго на поставки зерна в СССР, призвали к бойкоту Олимпийских игр в Москве и заморозили намечавшиеся экономические сделки с Советским Союзом. 104 государства проголосовали в ООН за осуждение вооруженного вмешательства иностранного государства в Афганистане. Но едва новый президент США Р. Рейган пришел к власти, он немедленно отменил эмбарго на поставки зерна в СССР. Исторический опыт подсказывает советским руководителям, что они вполне могут рассчитывать на забывчивость и близорукость Запада. Умело эксплуатируя страх народов перед

опасностью термоядерной войны. Советский Союз еще не раз подтвердит миру, что разрядка делима.

Конец «брежневского времени»

К концу восемнадцатилетнего правления Брежнева все дела пришли в упадок. Партийные верха все чаще подумывают о необходимости «подкрутить гайки», укрепить дисциплину и навести «порядок». Но сначала нужно было найти преемника сходящему со сцены Брежневу.

В 1979 году был уволен в отставку, а спустя год умер, председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, с именем которого одно время связывали неоправдавшиеся ожидания экономической реформы. Фактическое отстранение от дел второго секретаря ЦК А. П. Кириленко, смерть главного идеолога партии М. А. Суслова (январь 1982 года), усилили борьбу среди возможных претендентов на пост генерального секретаря. Ведущей фигурой в этом соревновании становится 68-летний Ю. В. Андропов, возвратившийся в секретариат ЦК КПСС из КГБ в мае 1982 года, через год и три месяца после того, как делегаты XXVI съезда КПСС дружно проголосовали за переизбрание генеральным секретарем впадающего в маразм Брежнева. Другим претендентом становится в возрасте 71 года К. У. Черненко, сделавший при помощи своего хозяина Брежнева головокружительную карьеру от начальника секретариата Президиума Верховного Совета СССР (1964) до секретаря ЦК КПСС (1976) и члена Политбюро (1978). Он возглавляет личный секретариат «вождя».

*** * ***

Такого счастливого времени, какое было при Брежневе, правящий класс еще никогда не знал. Вместе с чувством безопасности и уверенности, которой он был лишен и во времена Сталина и, в меньшей, правда, степени, в хрущевское «славное десятилетие», он обрел чувство устойчивости, а следовательно, и самоуважения. Всевозможные привилегии создавали необычайно высокий уровень жизни. Это касалось всего: условий работы и отдыха, снабжения, жилищ; получения образования, возможности воздействовать на судьбу зависящих от них людей. Все это вместе взятое усиливало врожденные или благоприобретенные чувства зависти, жадности, вседозволенности и пренебрежения к закону, а также возбуждало ненависть ко всем тем, кто мог бы нарушить этот устойчивый благополучный строй жизни: к диссидентам, к враждебным «голосам» из Зарубежья, к фрондирующим писателям и артистам, просто к жалобщикам, «качающим» какие бы то ни было права, и, уж конечно, к евреям.

В те годы для советской элиты были выстроены новые жилища по самым современным западным образцам: с плавательными бассейнами, саунами, подземными гаражами, закрытыми магазинами и даже (о чем и мечтать раньше даже и не приходилось) с двумя туалетами! Установленная в городах общесоюзная санитарная норма — 9 кв. м на человека не применялась, когда дело шло о высокопоставленном чиновнике. Важна была занимаемая должность. Жилье обретает социальную значимость и престижность. В крупных городах, и прежде всего в столичных, для высшей бюрократии выстраиваются дома в изолированных от остальных граждан районах. Центры перепланируются, теперь здесь живет классово-однородное население, правда, сюда допущены также иностранцы. Примером служит, конечно, Москва. Улочки и переулки Арбата перестроены, многие дома снесены, а на их места воздвигнуты другие, именуемые домами «высшей категории». Здесь размещена уже давно Кремлевская больница, а также гостиница ЦК КПСС — для высокопоставленных деятелей мирового коммунистического движения.

Прежние жители Арбата: рабочие, служащие, лица свободных профессий — оттеснены в новые микрорайоны, выстроенные на окраинах столицы.

Высшее чиновничество — гражданское и военное, заполонившее центр города, избавлено таким образом от атмосферы недоброжелательства, возникающей от соседства бедных и богатых.

Эти социальные изменения подметил Булат Окуджава, коренной житель Арбата, поэт, певец, писатель, иногда фрондер:

> Я выселен с Арбата, арбатский эмигрант.
> В Безбожном переулке хиреет мой талант.
> Кругом чужие лица, враждебные места.
> Хоть сауна напротив, да фауна не та.
> . . . .
> Хозяйская походка. Надменные уста.

Хозяйская походка. Надменные уста.
Ах, флора там все та же, да фауна не та.
Я, эмигрант с Арбата, живу, свой крест неся...
Заледенела роза и облетела вся.

На реконструированном Новом Арбате — ночной клуб — для иностранцев. На Краснопресненской набережной для них — представителей враждебного капиталистического мира — выстроен целый комплекс — настоящий сеттлемент лишь с одной поправкой — его жители не пользуются правом экстерриториальности, к тому же постоянно находятся под бдительным оком КГБ. В одном блоке размещены офисы

представительств иностранных банков и кампаний. В соседнем — квартиры и гостиница для иностранцев. Внутри комплекса бары, рестораны, ночной клуб. Пускают туда только иностранцев или гостей, приглашаемых ими, правда, сюда также допущены и проститутки высокого класса. Проституция в СССР запрещена законом. Но здесь власти идут на уступки не только для того, чтобы повеселить дорогих иностранных гостей, но и, если удастся, выудить у них полезную информацию. Советская элита ограниченно допускает иностранцев в свою среду. Это не мешает время от времени указывать иностранцам на их место — чуть пониже советского бюрократа.

Корреспондент *«Нью-Йорк таймс»* в Москве Дэвид Шиплер замечает по этому поводу: «Наиболее обессиливает то, что опасность приходит в значительной степени изнутри, из вашей собственной головы. Завернутый в официальную ложь, окутанный враньем и ироническими усмешками, задыхающийся в теплых и радушных объятиях, вы существуете, зная, что это может обернуться холодом по приказу сверху в любой момент, если государство решит изменить среду, в которой вы находитесь, и оно сделает вашу жизнь постепенно или внезапно неудобной или причинит вам непереносимую боль».

Социальные барьеры укрепились и на ниве образования. Еще в конце 50-х годов в ряде столичных городов были созданы специальные школы, где обучение со второго класса велось на иностранных языках. Постепенно сеть их расширялась соответственно росту правящего класса и его потребностям. Процент детей рабочих в этих школах крайне незначителен. Дети, общаясь между собой, постоянно находятся в атмосфере избранности, чувство привилегий «по праву рождения» проникает в их плоть и кровь, позднее узы избранности скрепляются браками. Создаются своего рода династии. КПСС не против династий. На страницах советских газет то и дело можно прочитать рассказы о рабочих династиях: сталеварах, шахтерах, машинистах, иногда даже пишут о династиях ученых. Государство призывает детей рабочих и колхозников «перенимать эстафету» их дедов и отцов. Но не было случая, чтобы упоминали о династиях политических, тех, кто находится у кормила власти. Наиболее выразительный пример — семейство Брежневых. Сын Брежнева — заместитель министра внешней торговли, дочь Брежнева — жена заместителя министра внутренних дел, сестра жены Брежнева — жена министра внутренних дел. Семья члена Политбюро министра иностранных дел А. А. Громыко: сын — член-корреспондент Академии наук СССР директор Института Африки АН СССР, зять — профессор права в Дипломатической академии. То же и в республиках. Например, семейство Стуруа — глава семьи — ныне покойный председатель Президиума Верховного Совета Грузинской ССР. Один из сыновей — сначала секретарь ЦК компартии Грузии, затем директор Института марксизма-ленинизма в Тбилиси; второй сын — журналист-международник, корреспондент *«Известий»* в США, Англии, Франции.

Советскому правящему классу присуща особая форма ностальгии — ностальгии по прошлому, он занят поисками знатных предков, рабоче-крестьянское происхождение нужно лишь для анкеты. Борясь на службе за идеологическую чистоту, немало высших партийных чиновников скупают втихомолку картины официально непризнанных или заклейменных художников: абстракционистов, ташистов, примитивистов и др.

Стремление к наслаждению во всех его видах стало как бы образом советской жизни на ее высшем уровне. Охота и рыбная ловля в специально отведенных угодьях, путешествия за границу, оплачиваемые, как правило, либо государством, либо иностранными фирмами, торгующими с СССР и приглашающими нужных им для заключения контрактов людей, снабжение через сеть закрытых магазинов, возможность просматривать заграничные кинофильмы, недоступные широкой киноаудитории, специальные привилегии для приобретения билетов в театры и в концертные залы.

У номенклатуры остро развито социальное чутье — те, кто принадлежат к ней, редко общаются с рабочими или колхозниками даже у себя дома, а о загранице и говорить не приходится. «Пролетарский интернационализм» имеет своеобразную окраску. Находясь за пределами СССР по служебным делам или со специальным визитом, советские представители, делегаты встречаются с людьми высокопоставленными, они-то и есть их братья и сестры по классу. Побывавшая в США в декабре 1983 года делегация Комитета советских женщин во главе с заместителем председателя комитета Елисеевой была принята дамами из нью-йоркского и бостонского «высшего света», жизнь американского рабочего класса их не занимала.

«Сладкую жизнь» ведут номенклатурные работники и в союзных республиках, где чинопочитание ценится еще больше, а цепь зависимости от начальства еще прочнее, и где коррупция является простым фактом обыденной жизни.

* * *

За 18 лет правления Брежнева ежегодный прирост национального дохода страны снизился с 9 процентов до 2,6, а промышленного производства с 7,3 процента до 2,8, резко сократилась и производительность труда в промышленности. В сельском же хозяйстве она выражалась минусовой цифрой. Несмотря на огромные капиталовложения, достигшие, начиная с 1975 года, гигантской цифры — 27 процентов от всех капиталовложений, сельское хозяйство продолжало деградировать. Земля отказывалась плодоносить из-за истощения почв, колхозники не желали работать из-за низкой компенсации труда. Для того, чтобы поддерживать цены на продовольствие в государственных магазинах на невысоком уровне, государство постоянно прибегает к субсидиям. Население страны

вынуждено приспосабливаться к специфическим условиям системы, когда голод предотвращается за счет продуктов, произведенных на карликовых приусадебных

участках колхозников, рабочих и служащих, подсобных аграрных цехов на крупных промышленных предприятиях и ввоза сельскохозяйственных продуктов из-за рубежа.

Через семь десятилетий после революции, после одиннадцати пятилеток, создания индустриальной базы, достижений в космосе, успехов в создании термоядерного оружия, строительства могучего военного океанского флота, советская сверхдержава остается отсталой страной, в которой добывающая и топливная промышленность преобладают над обрабатывающей и машиностроительной. Сфера добычи и производства сырья и топлива оттягивают 40 процентов всех фондов и рабочей силы страны. Производство конечного продукта снизилось между 1950 и 1980 годами на 8 процентов. В век стремительного технического прогресса даже в недавних колониальных странах, доля ручного, немеханизированного труда в советской промышленности достигает 40 процентов.

Сократился грузооборот транспорта, не хватает погрузочно-разгрузочных механизмов; транспорт страны находится в состоянии технического и организационного упадка. Председатель Государственного комитета по науке и технике Г. Марчук констатировал: «Немало сегодняшних предприятий нуждается в коренной реконструкции; транспорт и связь отстают от возрастающих потребностей экономики; нуждается в лучшей организации и капитальное строительство».

За несколько месяцев до смерти Брежнева плачевное состояние экономики и причин этого были подвергнуты разбору не кем иным как *«Правдой»*, опубликовавшей статью академика В. Трапезникова, руководителя Института автоматики и процессов управления АН СССР. Трапезников не только отверг официальные причины падения национального дохода, такие как плохие климатические условия, исчерпание некоторых источников сырья и высокие затраты на освоение новых территорий, но и дал, хотя и недостаточное, но более правдоподобное объяснение — несостоятельность жесткой системы централизованного планирования, отсутствие материальных стимулов и подавление инициативы работников, а также отсутствие воздействия результатов руководства на самого руководителя.

В документе, циркулировавшем в виде рукописи в научных кругах в Москве в 1983 году уже во времена Андропова, составленном экономистами, резкой критике подвергалось состояние социальных отношений в СССР и подчеркивалось «исчерпание возможностей централизованно-административного управления хозяйством».

По мнению авторов документа, действующая система производственных отношений «все более превращается в тормоз их поступательного движения», перестройка хозяйства наталкивается на «скрытое сопротивление», «социальный механизм развития экономики... не обеспечивает удовлетворительных результатов...», механизм «настроен... на зажим полезной экономической деятельности населения». Мысль экономистов, чуть завуалированная социологической терминологией, все же достаточно ясна: система экономических отношений, существующая в государстве, ничего, кроме вреда, не приносит. Однако система остается прежней и при Андропове, и при Черненко.

Это и понятно: ни один руководитель не может произвести структурные изменения, не подвергая смертельной опасности саму советскую систему и то условное равновесие между социальными группами, которое исторически существует и искусственно поддерживается ради сохранения в руках верхушки всех без исключения рычагов управления.

Поэтому выбор у нынешних и будущих руководителей невелик: либо ограничить власть партийной олигархии «наверху» (т. е. свою собственную) и партийного аппарата «внизу» и предпринять необратимые меры для оздоровления государства и его экономической системы (в советском государстве, как мы выше уже показали, все проблемы являются политическими), либо не делать ничего, пошуметь немного о необходимости изменений, пригрозить кое-кому «большой дубинкой», чуть-чуть подремонтировать фасад и продолжать держаться в основном прежнего курса, уповая на проверенное десятилетиями долготерпение населения страны, на «авось» и на разработку новых источников сырья и, разумеется, на помощь Запада, заинтересованного в долговременных инвестициях и в сохранении эквилибриума советской системы (сама мысль о возможности распада советской империи внушает Западу ужас).

В недалеком будущем центр тяжести в разведывании, разработке новых источников сырья, энергетических ресурсов переместится в Сибирь. Но это потребует громадных капиталовложений и времени. Естественно поэтому, что преемники Брежнева обращают взоры и на Запад и на Восток, в надежде привлечь западногерманский и японский капитал. Переговоры с Западной Германией о строительстве заводов для переработки залежей лигнита в районе Ачинска-Канска (Южная Сибирь) в искусственную нефть начались еще в конце 70-х годов. В 1981 году была образована советско-германская комиссия по сотрудничеству в области развития источников энергии. Проект, в котором примут участие «Дейче Банк» и крупнейший стальной концерн Маннесман А. Г., рассчитан чуть ли не до конца столетия, стоимость контрактов исчисляется уже сейчас в 16,5 млрд. долларов. Это второй крупнейший проект оказания помощи экономике СССР со стороны Западной Европы. Первый — соглашение об участии западноевропейского капитала в

строительстве газопровода из СССР в Западную Европу принесет Советскому Союзу ежегодную прибыль в 5-8 млрд. долларов.

Глава двенадцатая. После Брежнева

От председателя КГБ к генсеку

Брежнев умер в начале ноября 1982 г.

Механизм перехода власти от умершего генерального секретаря к новому был отлажен и действовал, по-видимому, без особых сбоев.

Впервые в истории КПСС и советского государства сработал принцип преемственности

власти. Не было разногласий в выборе пути, как то было после смерти Ленина, ни драматической борьбы внутри правящей верхушки с арестами, казнями, использованием вооруженной силы, как это случилось вскоре после смерти Сталина, ни заговора, устранившего еще живого вождя — Хрущева («бескровный переворот» в октябре 1964 года). «Подковровая борьба» закончилась победой Ю. В. Андропова, избранного генеральным секретарем ЦК КПСС на следующий же день после смерти Брежнева. Его кандидатура была предложена ближайшим соперником К. У. Черненко.

Начало политической карьеры Андропова (1914—1984) относится, как и других руководителей из «промежуточного поколения», к концу 30-х годов, когда на смену уничтожаемым старым партийным кадрам спешно выдвигали комсомольских активистов районного и областного масштаба, помогавших с энтузиазмом находить и разоблачать «врагов народа». Секретарь Ярославского обкома комсомола в конце 30-х годов, руководитель комсомола Карело-Финской ССР после советско-финской войны 1939—1940 гг., принимавший участие в организации партизанского движения во время германо-советской войны, Андропов становится в конце 40-х годов вторым секретарем ЦК компартии КФ ССР. Он быстро выдвигается в годы позднего сталинизма, когда постоянная демонстрация преданности Сталину, а не просто лояльность режиму, была единственным залогом безопасности и, при удаче, успешной карьеры. Андропову повезло, в ходе послевоенной чистки был арестован не он, а первый секретарь ЦК компартии КФ ССР, Андропова же в 1951 году берут на работу в аппарат ЦК КПСС. В 1954—57 годах он посол в Венгрии. Андропов успешно вводит в заблуждение правительство Имре Надя относительно советских намерений в разгар венгерской революции 1956 года. Удачное завершение миссии — подавление революции — было отмечено назначением Андропова заведующим отделом социалистических стран ЦК КПСС. В 1962 году он становится секретарем ЦК, достигает необходимой ступеньки на лестнице, ведущей к высшей власти. В 1967 году Андропов принимает традиционно опасный пост председателя Комитета государственной безопасности и становится 13-м по счету руководителем советской тайной полиции: пятеро из его предшественников были казнены как «враги народа», а трое впали в немилость. Вероятно, в качестве награды за согласие стать «мечом партии» в борьбе против «внешних и внутренних врагов» Андропова в 1967 году делают кандидатом в члены Политбюро, а в ознаменование заслуг по разгрому диссидентского движения он избирается в 1973 году членом Политбюро. Значение КГБ при Андропове усиливается. В 1978 году Комитет получает статус самостоятельного ведомства. Пятнадцать лет пребывания Андропова в КГБ были отмечены «успехом» в разложении и подавлении диссидентского движения внутри страны и существенным усилением советского шпионажа за границей. Пост, который в прежние времена становился как бы моральным препятствием для достижения высшей власти, послужил Андропову трамплином для решающего прыжка. Впрочем, существует исторический прецедент: Жозеф Фуше — всемогущий министр полиции времен Французской революции и эры Наполеона становится, немедленно после поражения Наполеона при Ватерлоо, председателем Директории, он управляет Францией в течение пяти дней. Время Андропова также отмерено — всего пятнадцать месяцев. Приходу Андропова к власти способствовали не только его личные качества или кропотливая работа по внедрению в сознание партийной верхушки чувства безопасности от внутренних потрясений, пока он (Андропов) остается в ее составе, но также и потому, что КГБ вбирает в себя наиболее инициативные кадры комсомольских и молодых партийных работников, становящихся как бы частью истэблишмента.

Реабилитация органов государственной безопасности, начатая еще при Хрущеве (назначение главой КГБ первого секретаря ЦК ВЛКСМ Шелепина в 1958 году), была завершена при Брежневе: КГБ при Совете Министров СССР реорганизован в КГБ СССР, председатель Комитета сделан сначала кандидатом в члены Политбюро, а затем и членом Политбюро. Андропов, а вслед за ним и Черненко, подтвердили место КГБ как одного из краеугольных камней советской системы: в члены Политбюро был избран бывший председатель КГБ Азербайджана Г. Алиев, новый руководитель КГБ Чебриков был сделан Андроповым кандидатом в члены Политбюро, а Черненко произвел его в генералы армии и вручил маршальскую звезду.

Естественно поэтому, что чувство уверенности и особого предназначения у сотрудников КГБ возрастает, они претендуют на представительство в партийном аппарате. В. Красин приводит в своей книге разговор с начальником следственной группы КГБ полковником Володиным. Речь идет о следователе Александровском, ведшем дело Красина и Якира.

«Павел Иванович, — говорит Володин, — это государственный ум. Ему даже у нас в центре тесно. Его место в ЦК».

При Андропове КГБ оставался не просто инструментом партии, но стал в какой-то мере и истолкователем ее воли.

Появление Андропова на посту генерального секретаря было как бы завершением работы Системы по созданию синтетического типа руководителя, который бы вполне соответствовал ленинскому принципу — хороший коммунист есть в то же время и хороший чекист. То, чего не удалось достигнуть Берия и Шелепину, добился Андропов. Предрассудок, что глава тайной полиции не может быть генеральным секретарем коммунистической партии, был опровергнут.

Когда Андропов умрет, КГБ опубликует прочувствованный некролог, в котором отметит, что «под его непосредственным руководством была разработана и успешно осуществляется научно обоснованная, выверенная жизнью программа деятельности по обеспечению государственной безопасности страны в условиях развитого социализма».

Если Брежнев был воспринят на Западе в начале своей карьеры генсека как «умеренный», то Андропов был представлен как государственный деятель новой школы еще задолго до того, как он стал лидером. Штаб Андропова — консультанты в Международном отделе ЦК КПСС, в академических кругах, в аппарате КГБ — работал над созданием «образа» будущего генсека многие годы. Не остались в стороне и некоторые диссиденты, от которых пошли легенды о либерализме Андропова. В конце концов вырисовался облик серьезного, энергичного государственного мужа, достаточно твердого, но способного управлять, не впадая в воинственную риторику и в крайности консервативного экстремизма, умело разбирающегося в хитросплетениях международной

политики и мирового коммунистического движения, эксперта по психологии Запада и даже ценителя его культуры.

Душителя диссидентского движения и человека, пославшего в Афганистан пыточные команды КГБ, западная медия и признанные эксперты по советским делам пытались представить как радушного хозяина, часами беседующего с диссидентами в своем доме и затем отправляющего их домой на собственной машине. Об этом писала, например, *«Вашингтон пост»*. Ей вторила *«Нью-Йорк тайме»*, распространявшая небылицы о высокообразованном вельможе, великолепно владеющим английским языком и проводящим свой досуг за французским коньяком, чтением американских романов и слушанием «Голоса Америки».

Авторитетные американские советологи предсказывали, что Андропов выведет войска из Афганистана, вызовет из ссылки А. Д. Сахарова и вообще сотворит благо. Профессор Джерри Хоф, благословляя избрание Андропова секретарем ЦК КПСС в мае 1982 года назвал это «одним из наиболее благоприятных событий, происшедших в СССР в последние годы». Правда, не все соглашались видеть в Андропове либерала. Например, лондонский *«Экономист»* объявил Андропова «просвещенным консерватором»...

Когда же эйфория понемногу спала, выяснилось, что за спиной у «образованного вельможи» Рыбинский техникум водного траспорта, два курса Петрозаводского университета, но зато полный курс Высшей партийной школы при ЦК КПСС, по-английски, однако, не говорит и пластинки Глена Миллера не слушает... Интервенция в Афганистане усилилась. Сахаров не только не был возвращен из ссылки, но изоляция его от внешнего мира еще больше усилилась.

Миф об Андропове, как о «тайно-либеральном аппаратчике в джинсах», быстро рухнул, не выдержав соприкосновения с действительностью.

Андропов вступил в должность генерального секретаря 10 ноября 1982 года, стал затем сравнительно быстро (в июне 1983 года) также и Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Он умер 9 февраля 1984 года, пробыв у власти пятнадцать месяцев.

Дисциплина — мать порядка

Как и другие советские руководители, Андропов многое позаимствовал у своих предшественников. Главная же цель, как обычно слегка прикрытая разговорами о сохранении мира, осталась прежней уверенность в конечном распространении социалистической системы на весь мир, т. е. советизации его, была подтверждена.

Основная забота партии прежняя — человек, но с существенным изменением. Новый советский человек должен был, наконец, понять, что его главная потребность — труд, а удовлетворение материальных нужд — дело второстепенное. Так была изменена важнейшая программная установка партии о наиболее полном удовлетворении материальных и духовных запросов советского человека. Акцент был переставлен — на первом месте духовные потребности, на втором — материальные. Советский человек был призван к укреплению своей собственной дисциплины, к решительной борьбе против своих собственных потребительских инстинктов. Основной закон общества развитого социализма был подтвержден — прежде всего рассчитайся с государством (в сталинские времена это называлось первой заповедью колхозника).

Меры, предпринятые Андроповым для упорядочения экономики страны, были направлены на выжимание резервов из системы, не затрагивая ее основ: укрепление дисциплины, усиление агропромышленных комплексов, расширение прав руководителей промышленных предприятий, обещание больше учитывать региональные интересы в экономике страны, новые поощрительные меры для реализации Продовольственной программы, принятой при Брежневе. Нового в этом ничего не было. Много раз необходимость подобных мер, включая борьбу с расхитительством и взяточничеством, провозглашалась предшественниками Андропова, а затем постепенно тонула в стоячих водах советской бюрократической системы. Андропов не провел ни одной реформы, он и не собирался этого делать. С самого начала, при вступлении в должность генсека в ноябре 1982 года, Андропов заверил, что не имеет готовых рецептов для разрешения назревших проблем и действовать он будет вместе с Центральным комитетом партии, т. е. ответственность будет общей, подчеркивая тем самым, что реформаторским зудом он не страдает.

Андропов попытался освободиться от тех руководителей, чья неспособность перешагнула всякий допустимый предел и замешанных в коррупции. Само слово «коррупция» не употребляется применительно к советской системе. В *«Большой Советской энциклопедии»* об этом сказано совершенно определенно: «К. известна всем видам эксплуататорских гос-в, но особенно широкое распространение ее присуще империалиста, гос-ву...» Советское гос-во, как известно, эксплуататорским не является...

В советском лексиконе слово «коррупция» успешно заменено более привычными понятиями, как «взяточничество», «подкуп», «расхитительство» и пр. Гигантские масштабы злоупотреблении во всех сферах советской жизни общеизвестны, коррупция является интегральной частью Системы, в нее вовлечено, в той или иной степени, все советское общество, сверху донизу — разница лишь в масштабах. Поэтому борьба против коррупции в СССР велась и ведется против тех, кто «берет не по чину», т. е. выходит за рамки стихийно установленных и молчаливо признанных норм, нарушая тем самым эквилибриум системы и создавая угрозу для всех.

Андропов, еще будучи председателем КГБ, собрал огромный материал о расхитителях, взяточниках и вымогателях. Укрепляя свою власть, он нанес первый удар по соперничающему с КГБ Министерству внутренних дел СССР, возглавляемому родственником Брежнева Щелоковым, покрывавшему расхитителей и спекулянтов. вероятно, за соответствующую мзду. Предлогом послужила афера со скупкой и спекуляцией драгоценностями, в которой оказалась, якобы, замешанной дочь Брежнева — Галина Брежнева. Раскрытие аферы привело к самоубийству первого заместителя председателя КГБ С. К. Цвигуна, ставленника Брежнева, пытавшегося, по слухам,

прикрыть расследование. То был серьезный удар по «днепропетровской мафии».

Среди других поднятых Андроповым громких дел — злоупотребление властью и взяточничество в Краснодарском крае. Местные советские городничие и тамошняя милиция занимались лихоимством в таких масштабах, по сравнению с которыми гоголевские времена кажутся веселым водевилем. Вымогательство происходило на глазах и под покровительством обкома партии. На июньском пленуме ЦК КПСС 1983 года Щелоков и секретарь Краснодарского крайкома Медунов были выведены из состава ЦК. В ряде областей, городов, министерствах руководство было заменено. В органах МВД и милиции была произведена чистка состава и введены политотделы. Туда были назначены работники партийного аппарата и КГБ. Министром внутренних дел стал сменивший Андропова на посту председателя КГБ Федорчук.

В назидание всем были проведены процессы взяточников из разных министерств, в том числе из Министерства внешней торговли, были осуждены несколько начальников главных управлений, пострадали даже несколько заместителей министров. Но одновременно шли аресты инакомыслящих, баптистов, православных, евреев, сторонников свободных профсоюзов: людей, известных только в узком кругу друзей и в «органах». Символом новой волны репрессий, организованной новым генеральным секретарем, может быть арест 28-летней поэтессы Ирины Ратушинской. Она была арестована и приговорена в марте 1983 г. к 7 годам лагеря строгого режима и 5 годам ссылки за несколько лирических стихотворений, посланных за границу. Иосиф Бродский в предисловии к сборнику стихов Ирины Ратушинской, опубликованному на русском, английском и французском языках, пишет: «Осуждение поэта есть преступление не просто уголовное, но, прежде всего, антропологическое, ибо это преступление против языка, против того, чем человек отличается от животного. На исходе второго тысячелетия после Рождества Христова осуждение 28-летней женщины за изготовление и распространение стихотворений неугодного государству содержания производит впечатление дикого неандертальскою вопля — точнее, свидетельствует о степени озверения, достигнутою первым в мире социалистическим государством».

В коротком периоде «андроповского правления» как бы аккумулировались все особенности советской системы, был подведен итог всему, что произошло в стране за 66 лет существования советского режима. Андропов пытался ослабить отрицательные стороны системы. Но ключ к успеху он усмотрел все в той же старой формуле «наведения порядка». Дисциплина во всех ее видах: трудовая, общественная и военная — стала девизом нового генсека. Объявив повсеместный поход за укрепление Дисциплины, Андропов сразу же использовал привычные методы насилия и принуждения: на улицы, в магазины, в рестораны были посланы патрули проверяющих, по какому праву советские граждане разгуливают или делают покупки в рабочее время. Неунывающий народ немедленно пополнил словарь советско-русскоюго языка новым глаголом «заандропить», равнозначным старинному «заарканить».

Меры, примененные к рядовым нарушителям трудовой дисциплины, были не новыми: понижение заработной платы, лишение премий, перестановка на конец очереди при распределении жилья и др., т. е. ухудшение материального положения нарушителя и его семьи. Разрешение на увольнение или изменение места работы предваряет обсуждение вопроса «коллективом». Все это живо напоминает антирабочее законодательство 1940 года с его шкалой наказании за прогулы и опоздания. В 1983 году в законодательство были внесены поправки к правилам применения условного наказания, ставящие условность осуждения в зависимость от мнения «трудового коллектива», которому проштрафившийся передан для исправления. 17 июня 1983 года издается закон «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями», а в августе того же года следует серия постановлений, цель которых усилить контроль и ответственность за нарушение дисциплины на предприятиях.

Проект закона был вынесен на всенародное обсуждение. Согласно официальным данным, его обсуждали 110 млн. советских граждан. На 1230 тыс. собраний выступило 5 млн. человек: было предложено 130 тыс. поправок. Результат: принято 70, т. е. 129 930 поправок, внесенных «простыми советскими людьми», было отвергнуто. Такова советская социалистическая демократия в действии.

Член Политбюро и кадровый офицер КГБ Гейдар Алиев, представляя проект закона Верховному Совету СССР, назвал рабочий коллектив «основной ячейкой советского общества». Но как и все другие «ячейки» рабочий коллектив возглавляется партийной организацией. От имени рабочего коллектива выступает «квартет», составленный из представителей администрации, партбюро, профкома и бюро ВЛКСМ. Главная цель закона — усилить контроль над рабочими.

Формально закон предусматривает участие рабочих в обсуждении производственных планов и других вопросах, фактически при существующей системе управления решение от них не зависит. Рабочим предоставили право высказывать свое мнение по такой жгучей и волнующей проблеме как распределение жилья, где страсти особенно накалены. События в Польше были учтены — отдушина для выражения рабочими своего недовольства была приоткрыта. Неурядицы в Польше рассматривались советским руководством как результат ослабления дисциплины и неоправданных мер по повышению жизненного уровня населения. Регулирование уровня жизни, поддержание его на терпимом, но достаточно низком уровне, становится важнейшей социальной проблемой. В первой и единственной беседе с рабочими (Московского станкостроительного завода им. Серго Орджоникидзе) 31 января 1983 года Андропов дал понять, что цены на товары первой необходимости могут быть повышены. Народ призван больше думать о производстве и удовлетворении духовных потребностей, но время от времени партия не забывала подчеркнуть, что благосостояние народа благодаря ее заботам растет непрерывно: в конце 1983 года снижаются цены на ковры и каракулевые манто. Председатель комитета по ценам заявляет, что это снижение, проведенное, несмотря на происки американского империализма, «убедительное свидетельство экономического могущества СССР».

Поход за укрепление трудовой дисциплины начал выдыхаться уже через несколько месяцев. Он был расценен на местах как очередная кампания. Обеспокоенный генсек обращается с призывом к руководителям: «...главное, не дать угаснуть порыву масс». Но «порыв» все же угасает...

порыв» все же угаснет...

Постепенно выясняется, что падение производства меньше всего связано с прогулами. Исследования, проведенные Центральным статистическим управлением в металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности показали, что прогулами было вызвано менее 2 процентов потерь рабочего времени. Снова подтвердилась давно установленная истина: экономика СССР нуждается в серьезных структурных изменениях, ловлей лодырей дела не поправишь.

Путем огромных усилий Андропову удалось чуть-чуть сдвинуть экономику с точки замерзания. Согласно официальным данным в 1983 году национальный доход увеличился на 3,1 процента, на 4 процента выросло промышленное производство и общественное производство в сельском хозяйстве на 6 процентов.

Однако сравнительный анализ среднегодовых темпов роста промышленного производства по ряду отраслей промышленности за три года десятой пятилетки (1976—1978) и одиннадцатой (1981—1983), проведенный экономистом Борисом Румером, свидетельствует о продолжающемся скольжении экономики по наклонной. Приведем некоторые данные: среднегодовые темпы роста производства электроэнергии (в квт. час) составляли в 1976—78 гг. — 5 процентов, а в 1981—83 — 3 процента; нефти, соответственно 5 и 0,8; стали — 2,4 и 1,1; автомобилей — 3,1 и 0,0; цемента — 1,4 и 0,8 и т. д.

«Закон о трудовых коллективах» был вторым законом Андропова. Первым же был закон, изданный 24 ноября 1982 года, немедленно после избрания Андропова генеральным секретарем, «О государственной границе СССР». Он должен был поднять общественную дисциплину, бдительность и нетерпимость. Неприкосновенность и нерушимость границ СССР была подтверждена еще раз.

Пограничным войскам предписывалось предотвращать проникновение в СССР всякого рода печатных работ, фотографий, рукописей, микрофильмов, магнитофонных записей и пр., содержание которых может нанести ущерб экономическим и политическим интересам СССР, его безопасности, общественному порядку, а также духовному здоровью и моральному состоянию населения страны, (ст. 28) Всем же советским гражданам вменялось в обязанность активно участвовать в охране советских границ. Закон служил также напоминанием, что надо опасаться заграницы, что Советскому Союзу постоянно угрожают враги извне. Важно, чтобы всегда было кого и чего опасаться — это один из краеугольных камней Системы — смутьянов ли поляков, коварных китайцев или американских шпионов. Закон вполне укладывался и в основной лозунг андроповского времени — «укреплять дисциплину» и в сталинский завет всегда держать границу «на замке». Прямо по «Борису Годунову» Пушкина:

> ...чтоб заяц
> Не прибежал из Польши к нам; чтоб ворон
> Не прилетел из Кракова.

Укреплению «дисциплины и самодисциплины» отвечали дополнения и поправки к уже существующему законодательству, принятые за месяц до смерти Андропова, 11 января 1984 года. Был изменен и дополнен закон «Об уголовной ответственности за государственные преступления» от 25 декабря 1958 года: заключение до 10 лет угрожает гражданам за «действия, совершенные с использованием денежных средств или иных материальных ценностей, полученных от иностранных организаций». Это был как бы решающий удар, нанесенный Андроповым по политическим заключенным и их семьям. В течение полутора десятков лет КГБ старался пресечь деятельность находящихся за рубежом филантропических организаций, таких как «Русский общественный фонд помощи преследуемым и их семьям», где президентом Наталья Солженицына, «Эмнести интернейшнл», «Помощь русским христианам», различных организаций баптистов, международных обществ борьбы за человеческие права, множества частных лиц, оказывающих помощь политзаключенным и их семьям. Распорядители фондов в СССР подвергались преследованиям и арестовывались. На их место вставали другие. Угроза тюрьмы должна запугать политических заключенных и их семьи, и тем самым подорвать самое существование фондов.

В закон 1958 года добавлена также статья, карающая заключением от 2 до 8 лет за передачу «иностранным организациям или их представителям» сведений, составляющих «служебную тайну». Понятие «служебная тайна» не расшифровывается, толкование, как и в других случаях, остается за властями.

В понятие общественной дисциплины включается охрана порядка в городах и селах самими гражданами. Хулиганство и пьянство стали постоянными спутниками советского образа жизни. Дело защиты граждан объявляется делом самих граждан. Государство не может обеспечить покой и безопасность граждан силами многотысячной милиции и внутренних войск. Правда, обязанностью внутренних войск остается подавление народного возмущения, если бы оно где-то возникло. Еще Хрущевым по всей стране были созданы т. н. народные дружины. Теперь они значительно выросли. *«Правда»* сообщает, что каждый день улицы советских городов патрулируют «сотни тысяч дружинников». В Москве только в одном микрорайоне порядок поддерживается силами 2,5 тыс. дружинников Первого Государственного завода шарикоподшипников. Можно легко себе представить размах хулиганства в стране. Дружинники объявлены носителями общественной дисциплины. Они могут быть использованы и как силы «порядка» в случае необходимости подавления народных волнений.

Со школьной скамьи — в Афганистан

Хрущев поставил своих преемников в затруднительное положение, обещав в 1961 году построить, в основном, коммунизм через 20 лет, т. е. к концу 1981 года. За свое легкомысленное заявление расплачиваться Хрущеву не пришлось — он умер на десять лет раньше. Многие поверили Хрущеву: в представлении граждан коммунизм означал бесплатное распределение благ, главным образом коммунальных, таких как жилье и транспорт (Сталин в *«Экономических проблемах»* говорил и о бесплатной раздаче хлеба: впрочем, будучи человеком осторожным, точной даты не назвал).

Преемники Хрущева ревизовали его необдуманное обещание, заявив, что приход коммунизма откладывается на неопределенный срок, — период развитого социализма; его совершенствование будет продолжаться неопределенно долго. СССР находится лишь в начале этого длительного исторического этапа... «Полное же равенство в смысле одинакового пользования материальными благами, — подтвердил Андропов, — будет возможно лишь при коммунизме». Но движение к цели продолжается. (Когда-то Эдуард Бернштейн, придумавший гениальную формулу: «Цель ничто — движение все», — был заклеймен Лениным как ревизионист и отступник от марксизма.) Подновление идеологии, приспособление ее догматов к потребностям сиюминутной политики, характерная особенность конца 70-х и начала 80-х годов. В обиходную политическую терминологию включается понятие «исторически длительного этапа развитого социализма», но почти исчезает термин «коммунизм», ибо с ним связано понятие наступления эры изобилия, возрождается фактически теория отмирания государства через его усиление — незабываемый вклад в «сокровищницу марксизма-ленинизма» в 30-е годы, теперь в непредсказуемом будущем обещано превращение советской государственности в социалистическое самоуправление (все же, по терминологии, хотя бы ближе к Утопии).

В ходе этого движения происходит формирование «нового человека», на деле полное овладение человеком. Чтобы ни у кого на этот счет не возникло никаких сомнений, министр обороны Д. Ф. Устинов заверил: «К этой цели мы идем широким фронтом, используя все возможности общества развитого социализма, весь арсенал средств — организационных, политических, воспитательных».

Милитаризация школы, милитаризация сознания подрастающего поколения становится главным инструментом партии в послехрущевское время. Конечно, термин «милитаризация» не применим к социалистическому обществу... Его успешно заменяет выражение «военно-патриотическое воспитание».

Военное обучение в школе, введенное при Брежневе, еще более усилилось при Андропове. Газеты, журналы периода Андропова заполнены статьями, выступлениями на тему военно-патриотического воспитания. О нем говорят на всевозможных совещаниях: партийных работников, учителей, ветеранов, на пленумах ЦК КПСС. Начальник Главного Политического управления Советской армии А. А. Епишев, фактически направляющий всю эту деятельность, докладывал на пленуме ЦК КПСС в июне 1983 года: в Московском военном округе 4 тысячи военнослужащих работают внештатными пионервожатыми.

Постановление ЦК КПСС о дополнительных мерах по изучению русского языка в союзных республиках воспринимают однозначно — русский язык необходим для овладения боевой техникой. Тот же Епишев подчеркивает, что «повышение уровня владения русским языком, на котором осуществляется боевое управление войсками и силами флота, современными комплексами оружия, позволит эффективнее осуществлять боевую подготовку». Ему вторит А. А. Воос, первый секретарь ЦК компартии Латвии: перечисляя на июньском 1983 года пленуме ЦК КПСС достижения республики, он не преминул упомянуть, «что все латвийские призывники свободно владеют русским языком», «а это немаловажно... для повышения боеспособности армии и флота». Милитаризация подрастающего поколения идет полным ходом. «Мы делаем все для того, — говорил на встрече в Министерстве обороны СССР с ветеранами директор совхоза „Азовский“ В. И. Головченко, — чтобы приобщить детей к героике, чтобы юноши были хорошо подготовлены к службе в армии».

Министр обороны Устинов требует: «Формирование у молодежи понимания сущности сознательной воинской дисциплины следует начинать с начальной военной подготовки юношей в средних школах».

Задача подготовки хороших солдат выдвигается как одна из главных в школьном обучении. С предельной ясностью она сформулирована центральным партийным органом *«Правдой»* в июне 1984 года: «Задача состоит в том, чтобы... пробудить стремление стать примерным солдатом, выработать психологическую готовность к соблюдению строжайшей дисциплины и порядка в частях и на кораблях. В общей системе военно-патриотической работы важное значение имеет ориентация оканчивающих средние школы на поступление в военные училища».

Но оказывается не все идет так гладко. Черненко указывает на июньском пленуме на «запоздалое гражданское становление и политическую наивность некоторых молодых людей». Первый секретарь ЦК ВЛКСМ В. М. Мишин с беспокойством отмечает: «К сожалению, еще встречаются и беспечность и элементы пацифистских настроений». Устинов упоминает о политической наивности (отдельных, конечно!) «молодых людей, только что надевших военную форму», и отмечает «элементы благополучия и беспечности в их поведении».

Как с этим бороться? Прежде всего закрыть каждую щелочку, в которую могла бы проскользнуть свободная мысль, сомнение или интерес к прошлому, не утвержденный вышестоящими инстанциями. Епишев призывает «не допускать даже отдельных фактов выпуска на материалах войны книг, фильмов, спектаклей, которые нечетки по своей мысли, отличаются узким видением и мировоззренческой нетребовательностью».

Углубляется концепция воспитательной роли советских вооруженных сил как особого, специфического органа государства. Роль армии поднимается, из орудия государства она превращается в его неотъемлемую часть, на нее возлагается функция воспитания юношества в момент перехода от юности к зрелости. «Армия, —писал в начале 1984 года один из ее политических руководителей, —как бы принимает на определенном этапе „эстафету“ в воспитании человека у семьи, трудовых или учебных коллективов, а затем, после окончания воином действительной службы, уже с более высоким уровнем воспитанности опять передает его этим же или другим коллективам указанного типа». От коллектива к коллективу дисциплина во всех видах, дисциплина прежде всего!

Советская воинская дисциплина провозглашается «одним из видов социалистической государственной дисциплины... Это дисциплина высшего предела». Именно о такой дисциплине — безоговорочного повиновения подчиненных своим начальникам — мечтает партия. Но на пути возникает важное и, вероятно, труднопреодолимое препятствие: сам человек, с непредсказуемостью его поступков. И это больше всего беспокоит партийное

руководство.

При Андропове выявлены, наконец, негативные факторы, влияющие на формирование Нового советского человека в юношеском возрасте. Оказывается, это не только привычные «родимые пятна капитализма», но и малый стаж трудовой и общественной деятельности и «ограниченная в связи с этим степень развитости классово-профессиональных черт». Школьная реформа, проект которой был выработан в андроповское время, и ставшая законом в апреле 1984 года, призвана исправить положение — планируется, что до половины оканчивающих среднюю школу так или иначе попадут на производство.

У армии серьезные претензии и к качеству общеобразовательной подготовки в средней школе и к состоянию промышленности и сельского хозяйства. Если не будет наведен порядок в школе и в стране вообще, от армии нельзя ожидать высоких качественных показателей.

Большего внимания военному обучению требует министр, который, казалось бы, должен противодействовать вторжению милитаристского духа в школу. «Нам следует рассмотреть вопросы обеспечения школ опытными военруками», — заявляет М. А. Прокофьев, министр просвещения СССР. Он заверяет ЦК партии, что министерство просвещения работает в тесном контакте с министерством обороны.

Плоды налицо.

Корреспондент *«Нью-Йорк таймс»* побывал на детском празднике в одной из московских школ. Вот как он описывает празднество: «Сначала вбежали девочки в красных юбках с красными лентами в волосах. Каждая держала в руках красный флажок. Затем вошли мальчики в защитного цвета касках с большими красными звездами на них, речитативом распевая песни о революции, о «празднике, овеянном славой». Другие дети, одетые в голубое и желтое, держали в руках букеты осенних листьев, сделанных из пластика, они распевают: «Слава нашей великой родине, пусть в будущем она будет еще более могущественной и прекрасной». Затем вся группа запела, учитель аккомпанировал на фортепьяно:

> Наша родина стоит на страже мира,
> Победоносна Красная армия,
> Наша родина могучая,
> Она охраняет мир.

«Да здравствует Великий Октябрь!» — провозглашает учитель.

«Урра!» — кричат дети тоненькими голосками.

«Да здравствует наша великая Родина!» — восклицает учитель.

«Урра!»

А вот и результат: в Ашхабаде, в школе, где директором Герой Советского Союза Санармет Ходжаев семь выпускников получили награды за участие в войне против афганского народа...

Тревожат военных руководителей изменения в национальном балансе страны. «В Вооруженных силах уже сейчас учитывается возможность негативного воздействия с середины 80-х годов сложной демографической обстановки». Первая проблема — пополнение сержантского и младшего офицерского состава. В национальных республиках не находится много охотников стать кадровыми военными. Перед комсомолом поставлена цель — преодолеть эту негативную тенденцию. «Считаем своей важной задачей, — заявляет Мишин, — повышать престиж профессии советского офицера, особенно среди юношей коренных национальностей республик Средней Азии, Закавказья, Прибалтики». Здесь находятся болевые точки.

Повсеместно наблюдается явление одного и того же порядка: романтика военной службы, овеянная подвигами времен войны против фашистской Германии, постепенно исчезает. Новые поколения все меньше ощущают себя связанными с «боевым прошлым». Цепь преемственности о пережитых совместно страданиях, которая в прежние времена скреплялась памятью, приковывая подрастающие поколения к старшему, ослабевает по мере физического ухода ветеранов войны, изменения интересов и всеобщего негативного отношения к войне.

Аркадий Белинков, замечательный исследователь советской эпохи, писал в своей книге о Юрии Олеше: «Герои, героизм, подвиги, военная слава, прогресс и замечательные успехи безусловно должны заставлять быстрее и радостнее биться наши сердца. Но это только половина дела. Вторая половина заключается в том, чтобы герои, героизм, подвиги и другие удивительные вещи были употреблены в строго ограниченных количествах, чтобы они не превышали средний процент несчастных случаев от автомобильных и железнодорожных катастроф».

Брежнев еще мог сделать себя четырежды Героем Советского Союза и даже взять себе орден «Победы» — он был на войне. Участие его преемника Андропова было эпизодическим, а с приходом Черненко связь с военной героикой будто и вовсе прерывается. Но так ли это? Генсек Черненко в молодые годы (1930—1939) служил добровольцем в пограничной охране ОГПУ. Здесь он вступил в партию и был избран на свою первую партийную должность — секретаря партийной ячейки заставы. «С тех пор, — говорит Черненко, — смыслом и содержанием всей моей жизни стала партийная работа». Он внушает молодым пограничникам: «Главным было и остается огромная ответственность, высочайшая собранность» и, разумеется, «бдительность».

Появление очерка о пограничнике К. У. Черненко с его фотографией в органе Вооруженных сил кладет как бы начало созданию боевой биографии генсека, в которой он отчаянно нуждается. В свое время начало прославлению Брежнева положил журнал *«Новое время»*, опубликовавший очерк молодого тогда журналиста Андронова о *«Малой земле»*. Время предъявляет свои требования к биографиям советских руководителей

земле». Время предъявляет свои требования к биографиям советских руководителей. Только Ленин не имел воинского звания — тогда их просто не было. Сталин стал маршалом, а затем генералиссимусом во время войны против гитлеровской Германии. Тогда же получили свои генеральские звания Хрущев — генерал-полковника и Брежнев генерал-майора. В конце концов Брежнев сделал себя маршалом. Андропов получил звание генерала армии по должности председателя КГБ СССР.

Но партийное руководство сталкивается с серьезной проблемой: война уходит в прошлое, и один из важнейших компонентов магии власти КПСС постепенно распадается, независимо от того, будет ли генсек Черненко или следующие за ним генсеки иметь звание маршала Советского Союза.

Мир — это война

Конец брежневского времени сопровождался серьезными осложнениями для Советского Союза на арене мировой политики. Среди них ухудшение отношений с Соединенными Штатами Америки, затяжная война и политический тупик в Афганистане, обострение положения на Ближнем Востоке, неустойчивая обстановка в Юго-Восточной Азии, осложненная китайско-вьетнамским конфликтом из-за Кампучии. Внутри советского блока острая ситуация возникла в Польше, где 37-миллионный народ психологически отошел от власти, опирающейся на Советский Союз и контролируемой.

Брежнев оставил своим преемникам государство «реального социализма», с постоянно-кризисной экономикой, сверхдержаву, истощенную в гонке вооружений, империю, протянувшую свои щупальца далеко за пределы собственных границ, но неспособную решить ни одной проблемы ни в самой метрополии, ни на ее рубежах. В то же время процесс советизации планеты, начавшийся в 1917 году, продолжался. К началу 80-х годов режимы типа советского или сходного с ним, были установлены в 24 странах Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. Их территория занимала 41 млн. кв. км или 27,5 процента от площади всей земной суши, а население насчитывало 1783 млн. чел. (включая Китай — 1035 млн. чел.) или 39,7 процента всего земного населения.

Андропов оказался во главе государства, когда военный баланс между странами НАТО и государствами Варшавского договора изменился в Европе в пользу последних. СССР обладал постоянным перевесом в неядерных силах фактически с конца Второй мировой войны. В середине 70-х годов СССР начал осуществлять новую программу усиления ядерной мощи и в конце концов оснастил свои вооруженные силы более чем 300 ракетами СС-20 с радиусом действия до 5 тыс. км. Военный баланс в Европе изменился решительным образом в пользу СССР. НАТО не оставалось делать ничего другого как предупредить СССР, что он будет вынужден разместить на территории европейских государств — членов НАТО дополнительное ядерное оружие также среднего радиуса действия — баллистические ракеты «Першинг-2» и крылатые ракеты. Таким образом, было произведено выравнивание соотношения ядерной мощи в Европе. Европейские страны меньше всего хотели установления американских ракет на своей территории, но воинственная политика СССР не оставляла иного выбора. Советский Союз был заранее предупрежден о предстоящем размещении новых ракет на территории Западной Германии, Великобритании и других стран. Отказавшись от урегулирования проблемы дипломатическими средствами, Советский Союз начал шумную пропагандистскую войну. Размещение ракет сопровождалось не только острыми дебатами в странах НАТО, включая США, но и многочисленными организованными по всей Европе выступлениями, особенно в Западной Германии, противников размещения американских ракет и сторонников «замораживания» вооружений, угрозами и открытым нажимом Советского Союза. Однако предотвратить и даже задержать размещение американских ракет не удалось усиление ракетного потенциала СССР и особенно ракет среднего радиуса действия, нацеленных на Западную Европу, а в Азии на Японию, было слишком очевидным. Грубый нажим, оказанный Советским Союзом накануне всеобщих выборов в Германии (Министр иностранных дел Громыко, находясь в Западной Германии, откровенно заявил о желании СССР видеть у власти социал-демократическую партию), вызвал неожиданную для СССР реакцию: победили христианские демократы, сформировавшие вместе со своими союзниками — свободной демократической партией — правительство канцлера Коля. Пошли на спад и всевозможные антивоенные и пацифистские движения на Западе, поддержанные СССР и объективно игравшие на руку советской политике. Вторичное угрожающее предупреждение на этот раз самого Андропова Колю в июле 1983 года относительно последствий размещения американских ракет в Западной Германии снова потерпело фиаско. Размещение ракет происходило согласно установленному расписанию. Демонстративный уход советских делегаций с переговоров об ограничении ядерных вооружений в Женеве лишь подчеркнул это промежуточное поражение Советского Союза. Но в то же время советскому руководству, возможно, удалось убедить западногерманские политические и деловые круги в необходимости культивировать лучшие отношения с СССР. Перспективы развития экономических связей, с одной стороны, спекуляция на страхе перед ядерной войной, с другой, будут оказывать долговременное воздействие на политику ФРГ.

СССР ответил на размещение американских ракет в Западной Европе заявлением о намерении установить собственные ракеты (СС-20, СС-22, СС-23) на территории своих союзников — восточных немцев и чехов.

Заявление, однако, не означало, что оно будет последовательно проведено в жизнь. Один из принципов долговременной политики СССР в странах Варшавского договора заключается в том, чтобы не держать по возможности самого современного оружия на территории стран-сателлитов. Это не означает, конечно, что вообще такого рода планы не существуют, так как в военном планировании учитываются меняющиеся факторы военно-политической обстановки. Однако опасность изменения политики выявилась немедленно в Чехословакии среди учащихся города Брно, близ которого намечалось, по слухам, установить советские ракеты, началась петиционная кампания против их размещения. Кампания приняла такие размеры, что центральный орган чехословацкой компартии «Руде право» был вынужден выступить с успокаивающим разъяснением.

В отношении Польши Андропов, а затем и Черненко, продолжали придерживаться политического курса, принятого еще при Брежневе оказывать постоянное давление на

правительство Ярузельского для ликвидации движения «Солидарность» и подавления всякой оппозиции в стране, не прибегая, однако, к прямому вмешательству, которое могло бы лишь воспламенить обстановку.

Переговоры об урегулировании отношений с Китаем, начавшиеся довольно успешно, обернулись затем длительными разговорами, не приведшими ни к каким политическим результатам. Камнем преткновения, как и прежде, была поддержка Советским Союзом противника КНР Вьетнама и конфликт, возникший вокруг Кампучии.

Ухудшились отношения с Японией из-за размещения новых советских ракет в азиатской части СССР и близ Хоккайдо на острове Эторофу и отказа СССР вести переговоры о возвращении Японии суверенитета над четырьмя островами из группы Курильских, отошедших к СССР в результате поражения Японии во Второй мировой войне.

Плохие отношения СССР с внешним несоветским миром приняли неожиданно почти кризисный характер в связи с гибелью в ночь на 1 сентября 1983 года корейского пассажирского самолета КАЛ-007. Авиалайнер, совершавший рейсовый полет из Нью-Йорка в Сеул, отклонился от курса и, пролетая над советской территорией, был сбит советским перехватчиком над Японским морем. Погибли экипаж и 269 пассажиров, находившихся на борту самолета. Сначала советское правительство замолчало самый факт уничтожения самолета, а затем заявило, будто самолет выполнял шпионскую миссию Центрального разведывательного управления США, и был сбит за нарушение «священных советских границ». Расследование, проведенное независимой Международной организацией гражданских пилотов, отвергло советское утверждение о «шпионской миссии» и установило, что отклонение от курса было вызвано неполадками в автоматически действующих приборах.

Советский Союз от фактов отмахнулся. Они его нисколько не смущали. Важно было раз и навсегда показать, что СССР непоколебим, фактами его не проймешь.

Начальник советского генерального штаба маршал Н. Огарков заявил на пресс-конференции в Москве, что охрана «священных, неприкосновенных границ нашей страны и нашей политической системы» ценнее жизни пассажиров самолета. Уничтожение авиалайнера с пассажирами на борту было официально объявлено примером для подражания и поставлено в один ряд со сбитым в 1960 году американским разведывательным самолетом капитана Пауэрса. Однако для СССР границы других государств оказываются не столь уж священными: советские подводные лодки постоянно ведут разведку в территориальных водах Швеции и Норвегии (задержанная в Швеции в 1982 году советская подводная лодка была мирно отпущена, хотя шведские власти могли лодку и конфисковать, и уничтожить), советские боевые самолеты постоянно вторгаются из Афганистана в воздушное пространство Пакистана. Но дело ограничивалось протестами. Такова нормальная процедура в мирное время. Советский Союз показал в инциденте с корейским авиалайнером, что он полон решимости навязать остальному миру свои собственные правила поведения. ООН не смог принять резолюцию, осуждающую уничтожение авиалайнера, так как советский представитель воспользовался правом вето. Международная организация пилотов гражданской авиации призвала к бойкоту Аэрофлота. Некоторые страны запретили приземление советских самолетов, но бойкот продолжался недолго.

Согласно одной из легенд, распространенных об Андропове до его прихода к власти, председатель КГБ возражал против вторжения в Афганистан. Предсказывали, что с приходом Андропова конфликт будет улажен и войска выведены. На деле же война против афганского народа приняла еще более жестокий характер с применением тактики выжженной земли, уничтожением мирных жителей, пытками и убийствами под руководством и наблюдением советских военных инструкторов и пыточных команд КГБ.

Число афганских беженцев, вынужденных покинуть родную землю, достигло в 1983 году 4-х млн., что составляет четвертую часть населения Афганистана. При Андропове политика в Афганистане приняла более целеустремленный и изощренный характер. В СССР было отправлено не менее 10 тыс. афганских юношей и девушек для воспитания их в нужном СССР духе. Подкуп и попытки разложения племенной верхушки, сеяние раздоров между афганскими группами сопротивления стали более настойчивыми. Весьма ограниченная помощь, оказываемая свободным миром сопротивлению афганского народа помогают СССР в его политике. Постоянный нажим, оказывается на Пакистан, который очутился как бы между двумя огнями: СССР и Индией. С последней у СССР существует военный договор. И хотя сопротивление афганцев стало более организованным и начала осуществляться координация боевых действий различных групп, ситуация остается для афганцев крайне тяжелой.

Поддержку освободительной борьбе афганцев оказали советские диссиденты: они развернули разъяснительную работу среди советских солдат, находящихся в Афганистане, о целях агрессии СССР В. Буковский, В. Максимов и другие приняли участие в создании радиостанции «Свободный Кабул»: она обращается непосредственно к советским солдатам, посланным в Афганистан. Была достигнута, по словам Буковского, основная цель: снабжение афганского населения и советских войск свободной, нецензурированной информацией.

Население СССР оставалось безучастным к войне в Афганистане вероятно потому, что советские потери относительно невелики (2000 убитых в год), облегчая тем самым ведение агрессивной несправедливой войны против афганского народа.

В самом Афганистане положение оставалось неопределенным: Советский Союз не может победить афганцев, а афганцы недостаточно сильны, чтобы изгнать советских захватчиков со своей территории и недостаточно политически объединены, чтобы создать подлинно национальное правительство в противовес кабульскому.

В Центральной Америке активизация политики США, направленной на сдерживание попыток советизации ряда стран, принесла свои плоды. Политика СССР в этом регионе отличалась раньше известной осторожностью и склонностью к маневрированию, ибо помимо Кубы СССР не на кого было опереться. Революцию сандинистов в Никарагуа, повстанческое движение в Сан-Сальвадоре, явившееся результатом развития внутренних сил, необходимость и неотвратимость перемен — СССР и Куба пытались использовать в

сил, необходимость и неотвратимость перемен — СССР и Куба пытались использовать в своих интересах. Серьезные просчеты политики США в Центральной Америке и широко распространенный антиамериканизм, помогали им в этом, хотя и ограниченно, так как среди латиноамериканцев распространена подозрительность и по отношению к советским намерениям, особенно в связи с той крайне незначительной помощью, которую оказывает СССР слаборазвитым странам. В то же время на Кубе, в Никарагуа, в Сан-Сальвадоре «левые» охотно копируют советскую технику обработки масс. На острове Гренада в Карибском бассейне Кубе и СССР удалось в начале 80-х годов начать сооружение своего предмостного укрепления. (В 1979 году здесь был установлен марксистский режим Мориса Бишопа.) Очень скоро гренадское правительство заключило секретные военные соглашения с Кубой, СССР и Северной Кореей о поставках оружия, военных материалов, оборудования и об обучении гренадской армии. О возросших надеждах СССР в Центральной Америке доверительно говорил маршал Н. Огарков начальнику штаба гренадской армии Луизону: «Более 20 лет тому назад в Латинской Америке была только одна Куба. Сегодня — Никарагуа, Гренада и серьезная битва идет в Сан-Сальвадоре... Советский Союз будет способствовать повышению боеготовности и боеспособности вооруженных сил Гренады». В 1983 году разгорелась острая межфракционная борьба среди верхушки правящей партии. Как и полагается в марксистско-ленинской партии, руководители начали обвинять друг друга в «правом оппортунизме», «безыдейности», «скатывании» и прочих грехах, совсем как в «больших» коммунистических партиях. И финал был сходный: глава партии и правительства Морис Бишоп был убит своими соперниками (19 октября 1983 года). Кровавые события на острове привели к вооруженному вмешательству США и соседних карибских стран. Подавляющее большинство жителей острова (население — 112 тыс. чел.) приветствовали избавление из-под власти нового диктатора Коарды. На острове были обнаружены большие запасы оружия и амуниции, во много раз превышающие потребности небольшой гренадской армии.

В отношениях с Западом Андропов не показал себя умелым и гибким политиком (не исключено, однако, что большое влияние на иностранные дела продолжал оказывать министр иностранных дел А. А. Громыко, сделанный заместителем председателя Совета министров СССР). Андропов переоценил значение антисоветских и пацифистских движении, политика «с позиции силы» и демонстрация ее во время всеобщих выборов в Германии помогла европейцам лучше понять смысл советских намерений отделения Европы от США, Германии от НАТО, народов от их правительств. Отказ СССР от ведения переговоров об ограничении ядерных вооружений до вывода американских ракет из Европы продемонстрировал растерянность советского политического руководства и никак не был компенсирован затем многочисленными «инициативами» в области внешней политики.

Разочарование постигло Андропова и в другой, более профессиональной сфере его деятельности: массовая засылка советских шпионов на Запад, осуществленная в годы пребывания Андропова на посту председателя КГБ, обернулась их массовой высылкой в месяцы правления генсека Андропова. К концу января 1984 года было изгнано 135 советских шпионов из 21 государства (1981 — 27, 1982 — 49). Весьма вероятно, однако, что применение массовости в засылке советской агентуры на Запад, позволило закамуфлировать внедрение в западную структуру ассов советского шпионажа.

* * *

Попытка создания кубино-советского опорного пункта на Гренаде еще раз подтвердила, что в основе внешней политики СССР по-прежнему остается распространение советизма повсюду, где тому открываются благоприятные обстоятельства. В Москве научились извлекать выгоду из промахов и ошибок своих противников, подогревать и эксплуатировать антиамериканизм, недовольство народов развивающихся или отсталых государств своими социальными условиями.

660 военных кораблей советского океанского флота, бороздящие воды океанов и морей, подтверждают готовность СССР в любой момент протянуть щупальцы своей экспансии.

В начале 80-х годов советские идеологи совершенствуют сообразно с изменившимися условиями и потребностями советской внешней политики, концепцию мирного сосуществования государств с различными социальными системами. Вырабатывается «философия мира», и в соответствии с ней определяются задачи советских вооруженных сил. Западные государственные деятели исходят из предпосылки, что мир состоит из советской зоны, зоны свободного мира и Третьего мира. Советская концепция иная: между советским и капиталистическим миром нет никакого Третьего мира, а есть бывшие колониальные страны, примыкающие к той или другой системе. Каждая система стремится опереться на эти страны. Таким образом, самостоятельная роль этих государств полностью исчезает. Для СССР это своего рода буферная зона, в которой он ведет наступление. Советский Союз за мир, но против «замирения», за мир, поскольку историческая победа социализма уже обеспечена, а социализм — это мир. Но СССР не просто за мир, а за мир «справедливый». Вводится новое понятие: «справедливого» и «несправедливого» мира, раньше марксистская фразеология проводила разделение лишь между «справедливыми» и «несправедливыми» войнами. «Несправедливый мир» — это мир без войны, его советская идеология отвергает, «ибо сохранение такого мира имеет свою цену, которую угнетенные нации и классы вправе отвергнуть». Советский Союз борется, в том числе и военными средствами, за «справедливый мир», т. е. за победу социализма во всем мире. «Мы уверены в том, — заявил один из претендентов на пост генсека и самый молодой из членов Политбюро (ему 52 года) М. С. Горбачев, — что нельзя остановить социальный прогресс, нельзя помешать историческому процессу перехода человечества к социализму. А социализм — это мир». Но «мир», согласно новым установкам партии, это, оказывается, — «война»! Отвергая пока термоядерную войну, как средство достижения глобальных целей Советского Союза, от самих целей СССР отнюдь не отказывается. Как заявил заместитель начальника Главного политического управления армии и флота адмирал А. Сорокин, одна из важнейших задач советских вооруженных сил «защита мира во всем мире», т. е. фактическое узаконение Советским Союзом права на военное вмешательство повсюду, где этого потребуют интересы интерпретируемого по-советски «справедливого мира».

Принцип же мирного сосуществования двух систем создает, по откровенному признанию

советских идеологов, «максимально благоприятную обстановку для проведения прогрессивных изменений в мире».

Отсюда вполне логично современная советская военная доктрина определяет наличие для капиталистического мира двух фронтов: внешний фронт, который образует СССР, его союзники и сателлиты, и внутренний фронт, состоящий из участников антивоенных движений. Единство действий обоих фронтов представляется наиболее эффективным для действий против «агрессивных устремлений империализма», т. е. против свободного мира.

Последнее каррэ

В тщательно разработанном плане достижения высшей власти, Ю. Андропов не учел лишь один элемент — здоровье. Неизвестно, был ли он смертельно болен в момент избрания или напряжение новой работы ускорило развитие болезни. Известно, что 9 февраля 1984 г., как сообщило на следующий день ТАСС, Юрий Владимирович Андропов, генеральный секретарь ЦК и председатель президиума Верховного Совета СССР скончался после тяжелой болезни.

Можно спорить — 15 месяцев у власти достаточный ли это срок, чтобы проявить индивидуальность, наложить свой отпечаток на формы руководства, если не на характер политики. Неоспоримо, что Юрий Андропов обманул большие ожидания: все, кроме незначительных деталей, осталось без изменений.

13 февраля 1984 г. Константин Черненко на три года старше предшественника был избран новым генеральным секретарем ЦК КПСС. После смерти Андропова имелось три «законных» претендента. Кроме Черненко (рожд. 1911), членами Политбюро и секретарями ЦК были Михаил Горбачев (1931) и Григорий Романов (1923), введенный в Секретариат в июне 1983 г. Вопрос стоял: продлить переходный период или открыть путь к высшей власти новому поколению руководителей? Второе решение имело свои

преимущества, с точки зрения интересов государства. Оно имело колоссальный недостаток: выход к власти «молодых» неизбежно лишал власти «немолодых». Кандидатура Черненко на пост генерального секретаря была предложена старейшим членом Политбюро председателем Совета министров Н. Тихоновым (1905). За ним стояли А. Громыко (1909), Д. Устинов (1908), Д. Кунаев (1912), В. Гришин (1914).

Избрание Черненко было логическим результатом тотальной власти партии в стране: если партия управляет всем, то естественно, что те, кто управляют партией, стремятся сохранить свою власть до биологического конца. Совершенно естественно, что в те годы, когда власть партии была молода — в первые послереволюционные десятилетия — ее руководство было молодым. По мере старения власти партии стареют и те, кто держит ее в своих руках.

Брежневская конституция 1977 г., законодательно закрепившая верховную нераздельную власть партии в Советском Союзе, стала основанием для автоматического избрания генерального секретаря председателем Верховного Совета СССР: вождь партии становится и формально главой государства, председателем органа, являющегося коллективным президентом страны. После Брежнева и Андропова был избран — 11 апреля 1984 г. — председателем Верховного Совета К. Черненко. Он стал первым генеральным секретарем, не имеющим никакого другого опыта, кроме опыта партийной работы. Константин Черненко, как гласит официальная биография, родился в сибирской деревне. Несмотря на звучащую по-украински фамилию указывает в паспорте свою национальность — русский. В молодости стал комсомольским работником, затем был переведен в партийный аппарат. Во время войны занимал посты секретарей областных комитетов партии, так и не увидев фронта. В 1950 г. произошла встреча, решившая судьбу Черненко. Работая в аппарате ЦК молдавской компартии, он встретился с Брежневым. К этому времени Черненко окончил высшую школу партийных организаторов при ЦК КПСС, а также получил диплом педагогического института в Кишиневе, где был важным партийным функционером. С 1950 г. Черненко не покидает Брежнева. Когда Брежнев в 1964 г, становится генеральным секретарем, карьера верного соратника идет неудержимо вверх: заведующий отделом ЦК, секретарь ЦК, член Политбюро (с 1978 г.)

Год деятельности на посту генерального секретаря ЦК ознаменован во внутренней жизни страны принятием двух законов. В апреле 1984 г. был утвержден опубликованный в январе, еще при Андропове, проект «реформы общеобразовательной и профессиональной школы». Закон о «школе в условиях развитого социализма», подчеркивает неизменность цели: «Незыблемой основой коммунистического воспитания учащихся является формирование у них марксистско-ленинского мировоззрения». Практические меры, направленные на осуществление цели, предусматривают, снижение возраста поступления в школу с 7 до 6 лет и тем самым усиление идеологической обработки детей; направление — по решению школы — значительной части учащихся в сеть профессионального образования для сокращения числа поступающих в вуз и преодоления таким образом кризиса рабочей силы; улучшение преподавания русского языка. Третья цель реформы школы связана с тем, что как писал маршал Огарков: «В вооруженных силах, как известно, все уставы, наставления, учебные пособия, руководства по боевой технике и оружию изложены на русском языке. Приказы, распоряжения, команды также отдаются на русском языке». Необходимость улучшения обучения языку военной команды — очевидна.

Второй закон связан с хронической советской проблемой — сельским хозяйством. К. Черненко нашел очередной чудодейственный способ ее решения. Выступая на пленуме ЦК в октябре 1984 г., генеральный секретарь прежде всего отметил, что Советскому Союзу «приходится вести сельскохозяйственное производство... в непростых условиях». Он имел в виду, что страна зрелого социализма, раскинувшаяся от Тихого океана до Гиндукуша, расположена в неудачном климатическом поясе. Черненко предложил «подлинно новаторские и творческие подходы»: долговременную программу мелиорации. Программа предусматривает орошение и осушение миллионов гектаров, строительство каналов, переброску «части стока северных и сибирских рек, а также реки Дунай на орошение земель в центральных и южных районах страны, в Зауралье и Западной Сибири...»

К. Черненко, представляя программу мелиорации, гордо подчеркнул: «Раньше мы не

могли и мечтать о том, чтобы ставить и решать на селе подобные задачи...» Это утверждение не соответствует полностью истине. 6 ноября 1951 г. Лаврентий Берия на торжественном заседании по случаю 34-й годовщины Октября, предложил еще более грандиозную программу мелиорации. Черненко прав лишь в одном, в сталинские времена нельзя было мечтать об осуществлении проекта переброски северных и сибирских рек Оби, Иртыша, Енисея на юг. Технические возможности появились в результате освоения ядерной энергии. Четверть века идут ожесточенные споры относительно проекта «переброски рек». Осуществление сталинской программы «преобразования природы», включающей строительство гигантских гидростанций, плотин, каналов, а затем хрущевская программа «освоение целины» нанесли страшный удар по природе. Экологические последствия переброски северных рек на юг, что повлечет за собой резкое снижение количества воды, впадающей в Ледовитый океан и повышение его температуры, могут оказаться для планеты более серьезными, чем ядерная война.

Программа новых фараонских работ выполняет ряд функций: она подменяет реформы, создавая видимость «решения сельскохозяйственной проблемы»; она относится к такого типа деятельности, которая идеально соответствует советской модели планового хозяйства, позволяя мобилизовать «энтузиазм» и широко использовать малоквалифицированную рабочую силу, в первую очередь, заключенных. Немалое значение играет желание генерального секретаря соединить свое имя с «великой стройкой коммунизма». Так делал Сталин, так делал Хрущев, так поступил Брежнев, увековечив себя сооружением «стройки века» — Байкало-Амурской магистрали (БАМ), бессмысленной с экономической точки зрения, имеющей возможно ограниченное стратегическое значение.

Первый год правления Черненко мало отличается от предыдущих лет: сохраняется в масс-медиа риторика «борьбы с коррупцией», но она перестала задевать даже средний аппарат, спустившись в «народные массы» — судебные органы выполняют план арестов за «коррупцию», сажая в тюрьмы всех на кого имеется «материал», прежде всего доносы. Резкое ожесточение системы, проявившееся в обострении уголовного кодекса, осуществленном Андроповым, сопровождается озверением тюремно-лагерного начальства. Стали повседневной практикой пытки, бесчеловечные избиения арестованных, специальные «пресс-камеры», куда заключенных бросают в полную власть уголовных преступников. Только за вторую половину 1984 г. в советских лагерях было убито (стало известно об их смерти) или залечено насмерть пять известных диссидентов: один из инициаторов создания свободных профсоюзов в СССР инженер Алексей Никитин, один из основателей украинской Хельсинкской группы учитель Олекса Тихий, публицист и поэт Юрий Литвин, также член этой группы; журналист Валерий Марченко, поэт Валентин Соколов, подписывавшийся Валентин Зэка, ибо он провел в ГУЛаге 34 года.

К. Черненко унаследовал от своего предшественника основную внешнеполитическую задачу: борьбу против американских ракет в Западной Европе и против переизбрания Рейгана. В ноябре 1984 г., обращаясь к руководителям молодежных организаций социалистических стран, Черненко изложил свою позицию: «Если положение в мире вызывает тревогу, то ответственность за это целиком и полностью несет империалистическая реакция во главе с США. Именно США и их союзники задались бредовой целью добиться военного превосходства над социалистическими государствами. Понятно, что мы этого допустить не можем. И мы этого не допустим». Ровно через месяц Черненко принял «видного представителя американских деловых кругов» Арманда Хаммера и «подчеркнул, что Советский Союз последовательно придерживается линии на установление равных, добрых отношений с США... за развитие взаимовыгодных связей во всех областях, включая торгово-экономическую, если будут устранены созданные на этом пути искусственные препятствия».

Можно предположить, что «искусственные препятствия» были устранены, ибо 7 и 8 февраля 1985 г. в Женеве состоялась встреча между министром иностранных дел СССР Громыко и государственным секретарем США Шульцем. Беседы в Женеве закончились договоренностью начать переговоры о разоружении, которые были прерваны Советским Союзом 14 месяцев назад. В то время как в Женеве шли совершенно секретные разговоры, в Москву прибыла — впервые после 1978 г. — правительственная делегация США для ведения переговоров о расширении торговых связей. Одновременно правительство США предполагает предложить Москве совместный космический полет типа миссии Союз-Аполлон, обозначившей в июле 1975 г. высшую точку «детанта».

Минуло пять лет после вторжения советских войск в Афганистан. Но забыты Афганистан, подавление «Солидарности» в Польше, сбитый южно-корейский самолет — начинается новый очередной цикл «детанта».

Гвардия «железных стариков» — руководящее ядро Политбюро решило защищать свою власть до последнего издыхания. Уже К. Черненко несколько отклоняется от модели «ленинско-сталинского» типа. Приходится, например, сочинять совершенно фантастические военные подвиги, совершенные в 1930 г. на забытой Богом и людьми пограничной заставе в Казахстане будущим генеральным секретарем.

К. Черненко заканчивает эпоху второго поколения советских руководителей. Идет неудержимо, ибо даже Политбюро не дает бессмертия, третье поколение. Приходит время генеральных секретарей, родившихся, выросших, пробившихся к высшей власти в советское время. С ними теперь связывают надежды неистребимые оптимисты. На их либерализм, демократизм, технократизм рассчитывают, прежде всего, на Западе. Визит Михаила Горбачева в Великобританию в декабре 1984 г. красноречиво демонстрирует, как легко обворожить Запад. Достаточно было тому, кого называют «№2», привезти с собой жену, внешне мало отличающуюся от западных женщин, как стало очевидно, если у Горбачева не толстая жена, то разговоры о советском тоталитаризме — лживы.

В конце 20-х гг. Бухарин назвал Сталина «Чингиз-хан с телефоном». Советский Союз ушел далеко за минувшие полвека: новые руководители будут пользоваться электронно-вычислительными машинами.

Заключение

Приближаясь к своему 70-летию, государство, рожденное в октябре 1917 года, завершает восьмое десятилетие XX века как последняя мировая империя. Над советской зоной — от Кубы до Вьетнама, от Чехословакии до Анголы — никогда не заходит солнце

Семьдесят лет — незначительный отрезок в тысячелетней истории России. Но в эти страшные, кровавые, трудные годы — в ленинское пятилетие, три сталинских десятилетия, одно хрущевское и два брежневских и его преемников — сложилась система, неизвестная человечеству. В первые тридцать лет ее существования, когда в мире было лишь одно социалистическое государство — Советский Союз, многим казалось, что только русская история, география и русский менталитет способны породить советскую утопию.

После Второй мировой войны история поставила чудовищно жестокий опыт: были разрезаны надвое страны и каждая из половинок начала жить в разном мире — в утопии или в реальности. Опыт удался: независимо от исторических традиций, от географии и национальных особенностей во всех странах, где установлена социалистическая система советского типа — результаты одинаковы. Лев Толстой начал *«Анну Каренину»* психологическим наблюдением: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Все социалистические страны похожи друг на друга наличием единой партии, которая всем руководит и ни за что не отвечает, полицейской системой, пронизывающей все клетки общества, низким жизненным уровнем.

Советский Союз — сердце социалистической системы, является одновременно ее моделью. Страны, входящие (и вовлекаемые) в советскую зону, повторяют, как правило, эволюцию Советского Союза, как человеческий эмбрион повторяет в утробе матери эволюцию человеческого рода. Поэтому история СССР представляет особый интерес.

Почти семь десятилетий истории, в том числе брежневское восемнадцатилетие в условиях «детанта» и благожелательного отношения Запада, окончательно определили характер СССР, выявили все особенности победившей утопии. Значительные внешнеполитические успехи не позволили решить ни одной внутренней проблемы.

Советская система показала себя непригодной для решения экономических, социальных, национальных проблем.

Вторая индустриальная держава мира, как нередко называют СССР, не может прокормить свое население и сохраняет внешнеторговую структуру дореволюционной России: вывозит главным образом сырье и ввозит промышленное оборудование. Государство, объявившее своей целью построение бесклассового общества, создало предельно иерархическое, кастовое общество. Многонациональная империя, управляемая из центра, не решила национального вопроса ни внутри СССР, ни в странах «лагеря» — меняющийся демографический баланс усиливает сложность и напряженность конфликтов.

«Спокойное» брежневское восемнадцатилетие продемонстрировало невозможность выхода из внутриполитического кризиса. Каждое движение в сторону — в сторону реформ или усиленных репрессий нарушало равновесие и начинало грозить фундаменту системы. Стала очевидной полная автоблокировка системы: особенно наглядно проявилось это в области экономики. Каждая реформа оказывалась неосуществимой, ибо децентрализация грозила развалом, излишняя централизация грозила полной остановкой. КГБ удалось нанести тяжкий удар родившейся в годы «разброда и шатаний» после смерти Сталина общественной мысли. Но тотальный террор сталинской эпохи был сменен выборочным ползучим террором брежневской эры. В дополнение к тюрьмам и лагерям стали использоваться психиатрические больницы и эмиграция — мера менее жестокая.

Советское государство боится резких движений внутри страны. Стремится во внутренней жизни к энтропии. Но энтропия — это смерть. И Советский Союз находит необходимую для жизни энергию во внешнеполитических акциях, в экспансии. Экспансия становится единственной формой жизни «зрелого» социализма.

Советские руководители органически враждебны Западу и отказывают ему в праве на существование в его нынешней форме. Запад нужен им, как объект вражды, он нужен — «четвертая зона» — как потенциальная добыча и одновременно он необходим, как единственный источник помощи для преодоления временных хронических трудностей.

Формула Маркса о взаимозависимости базиса и надстройки нашла непредусмотренное осуществление в социалистической утопии, создающей у себя надстройку на базисе, который находится в другом месте — на Западе.

Главная задача, которую поставили перед собой отцы Октябрьской революции заключалась в создании Нового Человека, Гомо Советикус. Л. Брежнев на XXV съезде (1976) назвал «важнейшим итогом прошлого шестидесятилетия» — советского человека. Генеральный секретарь ЦК был совершенно прав. На протяжении шести десятилетий главные усилия партии были направлены на «советизацию» человека. Только на первых порах «советизация» означала принуждение граждан верить в доктрину. Процесс «советизации» заключается в том, что граждан приучали принимать как должное их положение, воспитывать в них убеждение, что каждое изменение может быть только изменением к худшему. «Моральное закабаление населения, — пишет Лешек Колаковски, — происходит не тогда, когда народ или значительная его часть начинает верить в официальную идеологию, а когда он погружается в безнадежность». Академик Сахаров в 1980 году, после вторжения в Афганистан, с горечью писал: «Население страны безропотно принимает все нехватки — мяса, масла, многого другого; терпит вопиющее социальное неравенство элиты и народа, терпит произвол и жестокость властей... Молчит при несправедливых расправах над инакомыслящими (иногда злорадствуют), молчит при любых внешнеполитических акциях». Таков портрет советского человека — итог шестидесятилетия. Люди, потерявшие надежду на лучшее будущее и живущие в страхе перед завтрашним днем, — одна из причин стабильности советской системы.

Создана новая общность людей, каждый из которых не имеет никаких прав и в то же время обладает крупицей власти — может плохо работать, может доносить на соседа, продавец может издеваться над покупателем, чиновник над просителем, можно воровать

продавец может издеваться над покупателем, чиновник над просителем, можно воровать, давать и получать взятки. Крупица власти, которую государство, прикрыв глаза, оставляет гражданам, это всегда — злоупотребление, обход официального законодательства.

Секретарь ЦК КПСС по идеологии М. А. Суслов, выдвинувшийся на авансцену политической жизни во время Большого террора 30-х годов и управлявший идеологией более 30 лет, перечислил особенности советского образа жизни (разумеется назвав их «враждебными явлениями») в следующем порядке: «...пьянство, хулиганство, тунеядство, стремление урвать побольше от общества, ничего не давая ему, злоупотребление служебным положением, стяжательство и взяточничество, бесхозяйственность и расточительность, бюрократизм и бездушное отношение к людям». Бездушное отношение к людям секретарь ЦК поставил на последнее место.

Причина стабильности режима — новый «общественный договор», неизвестный ранее истории — граждане отдают государству свободу в обмен на контролируемое государством право на злоупотребление. Государство при этом гарантирует минимальные условия существования.

Причина стабильности режима и в том, что в его существовании заинтересована привилегированная часть общества — партийно-государственная бюрократия, генералитет армии, государственная безопасность, коррумпированная верхушка рабочего класса, сановники академического мира и культуры, их семьи и их обслуга. Все они наделены теми или иными привилегиями, но подобно остальным советским гражданам — лишены прав.

Другая причина стабильности системы и ее внешнеполитических успехов состоит в том, что процесс «советизации» идет не только в СССР и странах социалистического лагеря. Распространяется по всему миру «советский» язык. Самые далекие от коммунистов партии создают свои «центральные комитеты» и «политбюро». Советская система видна миру в ее внешнеполитических акциях, в которых она, особенно в последнее десятилетие, выглядит победителем. Победитель пугает и привлекает. Советский менталитет начинает распространяться по земному шару: принимать все что происходит сегодня как должное, ибо завтра может быть только хуже. Настроение пораженчества, уже пустившее глубокие корни в Западной Европе, постепенно перекочевывает и в Азию. Японский экономист проф. Мичио Морисима, размышляя о возможностях советского вторжения в Японию, предложил: «Когда русские придут, встретим их спокойно с белым флагом в одной руке и с красным в другой. Даже под советской властью может быть, без всякого сомнения, создана социалистическая, но жизнеспособная экономика, если только мы достойно встретим поражение».

Наконец, причина стабильности режима — нужда в нем Запада для сохранения в мире равновесия сил, в его западном понимании.

И все же Прошлое, Настоящее и Будущее связано с Человеком.

Будущее Советского Союза и будущее человечества во многом зависит от удачи или неудачи процесса «советизации» человека. Обитатели утопии, изображенной Замятиным в романе *«Мы»* счастливы, но процесс полной «советизации», окончательного их превращения в винтики государственной машины, завершается после небольшой операции в мозгу.

История Советского Союза — это история общества и государства, порабощенных партией, это история государства, поработившего общество, это история партии, овладевшей государством для создания такого типа человека, который позволил бы ей вечно сохранять Власть, это история Сопротивления Человека.

Успехи системы очевидны. Но история не остановилась. Память о прошлом позволяет сохранить надежду.

1982 г.

Примечания:

4

Троцкий вспоминает, что через несколько дней после прихода к власти Ленин «в комическом отчаянии» жаловался на еще существовавшую свободную печать, склонявшую на все лады большевистский лозунг «грабь награбленное». Но кто произнес эти слова? — с деланным удивлением спросил Троцкий. — Это выдумка? — «Нет, — возразил Ленин. — Я действительно однажды сказал «грабь награбленное», но затем сразу же забыл». А буржуазная печать — помнила. Да и народ ни один другой лозунг Ленина не принял с такой охотой.

5

Богатый фабрикант Н. П. Шмидт, член партии большевиков, умерший в 1905 году, оставил наследство сестрам. На старшей сестре, выполняя поручение партии, женился большевик В. Таратута, передавший деньги в партийную кассу. На младшей сестре тоже женился большевик. «Тифлисское мокрое дело» — нападение на кассира государственного банка, организованное Сталиным и осуществленное Камо, принесло большевистской кассе 250 тысяч рублей. Правда, деньги были в крупных купюрах и

большевики с трудом могли их реализовать за границей.

44

По подсчетам проф. Ригби среди вступивших в партию во время войны 32,1% могли быть отнесены к категории рабочих, 25,3% — к крестьянам и 42,6% — к служащим.

45

Проскрипция (лат. proscriptio от proscribere — «письменно обнародовать, оглашать») — в Древнем Риме — список лиц, объявленных вне закона.

46

Например, государственный план на 1941 г., случайно попавший на Запад, содержал все необходимые данные для установления роли империи ГУЛага.

47

Доклад Хрущева на закрытом заседании съезда никогда не был опубликован в открытой советской печати. Содержание доклада, однако, сразу стало известно за границей. Полный текст доклада был переведен на все основные языки.

48

Обсуждение возможности «упреждающего удара» против Китая было также связано с испытаниями атомной бомбы в Китае осенью 1964 г.

49

Хрущева сопровождала целая «бригада» писателей и журналистов, опубликовавшая в итоге книгу *«Лицом к лицу с Америкой»*, изданную в СССР большим тиражом. Авторы репортажа были награждены Ленинской премией.

50

С поразительной силой описано дело Пастернака, последние дни поэта, его смерть и похороны Лидией Корнеевной Чуковской в ее *«Записках об Анне Ахматовой»*.

51

Все же роман увидел свет. Он был опубликован швейцарским издательством «L'Age d'Homme» в 1980 г. под названием *«Жизнь и судьба».* Издание было подготовлено эмигрировавшими на Запад литераторами С. Маркишем и Е. Эткиндом. Он же написал вступительную статью.

52

Амальрик полагает, что в 1966—69 гг. более тысячи человек подписали различного рода заявления и письма с требованием соблюдения законности.

53

Недовольство в Польше, подавленное в 1968 г., находит свое продолжение в 1970 г., когда забастовки рабочих вынудили Гомулку передать власть Э. Тереку, а затем в 1976 и 1980 гг.

54

Александр Солженицын назвал «эффектом Киссинджера» пробуждение государственных деятелей Запада после их ухода с правительственных постов. Внезапно им открываются глаза.

55

В отличие от Сталина Мао опирался не на органы безопасности, а на фанатизированную молодежь, знаменитых «хунвейбинов». Но и Сталин широко использовал молодежь в борьбе с «врагами народа».

56

Василий Шуйский занял русский престол в 1606 г. и оставался на нем до 1610 г. Был свергнут и умер в Варшаве в 1612 г.

57

Система досрочного освобождения или условного освобождения, а затем направления на далекие стройки была введена в начале 60-х годов. В то время главными стройками были новые химические заводы. Отсюда выражения: «химия», «химики».

58

Инструкция о выкупе, ставшая широко известной на Западе, временно перестала применяться с середины 70-х годов.

Оглавление